ИНО-
ДЕТЕКТИВ

ФРЕДЕРИК ФОРСАЙТ

ПСЫ ВОЙНЫ

Псы войны

Фредерик Форсайт

Аннотация
Фредерик Форсайт. Псы войны
Пролог
Часть I. Хрустальная гора
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
Часть II. Сто дней
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17

Глава 18
Глава 19
Часть III. Большая бойня
Глава 20
Глава 21
Эпилог

Аннотация

Каждая книга Ф. Форсайта становилась не только литературным, но и общественным событием. Это, безусловно, относится и к роману «Псы войны», герои которого — иностранные наемники, сражающиеся на африканской земле. Поразительная достоверность книги объяснялась тем, что она была основана на военных впечатлениях самого автора, который скрупулезно воссоздал атмосферу реальной жизни, опираясь на подлинные факты и события, изображая живых людей. Впрочем, оказалось, что существует и «обратная связь».

В 1981 году на Сейшельских островах наемники пытались произвести переворот и свергнуть законное правительство. Они действовали точно по «рецептам» книги Ф. Форсайта. Путч был подавлен, но с тех пор выражение «псы войны» стало нарицательным для обозначения всех наемных военных формирований…

Фредерик Форсайт
Псы войны

Дадим сигнал посеять смуту псам войны.

Уильям Шекспир

Пусть ничего не говорят, когда умру,
И пусть печалиться не станут…
В могиле освященной я
Лежать не буду. Погребальный
Звон не нарушит тишину,
И вряд ли кто за мертвым телом,
Скорбя безумно обо мне,
Пойдет. И на мою могилу
Не высадят цветов…
Не вспомнит смерть мою никто —
Под сим подписываюсь я.

Томас Харди

Джорджио, и Кристиан, и Шли, и Большому Марку, и Черному Джонни, и всем другим в безымянных могилах.
По крайней мере, мы пытались…

Пролог

Ни звезды, ни луна не светили в эту ночь над окруженной кустами взлетно-посадочной полосой. Темнота, которая может быть лишь в Западной Африке, окутала теплым влажным бархатом разбросанные тут и там группы людей. Облачный покров почти касался вершин высоких арековых пальм, и ожидающие люди молили бога, чтобы облака не рассеивались как можно дольше, скрывая их от бомбардировщиков.

В конце взлетно-посадочной полосы старый потрепанный DC-4 только что совершил посадку на аэродромные огни. Они продолжали светить не более пятнадцати секунд после того, как самолет коснулся земли, развернулся и, слепо нащупывая путь, покатился к покрытым пальмовыми листьями баракам.

В небе в западном направлении пророкотал правительственный истребитель МиГ-17. Скорее всего, его пилотировал один из шести западногерманских летчиков, присланных в течение последних трех месяцев на замену египтян, панически боявшихся ночных полетов. Самолет

не был виден за слоем облаков, так же, как и взлетно-посадочная полоса была скрыта от глаз пилота. Он искал мерцающую цепочку аэродромных огней, вспыхнувших, чтобы принять приземлившийся DC-4, но они уже погасли.

Пилот выруливающего DC-4, не услышав над собой рев реактивного двигателя, включил свои собственные огни, чтобы разглядеть путь, но из темноты раздался встревоженный голос: «Гаси огни!» Тем не менее, пилот успел определить направление, а истребитель был уже далеко. На юге раздавался грохот артиллерийской канонады. Фронт там, наконец, был прорван. Люди, в течение двух месяцев не имевшие ни пищи, ни боеприпасов, бросили оружие и скрылись в поисках убежища в буше.

Пилот DC-4 остановил свой самолет в двадцати ярдах от «Супер Констеллейшна»[1], уже припаркованного на открытой площадке, выключил двигатели и спрыгнул на бетонное поле. К нему подбежал африканец, и, приглушенно переговариваясь между собой, они направились к одной из наиболее плотных групп, казавшейся черной каплей на фоне темного пальмового леса. При

---

[1] Примечания: 1

Американский среднемагистральный авиалайнер. Эксплуатируется с 1951 года (прим. ред.).

их приближении люди расступились, и белый пилот оказался лицом к лицу с одним из стоящих в центре африканцев. Он никогда не видел его раньше, но знал о нем, и даже в темноте, лишь слабо освещаемой огоньками нескольких сигарет, смог узнать человека, к которому прибыл.

Пилот был без фуражки и поэтому вместо того, чтобы отдать честь, лишь слегка наклонил голову. Он никогда раньше не приветствовал первым чернокожего и не мог объяснить себе, почему сделал это сейчас.

— Меня зовут капитан Ван Клиф, — представился он по-английски с характерным для говорящего на африкаанс акцентом.

Тот кивнул ему в ответ, и его густая черная борода коснулась на груди камуфляжной формы.

— Опасная ночь для полета, капитан ван Клиф, — сухо заметил он, — и уже поздновато для дополнительных поставок.

Голос звучал глубоко и неторопливо, а манера речи выдавала в нем не простого африканца, а человека, окончившего английское привилегированное учебное заведение, как оно и было на самом деле. Ван Клиф почувствовал себя неуютно и снова, что уже случалось сотни раз, пока он прорывался с побережья через гряды облаков,

спросил себя, зачем он сюда прилетел.

— Я ничего не доставил, сэр. Доставлять больше нечего.

Создался еще один прецедент. Он мог бы поклясться, что никогда не обратится к этому человеку «сэр». И уж никак не к кафру. Но только что у него это сорвалось. Да, они были правы, те другие наемные пилоты в баре отеля в Либервиле, которые уже с ним встречались. Этот человек был особенным.

— Так зачем же вы прилетели? — мягко спросил генерал. — Может быть из-за детей? Здесь есть несколько детей, которых сестры-монахини хотели бы отправить в безопасное место, но сегодня ночью налетов больше не предвидится.

Ван Клиф покачал головой, лишь потом осознав, что этот жест никто не увидит. Он был смущен и благодарил темноту за то, что она скрывала его замешательство. Сгрудившиеся вокруг него телохранители генерала защелкали затворами своих полуавтоматических карабинов.

— Нет, я прибыл, чтобы забрать вас. Если, конечно, вы этого захотите.

Наступила длинная пауза. Он почувствовал, как африканец пристально смотрит на него во мраке, поймав неожиданно его взгляд, когда один

из помощников затянулся сигаретой.

— Я понимаю. Это ваше правительство дало вам указание прилететь сегодня ночью?

— Нет, — ответил ван Клиф. — Это была моя идея.

Последовала еще одна длинная пауза. Генерал медленно покачивал головой в нескольких футах от него, что можно было расценить как понимание или недоумение.

— Я очень благодарен, — донесся его голос. — Добраться сюда было не просто. Но у меня есть собственный транспорт — «Констеллейшн». Надеюсь, что я смогу отправиться в изгнание на нем.

Ван Клиф почувствовал облегчение. Он не имел понятия, каковы бы были политические последствия, если бы он вернулся в Либервиль с генералом на борту.

— Я подожду, пока вы не взлетите, а потом отправлюсь сам, — сказал он и снова поклонился. Ему хотелось протянуть генералу руку, но ван Клиф не был уверен, стоит ли это делать. Если бы он знал, что генерал почувствовал себя в таком же затруднительном положении, то сделал бы это. Пилот повернулся и пошел назад к своему самолету.

После его ухода в группе чернокожих на какой-то момент наступило молчание.

— Почему Южная Африка и африкандер так поступают? — спросил, наконец, один из окружающих генерала людей. Их командир лишь коротко улыбнулся, сверкнув в темноте зубами.

— Не думаю, что мы когда-нибудь сможем это понять.

* * *

На краю открытой площадки под защитой группы пальм сидящие в «Лендровере» люди наблюдали за неясными силуэтами, двигающимися от зарослей к самолету. Командир сидел рядом с африканским водителем, и все неторопливо курили.

— Должно быть, это южноафриканский самолет, — сказал командир и обернулся к одному из четверых белых, расположившихся на заднем сиденье. — Джанни, пойди и спроси командира корабля, не найдется ли у него для нас места.

Высокий, худой и нескладный мужчина выбрался из автомобиля. Как и остальные, он был с головы до пят одет в зелено-коричневую лесную камуфляжную форму. Брюки заправлены в зеленые брезентовые сапоги. К поясу пристегнуты

фляжка, длинный охотничий нож и три подсумка для магазинов к карабину, болтавшемуся у него на плече. И карабин, и магазины были пусты. Когда он обошел «Лендровер» спереди, командир снова окликнул его.

— Оставь карабин, — произнес он, протянув руку за оружием, — и, Джанни, ради бога, постарайся. Если мы не выберемся отсюда на этом «гробу», через несколько дней из нас могут сделать отбивные.

Тот, кого звали Джанни, кивнул, поправил на голове берет и быстро направился к DC-4. Капитан ван Клиф не услышал, как он приблизился к нему, мягко ступая на своих резиновых подошвах.

— Naand, meneer[2].

Услышав произнесенные на африкаанс слова, ван Клиф резко обернулся, чуть не столкнувшись со стоящим позади него человеком. Даже в темноте он смог различить на его левом плече черно-белую эмблему с черепом и скрещенными под ним костями. Пилот насторожился.

— Naand. Jy Africaans[3]?

Высокий мужчина кивнул в ответ.

---

[2] Примечания: 2
Здравствуйте, господин (африкаанс).

[3] Примечания: 3
Здравствуйте. Вы из Южной Африки? (африкаанс).

— Жан Дюпре, — произнес он и протянул руку.

— Кобус ван Клиф, — ответил летчик и пожал протянутую руку.

— Waar gaan-jy nou[4]?

— В Либервиль. Как только они закончат погрузку. А вы?

Жан Дюпре ухмыльнулся.

— Мы с моими друзьями слегка застряли здесь. Попадись мы правительственным войскам, из нас наверняка сделают отбивные. Не сможете ли вы нам помочь?

— Сколько вас? — спросил ван Клиф.

— Всего пятеро.

Будучи сам наемником, хотя и пилотом, ван Клиф не колебался. Изгои общества порою нуждаются друг в друге.

— Хорошо, давайте на борт. Но поторапливайтесь. Мы взлетим сразу же следом за «Кони»[5].

Дюпре поблагодарил его и побежал трусцой назад к «Лендроверу». Четверо белых стояли кучкой у капота автомобиля.

— Все в порядке, но нам нужно сразу же садиться в самолет, — сообщил им южноафриканец.

---

[4] Примечания: 4
Куда вы летите? (африкаанс).

[5] Примечания: 5
Уменьшительное от «Констеллейшн».

— Хорошо, бросьте оружие в багажник и пошли, — приказал командир. Когда винтовки и прочая амуниция были свалены в багажник автомобиля, он обратился к сидящему за рулем чернокожему с нашивками младшего лейтенанта.

— Прощай, Патрик, — произнес командир. — Боюсь, что все кончено. Избавься от «Лендровера». Оружие закопай и заметь место. Сними форму и уходи в лес. Понял?

Лейтенант, который год назад был принят на службу в звании рядового и повышен благодаря своей способности управляться с ножом в бою лучше, чем за столом, угрюмо кивнул, выслушав распоряжения.

— Прощайте, командир.

Четверо остальных наемников, попрощавшись с шофером, направились к DC-4.

Командир уже было последовал за ними, когда из темноты его окликнули две монахини.

— Майор!

Наемник обернулся и узнал в первой из них сестру, с которой встретился месяц назад. В зоне, где находился возглавляемый ею госпиталь, завязался бой, и он был вынужден эвакуировать весь санитарный комплекс.

— Сестра Мари Джозеф? Что вы здесь делаете?

Пожилая ирландская монахиня начала взволнованно говорить, прижимая руки к груди. Он кивнул.

— Я попытаюсь, но ничего более сделать не смогу, — пообещал майор.

Он пересек площадку и подошел к южноафриканскому пилоту, стоявшему под крылом своего DC-4. Через несколько минут командир наемников вернулся к ожидающим его монахиням.

— Он согласился, но необходимо спешить, сестра. Надо поднять этот «гроб» в воздух как можно быстрее.

— Да благословит вас Господь, — сказала одетая в белое монахиня и отдала торопливые указания своей компаньонке. Та подбежала к хвосту самолета и начала приставлять короткую лестницу к пассажирскому люку. Вторая поспешила назад, скрывшись за пальмами, окружавшими площадку. Вскоре оттуда появилась группа мужчин. Каждый из них нес в руках сверток. Подойдя к DC-4, они стали передавать свертки стоящей на верхней ступеньке лестницы монахине. Второй пилот наблюдал, как она уложила первые три свертка вплотную друг к другу, составляя ряд вдоль фюзеляжа самолета. Затем неожиданно

начал ей помогать, принимая свертки из рук стоящих под хвостом самолета людей и передавая их внутрь.

— Да благословит вас Господь, — шептала ирландская монахиня. Один из свертков оставил на руке второго пилота след жидких зеленых экскрементов.

— Дьявол, — прошипел он, продолжая работать.

* * *

Оставшись один, командир группы наемников смотрел на «Супер Констеллейшн», по заднему трапу которого взбирались беженцы, в основном родственники руководителей потерпевших поражение повстанцев. В слабом свете, идущем из люка, он разглядел нужного ему человека. Когда он подошел, тот уже собирался вступить на трап, а остальные, на долю которых выпало остаться и искать убежища в лесу, ждали, чтобы его убрать. Один из них окликнул собиравшегося улетать человека.

— Господин, пришел майор Шеннон.

Генерал обернулся к Шеннону и даже в этот тяжелый час сумел усмехнуться.

— Ну что, Шеннон, не хотите присоединиться?

Майор вытянулся перед ним и отдал честь. В ответ генерал кивнул.

— Нет, сэр, спасибо. У нас есть транспорт в Либервиль. Я лишь хотел попрощаться с вами.

— Да. Это была долгая битва. Боюсь, что теперь все кончено. Во всяком случае на несколько лет. Трудно представить, что мой народ навсегда останется жить в рабстве. Между прочим, получили ли вы и ваши люди то, что вам полагается по контракту?

— Да, сэр, спасибо. С нами полностью рассчитались, — ответил наемник. Африканец мрачно кивнул.

— Что ж, прощайте. И спасибо за все, что вы смогли сделать.

Майор крепко пожал протянутую генералом руку.

— И еще одно, сэр, — добавил Шеннон. — Мы кое-что обсудили с парнями, пока сидели в джипе. Если когда-нибудь придет время… В общем, если мы снова понадобимся, дайте нам знать. Мы вернемся. Ребята хотят, чтобы вы это знали.

Генерал пристально посмотрел на него.

— Эта ночь полна сюрпризов, — медленно произнес он. — Возможно, вы еще не знаете, но половина моих старших советников, да и все

состоятельные люди перешли сегодня ночью линию фронта. Предав меня, они хотят снискать расположение врага. Не пройдет и месяца, как большинство оставшихся будут тоже смиренно просить пощады. Спасибо за ваше предложение, господин Шеннон. Я запомню его. Прощайте еще раз, и удачи вам.

Он повернулся, поднялся по трапу и исчез в неясном свете люка, когда, зачихав, ожил первый из четырех двигателей «Супер Констеллейшн». Шеннон отступил назад и в последний раз отдал честь человеку, на службе которого он состоял последние полтора года.

«Удачи тебе, — сказал он про себя, — она тебе понадобится».

Он повернулся и пошел назад к ожидавшему DC-4. Когда за ним захлопнулась дверь люка, ван Клиф запустил двигатели, оставаясь на парковочной площадке. Сквозь мрак он наблюдал, как смутный силуэт «Супер Кони» с опущенной вниз носовой частью вырулил на взлетную полосу и, разогнавшись, оторвался от земли. На обоих самолетах огни были погашены, но из открытой кабины своего «Дугласа» южноафриканский пилот смог проследить, как три стабилизатора «Констеллейшн» исчезли над пальмами в южном

направлении, поглощенные желанными облаками. Лишь после этого он направил к взлетной полосе DC-4, несущий свой громко плачущий и хныкающий груз.

Прошел почти час, прежде чем ван Клиф велел второму пилоту включить освещение в кабине. Весь этот час он метался от одной гряды облаков к другой, теряя и снова находя укрытие, стараясь не попасться в открытом, освещаемом луной пространстве рыщущим в небе МиГ-17. Он позволил включить свет только тогда, когда знал наверняка, что, оставив побережье во многих милях позади, они уже далеко над морским заливом.

За его спиной в зажженном свете открылась невообразимая картина, достойная лишь кисти Доре[6]. Пол кабины был покрыт промокшими и испачканными одеялами, в которые часом ранее было закутано содержимое свертков. Теперь это содержимое лежало двумя беспокойными рядами по обеим сторонам грузового отсека — сорок младенцев, сморщенных, ссохшихся, изуродованных хроническим недоеданием. Сестра Мари Джозеф поднялась со скамеечки у дверей кабины и засуетилась среди своих заморышей. На лоб

[6] Примечания: 6

Шоль Густав Доре — французский художник-иллюстратор, стиль которого отличался гротескностью, 1832–1883.

каждого из них сразу же ниже линии волос, уже давно из-за анемии приобретших желто-красный оттенок, была наклеена полоска пластыря. Несколько букв и цифр, нацарапанных шариковой ручкой, содержали сведения для сиротского приюта в окрестностях Либервиля — только имя и дату. Потерпевшим поражение большего не полагалось.

В хвосте самолета пятеро наемников, сощурившись от зажегшегося света, смотрели на своих попутчиков. За последние месяцы они видели подобное не раз. Каждый из них чувствовал отвращение, но никто не подавал виду. В конце концов, ко всему можно привыкнуть. Всегда то же самое, всегда дети — в Конго, Йемене, Катанге, Судане. И как всегда, ничего не поделаешь. Они равнодушно потянулись за сигаретами.

Впервые после захода солнца они смогли внимательно разглядеть друг друга. Форма пропитана потом и испачкана красноватой землей, лица выражают смертельную усталость. Командир сидел недалеко от туалета, спиной к двери, видя перед собой весь фюзеляж вплоть до кабины пилота. Карло Оскар Томас Шеннон, тридцати трех лет от роду, с очень коротко и неровно подстриженными светлыми волосами. В тропиках короткая стрижка удобна — легче стекает пот, и

в волосах не запутаются насекомые. Из-за первых букв своего тройного имени он получил кличку Кот Шеннон. Он был родом из графства Тирон в Северной Ирландии. Отправленный отцом учиться в английскую привилегированную школу, он говорил без характерного североирландского акцента. Прослужив пять лет в Королевской морской пехоте, Шеннон решил попробовать себя в гражданской жизни. Шесть лет назад он оказался в Уганде, работая на торговую компанию с главной конторой в Лондоне. Однажды солнечным утром он потихоньку закрыл свои бухгалтерские книги, забрался в «Лендровер» и двинулся на запад к конголезской границе. Неделю спустя Шеннон завербовался в пятый десантно-диверсионный отряд под командованием Майка Хора, базирующийся в Стенливиле.

Хор погиб на его глазах, и командование принял на себя Джон-Джон Петерс. Шеннон поссорился с Петерсом и подался на север, где в Паулисе присоединился к Денару. Два года спустя он принял участие в восстании в Стенвиле. После эвакуации в Родезию с ранениями головы он вместе с Жаком Шраммом по кличке Черный Жак — бельгийским плантатором, ставшим наемником, — совершил длительный поход в Букаву, а оттуда в Кигали.

Его репатриировал Красный Крест, после чего Шеннон ввязался в еще одну африканскую войну и, наконец, получил под командование собственный батальон. Но победа была уже упущена, он всегда упускал победу.

Слева от него сидел Большой Жак Дюпре, оспаривающий титул лучшего минометчика на севере Замбези. Двадцати восьми лет, родом из Паарля, в Капской провинции, отпрыск разорившегося рода гугенотов. Когда кардинал Мазарини покончил во Франции с религиозной свободой, его предки бежали от преследований на Мыс Доброй Надежды. Усталость прочертила глубокие морщины на изможденном удлиненном лице Жака. Резко выделяющийся клювообразный нос, казалось, еще больше навис над тонкогубым ртом. Над тусклыми голубыми глазами набухли тяжелые веки, выцветшие брови и волосы были в грязи. Посмотрев на детей, лежащих вдоль бортов самолета, он пробормотал: «Bliksems»[7], в адрес сразу всех, кто нес ответственность за боль на этой планете, и попытался заснуть.

Дальше за ним расположился Марк Вламинк — Крошка Марк, как его называли, подшучивая

---

[7] Примечания: 7
Ублюдки (африкаанс).

над могучим телосложением. Фламандец из Остенде, он даже в одних носках, случись ему когда-нибудь надеть их, возвышался над землей на шесть футов и три дюйма при весе восемнадцать стоунов[8]. Могло показаться, что он толстый, но это было не так. Полиция Остенде, состоящая из людей миролюбивых, склонных скорее избегать неприятностей, нежели искать их, вспоминала его с содроганием. А вот стекольщики и плотники испытывали к нему глубокую благодарность за ту работу, которую он им предоставлял. Уж если крошка Марк расходился в каком-либо баре, то, чтобы там снова навести порядок, требовался не один рабочий.

Сирота, он содержался в церковном приюте. Священники вбивали чувство уважения в башку переростка столь рьяно, что однажды в возрасте тринадцати лет Марк потерял терпение и ударом кулака свалил с ног одного из святых отцов, пытавшегося воспитывать его при помощи трости.

За этим последовало несколько исправительных заведений для несовершеннолетних, потом режимная школа-интернат, небольшой срок в тюрьме для подростков и, наконец, всеобщее

---

[8] Примечания: 8
Мера веса, 1 стоун = примерно 6,35 кг.

облегчение, когда Марка призвали в парашютно-десантные войска. Он был одним из пятисот ребят, выброшенных во главе с полковником Лореном на Стенливиль для спасения миссионеров, которых местный вождь племени Шимба[9] Кристов Гбени грозил зажарить живьем на центральной площади.

В течение сорокаминутного боя на аэродроме Крошка Марк нашел свое призвание в жизни. Спустя неделю он сбежал в самоволку, чтобы не возвращаться в казармы в Бельгию, и присоединился к наемникам. Не говоря уж о кулаках и плечах, Крошка Марк был незаменим со своей базукой — любимым оружием, с которым он обращался столь же легко, как мальчишка с духовым ружьем.

В эту ночь, когда он летел с окруженной врагами территории в Либервиль, ему стукнуло тридцать.

Напротив бельгийца сидел погруженный в свое обычное занятие, помогающее коротать часы ожидания, Жан-Батист Лангаротти. Низкого роста, худощавый, с оливкового цвета кожей, он был корсиканцем, родившимся и выросшем в городе

---

[9] Примечания: 9
Львы (на одном из восточноафриканских наречий).

Кальви. В возрасте семнадцати лет он был призван в армию и в числе ста тысяч appelés[10] попал на войну, которую вела Франция в Алжире. Прослужив половину из положенных восемнадцати месяцев, он подписал контракт как профессионал и позже перевелся в десятую колониальную парашютно-десантную дивизию генерала Массе — к пресловутым красным беретам или просто «les paras»[11]. Ему был двадцать один год, когда военная кампания потерпела крах. Тогда некоторые подразделения французской профессиональной армии под руководством армейской организации ОАС объединились вновь в борьбе за навечно французский Алжир. Он вступил в ОАС, дезертировал из армии и после провала апрельского путча 1961 года ушел в подполье. Три года спустя его схватили во Франции, где он жил по фальшивым документам, и отправили на четыре года в тюрьму. Ему были уготованы мрачные камеры сначала в парижской тюрьме Санте, затем в Туре и, наконец, в Иль де Ре. Он был плохим заключенным, доказательства чего два тюремщика будут носить на себе до гробовой доски.

---

[10] Примечания: 10
Призывники (фр.).

[11] Примечания: 11
Парашютисты (фр.).

Его не раз избивали до полусмерти за нападения на охранников. Без малейших надежд на амнистию ему пришлось отбыть полный срок. Вышел он в 1968 году, боясь на свете лишь одного — маленьких замкнутых пространств наподобие тюремных камер. Лангаротти поклялся себе, что больше никогда не окажется в тюрьме, даже если это будет стоить ему жизни. А уж отдать ее он намеревался не менее, чем за полдюжины тех, кто придет ее забирать. Через три месяца после освобождения он отправился в Африку, оплатив билет на самолет из собственного кармана. Там, уже воюя и будучи профессиональным наемником, он присоединился к Шеннону. Ему был тридцать один год. Освободившись из тюрьмы, он постоянно практиковался во владении оружием, с которым впервые познакомился еще мальчишкой на Корсике. Впоследствии оно создало ему определенную репутацию на улицах Алжира. На левом запястье он носил широкий кожаный браслет, напоминающий ремень для правки бритв, которым пользуются старомодные парикмахеры. Браслет застегивался на руке двумя кнопками. В минуты безделья он снимал его, переворачивал на обратную сторону и обматывал им левый кулак. Этот браслет помогал ему

коротать время в полете до Либервиля. В правой руке он держал нож — оружие с шестидюймовым лезвием и костяной рукояткой, который он умел так быстро снова прятать в ножны, что жертва не успевала осознать, отчего она стала трупом. Лезвие ритмично мелькало взад-вперед по натянутой коже браслета. Острое, как бритва, оно с каждым взмахом становилось еще чуть-чуть острее. Это занятие успокаивало его нервы. Хотя оно раздражало всех окружающих, возражений никогда не было. Да и вообще, мало кто решался возражать этому маленькому человеку с тихим голосом и грустной полуулыбкой.

Последним и самым старшим в их компании был немец. Курту Землеру было сорок. Именно он предложил эмблему с черепом и костями, которую носили наемники и их подопечные. Он отличился еще и тем, что очистил пятимильный участок от вражеских солдат, отметив линию фронта кольями с насаженными на них головами убитых накануне. Его участок оставался самым спокойным в течение месяца. Он родился в 1930 году, и его детство совпало с расцветом гитлеровской Германии. Отец — инженер из Мюнхена — впоследствии служил в Организации Тодта и погиб на русском фронте. В возрасте семнадцати

лет Курт Землер, будучи ревностным членом Гитлерюгенда, впрочем, как и любой другой юноша в этой стране, прожившей двенадцать лет под правлением Гитлера, получил под свою команду небольшое подразделение, состоящее из мальчишек и стариков старше семидесяти. Вооруженные одним фауст-патроном и тремя допотопными винтовками, они получили задание остановить танковую колонну генерала Жоржа Паттона. Неудивительно, что они потерпели неудачу. Юность его прошла в Баварии, оккупированной ненавистными ему американцами. Своей матери — религиозной фанатичке, мечтавшей видеть его священником — он уделял не очень-то много внимания. В семнадцать он сбежал, перешел французскую границу в Страсбурге и записался в Иностранный легион. Как раз в Страсбурге и находилась контора, где вербовали новобранцев: здесь легче было подбирать находившихся в бегах немцев и бельгийцев. Пробыв год в Сиди-бель-Абес[12], он отправился с экспедиционными силами в Индокитай. Восемь лет пребывания там

[12] Примечания: 12

Город на северо-западе Алжира, где до провозглашения независимости располагалась штаб-квартира Иностранного легиона.

и, наконец, — Дьен Бьен Фу[13]. В Туране (Дананге) хирурги отняли у него легкое и отправили во Францию, что позволило ему счастливо избежать последнего унижения в Ханое.

После выздоровления в 1958 году его послали в Алжир. В звании старшего сержанта он был направлен в самое элитное подразделение французских колониальных войск — Первый парашютно-десантный полк. Один из немногих, он уже дважды пережил почти полное уничтожение этого подразделения — в Индокитае, когда оно было батальоном, и позже, когда стало полком. Лишь двое людей на этом свете были достойны его уважения — полковник Роже Фольк и майор Ле Брас, еще один ветеран, командовавший теперь республиканской гвардией в Габоне, охраняя на благо Франции это богатое ураном государство.

Даже полковник Марк Родин, бывший однажды командиром Землера, потерял его уважение вместе с крахом ОАС.

Землер все еще служил в Первом парашютно-десантном полку, когда это подразделение обрекло себя на окончательную погибель, при-

[13] Примечания: 13

Деревня в северо-восточном Вьетнаме, где Вьетмин нанес французским войскам решительное поражение в 1954 году.

няв участие в алжирском путче. Доведенный до крайности Шарль де Голль навсегда расформировал полк. Землер последовал за своими французскими командирами и сразу же после провозглашения Алжиром независимости был схвачен в Марселе в сентябре 1962 года. Ему помогли четыре нашивки за участие в различных кампаниях, и в тюрьме он провел лишь два года. Выйдя оттуда и окунувшись впервые за двадцать лет в гражданскую жизнь, он получил предложение от бывшего сокамерника принять участие в контрабандных операциях в Средиземноморье. В течение трех лет, не считая года, проведенного в итальянской тюрьме, он переправлял спиртные напитки, золото и порой оружие из одного конца средиземноморского бассейна в другой. В конце концов, когда он неплохо заработал на контрабанде сигаретами, доставляя их из Италии в Югославию, его партнер надул одновременно покупателей и продавцов, свалил все на Землера, и исчез с деньгами. Разыскиваемый множеством воинственно настроенных джентльменов, Землер сумел переплыть в Испанию, сменив несколько автобусов, добрался до Лиссабона и нашел там приятеля, занимающегося торговлей оружием, который помог ему добраться до Афри-

ки. Из газет Землер узнал о ведущейся там войне, что его крайне заинтересовало. Шеннон взял его к себе, не задумываясь, оценив должным образом шестнадцатилетний опыт ведения боевых действий в джунглях. Теперь Землер дремал на борту летящего в Либервиль самолета.

До рассвета оставалось два часа, когда DC-4 подлетал к аэродрому. Среди детского шума можно было услышать еще один звук — свистел мужчина. Это был Шеннон. Его товарищи знали, что, собираясь на дело или возвращаясь, он всегда свистит. Знали они и название насвистываемой мелодии — однажды он им это сказал. Мелодия называлась «Испанский Гарлем».

* * *

Пока ван Клиф договаривался с наземной диспетчерской службой, DC-4 пришлось сделать два круга над аэропортом Либервиля. Стоило старому грузовому самолету замереть в конце взлетно-посадочной полосы, как перед его носом возник военный джип с двумя французскими офицерами. Из джипа ван Клифу просигналили, чтобы он следовал за ними по рулежной дорожке.

Они миновали основные здания аэропорта и приблизились к группе бараков в дальнем конце

аэродрома, где ван Клифу приказали остановиться, не выключая двигателей. Через несколько секунд к самолету подтащили трап, и второй пилот открыл изнутри задний люк. Один из французских офицеров залез внутрь и, почувствовав неприятный запах, с отвращением сморщил нос. Глаза офицера остановились на пятерых наемниках, и он жестом приказал им выйти из самолета. Когда они оказались на бетонированном поле, офицер махнул рукой второму пилоту, чтобы тот закрывал люк. DC-4 без дальнейших помех снова двинулся по идущей вокруг аэродрома рулежной дорожке к основным зданиям, где медицинские сестры и врачи из французского Красного Креста уже ждали, чтобы забрать детей и доставить их в педиатрическую клинику. Наемники помахали вслед удаляющемуся самолету, выражая благодарность ван Клифу, и последовали за французским офицером.

Час им пришлось ожидать в одном из бараков, устроившись на неудобных деревянных стульях с прямыми спинками. Молодые французские солдаты постоянно приоткрывали дверь, чтобы взглянуть на «les affreux» — этих ужасных людей, как их называли на французском слэнге. Наконец, они услышали, что снаружи затормозил джип,

а из коридора донесся топот шагов. Открылась дверь, и перед ними предстал старший офицер с загорелым решительным лицом, одетый в желтовато-коричневую тропическую форму и кепи, украшенное поверху золотым галуном. Шеннон отметил стремительный проницательный взгляд, коротко подстриженные с проседью волосы под кепи, «крылышки» — эмблему десантников, приколотые над пятью рядами нашивок за участие в боевых операциях, а также как напрягся Землер, встав по стойке смирно и вытянув руки по швам того, что оставалось от форменных брюк. Большего Шеннону и не требовалось, чтобы понять, кто это был — легендарный Ле Брас.

Ветеран Индокитая и Алжира пожал каждому руку, задержавшись дольше перед Землером.

— Alors[14], Землер? — удивился он с мягкой улыбкой. — Все еще сражаешься? О, уже капитан.

Землер смутился.

— Oui mon commandant, pardon, colonel[15]. Но лишь временно.

Ле Брас несколько раз задумчиво кивнул. Затем

---

[14] Примечания: 14
Неужели (фр.).

[15] Примечания: 15
Да, мой майор, прошу прощения, полковник (фр.).

обратился ко всем.

— Я постараюсь создать все удобства. Вам, несомненно, не помешает принять ванну, побриться и перекусить. Ясно, что у вас нет другой одежды, она будет предоставлена. Боюсь, что некоторое время вам придется оставаться на своих квартирах. Это только предосторожность. В городе полно газетчиков, никаких контактов с ними быть не должно. При первой же возможности мы организуем ваш отлет в Европу.

Он замолчал, сказав все, что хотел. Поднеся правую руку к козырьку кепи, Ле Брас вышел.

Через час в закрытом фургоне их доставили к отелю «Гамба» — новому зданию, расположенному лишь в пятистах ярдах от аэропорта и, следовательно, в нескольких милях от города, провели через черный ход и проводили в предоставленные им на верхнем этаже отеля номера. Приставленный к ним для сопровождения молодой офицер заявил, что они должны питаться на этом же этаже и оставаться там до дальнейших распоряжений. Вскоре он вернулся с полотенцами, бритвенными приборами, зубной пастой и щетками, мылом и мочалками. Был принесен поднос с кофе, и, наконец, каждый из измученных людей с благодарностью погрузился в глубокую,

источающую пар и запах мыла ванну — первую за шесть месяцев.

В полдень появился армейский парикмахер, а капрал принес кучу брюк и рубашек, маек, трусов и носков, пижамы и парусиновые туфли. Они примерили одежду, выбрали подходящее, и капрал унес оставшееся. Вернулся офицер с принесшим обед официантом и предупредил, чтобы они не выходили на балкон. Если им захочется размяться, делать это следует в своих комнатах. Он сказал, что вернется вечером с книгами и журналами, хотя не обещал чего-нибудь на английском или африкаанс.

После еды, какой они не видывали последние месяцев шесть со времени своего отпуска, все пятеро завалились спать. Пока они блаженствовали на необычайно мягких матрасах под невероятно белыми простынями, ван Клиф поднял свой DC-4 в начинающихся сумерках, пролетел в миле от окон отеля «Гамба» и направился на юг в Каприви и Йоханнесбург. Он тоже выполнил свое задание.

* * *

Наемникам пришлось провести на верхнем этаже отеля пять недель, пока не утих интерес

прессы, и редакторы не отозвали своих репортеров из города, где не предвиделось особых сенсаций.

Однажды вечером без предупреждения к ним зашел французский офицер из штаба Ле Брасса. Он широко улыбался.

— Месье, у меня для вас новости. Вы летите сегодня ночью. В Париж. Вам заказаны места на рейс «Эр Африк» в 23.30.

Пятеро мужчин, измученных своим затянувшимся заключением, приободрились.

Полет до Парижа с посадками в Дуала и Ницце занял десять часов. На следующий день в девять пятьдесят утра они приземлились в аэропорту Ле Бурже. Этим утром в середине февраля в Париже было ветрено и холодно. В кафетерии аэропорта они распрощались. Дюпре решил добраться до аэропорта Орли и лететь оттуда на ближайшем рейсе в Йоханнесбург через Кейптаун. Землер думал добраться вместе с ним до аэропорта и махнуть оттуда в Мюнхен, по крайней мере на время. Вламинк заявил, что отправится на Северный вокзал и уедет первым же брюссельским экспрессом в Остенде. Лангаротти собирался на Лионский вокзал, чтобы сесть на поезд до Марселя.

— Давайте не терять связь друг с другом, — решили они.

Их взгляды вопросительно устремились на Шеннона. Он был командир, и ему в первую очередь предстояло искать новую работу, новый контракт, новую войну.

— Пока я останусь в Париже, — произнес Шеннон. — Здесь больше шансов получить какую-нибудь временную работу, нежели в Лондоне.

Они обменялись адресами poste restante[16], в основном баров, где корреспонденция будет храниться до тех пор, пока адресат не заскочит опрокинуть стаканчик. Затем их пути разошлись.

Секретность их перелета из Африки оказалась хорошо обеспечена, ибо ни один газетчик не ждал их прибытия. Но все же нашелся человек, знавший о времени их прилета и уже поджидавший Шеннона. Когда, расставшись с остальными, он вышел из здания аэровокзала, его окликнули:

— Шеннон!

Голос произнес его имя на французский манер и звучал недружелюбно. Шеннон обернулся, и глаза его сузились, когда он разглядел стоящую

---

[16] Примечания: 16
До востребования (фр.).

в десяти ярдах фигуру. Это был плотный усатый мужчина, одетый в теплое, по погоде, пальто. Он быстро двинулся вперед, так что эти двое вскоре оказались друг перед другом. Судя по взглядам, которыми они обменялись, симпатии между ними было мало.

— Ру? — удивился Шеннон.

— Итак, ты вернулся.

— Да, мы вернулись.

— И ты проиграл.

— У нас не было иного выбора, — ответил Шеннон.

— Небольшой совет, мой друг, — сверкнув глазами, сказал Ру. — Возвращайся в свою страну. Не оставайся здесь. Это будет неразумно. Город — мой. Если здесь найдется хоть один контракт, я узнаю об этом первым. Заключать его буду я. И я буду выбирать тех, кто пойдет со мной.

Не отвечая, Шеннон подошел к ближайшему такси, стоящему у края тротуара, и, пригнувшись, бросил свой саквояж на заднее сиденье. Ру последовал за ним с перекошенным от гнева лицом.

— Послушай, Шеннон. Я предупреждаю тебя…

— А теперь послушай меня ты, Ру. Я пробуду в Париже столько, сколько захочу. Ты никогда не производил на меня впечатления в Конго, не

производишь его и сейчас. Так что заткнись.

Ру свирепо посмотрел вслед удаляющемуся такси. Бормоча что-то себе под нос, он направился на стоянку к своему автомобилю.

Включив зажигание, затем первую передачу и не отпуская сцепление, он просидел несколько минут, уставившись в лобовое стекло.

— Когда-нибудь я убью этого ублюдка, — прошептал он. Но даже эта мысль едва ли улучшила его настроение.

Часть I
Хрустальная гора

Глава 1

Джек Малруни грузно повернулся на брезентовой походной кровати под натянутой противомоскитной сеткой и стал смотреть, как на востоке в просвете между деревьями рассеивается темнота. Постепенно вершины деревьев начали вырисовываться на фоне светлеющего неба. Он достал сигарету, проклиная окружающие его девственные джунгли. Снова и снова Малруни спрашивал себя, почему он всегда возвращается на этот проклятый Богом континент.

Если бы он действительно попытался это проанализировать, ему пришлось бы признать, что он просто не может жить где-либо в другом месте, и уж тем более ни в Лондоне, ни даже в Англии. Малруни не принимал городской стиль жизни со всеми его условностями и равнодушием. Как все старые африканские трудяги, он одновременно любил и ненавидел Африку, дав ей за последние четверть века проникнуть в себя вместе с малярией, виски и укусами миллионов насекомых.

Он покинул Англию в 1945 году в возрасте двадцати пяти лет, отслужив пять лет механиком в Королевских ВВС. Часть срока службы он

провел в Такоради, где собирал доставляемые по частям «Спитфайеры», предназначенные для дальнейшего перегона в Западную Африку и на Ближний восток. Это было его первое знакомство с Африкой. Демобилизовавшись, он получил свои наградные, распрощался в декабре 1945 года с холодным, живущим по карточкам Лондоном, и сел на корабль, отплывающий в Западную Африку. Ему доводилось много слышать о том, как в Африке делаются состояния.

Состояния он не приобрел, но, изрядно пошатавшись по континенту, сумел получить небольшую концессию на добычу олова в Бени Плато, находящуюся в восьмидесяти милях от нигерийского города Джоса. Он неплохо зарабатывал, пока действовали чрезвычайные меры против Малаи, и олово оставалось дорогим. Малруни трудился вместе со своими туземными рабочими, и в английском клубе, где колониальные дамочки судачили о последних днях империи, поговаривали, что он, «дескать, сам превратился в туземца» и подает «чертовски плохой пример». Но дело было в том, что Малруни просто предпочитал африканский образ жизни. Он любил необъятные пространства Африки, любил африканцев, которые, по-видимому, совершенно не обращали

внимания на его ругань и тычки, когда он пытался заставить их работать лучше. Ему нравилось посиживать с ними, смакуя пальмовое вино и наблюдая их ритуальные обряды. Он никогда не относился к туземцам покровительственно.

Месторождение иссякло в 1960 году незадолго до провозглашения независимости, и Малруни устроился производителем работ в компанию, владеющую поблизости более крупной и более прибыльной концессией. Компания называлось «Мэнсон консолидейтед». Когда в 1962 году иссякли и эти ресурсы, он все же остался в штате компании. В свои пятьдесят лет Малруни был крупным и здоровым мужиком, сильным, как буйвол. Его громадные загрубевшие руки за годы работы в шахтах покрылись многочисленными рубцами и шрамами.

Одной рукой он пригладил свои густые с проседью волосы, а другой затушил сигарету в сырой красноватой земле под кроватью. Стало еще светлее, занималась заря. Малруни услышал, как повар начал разводить огонь на другой стороне поляны.

Он называл себя горным инженером, хотя не имел специального образования. Но двадцать пять лет упорного труда дали ему то, чему не мог

научить ни один университет. Он искал золото на Рэнде и медь в районе Ндолы; бурил скважины в поисках драгоценной воды в Сомали и копался в земле в поисках бриллиантов в Сьерра-Леоне. Он инстинктивно определял опасный ствол шахты и ощущал присутствие залежей руды по запаху. И уж если он что-то утверждал, выпив вечерком в барочном городке свои привычные двадцать бутылок пива, никто не решался вступить с ним в спор. Фактически он был одним из последних романтичных старателей. Компания «МэнКон» давала ему небольшие задания в диких районах, вдали от цивилизации, куда ему нужно было суметь добраться. Но именно это и нравилось Джеку Малруни. Он предпочитал работать в одиночку — таков был стиль его жизни.

Последнее задание определенно ему подходило. В течение трех месяцев он проводил изыскания в отрогах горной гряды, называемой Хрустальными горами, в глубине республики Зангаро — небольшом государстве на побережье Западной Африки.

От одной границы республики до другой, параллельно побережью, в сорока милях от него протянулась цепь больших холмов, крутые вершины которых взмывали ввысь на две-три

тысячи футов. Эта гряда делила страну на прибрежную и глубинную части. В горной цепи существовал лишь один проход, через который единственная дорога вела в глубь страны. Эта узкая избитая дорога спекалась, как бетон, летом и превращалась в непроходимое болото зимой. За горами обитали туземцы из племени винду, живущие практически в каменном веке.

* * *

Уж в каких диких местах Малруни ни бывал, но сейчас мог поклясться, что не встречал ничего более отсталого, чем внутренние районы Зангаро. На дальней от побережья стороне гряды возвышалась одинокая гора, давшая название всему горному массиву. Она не была даже самой крупной. Двадцать лет назад одинокий миссионер, пытаясь проникнуть через гряду внутрь страны, преодолел проход в горах и повернул на юг. Через двадцать миль он увидел стоящую отдельно от остальных гору. Предыдущей ночью прошел дождь, один из тех проливных дождей, которые дают в этом районе триста дюймов осадков в течение пяти дождливых месяцев. Когда священник посмотрел на гору, он увидел ее, искрящуюся в лучах утреннего солнца, и назвал Хрустальной

горой. Миссионер занес это в свой дневник, а через два дня туземцы забили его дубинками и с аппетитом съели. Год спустя дневник обнаружил патруль колониальных войск. В местном селении он служил в качестве амулета. Солдаты, выполняя приказ, стерли деревню с лица земли и, вернувшись на побережье, передали дневник в миссионерскую общину. Так возродилось имя, данное священником горе, а все его остальные благие дела оказались забыты неблагодарным миром. Впоследствии это название присвоили всей гряде.

То, что миссионер увидел в утреннем свете, было вовсе не хрусталем, а несметным числом потоков воды, стекавших с горы после ночного ливня. Дождь обрушился и на другие горы, но их склоны были спрятаны под сплошным покровом джунглей, казавшимся совершенно непроницаемым со стороны и представляющим внутри сущий парной ад. Гора, казавшаяся священнику хрустальной, сверкала тысячами ручьев, потому что покров растительности на ее склонах был значительно тоньше. И ни ему, ни десятку других белых, видевших когда-либо эту гору, не пришло в голову этому удивиться. Проведя три месяца в душегубке окружающих Хрустальную гору джун-

глей, Малруни понял, почему так происходит.

Он начал с обхода подошвы горы и обнаружил, что между ее склоном, обращенным к морю, и остальной грядой действительно имелся проход. Получалось, что Хрустальная гора стояла как бы сама по себе восточнее основного хребта. Будучи ниже самых высоких пиков, находящихся ближе к морю, она была не видна со стороны побережья. Нельзя сказать, что она отличалась чем-либо особенным от других гор. Единственно, что число стекающих по ее склонам водных потоков в расчете на одну милю было гораздо больше, чем у других простирающихся на север и на юг гор.

Малруни сосчитал их все, как на Хрустальной горе, так и на соседних. Сомнений не было. После дождя вода стекала и по склону других гор, но там она в основном поглощалась двадцатифутовым слоем почвы. Туземные рабочие, нанятые Малруни из местного племени винду, пробурили ряд отверстий во многих местах Хрустальной горы, и он убедился, насколько там глубина плодородного слоя меньше. Теперь ему предстояло объяснить причину.

В течение миллионов лет плодородный слой формировался за счет разрушения скальных пород и наносимой ветром пыли. После каждого

ливня водные потоки уносили часть наслоений вниз по склонам в реки, где они откладывались в их устьях на занесенных илом отмелях. Но оставшаяся земля скапливалась в небольших щелях и трещинах, не тронутая ниспадающими водными потоками, находящими свои собственные ходы в мягкой горной породе. Эти ходы превращались в водостоки, так что стекающие с гор потоки дождевой воды уже имели свои русла, становящиеся все глубже и глубже. Часть воды впитывалась в гору. Но определенные участки плодородного слоя оставались в неприкосновенности. Так слой почвы рос и рос, становясь чуть толще с каждым веком и тысячелетием. Птицы и ветер несли семена, которые находили себе в земле место и давали богатые всходы. Корни растений делали свое дело, закрепляя почву на горных склонах. Когда Малруни увидел эту гряду, слой земли был в состоянии удержать могучие деревья и сплетения лиан, покрывающих сплошным ковром склоны и вершины гор. Всех, за исключением одной.

На ней вода не нашла для себя постоянных путей. Не впитывалась она и в грунт, особенно на самом крутом склоне, обращенном на восток, внутрь страны. Земля на этой горе с трудом со-

биралась в складках, где и произрастали кусты, трава и папоротник. Растительность расползалась от одного прибежища к другому, образуя небольшие участки на голых склонах скалы, дочиста вымываемых ливнями в сезон дождей. Именно блестящую на солнце среди участков зелени воду и видел перед своей смертью незадачливый миссионер. Причина, по которой эта отдельно стоящая гора отличалась от других гор гряды, оказалась проста. Хрустальная гора была тверда, как гранит. Породы же других гор были гораздо мягче.

Завершив обход горы, Малруни убедился в этом вне всяких сомнений. Через две недели он узнал, что с Хрустальной горы стекает не менее семидесяти ручьев. Большинство из них сливалось в три основных потока, несущих свои воды дальше на восток с подножий горы в долину. Его внимание привлек своеобразный цвет почвы по берегам стекавших с горы ручьев, а также тип произрастающей там растительности. Некоторые растения имелись только на этой горе, другие же отсутствовали вовсе, хотя росли на других холмах. В общем-то менее богатая растительность на Хрустальной горе не могла быть объяснена только меньшим слоем почвы. В принципе, ее хватало.

Дело было в составе почвы: что-то мешало флоре бурно разрастаться по берегам ручьев.

Обнаруженные ручьи Малруни нанес на составленную им карту. В каждом из них он брал по два полных ковша песка и гравия, все более углубляясь в дно ручья и высыпая содержимое на брезент. Процесс формирования пробы породы заключался в следующем. Малруни придавал куче гравия конусообразную форму, затем делил ее штыком лопаты на четыре части, брал две противоположные четвертушки, смешивал их и делал еще один конус. Снова делил его на четыре части и так далее, пока не получал пробу весом два-три фунта. После сушки проба ссыпалась в запечатываемый и аккуратно помечаемый брезентовый мешочек. За месяц он наполнил шестьсот мешков песком и гравием, взятым из русел семидесяти ручьев, общим весом 1500 фунтов. Затем Малруни занялся непосредственно горой.

Он уже знал, что окажется в его мешках при проведении лабораторных анализов. Частицы наносного олова, смываемого с горы в течение десятков тысяч лет, свидетельствовали, что в недрах Хрустальной горы есть касситерит или оловянная руда. Он разделил склоны горы на участки, стремясь определить места зарождения

ручьев и скальные поверхности, по которым они стекали в сезон дождей. По прошествии недели он установил, что главной жилы в горе не было, но обнаружил то, что геологи называют вкраплениями. Признаки минерализации проявлялись повсюду. Под покровом растительности скальные породы были испещрены прожилками молочно-белого кварца шириной полдюйма.

Все, что он видел перед собой, говорило: олово. Малруни обошел вокруг горы еще три раза, и его наблюдения подтвердили вывод о наличии вкрапленных в породу залежей. При помощи молотка и зубила он прорубил глубокие отверстия в скале — картина оставалась той же. Порой он находил в кварце затемнения, что также подтверждало наличие олова.

Он начал старательно брать пробы чистых белых вкраплений кварца, а также скальной породы между жилами. Работа была закончена через три месяца после того, как Малруни вступил в первобытный лес восточной части горного хребта. У него скопилось еще тысяча пятьсот фунтов скальных пород, которые требовалось доставить на побережье. Полторы тонны пород было перенесено из рабочего лагеря на основную стоянку, где он теперь и лежал, ожидая рассвет.

Вскоре из деревни должны были прибыть носильщики, с которыми он договорился накануне о переносе добытых трофеев к дороге, связывающей внутреннюю территорию с побережьем. Там, в придорожном селении, остался его двухтонный грузовичок. Малруни надеялся, что туземцы не растащили машину по кусочкам. Все же местному вождю было уплачено достаточно, чтобы тот следил за грузовиком. Он рассчитывал погрузить пробы и быть через три дня в столице, взяв с собой человек двадцать на случай, если машину придется толкать или вытаскивать из канав. Там он даст телеграмму в Лондон и прождет несколько дней, пока за ним не прибудет зафрахтованное компанией судно. Он предпочел бы повернуть на север по береговому шоссе и проехать лишние сто миль до соседней республики, где имелся подходящий аэропорт. Оттуда вместе с грузом можно было бы отправиться домой. Но, согласно договоренности между компанией «МэнКон» и правительством Зангаро, он должен был прибыть со своими пробами в столицу.

Джек Малруни выбрался из койки, откинул противомоскитную сетку и пророкотал:

— Эй, Динджалинг, где, черт возьми, мой кофе?

Повар из племени винду, не понявший ни сло-

ва, кроме «кофе», радостно замахал ему от костра. Малруни направился через поляну к брезентовому ведру с водой, отмахиваясь от москитов, с яростью набросившихся на его покрытый испариной голый торс.

— Проклятая Африка, — пробормотал он, окуная голову в воду. Но тем не менее, этим утром он испытывал чувство удовлетворения. Малруни был убежден, что нашел как алювиальное олово, так и оловосодержащие породы. Вопрос был лишь только в том, сколько олова приходилось на тонну руды. Стоимость олова составляла три тысячи триста долларов за тонну, и теперь аналитикам и экономистам предстояло оценить его количество и решить, стоит ли организовывать здесь добычу. Ведь для этого потребовалось бы устанавливать сложное оборудование, нанимать рабочих, уж не говоря о прокладке узкоколейки, обеспечивающей сообщение с побережьем. А место это было воистину забытое Богом и труднодоступное. Как обычно, необходимо было все тщательно взвесить и выразить в фунтах, шиллингах и пенсах. Только так, и не иначе. Он прихлопнул еще одного москита на своей руке и натянул майку.

Шесть дней спустя Джек Малруни стоял на

палубе небольшого каботажного судна, нанятого его компанией, и смотрел, как исчезает из виду берег Зангаро.

— Проклятые ублюдки, — бормотал он взбешенно. На его спине и груди осталось несколько синевато-багровых кровоподтеков, а по щеке тянулась свежая царапина — следы от ударов прикладами винтовок, полученных им при налете солдат на отель.

Два дня ушло у Малруни на то, чтобы перетаскать пробы из глубины леса к грузовику, и еще изнурительные сутки, чтобы дотащиться на нем по разбитой дороге до побережья. В дождливый сезон ему ни за что бы это не удалось. Прошедший сухой месяц превратил комья грязи в спекшиеся куски бетона. После проделанного пути его «Мерседес» стал не более чем кучей хлама. Тремя днями ранее он рассчитался с туземными рабочими и покатил на трещавшем по всем швам грузовике по последнему участку грунтовой дороги к асфальтированному шоссе, начинавшемуся лишь в четырнадцати милях от столицы. Ему потребовался час, чтобы добраться оттуда до города и отеля.

Откровенно говоря, вряд ли здесь годилось слово «отель». Со времени провозглашения

независимости основная столичная гостиница превратилась в обыкновенную ночлежку, но автомобильная стоянка сохранилась. Именно на ней он запарковал и запер грузовик, а затем послал телеграмму. Шесть часов спустя начался весь этот кошмар, и морской порт, аэропорт и все другие коммуникации были перекрыты по приказу президента.

Впервые он узнал о случившемся, когда солдаты, больше походившие на бродяг, размахивая винтовками, которые они держали за стволы, вломились в отель и начали обыскивать номера. Спрашивать, что они хотят, было бессмысленно. Солдаты вопили на непонятном наречии, хотя порой Малруни казалось, что он узнает диалект винду, на котором разговаривали его рабочие.

Малруни стерпел два удара, нанесенные ему прикладами винтовок, а затем взмахнул своими кулачищами. Ближайший солдат, пролетев полкоридора, грохнулся навзничь, а остальные пришли в неописуемую ярость. Только благодаря милости Божьей не прозвучали выстрелы. Впрочем, солдаты предпочитали использовать свое оружие в качестве дубинок — механизм спускового крючка и предохранителя представлялся им слишком сложным.

Его отволокли в ближайшие полицейские казармы и, не обращая внимания на отчаянные протесты, бросили на два дня в подвальную камеру. Знал бы он, как ему повезло. Швейцарский бизнесмен, один из редких иностранных гостей, посещавших эту республику, видел, как схватили Малруни, и небезосновательно забеспокоился за его жизнь. Этот человек связался со своим посольством, — а в городе было всего лишь шесть европейских и североамериканских посольств, — и оно в свою очередь обратилось к компании «МэнКон». Название компании бизнесмен узнал, осмотрев оставшиеся вещи Малруни.

Двумя днями позже прибыло вызванное судно, и швейцарский консул договорился об освобождении Малруни. Несомненно, что дело не обошлось без взятки, которую пришлось заплатить компании «МэнКон». Но злоключения Малруни не кончились. Выйдя из камеры, он обнаружил, что грузовик сломан, а пробы разбросаны по всей автомобильной стоянке. Скальные породы были помечены, и их удалось собрать снова. Но песок, гравий и мелкие обломки полностью перемешались. К счастью, почти в каждом из мешков половина содержимого оказалась нетронутой. Он вновь упаковал мешки и переправил их на

судно. Таможенники, полицейские и солдаты еще раз грубо обыскали лодку от носа до кормы, так и не сообщив, что они ищут. Повергнутый в ужас чиновник из швейцарского консульства, доставивший Малруни из полицейских казарм в отель, рассказал, что ходят слухи о покушении на президента, и войска ищут исчезнувшего высокопоставленного офицера, несущего за это ответственность.

Через четыре дня после того, как он покинул порт Кларенс, Джек Малруни, все еще оберегая свои пробы, прибыл в Англию, в Льютон, на борту зафрахтованного компанией самолета. Пробы увезли на анализ в лабораторию в Уатфорд, а ему после осмотра врача предоставили трехнедельный отпуск, который Малруни решил проводить у своей сестры в Дулвиче, и уже через несколько дней смертельно заскучал.

* * *

Ровно через три недели сэр Джеймс Мэнсон, рыцарь Британской Империи, председатель и генеральный директор компании «Мэнсон Консолидейтед Майнинг Компани Лимитед», откинулся на спинку кожаного кресла в своем фешенебельном кабинете на десятом этаже лон-

донской штаб-квартиры компании, взглянул еще раз на лежащий перед ним доклад и выдохнул: «Боже мой…»

Он поднялся из-за широкого стола, прошел через комнату к выходящему на юг окну и посмотрел вниз на раскинувшийся перед ним деловой район Сити, занимающий квадратную милю в центре древней столицы и являющийся сердцем все еще могучей финансовой империи. Для многих суетящихся внизу темно-серых фигурок, увенчанных черными котелками, Сити, возможно, представлял лишь место их работы — скучной, изнуряющей, отбирающей у человека его юность, зрелость…. всю жизнь до ухода на пенсию. Для других — молодых и честолюбивых — дворец надежд, где достойный и упорный труд вознаграждается продвижением по службе и прочным положением в обществе. Романтики жаждали найти здесь приключения. Прагматики видели перед собой крупнейший в мире рынок, а левые радикалы — место, где праздные и бесполезные для общества богачи, унаследовавшие свои состояния и привилегии, наслаждались роскошью. Джеймс Мэнсон был циником и реалистом. Он отдавал себе отчет, чем был Сити на самом деле. Здесь царил закон джунглей, и он

был одной из пантер в этих джунглях.

Рожденный хищником, он вовремя понял, что существуют определенные правила, которые необходимо уважать в обществе, но в частной жизни можно напрочь отбрасывать; наподобие того, как в политике чтится лишь одиннадцатая заповедь: «Да не будешь ты разоблачен». Именно за то, что он безоговорочно следовал этой заповеди, месяц назад его удостоили рыцарского звания.

Он был рекомендован консервативной партией (якобы за вклад в развитие промышленности, но в действительности — за секретные взносы в партийный фонд на проведение избирательной кампании) и утвержден правительством Вильсона за поддержку проводимой в Нигерии политики. Именно благодаря своим правилам он составил состояние, владея двадцатью пятью процентами акций собственной компании, занимая шикарный офис и являясь мультимиллионером.

Ему был шестьдесят один год. Небольшого роста, энергичный, напористый, жесткий — он привлекал женщин и вызывал опасение у конкурентов. Мэнсон был достаточно хитер, не забывая выказывать свое уважение истеблишменту Сити и государства, сливкам промышленных и поли-

тических кругов, хотя прекрасно осознавал, что за их публичным имиджем скрывается полная нравственная беспринципность. Двух таких представителей — бывших министров из предыдущей администрации консерваторов — он ввел в совет директоров компании. Никто из них не возражал против солидного дополнительного вознаграждения, превышающего директорский оклад, и отпуска на Каймановых островах или Багамах. Один, по сведениям Мэнсона, любил развлечься, нацепив на себя наколку с передником и накрывая на стол для трех-четырех упакованных в кожу уличных девок. Мэнсон высоко ценил обоих, отдавая должное их влиятельным, не всегда разборчивым связям. Уважаемый сэр Джеймс Мэнсон занимал прочное положение в Сити, строго следуя своим, не имеющим ничего общего с человеколюбием, правилам.

Но так было не всегда, и именно поэтому попытки навести справки о его прошлом натыкались на одну непреодолимую стену за другой. Очень мало кто знал, как начиналась его карьера. Мэнсон позволил выяснить, что он — сын родезийского машиниста, выросший среди расползшихся повсюду медных рудников Ндолы в Северной Родезии, теперь Замбии. Он даже позволил вы-

яснить, что мальчишкой начал работать в забое и позже сумел разбогатеть на меди. Но как это произошло, не знал никто.

В действительности он покинул рудники, когда ему еще не было двадцати, осознав, что люди, рискующие своими жизнями среди грохочущих механизмов глубоко под землей, никогда не смогут сделать деньги, большие деньги. Деньги лежали на поверхности, но даже не на уровне руководства рудниками. Еще юношей он изучал экономику и финансы. Ночные занятия открыли ему, как пользоваться и манипулировать деньгами. Уже тогда он четко усвоил, что на медных акциях за неделю можно заработать больше, чем за всю свою жизнь в забое.

Он начинал как мелкий торговец акциями на Рэнде[17]: вовремя «толкнул» несколько незаконно продаваемых бриллиантов, распустил несколько слухов, заставивших раскошелиться профессиональных спекулянтов, и сумел нескольким простакам всучить выработанные участки. Так к нему пришли первые приличные деньги. Сразу же после окончания Второй мировой войны он оказался в Лондоне, в возрасте

---

[17] Примечания: 17
На слэнге — торгово-промышленный центр в Йоханнесбурге.

тридцати пяти лет, имея нужные связи для жаждущей меди Британии, пытавшейся возродить свое былое промышленное могущество. В 1948 году он основал собственную горнорудную компанию, которая к середине пятидесятых годов приобрела известность, а через пятнадцать лет заслужила мировое признание. Он был одним из первых, кто почувствовал задувший из Африки и связанный с именем Гарольда Макмиллана[18] ветер перемен. Приближались времена независимости африканских республик, и он приложил немало усилий, чтобы встретиться и установить связи с большинством новых, жаждущих власти чернокожих политиков, тогда как многие бизнесмены из Сити все еще не воспринимали независимость бывших колоний.

При встречах с этими новыми политиками он всегда делал хорошую партию. Они проявляли заинтересованность в его дальнейшем успехе, а он разделял их подчеркнутую заботу о своем чернокожем народе. Таким образом, он подпитывал их счета в швейцарских банках, а они предоставляли «Мэнсон Консолидейтед» концессии на добычу полезных ископаемых по значительно

[18] Примечания: 18
Британский политический деятель, премьер-министр в 1957–1963 гг.

заниженным ценам. Компания «МэнКон» процветала.

Не упускал Джеймс Мэнсон и возможности сделать деньги на стороне. Его последняя спекуляция была связана с акциями австралийской компании «Посейдон», занимающейся добычей никеля. В конце лета 1969 года, когда акции компании «Посейдон» шли по четыре шиллинга, до него дошла молва: геологоразведочная партия в центральной Австралии якобы кое-что обнаружила. Права на разработку представляющего интерес участка были у «Посейдона». Мэнсон вступил в игру и заплатил кругленькую сумму, чтобы получить копии отчетов о результатах проведенных изысканий. Из них явствовало: никель, много никеля... В действительности на мировом рынке не ощущалось недостатка никеля, но подобное обстоятельство никогда не останавливало спекулянтов, и именно они, а не инвесторы, заставляли взвинчиваться цены на акции.

Джеймс Мэнсон связался со своим швейцарским банком — заведением столь осторожным, что единственной возможностью обнаружить его существование в этом мире являлась маленькая золотая пластинка — по размерам не

больше визитной карточки, врезанная в стену рядом с солидной дубовой дверью на одной из узеньких улочек Цюриха. Биржевых маклеров в Швейцарии нет, и все инвестиции осуществляются банками. Мэнсон проинструктировал доктора Мартина Штейнхуфера, начальника отдела инвестиций «Цвингли Банка», чтобы он купил от его имени пять тысяч акций компании «Посейдон». Швейцарский банкир связался с престижной лондонской фирмой «Джозеф Сибаг и Ко» и отдал соответствующее распоряжение. При заключении сделки акции «Посейдона» шли по пять шиллингов.

Буря грянула в конце сентября, когда стал известен размер залежей никеля в Австралии. Акции начали подниматься, и не без помощи умело распускаемых слухов подъем стал стремительным. Сэр Джеймс Мэнсон первоначально намеревался поднять продажу, когда цена достигнет пятидесяти фунтов за акцию, но, учитывая столь бурный рост, выжидал. Наконец, он решил, что пиковая точка будет достигнута на ста пятнадцати фунтах, и отдал распоряжение доктору Штейнхуферу начать продажу по сто фунтов за акцию. Осторожный швейцарский банкир именно это и сделал, избавившись от всей партии по средней

цене сто три фунта за акцию. Фактически пик был достигнут на ста двадцати фунтах за акцию, прежде чем возобладал здравый смысл, и курс акций вновь упал до десяти фунтов. Мэнсона не огорчила потеря двадцати фунтов, ибо он знал: время продавать наступает именно перед пиком, пока покупателей все еще предостаточно. Со всеми неизбежными вычетами он получил чистый куш в размере пятисот тысяч фунтов стерлингов, которые так и остались в «Цвингли Банке».

Для британского подданного и гражданина представлялось явно незаконным иметь счет в иностранном банке, не уведомив об этом Министерство финансов, а также получить в течение шестидесяти дней полмиллиона фунтов стерлингов и не заплатить с этой суммы подоходный налог. Но доктор Штейнхуфер являлся швейцарским подданным и держал свой рот на замке. Для того и существовали швейцарские банки.

Оторвавшись от созерцания серого февральского дня за окном, сэр Джеймс Мэнсон вернулся к своему столу, сел в обитое кожей кресло и снова взглянул на лежащий перед ним доклад, который прислали в большом запечатанном конверте с пометкой «лично». Внизу стояла подпись Гордона Чалмерса, возглавлявшего научно-ис-

следовательский отдел компании «МэнКон», размещавшийся в пригороде Лондона. Доклад касался проверки проб, доставленных неким Малруни из места под названием Зангаро.

Доктор Чалмерс слов зря не тратил. Выводы по докладу были краткими и содержательными. Малруни обнаружил гору или холм высотой тысяча восемьсот ярдов над уровнем земли и примерно в тысячу ярдов в поперечнике у основания. Она находилась несколько в стороне от гряды похожих гор на внутренней территории республики Зангаро. Гора содержала широко рассеянные залежи полезных ископаемых, по-видимому, равномерно плотно распределенных по всей горной породе. Залежи имели вулканическое происхождение и были на миллионы лет старше, чем песчаник и известняк окружающих гор.

Малруни нашел многочисленные и повсеместные прожилки кварца и предсказал наличие олова. Он вернулся с образцами кварца, заключенными в окружающую горную породу, и чистыми образцами, взятыми со дна стекающих с горы ручьев. Кварцевые прожилки действительно содержали небольшое количество олова. Но оказалось, что подлинный интерес представляет

собой сама горная порода. Многократные и разнообразные проверки показали, что пробы породы и гравия содержат незначительное количество низкосортного никеля. Главное же, что почти во всех пробах явно присутствовала платина.

Самое богатое известное в мире месторождение платины — Рюстенбургские рудники в Южной Африке. Там концентрация платины достигает 0,25 тройской унции[19] на тонну породы. Средняя концентрация в пробах Малруни составляла 0,81. «С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш и т. д.…»

Сэр Джеймс Мэнсон, как и все разбирающиеся в горном деле, хорошо знал, что платина представляет собой один из наиболее драгоценных металлов и вдет по рыночной цене сто тридцать два доллара за тройскую унцию. Он был осведомлен, что при растущем мировом голоде на платину цена на этот металл в ближайшие три года должна подняться по крайней мере до ста пятидесяти долларов за унцию и, видимо, до двухсот долларов в течение следующих пяти лет. Вряд ли можно было рассчитывать на то, что она снова достигнет пиковой цены, составлявшей в

---

[19] Примечания: 19

Мера веса для драгоценных металлов и камней = 31,1 грамма.

1968 году триста долларов за тройскую унцию.

На отрывном листке бювара он произвел кое-какие подсчеты. Двести пятьдесят миллионов кубических ярдов породы при двух тоннах на кубический ярд составляло пятьсот миллионов тонн. Даже по пол-унции на тонну это было бы двести пятьдесят миллионов унций. Если обнаружение нового источника платины мирового значения сбило бы цену до девяноста долларов за унцию, и даже если бы труднодоступность места разработки способствовала дальнейшему падению цены до пятидесяти долларов за унцию с учетом всех произведенных затрат, то все же это означало…

Сэр Джеймс Мэнсон снова откинулся в кресле и присвистнул:

— Боже мой! Гора ценой десять миллиардов долларов…

Глава 2

Как и все металлы, платина имеет свою стоимость. В основном эта стоимость определяется двумя факторами: незаменимостью металла в определенных технологических процессах и его распространенностью. Платина — металл очень редкий. Ежегодное мировое производство платины, не считая создания резервных запасов, которые держатся в секрете, лишь незначительно превышает полтора миллиона тройских унций.

Основное ее количество — более девяноста пяти процентов — поступает из трех источников: Южная Африка, Канада и Россия. Входя в эту группу, Россия, как обычно, не склонна к согласованным действиям. Производители платины предпочитали бы сохранять уровень мировых цен достаточно стабильным, чтобы иметь возможность планировать долгосрочные капиталовложения в передовое горнорудное оборудование и разработку новых месторождений в уверенности, что при неожиданном появлении на рынке больших количеств платины из резервных запасов цены резко не упадут. Русские же, имеющие совершенно непредсказуемые запасы

и способные выбросить на рынок громадные количества платины в любой момент, когда они этого захотят, стараются по мере возможности сохранять постоянное напряжение.

Из одного миллиона пятисот тысяч тройских унций платины, поступающей на мировой рынок, Россия ежегодно реализует на нем около трехсот пятидесяти тысяч тройских унций. Это позволяет ей сохранять за собой 23–24 процента рынка — вполне достаточно, чтобы обеспечить значительную степень влияния. Свои поставки Россия осуществляет через организацию «Союзпромэкспорт». Канада предоставляет на рынок около двухсот тысяч унций в год. Вся продукция поступает из никелевых рудников компании «Интернешнл Никель» и почти целиком скупается американской корпорацией «Энгельхардт Индастриз». Потребуйся США большее количество платины, Канада вряд ли оказалась бы способна обеспечить эти запросы.

Третьим источником является доминирующая на рынке Южная Африка, производящая около девятисот пятидесяти тысяч унций в год. Кроме недавно открытых Импальских рудников, быстро приобретших важное значение, гигантом добычи платины являются Рюстенбургские рудники,

дающие добрую половину всего мирового производства. Управляет и единолично распоряжается этими рудниками компания «Йоханнесбург Консолидейтед». Обогащение и поставки рюстенбургской платины взяла на себя лондонская фирма «Джонсон-Матфей».

Хотя Джеймс Мэнсон вплотную платиной и не занимался, но когда доклад Чалмерса лег на его стол, общее состояние дел он представлял себе так же хорошо, как нейрохирург представляет себе работу сердца. Даже в этот момент он знал, почему глава американской корпорации «Энгельхардт Индастриз» — Чарли Энгельхардт, широко известный тем, что обладал баснословно дорогой скаковой лошадью по кличке Ниджинский, — вел переговоры о покупке южноафриканской платины. Он знал, что к середине семидесятых годов Америке потребуется платины гораздо больше, чем может предоставить ей Канада.

А причина, по которой потребление этого металла в Америке к середине — концу семидесятых годов должно было увеличиться, и даже троекратно, заключалась в том, что платина требовалась для выхлопных систем автомобильных двигателей.

К концу шестидесятых годов проблема смога в

Америке превратилась в национальное бедствие. Слова «загрязнение воздуха», «экология», «окружающая среда», не произносимые еще десять лет назад, стали слетать с уст каждого политика, желающего продемонстрировать озабоченность решением насущных проблем. Постоянно росло давление на законодательные органы с требованием установить контроль над загрязнением окружающей среды, и, благодаря мистеру Ральфу Надеру[20], целью номер один стали автомобильные двигатели. Мэнсон был убежден, что в начале семидесятых годов неизбежно произойдут перемены, и к 1975–1976 году в соответствии с законодательством каждый американский автомобильный двигатель будет оборудоваться устройством для очистки выхлопных газов от вредных примесей. Кроме того, он подозревал, что рано или поздно это коснется и таких гигантских городов как Токио, Мадрид и Рим.

Выхлопная система автомобильного двигателя включает в себя три составные части, две из которых предназначены для химической очистки — окисления, а третья осуществляет очистку при помощи иного процесса, называемого вос-

---

[20] Примечания: 20
Американский конгрессмен 60–70-х годов.

становлением. Процесс восстановления требует специального катализатора, а окисление достигается либо за счет сгорания выхлопных газов при очень высоких температурах с избытком воздуха, либо за счет их сгорания при низких температурах, что и происходит в выхлопной системе автомобиля. Низкотемпературное сгорание также требует катализатора — того же, что применяется при реакции восстановления. Единственным подходящим известным катализатором является платина.

Сэр Джеймс Мэнсон сделал для себя два вывода. Хотя уже ведется и в течение семидесятых годов будет продолжаться работа над выхлопной системой автомобиля, в основе которой лежит катализатор, не являющийся редким металлом, вряд ли до 1980 года смогут быть получены какие-либо реальные результаты. Таким образом, выхлопная система с платиновым катализатором останется единственным решением проблемы еще в течение десятилетия, а каждое подобное устройство потребует одну десятую унции чистой платины.

Во-вторых, когда Соединенные Штаты примут закон, — а он рассчитывал, что это произойдет к 1975 году, — требующий, чтобы начиная с этого

момента все автомобили проходили строжайшую проверку на присутствие в выхлопных газах вредных примесей, стране ежегодно потребуется дополнительно полтора миллиона унций платины. Вряд ли американцы представляли себе, где ее взять, поскольку это было равносильно увеличению добычи драгоценного металла вдвое.

Джеймс Мэнсон знал, где взять платину — у него. И при абсолютной незаменимости этого металла в каждой выхлопной системе, устанавливаемой в течение десяти лет, а также в условиях, когда мировой спрос значительно опережает предложение, куш мог бы быть солидным, весьма солидным.

Оставалась лишь одна проблема: абсолютная уверенность в том, что он и только он будет контролировать права на разработку Хрустальной горы. Как этого добиться — вот вопрос?!

Конечно, можно было бы посетить республику, где находится пресловутая гора, получить аудиенцию у президента, ознакомить его с результатами исследований и предложить сделку, в результате которой «МэнКон» обеспечит себе права на разработку, правительство оговорит свое участие в прибылях, что пополнит государственную казну, а президент получит солидный и

регулярный доход, поступающий на счет в швейцарском банке. Но это был бы обычный путь.

Однако, кроме того обстоятельства, что любая другая горнодобывающая компания, узнав о содержимом Хрустальной горы, станет также добиваться прав на разработку, конкурируя с Мэнсоном, имелись три силы, более других заинтересованные в том, чтобы либо самим контролировать это месторождение, либо закрыть его навсегда. Эти силы — Южная Африка, Канада и, конечно, Россия. Появление на мировом рынке обширных поставок из нового источника поставило бы Советы в затруднительное положение, лишив их власти, влияния и возможности зарабатывать большие деньги в сфере торговли платиной.

Мэнсон смутно припоминал что-то, связанное с республикой Зангаро, но ему пришлось признать, что по сути он ничего о ней не знает. Прежде всего необходимо было получить информацию. Он подался к столу и нажал клавишу интеркома.

— Мисс Кук, зайдите, пожалуйста.

Он называл ее мисс Кук на протяжении всех семи лет, что она была его личным секретарем. Но и десять предыдущих лет, когда она, работая рядовым секретарем, восходила из машинопис-

ного бюро на десятый этаж, вряд ли кто-нибудь вспоминал, что у нее есть имя. Естественно, оно было. Ее звали Марджори, хотя уже давно никому не приходило в голову так ее называть.

Давным-давно, до войны, и она была юной девушкой. Вот тогда к ней обращались Марджори, мужчины пытались за ней ухаживать и иногда даже ущипнуть за соблазнительные места. Но это было так давно. Пять лет войны; скорая помощь, пробирающаяся сквозь лежащие в дымящихся руинах улицы; старание забыть гвардейца, навсегда оставшегося под Дюнкерком[21]; и двадцать лет ухода за капризной, вечно хнычущей матерью — прикованным к постели тираном, использующим слезы в качестве оружия, не оставили следа от молодости и былой привлекательности мисс Марджори Кук. В возрасте сорока пяти лет, строго одетая, деловитая и энергичная, работу в «МэнКон» она считала смыслом своей жизни, а ее ребенком и любовником был терьер, делящий с ней чистенькую квартирку в лондонском пригороде Чигвелле.

Итак, никто не называл ее Марджори. Молодые служащие звали ее сморщенным яблоком, а

[21] Примечания: 21

Порт в Северной Франции, откуда в 1940 г. после падения Франции происходила эвакуация союзных войск.

вертихвостки-секретарши — «эта старая ведьма». Другие, включая ее работодателя сэра Джеймса Мэнсона, о котором она знала гораздо больше, чем казалось, обращались к ней «мисс Кук». Она вошла через дверь в обшитой буковыми панелями стене. Закрытая, дверь казалась часть стены.

— Мисс Кук, я вспомнил, что в течение последних нескольких месяцев мы проводили небольшую разведку… Один человек был послан в республику Зангаро…

— Да, сэр Джеймс. Это так.

— О, вы знаете.

Естественно, она знала. Мисс Кук никогда не забывала ничего, что проходило через ее руки.

— Да, сэр Джеймс.

— Хорошо. Тогда выясните, пожалуйста, кто обеспечил нам разрешение местного руководства на проведение геологоразведочных работ.

— Это должно быть зарегистрировано, сэр Джеймс. Я посмотрю.

Она вернулась через десять минут, проверив сначала свои записи в еженедельнике, который вела с перекрестной индексацией по двум позициям: имена и тематика, а затем проконсультировавшись с отделом кадров.

— Это был мистер Брайнт, сэр Джеймс, — она

сверилась с карточкой, которую держала в руке. — Ричард Брайнт из отдела зарубежных контактов.

— Я полагаю, он представил отчет? — спросил сэр Джеймс.

— Он должен был это сделать согласно обычной процедуре.

— Пришлите, пожалуйста, мне его отчет, мисс Кук.

Она снова вышла, а глава компании «МэнКон», сидя за столом, устремил свой взгляд на окна, за которыми уже опускались вечерние сумерки. На средних этажах включился свет — на нижних он горел весь день. Здесь, наверху, в этот зимний день света еще хватало, но читать уже было темновато. Когда вернулась мисс Кук, положила ему на стол требуемые бумаги и вновь исчезла за стеной, сэр Джеймс Мэнсон включил настольную лампу.

Отчет, представленный Ричардом Брайнтом, был датирован шестью месяцами ранее и написан в принятом компанией сжатом и выразительном стиле. В нем сообщалось, что в соответствии с инструкциями, полученными от начальника отдела зарубежных контактов, он вылетел в Кларенс, столицу Зангаро, и там, по-

тратив неделю, договорился, наконец, о встрече с министром природных ресурсов. В течение шести дней состоялось три беседы. Была достигнута договоренность о том, что один представитель компании «МэнКон» может прибыть в республику для проведения минералогической разведки в районе Хрустальных гор. Компания умышленно не обозначила четко зону изысканий, так что геологическая партия могла в определенной степени действовать по своему усмотрению. После дальнейшей торговли, в течение которой министру стало ясно, что ему придется расстаться с мыслью получить с компании ту сумму, на которую он рассчитывал, и что какие-либо явные признаки наличия полезных минералов отсутствуют, плата была оговорена. В любом случае половина перечисленных по контракту компанией «МэнКон» денег попала на личный счет министра.

Это было все. Единственное, что хоть как-то характеризовало страну — упоминание о коррумпированном министре. Что ж, подумал сэр Джеймс Мэнсон, в наше время Брайнт с таким же успехом мог побывать и в Вашингтоне. Только ставки были бы другими.

Он снова подался к интеркому.

— Будьте добры, мисс Кук, попросите зайти ко мне мистера Брайнта из отдела зарубежных контактов.

Мэнсон щелкнул еще одной клавишей.

— Мартин, зайди, пожалуйста, на минутку.

Чтобы подняться из своего кабинета на десятый этаж, Мартину Торпу потребовалось две минуты. Он вовсе не был похож на финансового вундеркинда и протеже одного из наиболее безжалостных и предприимчивых дельцов в традиционно безжалостном и требующем особой предприимчивости бизнесе. Своей внешностью он скорее походил на капитана легкоатлетической сборной из хорошей частной школы — обаятельный, жизнерадостный, аккуратно подстриженный, с черными вьющимися волосами и темно-синими глазами. Секретарши называли его «лапочка», а бизнесмены, видевшие, как у них из-под носа уплывали акции, которые они уже считали своими, или вдруг обнаруживающие, что их компании попадают под контроль держателей акций, действующих в интересах Мартина Торпа, относились к нему отнюдь не так ласково.

Несмотря на свою внешность, Торп никогда не заканчивал привилегированную школу, не был спортсменом и уж тем более капитаном команды.

Он даже не знал, как ведется счет в крикете, но зато в течение целого дня мог держать в памяти почасовые изменения курса акций всех дочерних компаний «МэнКон». В свои двадцать девять лет он вынашивал весьма честолюбивые планы и имел твердое намерение воплотить их в жизнь. Компания «МэнКон» и сэр Джеймс Мэнсон, как он полагал, могли предоставить ему для этого средства. В свою очередь, его лояльность обусловливалась исключительно высокой зарплатой, связями в Сити, которые он заводил благодаря работе на «МэнКон», и уверенностью в выборе очень удачной позиции для стрельбы по своей цели.

К его приходу сэр Джеймс сунул доклад о проведенных в Зангаро изысканиях в ящик стола, оставив лишь отчет Брайнта.

Он дружески улыбнулся своему протеже.

— Мартин, есть работа, которую надо сделать, соблюдая определенную осторожность. Сделать ее надо быстро, так что, возможно, тебе придется посидеть до полуночи.

Не в манере сэра Джеймса было спрашивать, свободен ли этот вечер у Торпа, а тот прекрасно понимал, к чему обязывает высокий оклад.

— Все в порядке, сэр Джеймс. Никаких особых

планов на этот вечер у меня нет.

— Хорошо. Послушай, я просматривал кое-какие старые доклады, и один из них меня заинтересовал. Шесть месяцев назад наш человек из отдела зарубежных контактов был командирован в некую республику Зангаро. Я не знаю почему, но хотел бы это выяснить. Этот человек договорился с местными властями о проведении небольшой разведки возможных залежей минералов в неосвоенном районе, находящемся за грядой, называемой Хрустальными горами. Вот что я хочу теперь знать: упоминалось ли что-либо и когда-либо в связи с этой командировкой на совете директоров.

— На совете директоров?

— Именно. Упоминалось ли когда-либо на совете директоров или среди директоров, что мы собираемся проводить подобную разведку? Мне это важно. Возможно, что в повестке дня заседаний совета такой вопрос не стоял. Просмотри все протоколы, и если найдешь упоминание в пункте «разное», то проверь все документы заседаний совета за последние двенадцать месяцев. Далее, выясни, кто санкционировал командировку Брайнта шесть месяцев назад и на каком основании, а также кто и почему послал туда

инженера для проведения изысканий. Фамилия инженера Малруни. Я хочу иметь о нем сведения. Эту информацию ты сможешь получить из его досье в отделе кадров. Понятно?

Торп был озадачен. Поручение не совсем соответствовало его обязанностям.

— Да, сэр Джеймс, но мисс Кук сделала бы все это в два раза быстрее. Можно было бы поручить кому-нибудь еще…

— Конечно, конечно. Но я хочу, чтобы сделал это именно ты. Если ты возьмешь досье из отдела кадров или документы из канцелярии совета директоров, подумают, что дело связано с финансами. Не будет никаких лишних разговоров.

Мартин Торп начал понимать.

— Вы имеете в виду… Там что-то обнаружили, сэр Джеймс?

Мэнсон посмотрел на уже темное небо и разлившееся внизу море огней, где брокеры и спекулянты, клерки и торговцы, банкиры и чиновники, страховые агенты и курьеры, покупатели и продавцы, юристы и те, кто несомненно нарушал закон, трудились в этот зимний вечер, ожидая конца рабочего дня.

— Не имеет значения, — грубовато оборвал сэр Джеймс. — Делай, что сказано.

Выходя из кабинета и спускаясь к себе, Мартин Торп посмеивался.

— Хитрый ублюдок, — подумал он на лестнице.

Сэр Джеймс Мэнсон обернулся, когда по интеркому раздался сигнал вызова.

— Пришел мистер Брайнт, сэр Джеймс.

Мэнсон пересек комнату и, проходя мимо настенного выключателя, зажег большой свет. Дойдя до стола, он нажал кнопку ответа:

— Впустите его, мисс Кук.

Было три причины, по которым служащего среднего уровня могли вызывать в кабинет на десятом этаже. Во-первых, деловые обстоятельства, когда сэр Джеймс хотел лично дать указания или выслушать доклад. Во-вторых, головомойка, представляющаяся служащим адом кромешным. И, наконец, когда шефу хотелось сыграть роль заботливого дядюшки по отношению к нежно любимым подчиненным.

На пороге Майкл Брайнт — тридцатидвухлетний средний служащий, хорошо и компетентно выполняющий свою работу, и очень ею дорживший, — гадал, какая из причин привела его сюда.

С радушной улыбкой сэр Джеймс направился к

нему из середины кабинета.

— А, Брайнт, входите, входите.

Когда Брайнт переступил порог кабинета, мисс Кук закрыла за ним дверь и вернулась за свой стол.

Сэр Джеймс Мэнсон указал своему служащему на одно из кресел, расставленных в дальнем конце кабинета. Брайнт, все еще озадаченный, занял указанное кресло, опустившись на мягкие бархатные подушки. Мэнсон подошел к стене и распахнул дверцы, открыв взору бар с богатым выбором напитков.

— Выпьете, Брайнт? Я полагаю, солнце уже давно зашло.

— Спасибо, сэр, э… виски, пожалуйста.

Брайнт посмотрел на часы. Было без четверти пять, и тропический максим, позволяющий употреблять спиртное после захода солнца, вряд ли годился для зимних лондонских вечеров. Он вспомнил вечеринку, на которой сэр Джеймс посмеивался над любителями шерри, а сам налегал на шотландское виски. Стоит обращать внимание на подобные мелочи, подумал Брайнт, когда его шеф наполнил два красивых старинных хрустальных бокала своим особым «Гленливетом». Естественно, о льде не могло быть и речи.

— Плеснуть содовой? — спросил сэр Джеймс от бара.

Брайнт вытянул шею и разглядел бутылку.

— Спасибо, чистое.

Мэнсон несколько раз одобрительно кивнул и принес бокалы. Пожелав друг другу здоровья, они пригубили виски. Брайнт напряженно ждал начала разговора. Безусловно заметивший его состояние Мэнсон произнес в грубоватой дядюшкиной манере:

— Да будет так волноваться. Только что я разбирал кучу старых докладов в своем столе и наткнулся на ваш. Должно быть, прочитал его в свое время и забыл отдать мисс Кук.

— Мой доклад? — удивился Брайнт.

— Э… да. Тот, который вы представили, вернувшись из этой страны, как ее там? Зангаро, не так ли?

— О, да, сэр. Зангаро. Это было шесть месяцев назад.

— Совершенно верно. Конечно, шесть месяцев. Перечитывая его, я обратил внимание, что не так-то весело вам там было с этим министром.

Брайнт начал расслабляться. Теплая комната, исключительно удобное кресло, виски… Он улыбнулся своим воспоминаниям.

— Я все же добился разрешения на проведение изысканий.

— Чертовски хорошая работа, — одобрил сэр Джеймс. Он улыбнулся, как будто и сам что-то вспомнил. — Знаете ли, и я в свое время занимался такими делами. Разные неприятные задания, чтобы добыть кусок хлеба с маслом. Хотя в Западной Африке бывать не доводилось. В те времена. Позже, конечно, бывал. После того, как началось все это…

Чтобы пояснить слова «все это…», он обвел рукой свой шикарный кабинет.

— Ну, а сейчас я слишком много времени трачу за этим столом, зарывшись в бумаги, — продолжал сэр Джеймс. — Я даже завидую вам, молодым парням, делающим, как в старые времена, настоящее дело. Расскажите-ка мне о своем путешествии в Зангаро.

— Да уж, все действительно было очень похоже на старые времена. Пробыв несколько часов в этой стране, я не удивился бы, встретив туземцев с кольцами в носу, — промолвил Брайнт.

— Не может быть. Боже мой! Ну и местечко же это Зангаро.

Сэр Джеймс откинулся на спинку кресла, оказавшись в тени, и Брайнт почувствовал об-

легчение, не встречая внимательного взгляда, скрывающегося за ободряющим тоном.

— Жуткое место, сэр Джеймс. Не страна, а кровавая бойня. За пять лет независимости она откатилась в средневековье.

Брайнт вспомнил, как его шеф в свое время отпустил одно замечание:

— Это классический пример концепции того, что в большинстве африканских республик образовались властные группировки, действия которых совершенно не оправдывают их право на руководство. Естественно, в результате страдает простой народ.

Сэр Джеймс, узнав свои собственные слова, улыбнулся и, подойдя к окну, посмотрел вниз на кишащие людьми улицы.

— Кто же там правит бал? — спросил он тихо.

— Президент, или, скорее, диктатор, — ответил Брайнт, допив виски. — Человек по имени Жан Кимба. Он победил на первых и единственных выборах пять лет назад, сразу же после провозглашения независимости, вопреки чаяниям колониальных властей. Чтобы прийти к власти, он не чуждался ни террора, ни шаманства. Вы же понимаете, народ там крайне отсталый. Большинство и понятия не имеет, что такое выборы.

А теперь им и подавно не узнать этого.

— Крутой парень этот Кимба, — подытожил сэр Джеймс.

— Дело не в этом, сэр. Он просто сумасшедший. Параноик, страдающий манией величия. Он правит исключительно единолично, окруженный несколькими подхалимами. Тому, кто не согласится с ним или вызовет малейшее подозрение, прямая дорога за решетку, в камеры старых казарм колониальной полиции. Ходят слухи, что Кимба бывает там, принимая участие в пытках. Живым оттуда никто не выходил.

— Хм, что же это за мир, в котором мы живем? И все имеют такие же права в ООН, как Британия или Америка. Хорошо, но ведь он слушается чьих-то советов, руководя страной?

— Он слышит голоса свыше.

— Голоса? — переспросил сэр Джеймс.

— Да, сэр. Он объявил народу, что им руководят божественные голоса. Даже дипломаты стонут от его пророчеств.

— О, господи, когда же это кончится, — задумчиво протянул сэр Джеймс, все еще глядя вниз на улицу. — Иногда я думаю, что, обратив африканцев к Богу, мы совершили ошибку. Похоже, что половина их лидеров с Ним на дружеской ноге.

— Кроме того, Кимба внушает людям некий гипнотический страх. Считают, что он обладает каким-то могущественным амулетом, или колдовскими чарами, или магией, или чем-то там еще… Толпа трепещет перед ним в ужасе.

— А как насчет иностранных посольств? — полюбопытствовал сэр Джеймс, оставаясь у окна.

— Такое впечатление, что они брошены на произвол судьбы. По-моему, они опасаются крайностей этого маньяка не менее местных жителей. Кимба представляет собой нечто среднее между Папой Доком Дювалье в Гаити, шейхом Абид Каримом в Занзибаре и Секо Туре в Гвинее.

Сэр Джеймс неторопливо отошел от окна и вкрадчиво спросил:

— Почему Секо Туре?

Брайнт сел на своего конька, начав излагать тщательно собранные сведения о политической ситуации в Африке. Он был рад возможности продемонстрировать шефу свою эрудицию, накопленную усердными вечерними занятиями.

— Он сущий клад для коммунистов, сэр Джеймс. Его кумир — Лумумба. Позиции русских там чрезвычайно сильны. Даже их посольство… Это просто дворец. Чтобы заработать хоть какую-то валюту, правительство продает почти всю про-

дукцию пришедших из-за скверного руководства в упадок плантаций так называемым русским траулерам. На самом деле это не что иное, как либо суда электронной разведки, либо корабли обеспечения подводных лодок, снабжающие их в океане свежими припасами. Естественно, деньги идут не на нужды народа, а на банковский счет Кимбы.

— Что-то не очень похоже на марксизм, — пошутил сэр Джеймс.

Брайнт широко улыбнулся.

— Деньги и взятки оказываются сильнее марксизма, — прокомментировал он. — Как обычно.

— Но русские там сильны, не так ли? Имеют большое влияние? Еще виски, Брайнт?

Пока Брайнт отвечал, глава «МэнКон» наполнил бокалы.

— Да, сэр Джеймс. Кимба фактически полностью некомпетентен во всем, что выходит за рамки его собственного жизненного опыта, который ограничивается не больше, чем парой визитов в соседние африканские страны. Так что порой он консультируется по вопросам внешней политики. Как-то вечером я разговорился в баре отеля с одним французским коммерсантом. Тот говорил, что русский посол или один из его заме-

стителей бывают в президентском дворце чуть ли не каждый день.

Брайнт пробыл в кабинете Мэнсона еще минут десять, но сэр Джеймс уже узнал почти все, что ему требовалось. В пять двадцать он проводил Брайнта столь же любезно, как и принял. Затем Мэнсон пригласил мисс Кук.

— У нас в отделе изысканий работает инженер Джек Малруни, — начал он. — Только что возвратился из трехмесячной командировки в Африку. Там были жуткие условия, так что сейчас он, возможно, в отпуске. Постарайтесь разыскать его. Я хотел бы видеть его завтра в десять утра. Во-вторых, доктор Гордон Чалмерс, наш главный аналитик. Его можно найти либо в своей лаборатории в Уатфорде, либо уже дома. Я бы хотел видеть его здесь завтра в двенадцать. Отмените все дневные встречи и дайте мне возможность сходить с ним куда-нибудь пообедать. А лучше зарезервируйте мне столик у Уилтона на Барри-Стрит. Это все. Спасибо. Я ухожу. Распорядитесь, чтобы машина ждала меня через десять минут.

Когда секретарша вышла, он нажал одну из клавиш интеркома и тихо попросил:

— Саймон, будь добр, зайди на минутку.

Саймон Эндин был столь же двуличен, как и

Мартин Торп, но несколько в ином духе. Под безупречной внешностью скрывалась сущность разбойника с большой дороги. В нем сочетались изысканность манер, безжалостность и определенная одаренность. Работа на сэра Джеймса Мэнсона была для него необходимостью, но и патрон столь же нуждался в его услугах.

Эндин относился к тому типу людей, которые во множестве встречаются в самых шикарных и престижных клубах Вест-Энда[22], — изысканно изъясняющийся рафинированный мужчина, никогда не забывающий поклониться миллионеру и в то же время отпустить пошлый комплимент певичке. Лишь незаурядный ум позволил ему занять положение помощника главы игорного клуба высшего разряда.

В отличие от Торпа, он не вынашивал честолюбивых планов стать мультимиллионером. Эндин полагал, что и одного миллиона будет достаточно, рассчитывая достичь своей цели. Пока ему вполне хватало на шестикомнатную квартиру, «Корвет» и девочек. Он поднялся по внутренней лестнице и вошел через дверь в обшитой буковыми панелями стене, которой пользовалась

[22] Примечания: 22

Район центрального Лондона, известный своими магазинами и увеселительными заведениями.

мисс Кук.

— Сэр Джеймс?

— А, Саймон. Завтра я обедаю с парнем, которого зовут Гордон Чалмерс. Наш главный ученый. Он будет здесь в двенадцать. До этого времени мне нужны сведения о нем. Естественно, досье из отдела кадров и все остальное, что удастся раскопать. Личная жизнь, отношения в семье, слабости, и, конечно, деньги… Нуждается ли он в них помимо заработка. Не забудь о политических взглядах, если они у него есть. Большинство этих ученых ребят — левые, но, впрочем, не все. Постарайся сегодня успеть поговорить с Эррингтоном из отдела кадров, пока он не ушел. Досье возьми сейчас, оставишь его мне на утро. Доложишь не позже одиннадцати сорока пяти. Ясно? Любые мелочи могут оказаться важными.

Эндин выслушал распоряжения с совершенно непроницаемым видом. Он знал, что сэр Джеймс не будет иметь дело с человеком, — будь то друг или недруг, — пока досконально не изучит его личную жизнь. Эндин кивнул и направился в отдел кадров, откуда как раз выходил Мартин Торп, но пути их не пересеклись.

Роллс-Ройс плавно отъехал от фасада здания фирмы «МэнКон», увозя своего пассажира, меч-

тавшего неторопливо принять горячую ванну и насладиться обедом от Капрайса, домой, в трехэтажные апартаменты «Арлингтон-Хауз», выходившие окнами на отель «Риц». Сэр Джеймс откинулся на спинку сиденья и закурил свою первую вечернюю сигару. Шофер передал ему последний выпуск «Ивнинг Стандард». Когда лимузин проезжал мимо вокзала Чаринг-кросс, на глаза Мэнсону попалась небольшая заметка. Он перечитал ее несколько раз. Затем стал задумчиво наблюдать за круговертью уличного движения и суетящимися пешеходами, упорно стремящимися сквозь февральскую изморось к своим домам в Эдинбридже и Севеноксе после изнурительного дня в Сити.

В его сознании рождалась некая идея. Иной бы расхохотался и выкинул ее из головы. Но сэр Джеймс чувствовал себя пиратом двадцатого века, чем немало гордился. Заголовок над привлекшим его внимание абзацем касался одной африканский республики. Конечно, не Зангаро, а какой-то другой. Ее название мало что ему говорило: там не было месторождений полезных ископаемых. Между тем заголовок гласил:

«Новый Coup d’Etat[23] в африканском государстве».

[23] Примечания: 23
Государственный переворот (фр.).

Глава 3

Мартин Торп уже ожидал в приемной, когда в пять минут десятого появился сэр Джеймс и пригласил его в кабинет.

— Ну, что у тебя? — требовательно спросил сэр Джеймс, снимая пальто и вешая его в стенной шкаф.

Торп достал из кармана блокнот и начал излагать то, что ему удалось выяснить накануне вечером.

— Год назад наша геологоразведывательная партия проводила изыскания в республике, лежащей на севере и востоке от Зангаро. Ее сопровождала группа воздушной разведки, нанятая в одной из французских фирм. Исследуемый район частично граничил с Зангаро. Они испытывали недостаток в топографических картах этого района, а аэрофотоснимков не было вовсе. Не имея ни радиомаяка, ни других сигнальных устройств, пилоту приходилось производить замеры, исходя из скорости и времени полета.

Однажды ветер оказался сильнее, чем предполагалось по прогнозу. Пилот взлетел, выполнил свое задание и, удовлетворенный, вернулся на

базу. Однако он не знал, что с попутным ветром пролетел лишние сорок километров над территорией Зангаро, запечатлев этот участок на пленке.

— Кто первый обратил на это внимание? Французы? — спросил Мэнсон.

— Нет, сэр. Они проявили пленки и передали их нам без каких-либо комментариев. Так полагалось по контракту. Аэрофотоснимки должен был идентифицировать наш человек. Тогда и выяснилось, что на некоторых изображены участки, не входящие в зону разведки. Эти снимки отложили за ненадобностью, отметив, однако, что на них заметна гряда холмов, которой не могло быть в совершенно равнинном исследуемом районе.

В чью-то светлую голову пришла мысль еще раз взглянуть на эти никчемные фотографии, и вот тут-то заметили, что часть горного района несколько восточнее основной гряды отличается по плотности и типу растительного покрова. С земли на это не обратишь внимания, но на аэрофотоснимках, сделанных с высоты трех миль, все видно отчетливо, также как пятно на бильярдном столе.

— Я знаю, как это бывает, — перебил сэр Джеймс. — Продолжай.

— Прошу прощения, сэр. В общем, полдюжины фотографий были переданы в фотогеологический отдел и там, увеличив снимки, подтвердили, что растительный покров характерно отличается лишь на небольшой горе примерно конусообразной формы, высотой около тысячи восьмисот футов. Соответствующий отчет был передан в топографический отдел. Там определили, что привлекший внимание объект, по-видимому, является Хрустальной горой. Далее отчет был послан в отдел зарубежных контактов, и Уиллоби, начальник отдела, командировал Брайнта за получением разрешения на проведение геологоразведки.

— Уиллоби не докладывал мне об этом, — проговорил Мэнсон, уже сидя за столом.

— Он послал докладную записку, сэр Джеймс. Она у меня. Вы в это время были в Канаде и намеревались отсутствовать еще месяц. Уиллоби дал понять, как ничтожны шансы что-либо обнаружить, но поскольку аэрофотоснимки достались нам бесплатно, а фотогеологический отдел счел, что изменение растительного покрова связано с определенными причинами, расходы на проведение изысканий были бы оправданы. Кроме того, Уиллоби посчитал, что и Брайнту будет полезно

провести переговоры самостоятельно. До этого он лишь сопровождал своего начальника.

— Так, так.

— Брайнт получил визу и поехал. Это было шесть месяцев назад. Он добился разрешения и через три недели вернулся. Четыре месяца назад отдел изысканий решил отозвать некоего Джека Малруни из Ганы и послать провести геологоразведку Хрустальной горы, не затрачивая на это больших усилий. Он вернулся тремя неделями ранее с полутора тоннами образцов, которые с тех пор находятся в лаборатории в Уатфорде.

— Вполне ясно, — проговорил сэр Джеймс после паузы. — Знает ли об этом совет директоров?

— Нет, сэр, — твердо ответил Торп. — Я просмотрел протоколы заседаний за последние двенадцать месяцев, а также все другие документы. Ни малейшего упоминания о задании Малруни. Поскольку расходы на проведение изысканий оказались незначительными, а аэрофотоснимки достались нам случайно, этот проект на совет директоров не выносился. Он прошел как обычное рутинное дело.

Джеймс Мэнсон кивнул с очевидным удовлетворением.

— Хорошо. Теперь Малруни. Насколько он

умен?

Прежде чем отвечать, Торп раскрыл личное дело Джека Малруни, взятое им в отделе кадров.

— Специального образования нет, но громадный практический опыт, сэр. Большой трудяга.

Мэнсон быстро пролистал личное дело, задержав внимание на биографии и послужном списке с момента прихода на работу в компанию.

— Да, опыт у него богатый, — подтвердил Мэнсон. — Не стоит недооценивать этих африканских парней. Я сам начинал на Рэнде и знаю, чего они стоят. Запомни, юноша, что такие люди приносят подчас очень большую пользу. Они могут обладать громадной интуицией.

Он отпустил Мартина Торпа и пробормотал про себя:

— Посмотрим, посмотрим, как у тебя с интуицией, Малруни.

Мэнсон нажал кнопку интеркома и спросил:

— Малруни уже появился, мисс Кук?

— Да, сэр Джеймс, он ждет.

— Пусть войдет.

Мэнсон пошел навстречу к появившемуся в дверях Малруни. Он тепло поздоровался с инженером и подвел его к креслам, где они сидели с Брайнтом предыдущим вечером. Прежде чем

отпустить мисс Кук, он попросил ее подать им кофе. В личном деле Малруни была отмечена любовь к этому напитку.

Неуклюжий, не знающий, куда девать свои большие натруженные руки, он чувствовал себя в шикарном лондонском офисе крайне неуютно. Ему впервые доводилось беседовать с шефом, но он так и не смог пригладить свои жесткие седые волосы, а бреясь утром, сильно порезался. Сэр Джеймс уж и не знал, как заставить этого человека избавиться от скованности.

Когда мисс Кук внесла поднос с чашками, кофейником, сливочником, сахарницей и бисквитами, она услышала, как ее начальник говорил ирландцу:

— …в этом-то и дело. У вас есть то, чему ни я, ни кто другой не сможет научить окончившую колледж молодежь. Опыт, добытый двадцатью годами упорного труда, стоит любого диплома.

Всегда приятно, когда тебя хвалят; не был исключением и Джек Малруни. Он просиял и кивнул. Когда мисс Кук вышла, сэр Джеймс указал на кофейные чашечки.

— Только взгляните на эту чепуху. Сюда бы добрую кружку, а тебе дают наперсток. Помню, как-то на Рэнде, в конце тридцатых, это было

еще до вас…

Малруни пробыл в кабинете около часа. Уходя, он чувствовал, что его шеф — чертовски хороший парень. В свою очередь, и сэр Джеймс Мэнсон решил, что с Малруни можно иметь дело. Он будет упорно долбить скалы, не задавая лишних вопросов.

Перед тем, как уйти, Малруни еще раз повторил:

— Там есть олово, сэр Джеймс. Ручаюсь головой. Дело лишь в том, окажется ли выгодно его добывать.

Сэр Джеймс похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь. Из Уатфорда пришлют отчет, и мы все узнаем. Будьте уверены, если окажется, что хоть одну унцию можно доставить на побережье дешевле рыночной стоимости, мы начнем добычу. Лучше подумаем о вас. Куда отправитесь теперь?

— Не знаю, сэр. У меня еще три дня отпуска, а потом явлюсь в свой отдел.

— Хотите снова за границу? — с улыбкой спросил сэр Джеймс.

— Честно говоря, да, сэр. Терпеть не могу этот город и эту погоду, и вообще…

— Снова на солнышко, а? Слышал, что вы лю-

бите дикие места.

— Да. Там ты сам себе хозяин.

— Это точно, — улыбнулся Мэнсон. — Я почти завидую вам. Да нет, черт возьми, еще как завидую! Посмотрим, что для вас можно будет сделать.

Через две минуты Джек Малруни ушел. Мэнсон распорядился, чтобы мисс Кук отправила личное дело обратно в отдел кадров, позвонил в бухгалтерию, велев выписать Малруни заслуженную премию в размере тысячи фунтов и вручить ее до следующего понедельника. Затем он позвонил начальнику отдела изысканий.

— Где в ближайшее время у вас начинаются или планируются изыскания? — спросил он напрямик.

Начальник назвал три таких места. Одно из них находилось на севере Кении, недалеко от границы с Сомали. Полуденное солнце способно было расплавить вам мозги, ночью вас трясло от жуткого холода, и на каждом шагу подстерегали хищники. Работа ожидалась длительная, почти на год, и найти желающего туда отправиться на столь долгий срок было почти невозможно.

— Пошлите Малруни, — распорядился сэр Джеймс и повесил трубку.

Он взглянул на часы. Было одиннадцать. Мэнсон взял личное дело доктора Гордона Чалмерса, которое Эндин оставил у него на столе прошлым вечером.

Чалмерс окончил с отличием лондонский геологический институт, по праву считающийся лучшим в мире. Он получил ученую степень по геологии, позднее по химии, и стал доктором, когда ему не было еще и тридцати. Проработав пять лет в колледже, он поступил в научный отдел компании «Рио Тинто Зинк», откуда «МэнКон» переманила его шесть лет назад, прельстив более высокими заработками. Последние четыре года он возглавлял научно-исследовательское подразделение компании. В личном деле имелась фотография, с которой на вас смотрел бородатый человек в возрасте примерно сорока лет. Он был одет в твидовый пиджак и фиолетовую рубашку с неаккуратно повязанным шерстяным галстуком.

В одиннадцать тридцать пять зазвонил телефон, и сэр Джеймс услышал гудки, которые бывают, когда звонят из автомата. Наконец, монета провалилась в щель и раздался голос Эндина. Он говорил с вокзала в Уатфорде.

— Спасибо. Это полезно знать, — поблагодарил его Мэнсон. — Теперь возвращайся в Лондон. У

меня для тебя есть еще одно дело. Мне нужна полная информация о республике Зангаро. Да, да, З-А-Н-Г-А-Р-О, — он произнес название по буквам.

— Начни со времени ее открытия. Я хочу знать ее историю, географию, экономику, сельское хозяйство, минералогию, политику, словом, все. Особое внимание обрати на десятилетний период, предшествующий независимости, а также на то, что происходило после ее провозглашения. Я хочу знать все что можно о президенте, его кабинете, парламенте, если таковой имеется, администрации, исполнительной и судебной власти, а также о политических партиях. Наиболее важны для меня три момента. Во-первых, русское и китайское вмешательство и влияние их, а также местных коммунистов на президента. Во-вторых, никто, хоть сколь-нибудь отдаленно связанный с этой страной, не должен знать, чем ты интересуешься. И в-третьих, ни при каких обстоятельствах не говори, что ты из «МэнКона». Можешь даже воспользоваться другим именем. Понял? Хорошо, тогда доложишь мне, как только будешь готов, но не позже, чем через тридцать дней. Деньги получишь наличными в бухгалтерии. Официально считай себя в отпуске.

Мэнсон повесил трубку, а затем позвонил Торпу, чтобы дать ему дальнейшие указания. Через три минуты Торп поднялся на десятый этаж и положил на стол своему шефу требующийся тому листок бумаги. Это была копия письма.

Внизу доктор Гордон Чалмерс, расплатившись, вышел из такси на углу Мургейт. В темном костюме и пальто он чувствовал себя не очень-то удобно, но Пегги убедила его, что для беседы и обеда с председателем совета директоров это необходимо.

Направляясь к подъезду здания компании «МэнКон», он краем глаза заметил в газетном киоске афишу, призывающую купить «Ивнинг Ньюс» и «Ивнинг Стандард». То, что было написано на афише, заставило его губы искривиться в горькой усмешке, но все же он купил обе газеты. Рекламируемая заметка находилась не на первой полосе, а внутри под заголовком «Родители, принимавшие талидомид[24], настаивают на урегулировании конфликта».

В ней сообщалось, что после очередного раунда бесконечных переговоров между представите-

[24] Примечания: 24

Синтетическое лекарство, используемое в качестве седативного средства, но запрещенное к распространению, когда выяснилось, что оно вызывает аномалии у развивающегося плода.

лями родителей четырехсот с лишним британских детей, искалеченных из-за талидомидных препаратов, выпущенных десять лет назад, и компанией, производящей эти препараты, дело опять зашло в тупик. В дальнейшем переговоры будут продолжены.

Мысли Гордона Чалмерса вернулись домой, в Уатфорд, где остались его жена Пегги, достигшая лишь тридцати лет, но выглядевшая на все сорок, и Маргарет, — безногая, однорукая Маргарет, — все свои неполные девять лет нуждающаяся в специальных протезах и всевозможных приспособлениях, которые стоили ему состояния.

— В дальнейшем переговоры будут возобновлены, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь, и швырнул газеты в урну. В любом случае он редко читал вечерние газеты, предпочитая «Гардиан», «Прайвэт Ай» и левую «Трибюн». Наблюдая около десяти лет попытки группы почти неимущих родителей получить хоть какую-то компенсацию от гигантской фармацевтической корпорации, Гордон Чалмерс питал в себе горькие мысли о воротилах большого бизнеса. Через десять минут ему предстояло встретиться с одним из самых крупных.

Сэр Джеймс не мог так же легко ввести в за-

блуждение Чалмерса, как это у него получилось с Брайнтом и Малруни. Подав своему шефу виски, а ученому пиво, мисс Кук удалилась. Поймав твердый взгляд Чалмерса, Мэнсон решил, что лучше сразу перейти к сути дела.

— Полагаю, что вы догадались, почему я назначил вам встречу, доктор Чалмерс.

— Догадываюсь, сэр Джеймс. Отчет по поводу Хрустальной горы.

— Именно. Кстати, вы поступили совершенно правильно, что послали его лично мне в запечатанном конверте. Совершенно правильно.

Чалмерс пожал плечами. Он поступил так, поскольку был осведомлен о правилах компании, в соответствии с которыми все важные сведения, касающиеся проведенных лабораторных исследований, должны были направляться непосредственно председателю совета директоров. Как только он понял, что означают результаты анализа проб, то поступил согласно правилам.

— Позвольте задать вам два вопроса, на которые я хочу получить точные ответы, — проговорил сэр Джеймс. — Абсолютно ли вы уверены в полученных результатах? Не может ли быть других возможных объяснений?

Чалмерс не почувствовал себя ни обиженным,

ни уязвленным. Он понимал, насколько непонятна для непрофессионала работа ученого. Уже давно он оставил попытки объяснить тонкости своего дела.

— Абсолютно уверен. С одной стороны, существует множество методик установления наличия платины, и все они дали почти одинаковые результаты. С другой стороны, я не только применил все известные методики к каждой из проб, но проделал все анализы дважды. Теоретически возможны какие-то влияния на элювиальные пробы, но посторонние воздействия совершенно исключены для внутренних структур самих скальных пород. Выводы моего отчета вне всяких сомнений.

Сэр Джеймс Мэнсон выслушал эту небольшую лекцию с весьма заинтересованным видом, одобрительно кивая.

— И второе. Сколько сотрудников вашей лаборатории знает о результатах анализа проб Хрустальной горы?

— Ни одного, — ответил уверенно Чалмерс.

— Ни одного? — переспросил Мэнсон. — Полноте, неужели ни один из ваших помощников…

Чалмерс глотнул пива и покачал головой.

— Сэр Джеймс, когда пробы прибыли, они были

обычным образом упакованы и сданы на хранение. В сопроводительной записке Малруни говорилось о наличии олова — в неопределенных количествах. Поскольку большого значения этим изысканиям не придавалось, я поручил проведение анализов младшему ассистенту. Не имея достаточного опыта, он предположил, что либо в пробах есть олово, либо нет ничего вообще, и, руководствуясь этим, провел проверку. Отрицательный результат он показал мне. Я предложил провести новые проверки, но результат снова был отрицательным. По этому поводу я прочел ему лекцию о том, насколько не следует доверять мнению изыскателей, и показал ряд дополнительных тестов. Ответ был тот же. Лаборатория закончила работу, но я решил задержаться и оставался там совсем один, когда начал получать положительные результаты. К полуночи я уже знал, что в некоторых пробах содержатся небольшие количества платины. Заперев лабораторию, я ушел.

На следующий день дал ассистенту новое задание, а сам вплотную занялся этими пробами. Там было шестьсот мешков гальки и гравия и 1500 фунтов скальных пород — свыше трехсот проб, взятых из различных участков горы. Имея

фотографии Малруни, можно было отчетливо представить эту гору. Во всех частях формации присутствовали вкрапления платины. Это я указал в отчете.

С некоторым вызовом он отпил свое пиво.

Сэр Джеймс, продолжая кивать, смотрел на ученого с притворным благоговением.

— Невероятно, — произнес он наконец. — Я знаю, что вы, ученые, любите казаться невозмутимыми, но наверняка и вас это потрясло. Здесь же может оказаться новый источник платины мирового значения. Вы же знаете, как редко случается подобное. Раз в десятилетие, а может и лишь однажды в жизни…

Конечно, это открытие потрясло Чалмерса, который засиживался допоздна в течение трех недель, чтобы проверить каждый мешок и каждый кусок породы, взятый из Хрустальной горы. Но он не подал вида, а лишь, пожав плечами, произнес:

— Что ж, для компании «МэнКон» это определенно сулит выгоду.

— Не обязательно, — тихо возразил сэр Джеймс, впервые за всю их беседу.

— Нет? — удивился ученый. — Но это же огромное состояние!

— В земле — да, — проговорил сэр Джеймс, вставая и подходя к окну. — Но все зависит от того, кому оно достанется, если достанется кому-то вообще. Видите ли, есть опасность, что месторождение не будут разрабатывать долгие годы, или будут всю добычу складывать про запас.

И за полчаса он обрисовал Чалмерсу ситуацию, упомянув и финансовые, и политические аспекты, в которых ученый не был силен.

— Вот так, — заключил он. — Скорее всего, как только мы объявим о нашем открытии, месторождение будет преподнесено русским на блюдечке.

Доктор Чалмерс, который, собственно говоря, ничего не имел против русских, лишь слегка пожал плечами.

— Я не могу изменить факты, сэр Джеймс.

Брови Мэнсона поползли вверх в притворном удивлении.

— Боже упаси, доктор, конечно, нет.

Он взглянул на часы и воскликнул:

— Ого, почти час. Должно быть, вы голодны. Я — так точно. Пойдемте перекусим.

Он думал вызвать «Ролле», но после звонка Эндина из Уатфорда этим утром и полученной информации о том, что Чалмерс регулярно вы-

писывает «Трибюн», решил воспользоваться обычным такси.

Перекусили они pâte[25], омлетом с трюфелями, зайцем, тушенным в соусе с красным вином, и бисквитами, пропитанными ромом и залитыми взбитыми сливками. Как Мэнсон и предполагал, Чалмерс не одобрял подобные излишества, но в то же время и не страдал отсутствием аппетита; ему не удалось противостоять простым законам природы, когда хорошая еда доставляет ощущение сытости, довольства, эйфории и несколько снижает моральную сопротивляемость. Мэнсон также сделал ставку на то, что любитель пива непривычен к выдержанным красным винам, и две бутылки Коте дю Рон действительно побудили Чалмерса заговорить на интересующие его темы: работа, семья, взгляды на жизнь.

А когда Чалмерс упомянул о своей семье и их новом доме, сэр Джеймс Мэнсон, изобразив глубокое сочувствие, вспомнил, как год назад он видел Чалмерса в телевизионной передаче.

— О, как мне жаль, — проговорил он. — Я не знал этого раньше… Я имею в виду вашу малютку… такая трагедия.

---

[25] Примечания: 25
Паштет (фр.).

Чалмерс кивнул, вперив взгляд в стол. Сначала неохотно, а затем все более доверительно он начал рассказывать своему шефу о Маргарет.

— Вряд ли вы сможете это понять, — вырвалось у него.

— Я могу попытаться, — мягко произнес сэр Джеймс. — Знаете ли, у меня тоже дочь. Она, конечно, старше.

Когда спустя десять минут в разговоре наступила пауза, сэр Джеймс Мэнсон достал из внутреннего кармана сложенный листок бумаги.

— Просто не знаю, как вам это предложить, — проговорил он смущенно, — но я осведомлен, сколько сил и времени вы отдаете компании. Несомненно, это нелегко дается и вам, и миссис Чалмерс. Поэтому я этим утром отдал своему банку распоряжение…

Он передал Чалмерсу копию письма, где управляющему «Котс Банк» предписывалось первого числа каждого месяца посылать заказным письмом доктору Гордону Чалмерсу по его домашнему адресу пятнадцать банкнот, каждая достоинством десять фунтов стерлингов. Это распоряжение должно было действовать в течение десяти лет, если не поступят дальнейшие указания.

Чалмерс поднял глаза. Весь вид его шефа выра-

жал озабоченность и смущение.

— Спасибо, — прочувствованно сказал ученый.

Сэр Джеймс протянул руку, которую Чалмерс с благодарностью пожал.

— Хватит об этом. Давайте выпьем бренди.

В такси, по дороге обратно в офис, Мэнсон предложил подбросить Чалмерса до станции, где он мог сесть на поезд до Уатфорда.

— А мне надо возвращаться на работу и что-то делать с этим Зангаро и вашим докладом, — проговорил он.

Чалмерс смотрел в окно автомобиля, наблюдая, как машины спешат из Лондона в этот предвыходной день.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил он.

— Просто не знаю. Конечно, не хотелось бы распространять эти сведения. Обидно будет видеть, как все уйдет в чужие руки, что несомненно случится, когда ваш доклад станет известен в Зангаро. Но рано или поздно мне придется что-то им сообщить.

Последовала еще одна длинная пауза, пока такси подъезжало к станции.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — поинтересовался ученый.

Сэр Джеймс Мэнсон вздохнул.

— Да, — проговорил он. — Поступите с пробами так же, как вы поступаете со всеми ненужными образцами породы и грунта. Полностью уничтожьте все записи, касающиеся проведенных анализов. Возьмите ваш доклад и сделайте его точную копию, но с одним отличием — укажите, что проведенные проверки показали наличие небольших количеств низкопробного олова, разрабатывать которое с экономической точки зрения бессмысленно. Сожгите свою копию первоначального доклада. И никогда больше не упоминайте ни слова об этом.

Такси остановилось, но поскольку ни один из пассажиров не двинулся с места, водитель, опустив перегородку, напомнил:

— Приехали.

— Клянусь вам, — прошептал сэр Джеймс, — что если политическая ситуация станет более благоприятной, «МэнКон» поднимет вопрос о концессии на добычу в соответствии с обычно принятыми процедурами.

Доктор Чалмерс выбрался из такси и, оглянувшись на сидящего в углу шефа, произнес:

— Я не уверен, что смогу сделать это, сэр. Мне нужно подумать.

Мэнсон кивнул.

— Конечно, конечно. Я знаю, что прошу слишком многого. Послушайте, а почему бы вам не обсудить все это со своей женой? Уверен, что она все поймет.

Он захлопнул дверь и велел таксисту ехать в Сити.

* * *

Этим вечером сэр Джеймс ужинал с одним высокопоставленным чиновником из Министерства иностранных дел, пригласив его в свой клуб. Клуб не был одним из самых престижных в Лондоне, ибо Мэнсон не намеревался посягать на бастионы старого истеблишмента, опасаясь получить отпор. Кроме того, он не имел ни времени, ни желания карабкаться по социальной лестнице, чтобы на самом ее верху оказаться в окружении претенциозных и чванливых идиотов. Все, что касалось светской жизни, он оставил своей жене. Посвящение в рыцари было полезно, и этого ему хватало.

Мэнсон терпеть не мог Адриана Гула, которого держал за педантичного дурака. Именно поэтому он и пригласил его на ужин. Ну, конечно, еще и потому, что этот человек работал в отделе эконо-

мической разведки МИДа.

Несколько лет назад, когда деятельность компании «Мэнсон Консолидейтед» в Гане и Нигерии достигла определенного уровня, ее глава стал членом действовавшего в Сити Комитета по Западной Африке. Эта организация была своего рода профсоюзом всех главных лондонских фирм, осуществляющих операции в Западной Африке. Периодически Комитет обсуждал происходящие там события, представляющие коммерческий и политический интерес, и высказывал Министерству иностранных дел свое мнение по поводу того, какие внешнеполитические меры, на их взгляд, могли бы послужить во благо Британии.

Вряд ли это удовлетворяло сэра Джеймса Мэнсона, который считал, что они могли бы, по существу, указывать правительству, какие действия предпринять в этой части мира для увеличения получаемых оттуда прибылей. И был бы прав. Он присутствовал на заседании Комитета, когда обсуждалась гражданская война в Нигерии, и слышал, как представители различных банков, горнорудных, нефтяных и торговых компаний выступали за быстрый конец войны, что, по-видимому, означало победу федеральных сил.

Комитет пророчески предлагал правительству

поддержать федеральную сторону, при условии, что она продемонстрирует желание победить и сделать это быстро, а британские источники на месте подтвердят это. Но им осталось лишь наблюдать, как, по совету МИДа, правительство породило еще одну великую африканскую бойню. И вместо шести месяцев война продолжалась все тридцать. Ответственный за такую политику Гарольд Вильсон был отнюдь не склонен признать ошибки своих любимых советчиков, как, впрочем, и свои собственные.

В доходе Мэнсона была пробита ощутимая брешь из-за падения курса его горнорудных акций и возникших во время войны производственных проблем, но еще больше пострадал глава нефтедобывающей компании «Шелл-ВР» Макфаздин.

Основная служебная обязанность Адриана Гула заключалась в том, чтобы обеспечивать взаимодействие между МИДом и Комитетом по Западной Африке. Сейчас он сидел напротив сэра Джеймса Мэнсона в алькове клубного ресторана, манжеты его сорочки были видны ровно на дюйм с четвертью, а лицо казалось немыслимо серьезным.

Мэнсон частично обрисовал ему истинную

картину, не упомянув, однако, о платине. Он придерживался версии с оловом, но преувеличил его запасы. Разработка была бы, безусловно, стоящим делом, но, говоря откровенно, он опасался сильной зависимости президента от русских советников. Участие правительства Зангаро в прибылях принесло бы ему кругленькую сумму, а с ней — еще большее могущество. Но поскольку правящий тиран был практически марионеткой в руках русских, то кто же захочет посредством денег усиливать нынешнюю республиканскую власть? Гул выслушал все это. Его лицо выразило искреннюю озабоченность.

— Чертовски трудная проблема, — проговорил он с пониманием. — Но я восхищен вашим политическим чутьем. Пока Зангаро пребывает в нищете и невежестве, это одно. Но если страна станет богатой, то да… вы совершенно правы. Действительно, дилемма. Когда вы должны отослать им отчет об изысканиях и результатах анализа?

— Рано или поздно придется, — сказал Мэнсон. — В том-то и проблема. Если они покажут отчет в русском посольстве, то торговый советник непременно поймет, что залежи олова пригодны для разработки. Встанет вопрос о подряде, и неиз-

вестно, кто его получит. Кроме того, кто знает, какие проблемы возникнут перед Западом, если в руки диктатору попадет богатство?

Гул задумался.

— Я полагал, что должен проинформировать ваше ведомство, — добавил Мэнсон.

— Да, да, спасибо, — Гул был все еще погружен в раздумья.

— Скажите мне, — произнес он, наконец, — что бы произошло, если бы вы в своем отчете наполовину уменьшили цифры, показывающие содержание олова в породе?

— Наполовину уменьшили?

— Да. Наполовину уменьшили эти цифры, сообщив, что содержание чистого олова в тонне породы на пятьдесят процентов меньше действительно полученных результатов.

— Ну, при таком количестве олова разрабатывать месторождение было бы экономически невыгодно.

— А могли бы образцы породы быть взяты из другого места, скажем, в миле оттуда? — спросил Гул.

— Да, полагаю, что могли бы. Но мой геолог обнаружил самые богатые пробы породы именно там.

— Ну, а если бы он этого не сделал? — настаивал Гул. — Если бы он взял свои пробы в миле от того места, где действительно проводил изыскания? Могло бы содержание олова снизиться на пятьдесят процентов?

— Да, вполне. А может быть и больше, чем на пятьдесят процентов. Но он работал там, где работал.

— Под чьим-либо контролем? — поинтересовался Гул.

— Нет. Один.

— И не осталось никаких следов его работы?

— Нет, — ответил Мэнсон. — Лишь несколько сколов породы, ставших уже давно незаметными. Кроме того, там никого нет. Это далеко от цивилизованных мест.

Он замолчал на несколько мгновений, раскуривая сигару.

— Знаете ли, Гул, вы чертовски умный парень. Официант, еще бренди, если вы не возражаете.

Довольные друг другом, они расстались на ступеньках клуба. Швейцар остановил для Гула такси, которое должно было отвезти его обратно в Холланд-Парк.

— И еще одно, — произнес чиновник МИДа уже у дверцы такси. — Никому об этом ни слова. Я до-

кументально оформлю, естественно, засекретив, все это у себя в отделе, и пусть так оно и остается только между вами и нами, в МИДе.

— Безусловно, — ответил Мэнсон.

— Я очень благодарен, что вы сочли возможным сообщить мне все это. Вы даже не представляете себе, насколько нам облегчает работу знание истинного положения вещей. Я буду пристально следить за Зангаро, и если там наметятся какие-либо политические перемены, вы узнаете об этом первым. Спокойной ночи.

Сэр Джеймс Мэнсон проводил взглядом такси и махнул рукой своему «Роллс-Ройсу», ждавшему его дальше по улице.

— Вы узнаете об этом первым, — передразнил он. — Ты чертовски прав, парень. Именно я буду первым, потому что я все это и начну.

Он наклонился вперед через боковое стекло к сидящему за рулем своему шоферу.

— Если бы жалкие людишки вроде этого ссыкуна создавали нашу империю, Крэддок, то у нас никогда бы не было ни одной колонии, кроме острова Вайт[26].

— Вы абсолютно правы, сэр, — подтвердил Кр-

---

[26] Примечания: 26

Остров и графство в Южной Англии, в проливе Ла-Манш, площадью 390 кв. км.

эддок. Когда его шеф забрался на заднее сиденье, водитель отодвинул переговорную панель.

— Глочестершир, сэр Джеймс?

— Глочестершир, Крэддок.

Снова пошел мелкий дождь, когда сверкающий лаком лимузин прошуршал по Пикадилли к Парк-Лейн, вырвался на шоссе A40 и направился на запад, унося сэра Джеймса Мэнсона к десятикомнатному особняку, приобретенному для него три года назад благодарной компанией за 250 тысяч фунтов стерлингов. Там его ждали жена и девятнадцатилетняя дочь, но уж их-то он заполучил самостоятельно.

* * *

Часом позже Гордон Чалмерс лежал рядом с женой, измученный и злой из-за спора, которые они вели уже два часа. Пегги Чалмерс, лежа на спине, смотрела в потолок.

— Не могу я этого сделать, — в который раз повторил Чалмерс. — Не могу просто взять и подделать отчет, чтобы помочь этому проклятому Мэнсону заграбастать еще кучу денег.

Повисло долгое молчание. Они возвращались к этому снова и снова с тех пор, как Пегги прочитала письмо Мэнсона своему банкиру и узнала

от мужа об условиях будущей материальной обеспеченности.

— Да какая же разница? — тихо донеслось до Чалмерса из темноты. — Раз уж все сказано и решено, то какая же разница? Получат ли эту концессию русские, или никто ее не получит. Поднимутся цены или упадут. Какая разница? Все это полнейшая чепуха.

Пегги Чалмерс приподнялась и склонилась над мужем, пристально вглядываясь в смутно вырисовывающееся в темноте лицо. Снаружи ночной ветер шевелил ветвями старого вяза, рядом с которым они выстроили свой новый дом, снабженный специальным оборудованием для дочери-калеки.

Пегги заговорила снова со страстным напором:

— Но вот Маргарет — это не чепуха, и меня ты тоже не сбрасывай со счетов. Нам необходимы эти деньги, Гордон, необходимы сейчас и в ближайшие десять лет. Умоляю тебе, дорогой, забудь ты хоть раз о своих принципах и сделай, что они хотят.

Гордон Чалмерс продолжал смотреть на видневшийся между шторами кусочек полуоткрытого окна, через которое в спальню проникал свежий ночной воздух.

— Ладно, — произнес он, наконец.

— Ты сделаешь это? — спросила она.

— Да, черт возьми, сделаю.

— Ты клянешься, дорогой? Дай мне слово.

Последовала долгая пауза.

— Я даю тебе слово.

Пегги прижалась лицом к его груди.

— Спасибо, милый. Не беспокойся. Пожалуйста, не беспокойся. Через месяц все это забудется. Увидишь.

Вскоре она уснула, измученная ежевечерней борьбой с Маргарет во время купания и укладывания спать, а затем неожиданной ссорой с мужем. Гордон Чалмерс продолжал упорно смотреть в темноту.

— Они всегда побеждают, — тихо проговорил он с горечью. — Эти ублюдки, они всегда, черт возьми, побеждают.

На следующий день, в субботу, он проехал пять миль до лаборатории и составил совершенно новый отчет для республики Зангаро. Затем он сжег все заметки и первоначальный вариант отчета, а образцы пород и грунта свез на свалку, откуда местные подрядчики черпали материал для бетона и садовых дорожек. Чалмерс отправил отчет заказным письмом в офис на имя сэра

Джеймса Мэнсона, вернулся домой и постарался обо всем забыть.

* * *

В понедельник отчет был доставлен в Лондон, и распоряжения банку относительно Чалмерса вступили в силу. Далее отчет был передан в отдел зарубежных контактов, где Уиллоби, ознакомившись с ним, передал его Брайнту. На следующий день Брайнту предписывалось отбыть в столицу Зангаро, Кларенс, и представить отчет министру природных ресурсов. Отчет сопровождался письмом, в котором компания выражала свое сожаление по поводу несостоявшейся концессии.

* * *

Во вторник вечером Ричард Брайнт уже был в лондонском аэропорту Хитроу, ожидая рейса авиакомпании «БЕА» на Париж, где он должен был получить соответствующую визу и пересесть на самолет «Эр Африк». В пятистах ярдах от него в соседнем зале Джек Малруни, пройдя досмотр, поднимался по трапу лайнера компании «БОАК», следующего рейсом до Найроби. Как ему было хорошо! Лондон уже сидел у него в печенках.

Его ждали Кения, джунгли и, возможно, охота на львов.

К концу недели только два человека знали, какие сокровища таит в себе Хрустальная гора. Один дал клятву жене молчать, а второй… второй уже действовал.

Глава 4

Саймон Эндин вошел в кабинет сэра Джеймса Мэнсона с объемистой папкой, содержащей изложенный на ста страницах доклад о республике Зангаро, альбомом с большими фотографиями и несколькими картами. Он продемонстрировал все это своему шефу, и тот одобрительно кивнул.

— Никто не догадался, кто ты и на кого работаешь, собирая весь этот материал? — спросил Мэнсон.

— Нет, сэр Джеймс. Я пользовался псевдонимом, да никто и не спрашивал.

— А в Зангаро не осведомлены, что кто-то проявляет интерес к их стране?

— Нет. Я использовал архивные материалы, побывал в нескольких университетских библиотеках, здесь и на континенте, еще у меня был туристский путеводитель, изданный в самом Зангаро, правда, пятилетней давности, колониальных времен, — словом, обычная реферативная работа.

— Хорошо, — одобрил Мэнсон. — Я изучу доклад позже. Изложи мне основные факты.

Для ответа Эндин взял одну из карт и разложил

ее на столе. Он показал участок африканского побережья с отмеченной на нем республикой Зангаро.

— Как видите, сэр Джеймс, с севера и востока она граничит вот с этой республикой, а с юга — вот с этой. С четвертой стороны — море.

Она похожа на спичечный коробок, обращенный короткой стороной к морю и углубляющийся в материк. Границы в давние колониальные времена были проведены абсолютно произвольно и являлись лишь линиями на карте. Фактически никаких границ не существует. Имеется лишь один пограничный пункт на дороге, где начинается и кончается все автомобильное движение Зангаро. Она ведет на север, в соседнюю страну.

Сэр Джеймс, внимательно изучая карту, спросил:

— Как насчет восточной и южной границ?

— Там нет никаких дорог, сэр. Пробраться можно только через джунгли, и во многих местах там просто непроходимые заросли.

— Площадь Зангаро составляет семь тысяч квадратных миль, — продолжал Эндин. — Ее территория тянется на семьдесят миль вдоль побережья и на сто миль в глубину. Столица — Кларенс, названная в честь капитана, впервые

высадившегося здесь на берег в поисках пресной воды, — находится в самом центре побережья, в тридцати пяти милях от северной и южной границ.

Позади столицы лежит узкая прибрежная равнина. Только здесь и находятся возделываемые земли, не считая небольших лесных делянок, обрабатываемых туземцами. За равниной протекает река Зангаро, а дальше начинаются Хрустальные горы, за которыми на много миль до самой восточной границы простираются джунгли.

— Есть ли какие-нибудь другие коммуникации? — поинтересовался Мэнсон.

— Дорог практически нет совсем, — рассказывал Эндин. — Река Зангаро течет с севера близко к побережью и впадает в море почти у южной границы. Там есть несколько пристаней и бараков, которые служат в качестве небольшого порта, предназначенного для экспорта древесины. Но со времени провозглашения независимости этот бизнес пришел в упадок. Шестьдесят миль река тянется почти параллельно побережью, слегка сближаясь с ним, и фактически делит республику на две части. Болотистое побережье прибрежных равнин недоступно для подхода судов и лодок. А

на востоке, за рекой и горами, находятся дикие внутренние районы. По реке можно было бы организовать доставку грузов, но это никого не интересует. Заканчивается река мелководным заиленным устьем.

— А что там насчет экспорта леса?

Эндин достал крупномасштабную карту и разложил ее на столе. Карандашом он указал устье реки Зангаро.

— Лес валили выше, по берегам реки или на западных склонах гор. Там еще много хорошей древесины, но со времени провозглашения независимости это мало кого интересует. Бревна сплавлялись вниз по реке до устья и там складировались. За ними приходили суда, бросавшие якорь на рейде. Связки бревен переправлялись на корабли, буксируемые катерами и моторными лодками. На борт их поднимали с помощью корабельных лебедок.

Мэнсон пристально разглядывал крупномасштабную карту с простирающимся на семьдесят миль побережьем, рекой, текущей почти параллельно на расстоянии двадцати миль от него, полоской непроходимых болотистых зарослей между морем и кромкой берега и встающими за рекой горами. Он мог бы разыскать на карте и

саму Хрустальную гору, но не намеревался о ней упоминать.

— А основные дороги? Хоть какие-то должны там быть?

Эндин продолжил свои объяснения.

— Столица находится на конце небольшого широкого полуострова, вот здесь, в середине побережья. Она обращена в открытое море. Есть маленький порт, пожалуй, единственный настоящий порт в этой стране. Почти сразу же за чертой города полуостров сливается с материком. Есть там одна дорога, проходящая через весь полуостров и на шесть миль углубляющаяся прямо на восток. Вот здесь она разветвляется. Одно шоссе ведет на юг и через семь миль переходит в грунтовую дорогу, которая миль через двадцать теряется в дюнах эстуария[27] Зангаро.

Вторая ветвь сворачивает налево и идет на север по западному равнинному берегу реки до границы. Здесь находится пограничный пункт, охраняемый дюжиной сонных продажных солдат. Очевидцы рассказывали мне, что они даже не умеют читать, так что им все равно, есть в паспорте виза или нет. Чтобы пересечь границу,

---

[27] Примечания: 27
Широкое устье реки, впадающей в океан.

достаточно дать им пару фунтов.

— А как насчет дороги в глубь страны? — задал очередной вопрос сэр Джеймс.

Эндин ткнул в карту пальцем.

— Она настолько мала, что даже не отмечена. В действительности, если после развилки ехать на север, то через десять миль будет поворот направо. Это и есть дорога на восток. Она проходит по оставшейся части равнины, затем через реку Зангаро по шаткому деревянному мосту…

— Так что же, только этот мост и связывает две части страны по разным берегам реки? — удивленно перебил Мэнсон.

Эндин пожал плечами.

— Автомобили могут перебраться через реку только здесь. Но вряд ли там кто-нибудь ездит на автомобилях. Туземцы переплывают Зангаро на каноэ.

Мэнсон сменил тему, хотя взгляд его не отрывался от карты.

— Какие племена там обитают? — спросил он.

— Два, — ответил Эндин. — На восток от реки тянется территория винду. Большинство их живет у восточной границы, хотя, как я уже говорил, границы там — понятие довольно относительное. Винду живут практически в каменном веке.

Они почти никогда не пересекают реку и редко выходят из леса. Равнина на западе от реки и дальше до моря, включая полуостров, на котором стоит столица, — страна кейджу. Эти два племени ненавидят друг друга.

— Население?

— Сосчитать население во внутренних рейсах невозможно. По официальным данным — двести двадцать тысяч, то есть тридцать тысяч кейджу и сто девяносто тысяч винду. Но цифры очень приблизительные, хотя население кейджу подсчитано более точно.

— Так как же, черт возьми, они проводили выборы? — изумился Мэнсон.

— Одна из загадок мироздания, — произнес, усмехнувшись, Эндин. — В любом случае это была сплошная профанация. Половина из них не имела представления ни о голосовании, ни о том, за кого они голосуют.

— Экономика?

— Вряд ли от нее что-нибудь осталось, — ответил Эндин. — Винду вообще ничего не производят. Большинство из них существуют на то, что им удается вырастить на грядках с картофелем и маниокой, возделываемых среди зарослей женщинами, которые, кстати, выполняют и всю

остальную работу. Мужчины охотятся. За хорошую плату их можно нанять носильщиками. Впрочем, утруждать себя они не любят. Большинство детей больны малярией, трахомой, глистами и хроническим недоеданием.

В колониальные времена на прибрежной равнине были плантации низкосортного какао, кофе, хлопка и бананов. Управляли и владели ими белые, используя местную рабочую силу. При наличии в Европе гарантированных покупателей этого хватало для получения небольших количеств твердой валюты и оплаты минимального импорта. После провозглашения независимости плантации были национализированы президентом и розданы своим сподвижникам. Сейчас они почти полностью погибли, заросли сорняками.

— У тебя есть какие-нибудь цифры?

— Да, сэр. За год до провозглашения независимости общий урожай какао — основной культуры — составлял тридцать тысяч тонн. В прошлом году была лишь тысяча тонн при полном отсутствии покупателей. Весь урожай пропал на корню.

— Ну, а кофе, хлопок, бананы?

— Бананы и кофе выращивать практически перестали. Хлопок был побит тлей из-за отсутствия

инсектицидов.

— Каково экономическое положение теперь?

— Полная катастрофа. Банкротство, деньги — бумага, экспорт почти отсутствует, соответственно, нет и импорта. Поступали кое-какие дотации от ООН, русских и бывших колониальных властей, но поскольку все идет в карманы правительства, даже эти поступления прекратились.

— Настоящая банановая республика, а? — пробормотал сэр Джеймс.

— Во всех отношениях. Коррупция, пороки, зверства. Прибрежные воды полны рыбы, но они не могут организовать ее ловлю. У них было два рыболовных судна под командованием белых капитанов. Одного из них избили армейские головорезы, и оба сбежали. Сейчас суда брошены, двигатели ржавеют. Местные жители испытывают острый дефицит протеина. Разводимых коз и цыплят явно не хватает.

— Как насчет медицины?

— В Кларенсе есть одна больница, действующая под эгидой ООН. Она же единственная на всю страну.

— Врачи?

— Было два квалифицированных зангарских

врача. Один после ареста умер в тюрьме, другой был вынужден бежать. Миссионеров президент прогнал как пособников империализма. Среди них в основном были медики и священники. Монахини, обычно выполняющие роль сестер милосердия, тоже вынуждены были покинуть страну.

— Сколько там европейцев?

— Во внутренних районах их нет вообще. На побережье — пара агрономов и техников, присланных ООН. В столице около сорока дипломатов: двадцать из них в русском посольстве, а остальные — во французском, швейцарском, американском, западногерманском, восточногерманском, чешском и китайском посольствах, если китайцев причислять к белым. Кроме этого, пятеро работают в столичной больнице, еще пятеро техников обслуживают электростанцию, диспетчерскую в аэропорту, водопроводную станцию и тому подобное. Есть еще около пятидесяти торговцев и бизнесменов, надеющихся на лучшие времена.

Недель шесть назад там была небольшая заваруха, и одного из присланных ООН специалистов чуть не забили насмерть. Все пятеро техников пригрозили уехать и попрятались в своих посоль-

ствах. Возможно, они уже и уехали, тогда столица скоро останется без электричества и аэропорта.

— Где находится аэропорт?

— Здесь, в начале полуострова, позади города. Он не отвечает международным стандартам, поэтому если вы захотите полететь в Зангаро, вам придется добираться вот сюда, в эту страну севернее, на рейсе «Эр Африк», а оттуда местным рейсом на небольшом двухмоторном самолете, который летает три раза в неделю. Местная авиалиния принадлежит французской фирме, и вряд ли себя окупает.

— Кто же у этой страны друзья, как говорят дипломаты?

— У нее нет друзей. Подобный бардак никому не нужен. Даже Организация африканского единства пребывает в недоумении. В этой стране такая неразбериха, что о ней предпочитают не упоминать. Журналисты туда не ездят, и, следовательно, в прессе отсутствуют публикации. В правительстве явно антибелые настроения, поэтому никто не хочет посылать туда специалистов. Не возникает также желания вкладывать туда капитал, поскольку нет никаких гарантий, что какой-нибудь партийный лидер не захочет все это конфисковать. Есть там еще партийная

молодежная организация, которая терроризирует всех подряд и держит население в страхе.

— А что там делают русские?

— У них самое большое представительство, и, вероятно, они дают кое-какие советы президенту в области внешней политики, где он совершенно не разбирается. Его советники — в основном подготовленные Москвой зангарцы, хотя сам лично он там не обучался.

— Есть там все же хоть какой-то экономический потенциал? — полюбопытствовал сэр Джеймс.

Эндин медленно кивнул.

— Полагаю, что при разумном руководстве и упорном труде они могли бы обеспечить населению приемлемый уровень жизни. Число жителей невелико, потребности незначительны, можно было бы самим обеспечивать себя пищей, одеждой, заложить основы местной здоровой экономики и даже зарабатывать немного валюты на необходимые дополнительные расходы.

— Ты сказал, что винду не любят работать, а как насчет кейджу?

— Эти тоже, — ответил Эндин. — Они готовы бездельничать целый день, а когда им что-то угрожает, прячутся в зарослях. Им хватает того, что произрастает на плодородных землях, и они

довольны своим образом жизни.

— А кто же работал на плантациях в колониальные времена?

— Колониальные власти собрали отовсюду около двадцати тысяч чернокожих рабочих. Те осели и живут там до сих пор. Вместе с семьями их насчитывается около пятидесяти тысяч. Но колониальные власти никогда не предоставляли им политических прав, и в выборах они участия не принимали. Вся та работа, которая еще делается, выполняется ими.

— Где же они живут? — поинтересовался Мэнсон.

— Около пятнадцати тысяч все еще живут в своих хижинах на плантациях, хотя делать там практически нечего. Остальные подались поближе к Кларенсу и как могут зарабатывают себе на жизнь. Они обитают в лачугах, разросшихся на окраине столицы вдоль дороги в аэропорт.

Минут пять сэр Джеймс пристально смотрел на разложенную перед ним карту, размышляя о Хрустальной горе, безумном президенте, обученных в Москве советниках и русском посольстве. Наконец он вздохнул.

— Что за проклятое Богом место.

— Метко сказано, — вставил Эндин. — Они

все еще практикуют ритуальные публичные казни перед собирающейся на главной площади толпой. Приговоренного изрубают мачете на кусочки, как капусту.

— И кто же создал этот райский уголок?

Вместо ответа Эндин достал фотографию и положил ее поверх карты.

Взгляду сэра Джеймса Мэнсона представился африканец средних лет, в шелковом тюрбане, черном сюртуке и хлопчатобумажных брюках. Очевидно, это был день его вступления в должность, ибо чуть поодаль на ступеньках большого особняка стояли несколько колониальных чиновников. Лицо под блестящим серым шелком было не круглым, а вытянутым и изнуренным, с глубокими, пролегающими от носа к углам рта морщинами. При этом уголки рта были опущены вниз, и казалось, лицо выражает сильное неодобрение. В настороженном взгляде угадывалось нечто фанатичное.

— Вот этот человек, — проговорил Эндин. — Маньяк и мерзавец. Западноафриканский Папа Док. Галлюцинирующий, общающийся с духами избавитель своего народа от белого ига, мошенник, грабитель, шеф полиции и мучитель заключенных, его превосходительство президент

Жан Кимба.

Сэр Джеймс Мэнсон еще более пристально вгляделся в лицо человека, который, не ведая того, владел запасами платины ценой десять миллиардов долларов.

«Хотел бы я знать, — подумал он про себя, — заметит ли мир его исчезновение».

Выслушав Эндина, он ничего не сказал, но именно эта мысль четко сформулировалась в его мозгу.

Шестью годами ранее колониальные власти, управляющие территорией, называемой теперь республикой Зангаро, под нарастающим давлением общественного мнения решили даровать ей независимость. Не имеющее ни малейшего представления о самоуправлении население поспешно готовилось к назначенным на следующий год всеобщим выборам и провозглашению независимости. В этой неразберихе возникло пять политических партий. Две из них были исключительно племенными: одна отстаивала интересы винду, а вторая — кейджу. Три остальные партии вышли со своими собственными политическими платформами и претендовали на преодоление племенных разногласий. Одна из них представляла собой консервативную груп-

пировку, возглавляемую преданно служившим колониальным властям и обласканным ими человеком. Он заверял, что будет сохранять тесные связи с метрополией, которая, кроме всего прочего, обеспечивала местные бумажные деньги и покупала производимую на экспорт продукцию. Вторая партия, центристская, была небольшой и слабой, возглавляемой профессором-интеллектуалом, получившим образование в Европе. Во главе третьей, радикальной, стал человек, отсидевший несколько лет в тюрьме как политический заключенный. Это был Жан Кимба.

Двое его помощников в свои студенческие годы в Европе вступили в контакт с русскими, обратившими внимание на их участие в антиколониальных демонстрациях. Им предложили стипендии для окончания образования в Москве, в университете имени Патриса Лумумбы. Еще задолго до выборов они тайно покинули Зангаро и вылетели в Европу, где встретились с эмиссарами из Москвы, получив в итоге определенную сумму денег и ряд практических рекомендаций.

На полученные деньги Кимба и его люди организовали отряды политических бойцов из туземцев племени винду, абсолютно игнорируя бывших в меньшинстве кейджу. Отряды взялись

за дело во внутренних районах, населенных совершенно аполитичными людьми. Агенты были разосланы во все концы, и ни один из вождей кланов не был обойден вниманием.

После нескольких публичных казней на костре и выкалывания глаза у инакомыслящих на вождей снизошло откровение. Когда наступил день выборов, они приказали своим людям голосовать за Кимбу, поступая в соответствии с простой и действенной логикой: делай то, что тебе велит человек, имеющий силу и готовый на скорую ужасную расправу. Жан Кимба получил среди винду абсолютное большинство, а общее количество поданных за него голосов перевесило и всю оппозицию, и кейджу вместе взятых. Немало этому способствовало то, что число туземцев из племени винду почти удвоилось, поскольку вождь каждого селения считал своим долгом завысить заявленное число жителей. Элементарная перепись населения, проведенная колониальными властями, основывалась целиком на сведениях, предоставленных этими вождями.

Колониальные власти сами себе создали кучу проблем. Вместо того чтобы обеспечить победу своему протеже на этих первых, жизненно

важных выборах, затем подписать договор о взаимной безопасности и прислать подразделение белых десантников для утверждения у власти на веки вечные прозападного ставленника, колонизаторы позволили победить своему злейшему врагу. Через месяц после выборов Жан Кимба был возведен в должность первого президента Зангаро.

Дальнейшие события развивались традиционно. Четыре оставшиеся партии были запрещены как пособники империализма, а их лидеры арестованы по сфабрикованным обвинениям. Они умерли в тюрьме под пытками после того, как добровольно передали партийные фонды освободителю Кимбе. Колониальная армия и полиция были распущены, и на смену им пришли военные формирования исключительно из представителей племени винду. Одновременно была распущена жандармерия, состоявшая при колонизаторах в основном из обученных солдат кейджу. Шесть грузовиков покинули столицу, чтобы развезти бывших солдат по домам, но доставили их в безлюдное место на берегу Зангаро. А здесь заговорили пулеметы. Таков был конец солдат кейджу.

Столичным полицейским и таможенникам

из племени кейджу было разрешено остаться, но оружие и амуницию у них отобрали. Власть перешла к армии винду, и воцарился террор. Не прошло и восемнадцати месяцев после выборов, как началась конфискация поместий, имущества и предприятий колонизаторов. Экономика неуклонно сползала вниз. Среди винду не было подготовленных специалистов, которые могли бы взять на себя управление немногочисленными предприятиями и обеспечить пусть хотя бы скромную экономическую эффективность. А поместья и плантации разошлись по рукам сподвижников Кимбы. Когда колонизаторы покинули страну, на самых жизненно важных объектах появились технические специалисты ООН. Но то, чему они становились свидетелями, заставляло их рано или поздно обращаться к своим правительствам с настоятельными просьбами об отзыве из страны.

Нескольких жестоких актов террора оказалось достаточно, чтобы привести оробевших кейджу к беспрекословному повиновению. И даже за рекой на территории винду был учинен ряд свирепых расправ над вождями, пытавшимися что-то бормотать о предвыборных обещаниях. После этого винду просто попрятались в своих

лесах. Их больше не интересовало, что творится в столице. Кимба и группа его приспешников, поддерживаемые набранной из туземцев племени винду армией, а также крайне непредсказуемыми и опасными подростками, организовавшими молодежное партийное движение, захватили безраздельную власть.

Некоторые методы, применяемые правящей верхушкой, были просто уму непостижимы. В докладе Саймона Эндина приводился достоверный случай, когда Кимба, взбешенный тем, что никак не мог получить свою долю в одной из сделок, арестовал и бросил в тюрьму участвовавшего в ней европейского бизнесмена. К его жене был послан эмиссар с заверением, что она получит по почте пальцы ног, рук и уши своего мужа, если не будет заплачен выкуп. Это подтверждало и письмо заключенного в тюрьму мужа. Бедная женщина собрала необходимые полмиллиона долларов у его партнеров по бизнесу и заплатила. Человек был освобожден, но, напуганный на всю жизнь, хранил молчание. До журналистов эта история так и не дошла. В другом случае двух представителей бывших колониальных властей арестовали и подвергли жестоким избиениям в армейских казармах. Их освободили лишь после

солидной взятки министру юстиции, большая часть которой, очевидно, перешла к Кимбе. Вина несчастных состояла только в том, что они не поклонились проезжавшему мимо автомобилю президента.

В прошедшие после провозглашения независимости пять лет вся возможная оппозиция была либо стерта с лица земли, либо выслана из страны, и последним, надо сказать, крупно повезло. В результате в республике не осталось ни врачей, ни инженеров, ни иных сколь-нибудь квалифицированных специалистов. Всех образованных людей Кимба рассматривал как потенциальных противников.

Годами в нем копился патологический страх перед покушением на свою жизнь, поэтому он никогда не выезжал из страны. Редко выбирался и из своего дворца, а уж если покидал его, то только под усиленной охраной. Все огнестрельное оружие любого типа было выявлено и конфисковано, включая охотничьи ружья и дробовики, что отнюдь не способствовало увеличению добычи богатой протеином пищи. Импорт патронов и черного пороха был прекращен, и охотникам племени винду, добиравшимся из глубинных районов до побережья в надежде купить боепри-

пасы, ничего не оставалось, как, вернувшись с пустыми руками, подальше забросить свои бесполезные допотопные винтовки. В черте города даже запрещалось носить мачете. Нарушение любого из подобных распоряжений каралось смертью.

* * *

Когда сэр Джеймс Мэнсон наконец осилил этот объемистый доклад, изучил фотографии столицы, президентского дворца и самого Кимбы, а также внимательно ознакомился с картами, он снова послал за Саймоном Эндином. Последний был в высшей степени озадачен интересом шефа к этой мрачной республике. Он даже поинтересовался у Мартина Торпа, занимающего соседний с ним кабинет на девятом этаже, в чем тут дело. Торп лишь ухмыльнулся и дотронулся указательным пальцем до кончика носа: «Держи, мол, нос по ветру…»

Он подозревал, что все это значит, но абсолютно уверен не был. Оба хорошо знали, что не следует задавать лишних вопросов, когда у шефа зреет новая идея, и ему требуется информация.

На следующее утро Мэнсон стоял на своем излюбленном месте у окна с зеркальными стеклами

и, ожидая Эндина, наблюдал за суетящимися внизу пигмеями.

— Имеется два момента, о которых я хотел бы знать поподробнее, Саймон, — начал сэр Джеймс без предисловий и возвратился к столу, где лежал доклад Эндина. — Ты упоминал о каких-то волнениях в столице то ли шесть, то ли семь недель назад. Я уже слышал об этих событиях от другого человека, очевидца. Он говорил, что ходили слухи о попытке покушения на Кимбу. В чем там дело?

Эндин облегченно вздохнул. Все это он знал из собственных источников, но сведения показались ему слишком незначительными, чтобы включать их в доклад.

— Всякий раз, когда президента мучают дурные сны, начинаются аресты, и распространяются слухи о покушении на его жизнь, — сказал Эндин. — В действительности это лишь означает, что ему нужны оправдания для расправ. Тогда, в январе, это был армейский командир полковник Боби. Мне рассказывали, что между ним и Кимбой возникла ссора, поскольку последнему показалось, что Боби надул его в одной из совместных афер. Для больницы ООН прибыла партия лекарств и наркотиков. Армия конфисковала их

и половину украла. Дело это организовал Боби, который и продал украденный товар на черном рынке. Часть выручки должна была достаться Кимбе. Главврач больницы заявил президенту протест и указал истинную стоимость украденного. Цифра оказалась гораздо больше той, какую называл Боби.

Обезумевший от гнева президент велел арестовать Боби. Охрана перерыла весь город, хватая кого ни попадя.

— А что случилось с Боби? — задал вопрос Мэнсон.

— Он исчез. Сел в джип и, доехав до границы, пересек ее пешком, а машину бросил.

— К какому племени он принадлежит?

— Наполовину винду, наполовину кейджу. Скорее всего, появился на свет в результате набега винду на селение кейджу лет сорок назад.

— Доводилось ему служить в колониальной армии? — поинтересовался Мэнсон.

— Он был капралом в жандармерии, так что имеет кое-какую элементарную подготовку. Незадолго до провозглашения независимости его выгнали за пьянство и недисциплинированность. Когда к власти пришел Кимба, он сразу же взял Боби к себе. Ему нужен был хотя бы один

человек, который мог бы отличить ствол винтовки от приклада. Во времена колонизации Боби причислял себя к кейджу, а при Кимбе божился, что он винду.

— Почему Кимба его держал? Что, Боби поддерживал президента с самого начала?

— Как только Боби понял, откуда дует ветер, он пришел к Кимбе и поклялся ему в верности. Он оказался прозорливее губернатора, не верившего, что Кимба выиграет выборы. Кимба даже назначил Боби командовать армией, поскольку ему казалось, что будет лучше, если репрессии против его противников кейджу будет осуществлять наполовину кейджу.

— Как он выглядит? — спросил Мэнсон задумчиво.

— Здоровый парень, — ответил Эндин, — настоящая горилла. Туп, но обладает звериной хитростью. В общем, вор у вора украл.

— Коммунист? — продолжал выспрашивать Мэнсон.

— Нет, сэр. Полностью аполитичен.

— Взяточник? Будет сотрудничать за деньги?

— Естественно. Сейчас ему, должно быть, не очень хорошо живется. Вряд ли он смог много прихватить с собой из Зангаро. Большие деньги

там только у президента.

— А где он сейчас? — задал очередной вопрос Мэнсон.

— Не знаю, сэр. Живет где-то в изгнании.

— Хорошо, — проговорил Мэнсон. — Разыщи его.

— Мне нужно будет увидеться с ним?

— Пока нет, — сказал мэнсон. — Есть еще одно дело. Доклад прекрасный, очень подробный, но не освещена военная сторона. Я хочу иметь полное представление о том, как поставлено дело с охраной президентского дворца и поддержанием порядка в городе. Какова численность войск, полиции и особых телохранителей президента, где они размещаются, степень их подготовки, боевой опыт, вооружение, имеющиеся резервы, где находится арсенал, есть ли бронетехника или артиллерия, обучают ли армию русские, какое сопротивление смогут оказать войска в случае нападения. Одним словом, все.

Эндин удивленно посмотрел на своего шефа. В его мозгу засела фраза «в случае нападения». Хотел бы он знать, что, черт возьми, затевает старик. Но лицо сэра Джеймса оставалось бесстрастным.

— Это означает, что мне придется там побы-

вать?

— Возможно. У тебя есть паспорт на другое имя?

— Нет, сэр. Но, видите ли, я вряд ли смогу собрать эту информацию. Она требует определенных специальных знаний, а я совершенно не разбираюсь в военном деле.

Мэнсон оказался снова у окна и посмотрел на Сити.

— Понимаю, — сказал он тихо, — чтобы составить такой доклад, потребуется солдат.

— Где же нам взять военного, которого можно было бы отправить в Кларенс для сбора нужных сведений?

— Есть такие люди, — ответил Мэнсон. — Их называют наемниками. Они сражаются за тех, кто им платит, и платит хорошо. Я готов к этому. Так что найди мне наемника, инициативного и неглупого. Лучшего в Европе.

* * *

Кот Шеннон лежал на кровати в номере небольшого отеля на Монмартре и наблюдал за поднимающимся к потолку дымком сигареты. Он бездельничал. За несколько недель, прошедших со времени возвращения из Африки, Шеннон

потратил большую часть полученных денег, мотаясь по Европе в поисках новой работы.

В Риме, у знакомых католических священников он узнал, что требуется послать людей в Южный Судан — оборудовать там взлетную полосу для доставки по воздуху продовольствия и медикаментов. Ему было известно, что в Южном Судане действуют три различных группы наемников, помогая неграм в гражданской войне против арабского Севера. В Бар-эль-Газаре два британских наемника, Рон Грегори и Рип Керби, осуществляли небольшую операцию по минированию дорог. На юге, в провинции Экватория, Рольф Штайнер обучал в тренировочном лагере искусству войны туземных солдат, но уже несколько месяцев о нем не было известий.

К востоку, на верхнем Ниле, четыре израильтянина организовали гораздо более эффективное обучение негров, снабдив их советским оружием, в больших количествах захваченным Израилем у Египта в 1967 году. В военных действиях, ведущихся в трех провинциях Южного Судана, принимали участие значительные силы суданской армии и ВВС, поэтому египтяне вынуждены были сосредоточить в районе Хартума пять эскадрилий своих истребителей. Это, несомненно,

мешало Египту противостоять Израилю на Суэцком канале.

Шеннон побывал в израильском посольстве в Париже и минут сорок беседовал с военным атташе. Последний вежливо выслушал его, вежливо поблагодарил и еще вежливее проводил. Офицер заявил, что в Южном Судане на стороне мятежников нет израильских военных советников, и поэтому он ничем не может помочь. Шеннон не сомневался, что записанная на пленку беседа будет послана в Тель-Авив, но ни на что не рассчитывал. Признавая, что у Израиля первоклассные летчики и хорошая разведка, Шеннон был уверен, что они плохо понимают чернокожую Африку и вряд ли смогут помочь обеспечить победу.

Кроме Судана, мало что оставалось. Ходили слухи, что ЦРУ вербует наемников для подготовки антикоммунистических формирований в Камбодже, а пара шейхов в Персидском заливе, желая избавиться от засилья британских военных советников, ищет наемников, готовых взять на себя их личную охрану. Все эти истории вызывали у Шеннона сомнения, ибо ни ЦРУ, ни арабам он не доверял.

Вне Персидского залива, Камбоджи и Судана

перспектив не было вообще. В ближайшем будущем он предвидел наступление отвратительно мирных времен. Оставался шанс получить работу телохранителя у одного европейского торговца оружием, опасавшегося за собственную безопасность и нуждавшегося в хорошей защите.

Услышав, что Шеннон был в Париже, и зная его опыт и реакцию, тот послал к нему своего человека. Не отвергнув предложения, Шеннон все же не был убежден в необходимости его принять. Торговец оружием попал в затруднительное положение из-за собственной глупости. Он переправлял партию оружия одному из подразделений ИРА[28] и стукнул британским властям, где это оружие будет получено. Последовал ряд арестов. Ирландцам удалось дознаться, откуда произошла утечка информации. Они пришли в бешенство. Торговцу требовался телохранитель, чтобы обезопасить себя, пока страсти не улягутся, и дело не будет предано забвению. Один лишь факт того, что Шеннон взял на себя защиту этого человека, мог бы охладить много горячих голов и заставить большинство профессиональных убийц убраться подобру-поздорову. Но ирландцы

[28] Примечания: 28

Ирландская республиканская армия — боевая организация, сражающаяся за независимость Ирландии.

были просто бешеными псами, да к тому же недостаточно осведомлены о достоинствах Шеннона. Поэтому стрельба будет непременно, и вряд ли французской полиции понравятся истекающие кровью трупы на улицах. Кроме того, будучи протестантом из Ольстера, Шеннону не очень хотелось браться за эту работу. Вопрос пока оставался открытым.

Уже прошло десять дней марта, но погода была сырой и прохладной. Каждый день шел дождь, и только необходимость могла выгнать человека на улицу. Шеннон как только мог экономил оставшиеся у него деньги. Он дал номер своего телефона как минимум десятку людей, которые могли бы им заинтересоваться, и теперь ждал, убивая время за чтением бульварных романов в гостиничном номере.

Шеннон лежал, уставившись в потолок, и думал о доме. Не то чтобы у него был теперь свой дом, но это слово лучше всего подходило к местечку на границе Терона и Донегала, откуда он происходил.

Шеннон родился и вырос вблизи небольшой деревушки Каследерг, расположенной в графстве Тирон, но лежащей на границе с Донегалом. Дом его родителей стоял в миле от деревни на склоне

холма, обращенном к Донегалу.

Его отец имел собственное льняное производство и являлся главным землевладельцем прихода. Он был протестантом, а почти все местные рабочие и фермеры — католиками, и поэтому молодой Карло не имел товарищей. Он завел себе друзей среди лошадей и стал ездить верхом раньше, чем сумел взобраться на велосипед. В пять лет у него был собственный пони, и он еще помнил, как ездил на нем в деревню покупать за полпенни шербет в кондитерской старого мистера Сэма Гейли.

В восемь его отправили в общеобразовательную школу в Англию по настоянию матери, которая была англичанкой и происходила из зажиточной семьи. Следующие десять лет он учился быть англичанином и намеренно старался изжить в себе речь и манеры уроженца Ольстера. Каникулы он проводил дома в одиноких прогулках верхом по насквозь продуваемым ветром с Северной Атлантики вересковым пустошам.

Шеннону было двадцать два года, и он служил в чине сержанта в Королевских ВМС, когда его родители погибли в автомобильной катастрофе на дороге в Белфаст. После похорон он продал почти обанкротившееся предприятие, запер дом

и возвратился в Портсмут.

Это было одиннадцать лет назад. Он дослужил оставшийся срок в морской пехоте и вернулся к гражданской жизни. Перепробовав несколько занятий, он устроился клерком в лондонский торговый дом, имеющий широкие интересы в Африке. После года испытательного срока он хорошо разобрался в торговых делах и секретах банковских прибылей. Еще через год его назначили на должность помощника управляющего филиала компании в Уганде. И оттуда, не сказав никому ни слова, он однажды сбежал в Конго. Последние шесть лет Шеннон вел жизнь наемника, часто оказываясь вне закона. В лучшем случае его называли солдатом удачи, в худшем — наемным убийцей. Пути назад у него уже не было. И вопрос был не в том, что он не мог получить работу где-нибудь еще, воспользовавшись, наконец, другим именем. Он всегда мог бы наняться водителем грузовика, охранником или, на худой конец, разнорабочим. В действительности он уже не мог жить иначе. Он не смог бы сидеть целый день в конторе, смотреть в окно и вспоминать джунгли, качающиеся пальмы, запах пота и пороха, переправы на джипах вброд через реки, пронзительный страх перед атакой

и дикую животную радость от сознания того, что остался жив. Вспоминать все это и возвращаться к гроссбухам и ежедневным поездкам на службу в переполненных пригородных поездах было выше его сил. Он знал, что извел бы себя. Яд, впрыснутый Африкой в кровь, остался в нем навсегда.

Шеннон лежал на кровати, курил и размышлял, какой будет следующая работа.

Глава 5

Саймон Эндин был уверен, что в Лондоне ему удастся в конце концов получить информацию об имени и адресе первоклассного наемника. Хотелось бы только знать, с чего начать поиски, и к кому в первую очередь обратиться.

Поразмышляв за чашкой кофе в своем кабинете, он покинул офис и взял такси до Флит-Стрит. Через приятеля, работающего в одной из крупных ежедневных газет, он получил доступ к библиотеке газетных вырезок и заказал интересующие его материалы. В течение двух последующих часов он был погружен в досье, содержащее все вырезки из британских газет за последние десять лет, в той или иной мере касающиеся темы наемников. Там были материалы о Катанге, Конго, Йемене, Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Судане, Нигерии и Руанде — новости, заметки, комментарии, редакционные статьи, очерки и фоторепортажи. Он читал все, обращая особое внимание на фамилии авторов.

Сейчас он искал, собственно, не самого наемника. Уж слишком много мелькало имен, псевдонимов, прозвищ. Наверняка большин-

ство из них были фальшивыми. Он искал имя специалиста по проблеме наемников, писателя или журналиста, чьи материалы показались бы достаточно авторитетными. Автор должен был уверенно ориентироваться в запутанном лабиринте конкурирующих команд, претендующих на свершение геройских подвигов, и вынести разумное суждение. Через два часа он нашел то, что искал, хотя впервые слышал об этом человеке.

Последовал еще один звонок знакомому газетчику, и Эндин получил адрес писателя. Тот жил в Северном Лондоне.

Эндин вернулся в свой офис, а когда снова покинул его, уже в собственном «Корвете», взятом с подземной стоянки, почти стемнело. Он двинулся на север с намерением разыскать квартиру журналиста. Когда он добрался до нужного дома, свет в окнах не горел, и на звонки никто не отвечал. Эндин надеялся, что журналист не в отъезде, и это ему подтвердила женщина из квартиры в цокольном этаже. Выйдя на улицу, он удовлетворенно посмотрел на небольшой и не особо шикарный дом. Видимо, репортер не откажется от небольшой суммы наличными, что свойственно журналистам, не связанным с определенной редакцией. Эндин решил вернуться на

следующий день.

Утром, в начале девятого, Саймон Эндин надавил на кнопку звонка рядом с именем писателя, и через полминуты до него донесся голос из установленного рядом переговорного устройства: «Да?»

— Доброе утро, — произнес Эндин в микрофон, — мое имя Харрис, Уолтер Харрис. Я бизнесмен. Могу ли я переговорить с вами?

Дверь открылась, и он поднялся на четвертый этаж, где на лестничной площадке стоял человек, встречи с которым он искал. Когда они прошли в квартиру и расположились в гостиной, Эндин сразу же приступил к сути дела.

— Я бизнесмен, из Сити, — спокойно начал он. — В некотором смысле я представляю сейчас группу деловых партнеров, имеющих определенные общие интересы в одном западноафриканском государстве.

Писатель ободряюще кивнул и сделал глоток кофе.

— Последнее время оттуда поступают все более настораживающие сообщения о возможном coup d'etat. Президент достаточно разумный человек, естественно, для тех условий, и весьма популярен среди своего народа. До одного из моих деловых

партнеров дошли сведения, что уж коли там произойдет путч, то прокоммунистический. Вы следите за мной?

— Да, продолжайте.

— Так вот. Видимо, сейчас лишь немногие военные поддерживают эту идею. Однако, если ситуация начнет стремительно меняться, и они останутся без своего лидера, большая часть армии, почувствовав успех путчистов, может их поддержать. С другой стороны, в случае сомнительного исхода военные сохранят верность президенту. Вы, наверное, знаете: опыт свидетельствует, что решающими являются двадцать часов после переворота.

— А какое все это имеет отношение ко мне? — спросил журналист.

— Я как раз подхожу к этому, — ответил Эндин. — Общее впечатление таково, что для успеха путча заговорщикам необходимо убрать президента. Останься он жив — путч провалится или вообще не состоится. Поэтому жизненно важным является вопрос охраны его резиденции. Мы посоветовались с нашими друзьями в МИДе. Там считают, что не может быть и речи об откомандировании кадрового британского офицера для обеспечения безопасности президентского

дворца.

— И что же? — писатель еще отпил кофе и закурил сигарету.

— Поэтому президент готов воспользоваться услугами профессионального военного на контрактной основе. Ему нужен человек, готовый туда поехать, изучить всю систему охраны президента и выявить малейшие огрехи и изъяны. Насколько я понимаю, такого рода люди — хорошие солдаты, не всегда сражающиеся под флагом собственной страны, — называются наемниками.

Журналист несколько раз кивнул. Он весьма сомневался, что история, изложенная его собеседником, назвавшимся Харрисом, правдива. Прежде всего, если бы целью являлась охрана дворца президента, британское правительство вряд ли возражало бы против командировки советника для ее совершенствования. Во-вторых, именно по этим вопросам специализировалась широко известная фирма «Вотчгард Интернешнл», располагающаяся в Лондоне на Слоан-Стрит, 22.

Именно это он вкратце и изложил Харрису, что не смутило того ни в малейшей степени.

— Да, — вздохнул он, — наверное, мне нужно

быть с вами немного откровеннее.

— Не помешало бы, — ответил писатель.

— Дело в том, что Вооруженные Силы Ее Величества, может быть, и согласились бы послать специалиста в качестве советника, обязанности которого заключались бы в усилении подготовки войск, несущих охрану дворца. А если именно здесь и окажется слабое место? Естественно, по политическим соображениям правительство вряд ли решится послать кадрового военного. Та же ситуация возникает, если президент захочет предложить этому человеку должность на длительный срок в своем штате. Что же касается фирмы «Вотчгард», то один из ее сотрудников, какой-нибудь бывший десантник, мог бы прекрасно подойти. Но если он будет состоять в штате дворцовой охраны, и, несмотря на его присутствие, попытка путча осуществится… Вы же знаете, что думают в Африке о людях из «Вотчгард», считая их тесно связанными с МИДом. Не стал ли президент игрушкой в руках грязных империалистов… Здесь подходит лишь посторонний человек, не связанный с официальными организациями.

— Итак, что же вы хотите? — подытожил журналист.

— Имя хорошего наемного солдата, — ответил

Эндин, — умного и инициативного, способного за деньги сделать требующуюся от него работу.

— А почему вы обратились именно ко мне?

— Ваше имя всплыло в связи со статьей, написанной вами несколько месяцев назад. Материал показался нам весьма авторитетным.

— Этим я зарабатываю себе на жизнь, — проговорил писатель.

Эндин, не торопясь, достал из кармана двадцать десятифунтовых банкнот и разложил их на столе.

— Напишите кое-что для меня, — попросил он.

— Что именно? Статью?

— Нет, доклад. Перечень имен вместе с послужными списками. Но, если хотите, можете сообщить устно.

— Я напишу, — сказал журналист. Он направился в угол комнаты, где письменный стол с пишущей машинкой и стопкой чистой бумаги составляли его рабочее место. Сев за машинку и заправив в нее лист бумаги, он начал печатать, иногда заглядывая в разложенные на столе папки. Через час он вручил Эндину три машинописных странички.

— Это лучшие на сегодня. Старое поколение, которое еще помнит Конго, и молодая поросль.

Здесь нет тех, кто не может командовать хотя бы взводом. Вряд ли вас заинтересуют рядовые наемники.

Эндин взял листки и начал внимательно читать.

«Полковник Ламулайн. Бельгиец, возможно, правительственный чиновник. В Конго попал в 1964 году при Моисе Чомбе[29], скорее всего, с полного одобрения бельгийского правительства. Первоклассный солдат, но наемником в полном смысле этого слова его не назовешь. Организовал шестое подразделение коммандос (франкоязычное) и возглавлял его до 1965 года, когда передал командование Денару и покинул Конго.

Роберт Денар. Француз. Бывший полицейский, а не военный. Был в Катанге в 1961–1962 годах при попытке ее отделения, возможно, в качестве советника по линии жандармерии. Уехал после провала и изгнания Чомбе. Возглавлял операции французских наемников в Йемене. Возвратился в Конго в 1964 году, присоединившись к Ламулайну. Командовал после него шестым отрядом до 1967 года. Принял участие во втором стенли-

---

[29] Примечания: 29

Моис Чомбе (1919–1969) — конголезский государственный деятель, выступал против независимости, умер в изгнании.

вильском мятеже в 1967 году. Получил тяжелое ранение в голову отрикошетившей пулей со своей стороны и был вывезен на лечение в Родезию. В 1967 году попытался организовать вторжение наемников в Конго с юга Дилоло. Операция, откладываемая, по слухам, в результате подкупа со стороны ЦРУ, сразу же потерпела фиаско. С тех пор он живет в Париже.

Жак Шрамм. Бельгиец. Плантатор, превратившийся в наемника. Прозвище — Черный Жак. В начале 1961 года организовал в Катанге собственное подразделение из местных жителей и принимал видное участие при попытке отделения от Конго. Потерпев поражение, он одним из последних нашел убежище в Анголе вместе со своим отрядом и ждал там возвращения Чомбе, а затем снова предпринял поход на Катангу. В период войны 1964–1965 годов против повстанцев Шимбы его десятое подразделение действовало более-менее независимо. Он не участвовал в первом стенливильском мятеже 1966 года, но ввязался в следующий, 1967 года, к которому позже присоединился Денар. После ранения Денара принял на себя командование и повел отряд на Букаву. В 1968 году был репатриирован и с тех пор ни в каких боевых действиях не участвовал.

Роже Фольк. Многократно награжденный французский профессиональный офицер. Возможно, был послан французским правительством в Катангу при попытке ее отделения. Позже под его командованием был Денар, осуществляя французские операции в Йемене. В конголезских операциях наемников не участвовал. По приказу французского правительства организовывал операции во время гражданской войны в Нигерии. Безумно храбр, но в настоящее время от полученных ран почти инвалид.

Майк Хор. Британец, ставший южноафриканцем. Личный друг Чомбе, был советником при мятеже в Катанге. Когда в 1964 году Чомбе вернулся к власти, был снова приглашен в Конго. Организовал англоязычное пятое подразделение коммандос. Участвовал в войне против Шимбы. В декабре 1965 года подал в отставку и передал командование Петерсу. Хорошо обеспечен и практически считает себя в запасе.

Джон Петерс. В 1964 году присоединился к Хору. Дослужился до заместителя командира. Бесстрашен и совершенно безжалостен. Некоторые офицеры, служившие при Хоре, отказались подчиняться Петерсу и либо перевелись, либо ушли из пятого отряда. В 1966 году он благополучно

подал в отставку.

Примечание. Шестеро вышеупомянутых — это так называемое „старое поколение“, поскольку именно они занимают видное место в войнах Катанги и Конго. Пятеро следующих — младше по возрасту, за исключением Ру, которому за сорок. Их можно считать „младшим поколением“, так как они занимали подчиненные должности в Конго и проявили себя уже потом.

Рольф Штейнер. Немец. Впервые участвовал в операциях группы фолка на гражданской войне в Нигерии. Оставался дольше всех и возглавлял остатки группы наемников в течение девяти месяцев. Потом уволился. Сейчас служит в Южном Судане.

Джордж Шредер. Южноафриканец. Служил под командованием Хора и Петерса в пятом подразделении в Конго. Завоевал в отряде уважение среди своих соотечественников. Был предложен ими в командиры вместо Петерса, и тот уступил свое место. Несколькими месяцами позже пятое подразделение было распущено. С тех пор сведений о нем нет. Живет в Южной Африке.

Шарль Ру. Француз. Участвовал в попытке отделения Катанги. Довольно скоро через Ан-

голу перебрался в Южную Африку. Оставался там, пока снова вместе с южноафриканцами не вернулся для участия в боевых действиях под командованием Хора в 1964 году. Далее он что-то не поделил с Хором и перешел к Денару. Перевелся во вспомогательный шестой отряд, а затем в четырнадцатое подразделение коммандос в качестве заместителя командира. Принял участие в стенливильском мятеже 1966 года, когда его отряд был практически уничтожен, а сам он переправлен из Конго Петерсом. В мае 1967 года вернулся с несколькими южноафриканцами и присоединился к Шрамму. Снова участвовал в стенливильском мятеже 1967 года. После ранения Денара он предложил принять на себя командование слившимися шестым и десятым подразделениями. Ему отказали.

Был ранен в Букаву, уволился и вернулся домой через Кигали. С тех пор бездействует. Живет в Париже.

Карло Шеннон. Британец. Служил под командованием Хора в пятом подразделении в 1964 году. Отказался подчиняться Петерсу. В 1966 году перешел к Денару, вступив в шестой отряд. Под командованием Шрамма командовал в походе на Букаву. Сражался в осаде. Был репатриирован

одним из последних в апреле 1968 года. Добровольно пошел на нигерийскую гражданскую войну, служил под началом Штейнера. Взял под свою команду остатки наемников после отставки Штейнера в 1968 году и сражался с ними до конца. Предположительно находится в Париже.

Люсьен Брюн. Вымышленное имя Поля Лероя. Француз, свободно говорит по-английски. Принимал участие в алжирской войне как кадровый офицер французской армии. Обычным образом ушел в запас. В 1964 году оказался в Южной Африке и завербовался в Конго. Прибыл туда вместе с южноафриканским подразделением, вошедшим в пятый отряд Хора. Отлично сражался, в конце 1964 года был ранен. Вернулся в 1965 году. Отказался служить под командованием Петерса и с начала 1965 года перешел к Денару в шестое подразделение коммандос. Предчувствуя приближающийся бунт, покинул Конго в мае 1966 года. Принимал участие в гражданской войне в Нигерии под командованием Фолка. Был ранен и репатриирован. Возвратился и пытался создать собственный отряд, но потерпел неудачу. Окончательно репатриирован в 1968 году. Живет в Париже. Очень умен и образован, с большим вниманием относится к политике».

Закончив чтение, Эндин поднял глаза на журналиста:

— И все эти люди готовы к работе, о которой я говорил?

Писатель покачал головой.

— Сомневаюсь, — ответил он. — Я перечислил всех, кто мог бы выполнить такую работу. Захотят ли они — это другой вопрос. Многое зависит от количества работы, числа людей, которыми потребуется командовать. Для старших большое значение имеет престиж, притом в той или иной степени они уже в отставке и неплохо устроены.

— Вычеркните их, — предложил Эндин.

Писатель наклонился и провел пальцем по списку.

— Прежде всего старшее поколение. Ламулайн отпадает. Он всегда придерживался бельгийской правительственной политики. Ветеран в отставке, высоко чтимый своими сослуживцами. Еще один бельгиец, Черный Жак Шрамм, тоже в отставке, разводит цыплят в Португалии. Из французов — Роже Фольк. И поверьте, он самый заслуженный бывший офицер во всей французской армии. Сражавшиеся под командованием Фолька боготворят его — и во Французском легионе, и везде, где он ни воевал. Остальные же

считают его джентльменом. Но он искалечен в сражениях и именно поэтому потерпел неудачу в своем последнем деле. Он передал командование помощнику, который не справился с заданием. Не думаю, что полковник сам взялся бы за это.

Денар хорошо проявил себя в Конго, но получил очень тяжелое ранение головы в Стенливиле. Вряд ли он согласится. Французские наемники все еще поддерживают с ним контакт, но крупные операции после фиаско в Дилоло не доверяют.

Из англосаксов — Майк Хор, который сейчас в отставке и вполне обеспечен. Может быть, его и привлек бы какой-нибудь проект, этак на миллион фунтов, и то не уверен. Последний раз в Нигерии он предложил свои услуги каждой из сторон за полмиллиона, и обе его отвергли. Джон Петерс тоже в отставке, заправляет фабрикой в Сингапуре. В свои славные денечки все шестеро заработали кучу денег. Сейчас их не привлекают мелкие задания, не требующие размаха. А кто-то уже ни на что больше не способен…

— А как насчет остальных? — спросил Эндин.

— Когда-то Штейнер был очень хорош, но сдал. Пресса создала ему популярность, а для наемников не может быть ничего хуже. Они начинают верить, что так же страшны, как их представ-

ляют воскресные газеты. Ру ожесточился после того, как ему не удалось заменить в Стенливиле раненого Денара. Он претендовал на командование всеми французскими наемниками, но после Букаву оказался никому не нужен.

Более предпочтительны двое последних. Обоим немногим больше тридцати, умны, образованы, обладают достаточным мужеством в бою, чтобы командовать другими. Кстати, наемники сражаются только под командованием того, кого выбирают сами. Поэтому без толку брать плохого наемника в качестве организатора. За ним никто не пойдет. Тут важен боевой послужной список.

Люсьен Брюн, он же Поль Лерой, мог бы справиться с этой работой. Проблема в том, что нет уверенности, не работает ли он на французскую разведку. Это важно?

— Весьма, — коротко ответил Эндин. — Вы не упомянули о Шредере, южноафриканце. Говорите, он командовал пятым подразделением в Конго?

— Да, — подтвердил писатель. — Уже в конце, в самом конце. Их разгромили при нем. Шредер первоклассный солдат, но со своими недостатками. Например, он мог бы превосходно командовать батальоном наемников, но лишь в

окружении грамотных штабных офицеров. Хороший вояка, к сожалению, начисто лишенный воображения. Разработка крупных операций выше его возможностей.

— А Шеннон? Он, кажется, англичанин?

— Ирландского происхождения, из новичков. Впервые получил командную должность лишь год назад, но справился неплохо. У него нестандартное мышление и достаточно наглости. К тому же он способен все продумывать и просчитывать до последних мелочей.

Эндин поднялся, собираясь уходить.

— Скажите мне вот что, — произнес он уже у двери. — Если бы вам понадобился человек для выполнения такого задания, кого бы вы выбрали?

Журналист начал собирать свои заметки.

— Шеннона, — ответил он, не колеблясь. — Если бы мне нужно было оценить ситуацию или осуществить операцию, я выбрал бы Шеннона.

— Где мне его найти? — спросил Эндин.

Писатель назвал отель и бар в Париже.

— Поищите его там, — добавил он.

— А если с Шенноном не выйдет, кого бы вы порекомендовали следующим?

Писатель на мгновение задумался.

— Если не Люсьен Брюн, то единственный, кто остается, это Ру, — ответил он.

— У вас есть его координаты? — попросил Эндин.

Журналист заглянул в маленькую записную книжку, которую достал из ящика стола.

— У него квартира в Париже, — сообщил он, подавая Энди ну листок с адресом.

Через несколько секунд он услышал, как его посетитель спускается вниз по лестнице и, сняв трубку, набрал номер.

— Кэрри? Привет, это я. Сегодня вечером мы отправимся в какое-нибудь шикарное местечко. Мне только что заплатили за статью.

* * *

Кот Шеннон с задумчивым видом медленно брел по Ру Бланш к площади Пляс-Клиши. По обеим сторонам улицы уже открылись маленькие бары, и стоящие в дверях зазывалы пытались прельстить его самыми очаровательными девочками Парижа, которые выглядывали из-за кружевных занавесок погружавшихся в сумрак домов. Наступал холодный и ветреный мартовский вечер. Погода отвечала настроению Шеннона. Он пересек площадь и направился

к своему отелю, основным достоинством которого был прекрасный вид, открывающийся с верхних этажей. Отель стоял почти на вершине Монмартра.

Шеннон думал о докторе Дуно, которого посетил неделю назад для проведения обычного медицинского осмотра. Бывший парашютист и военный врач, Дуно увлекся альпинизмом и участвовал в двух французских экспедициях на Гималаи и Анды в качестве медика команды. Позже он несколько раз добровольно побывал в Африке, оказывая медицинскую помощь в сложных условиях.

Доводилось ему работать и на французский Красный Крест. Там он столкнулся с наемниками и нескольких удалось довольно удачно заштопать. Его популярность как доктора, пользующего солдат удачи, дошла даже до Парижа. Вряд ли кто мог сосчитать, сколько пуль и осколков он извлек из их тел. Отовсюду в его парижский кабинет тянулись наемники со своими болезнями и ранами. Будучи при деньгах, они щедро расплачивались с ним наличными. Тем же, кто находился в стесненном положении, док забывал посылать счет, что весьма нехарактерно для французских врачей.

Шеннон вошел через вращающуюся дверь отеля и направился к конторке за ключом.

— О, месье, — обратился к нему старик-портье, — вам звонили из Лондона. Весь день. Этот человек оставил сообщение.

Старик вручил Шеннону ключ с продетой в его ушко запиской. Старческим почерком на листочке было нацарапано: «Будь осторожен с Харрисом». Далее шла подпись живущего в Лондоне журналиста, которого он знал по африканским войнам.

— И еще, — продолжил портье, — вас ждет один месье. Он в гостиной.

Старик указал на небольшую, смежную с холлом комнату. Через сводчатый проем Шеннон заметил внимательно смотревшего на него человека, примерно своего возраста, одетого в строгий костюм английского бизнесмена. Когда Шеннон вошел в гостиную, тот легко поднялся с кресла. Карло и раньше доводилось встречаться с подобными людьми. Они лишь представляли пожилых и богатых боссов.

— Мистер Шеннон?

— Да.

— Меня зовут Харрис. Уолтер Харрис.

— Вы хотели меня видеть?

— Я жду вас уже два часа. Мы сможем поговорить здесь или пройдем в вашу комнату?

— Здесь. Старик не понимает по-английски.

Двое мужчин сели напротив друг друга. Эндин принял расслабленную позу и вытянул ноги. Он достал пачку сигарет и предложил Шеннону. Тот покачал головой и полез в карман за своими.

— Я знаю, что вы наемник, мистер Шеннон, — начал Эндин.

— Допустим.

— Мне вас рекомендовали. Я представляю группу лондонских бизнесменов. Нам требуется сделать одну работу, выполнить некоторое задание. Нужен опытный в военном деле человек,

который может поехать за границу, не вызывая подозрений. Кроме того, понадобится составить грамотный доклад о всем увиденном, проанализировать обстановку и держать рот на замке.

— Я не наемный убийца, — резко бросил Шеннон.

— Этого не требуется, — успокоил его Эндин.

— Ладно. В чем состоит задание? И какова плата? — спросил Карло.

Он не видел смысла в напрасной трате слов. Но не было похоже, чтобы сидящего перед ним человека шокировало, когда вещи называют своими именами. Эндин чуть улыбнулся.

— Во-первых, вам надо прибыть на совещание в Лондон. Мы оплатим поездку и расходы, даже если вы не примете наше предложение.

— Почему в Лондон? Почему не здесь? — спросил Шеннон.

Эндин выпустил длинную струю дыма.

— Потребуются карты и еще кое-какие бумаги, — проговорил он. — Мне бы не хотелось носить их с собой. Кроме того, вы проконсультируетесь с моими партнерами.

Последовало молчание, и Эндин вытащил из кармана несколько стофранковых билетов.

— Пятьсот франков, — сказал он. — Почти сто

двадцать фунтов. Это на билет до Лондона, а при желании — и на обратный рейс. Если, познакомившись с нашим предложением, вы отклоните его, получите еще сто фунтов за причиненное беспокойство. Если же оно вас устроит, мы обсудим дальнейшую оплату.

Шеннон кивнул.

— Хорошо. Я буду в Лондоне. Когда вылетать?

— Завтра, — ответил Эндин и поднялся. — Приезжайте в любое время дня. Остановитесь в отеле «Пост Хаус» на Хаверсток-Хилл. Вернувшись сегодня, я зарезервирую вам номер. В девять утра послезавтра я позвоню, и мы договоримся о встрече. Понятно?

Шеннон кивнул и взял деньги.

— Закажите номер на имя Брауна, Кейта Брауна, — добавил он.

Через минуту человек, назвавший себя Харрисом, покинул отель и пошел вниз по улице в поисках такси.

Он не счел нужным сообщать Шеннону о предыдущей встрече с другим наемником по имени Шарль Ру. Несмотря на очевидную заинтересованность Ру, он нашел его неподходящим для этой работы и покинул квартиру наемника с неопределенным обещанием связаться с ним

позже.

* * *

Через двадцать четыре часа Шеннон стоял у окна своей спальни в отеле «Пост Хаус» и сквозь моросящий дождь наблюдал, как поток машин взбирался по Хаверсток-Хилл, направляясь к Хемпстеду и ближайшему пригороду.

Он прибыл этим утром на первом самолете, воспользовавшись паспортом на имя Кейта Брауна. Фальшивый паспорт он приобрел еще давно, как это было принято у наемников. В конце 1967 года он был вместе с Черным Жаком Шраммом в Букава. Окруженные конголезскими войсками, они отчаянно сопротивлялись в течение нескольких месяцев. Наконец, не сломленные, но оставшиеся без боеприпасов, наемники прорвались через границу в соседнюю Руанду и позволили разоружить себя, имея ненадежные гарантии Красного Креста.

Почти полгода их держали в лагере для интернированных в Кигали, пока Красный Крест и правительство Руанды препирались по поводу их репатриации в Европу. Президент Конго Мабуту требовал их выдачи, чтобы казнить. Но наемники пригрозили, что в этом случае они голыми

руками разделаются с войсками Руанды, возьмут оружие и найдут дорогу домой самостоятельно. Правительство Руанды небезосновательно полагало, что это им удастся.

Когда все-таки было решено отправить их назад в Европу, британский консул посетил лагерь и сухо сообщил шести находившимся там соотечественникам, что он должен изъять их паспорта. Так же сухо они ответили ему, что потеряли все, выбираясь из Букаву вплавь через озеро.

Согласно распоряжению Министерства иностранных дел, полет домой должен был обойтись по триста пятьдесят фунтов на каждого, и кроме того, их навсегда лишали паспортов.

Перед тем как покинуть лагерь, наемников сфотографировали, сняли с них отпечатки пальцев и переписали имена. Ко всему прочему они должны были подписать документ, в котором обязывались не ступать ни ногой на африканский континент. Копии этих бумаг были разосланы всем правительствам Африки.

Но наемники оказались не так уж просты. За время пребывания в лагере у них отросли длинные волосы, усы и бороды. Ножницы им давать опасались, поэтому на фотографиях они вышли неузнаваемыми. Кроме того, они поменялись

отпечатками пальцев и именами. В результате идентифицирующие их личность документы содержали имя одного человека, отпечатки пальцев другого и фотографию третьего. Наконец, они подписали обязательства навсегда покинуть Африку под вымышленными именами.

Требования МИДа все же подтолкнули Шеннона к кое-каким действиям. Поскольку у него оставался якобы утерянный паспорт, с которым можно было спокойно путешествовать, он так и поступал, пока не истек срок его действия. После этого он предпринял необходимые шаги, чтобы обзавестись еще одним. Новый документ был выдан ему паспортным столом на основании свидетельства о рождении, заверенного отделом регистрации актов гражданского состояния в Самерсет-Хаус за стандартную пошлину в размере пяти шиллингов. Оно принадлежало умершему в Ярмуте от менингита ребенку, родившемуся примерно в одно время с Шенноном.

Прибыв этим утром в Лондон, Шеннон связался со знакомым по Африке журналистом и выяснил, как вышел на него Уолтер Харрис. Он поблагодарил писателя за данные рекомендации и спросил, не знает ли тот в Лондоне хорошее частное детективное агентство. Он отправился туда через пару

часов и, уплатив вперед 20 фунтов, договорился, что завтра утром по телефону даст дальнейшие указания.

Эндин, как и обещал, позвонил на следующий день около девяти.

— На Слоун-Авеню есть многоквартирный дом под названием Челси Клойстерс, — начал он без предисловий. — Я снял квартиру 317, где мы сможем побеседовать. Пожалуйста, будьте там ровно в одиннадцать. Подождите в холле, поскольку ключ у меня.

Когда он повесил трубку, Шеннон набрал номер детективного агентства.

— Я хочу, чтобы ваш человек был в холле Челси Клойстерс на Слоун-Авеню в десять пятнадцать, — произнес он. — Лучше бы со своим транспортом.

— У него будет мотороллер, — пообещал директор агентства.

Час спустя Шеннон встретился с детективом в холле дома. К его удивлению, им оказался юноша не старше двадцати лет с длинными волосами. Шеннон недоверчиво оглядел его.

— Ты знаешь свое дело? — спросил он. Парень кивнул. Он был полон энтузиазма, и Шеннон весьма надеялся, что это дополнится хоть кру-

пицей опыта.

— Хорошо, оставь свой шлем снаружи, на мотороллере. Входящие сюда люди не носят таких головных уборов. Садись здесь и читай газету.

Газеты у юноши не оказалось, и Шеннон дал ему свою.

— Я буду сидеть в другом конце холла. Около одиннадцати войдет мужчина, кивнет мне, и мы вместе войдем в лифт. Запомни этого человека. Он выйдет, наверное, через час. К этому моменту ты должен быть на другой стороне улицы, в шлеме. Сделаешь вид, что возишься со своим мотороллером. Усек?

— Да.

— Мужчина сядет либо в свою машину, которая будет стоять где-нибудь поблизости, — тогда запомнишь номер, — либо возьмет такси. В любом случае следуй за ним и узнай, куда он поедет. Виси у него на хвосте, пока он не доберется до места.

Усвоив распоряжения, парень направился в дальний конец холла и занял свое место, укрывшись за газетой.

Дежурный нахмурился, но оставил его в покое. Случалось, что деловые люди назначали свидания и в холле.

Саймон Эндин появился через сорок минут. Шеннон заметил, что у дверей он отпустил такси. Оставалось надеяться, что юноша тоже обратил на это внимание. Шеннон встал и кивнул вошедшему, но тот, пройдя мимо него, направился прямо к лифту. Карло присоединился к нему, отметив, что юный детектив опустил газету.

«Господи, пронеси...» — подумал Шеннон и обронил какое-то замечание насчет погоды, чтобы отвлечь того, кто называл себя Харрисом, от разглядывания холла.

Устроившись в удобных креслах квартиры 317, Эндин открыл портфель, достал карту, разложил ее на столе и предложил Шеннону взглянуть. Тому потребовалось три минуты, чтобы изучить ее во всех деталях. Эндин приступил к изложению дела.

В его рассказе действительность разумно переплеталась с вымыслом. Он продолжал утверждать, что представляет консорциум британских бизнесменов, имеющих некоторые деловые отношения с Зангаро. И все они в той или иной степени пострадали в результате прихода к власти президента Кимбы.

Затем он обрисовал положение в республике с момента провозглашения независимости. Здесь

все соответствовало истине — по большей части он пересказывал свой доклад сэру Джеймсу Мэнсону.

— Группа армейских офицеров вошла в контакт с местными бизнесменами, которых там постепенно искореняют. Они мечтают о том, чтобы убрать Кимбу. Один из них сообщил об этом представителю нашей группы, фактически поставив перед нами эту проблему. Дело в том, что их офицеры, несмотря на свой статус, практически не имеют военной подготовки и не знают, как повести дело, поскольку президент в основном скрывается в своем дворце, охраняемом преданными ему войсками.

Откровенно говоря, ни нас, ни его народ не огорчил бы уход Кимбы. Новое правительство было бы благом и для экономики, и для страны в целом. Нам требуется человек, способный отправиться туда и четко оценить ситуацию, в особенности — как осуществляются мероприятия по безопасности дворца президента и основных государственных учреждений. Нам нужен подробный доклад о военной силе Кимбы.

— Что же вы не поручите это своим офицерам? — спросил Шеннон.

— Они не наши офицеры. Они офицеры Занга-

ро. Суть в том, что если они все же вознамерятся драться, то им не помешало бы знать, что и как делать.

Шеннон не поверил и половине изложенного Эндином. Если офицеры, участвующие в заговоре, не способны оценить ситуацию, то вряд ли человек со стороны сможет организовать переворот. Но он промолчал.

— Я бы отправился туда в качестве туриста, — предложил он. — Другого подходящего прикрытия нет.

— Правильно.

— Но наверняка там практически не бывает туристов. А почему бы мне не выступить в роли представителя компании, имеющей дело с одним из ваших местных друзей-бизнесменов?

— Это невозможно, — возразил Эндин. — Если что-либо не сладится, им придется чертовски худо.

«Надо понимать, если меня схватят», — подумал Шеннон, но снова промолчал. Ему платили, и он был готов пойти на риск. Ему и платили за риск, да еще за профессионализм.

— Теперь вопрос оплаты, — коротко бросил он.

— Вы возьметесь за это?

— Да, если меня устроит сумма.

Эндин одобрительно кивнул.

— Билет туда и обратно из Лондона в столицу соседней с Зангаро республики будет в вашем отеле завтра, — произнес он. — Вам нужно будет вернуться в Париж и получить туда визу. Зангаро настолько бедна, что в Европе у нее только одно посольство, как раз в Париже. Но чтобы получить там визу в страну, потребуется месяц. В столице соседней республики есть консульство Зангаро. Там можно приобрести визу за наличные в течение часа, дав некоторую мзду консулу. Процедура ясна?

Шеннон кивнул. Он все прекрасно понимал.

— Итак, — продолжал Эндин, — вы получите промежуточную визу в Париже, затем летите самолетом «Эр Африк». Там добудете визу в Зангаро и сядете на местный рейс до Кларенса. Вместе с билетами завтра в отель вам доставят триста фунтов во французских франках на расходы.

— Мне потребуется пятьсот, — возразил Шеннон. — Дело займет у меня дней десять, а может, и больше, в зависимости от обстоятельств и от того, насколько затянется получение визы.

Триста фунтов — это слишком мало, если неожиданно потребуется дать кому-то взятку или дело застопорится.

— Хорошо, пятьсот фунтов. Плюс пятьсот вам лично, — подытожил Эндин.

— Тысяча, — удвоил сумму Шеннон.

— Долларов? Я понимаю, вы предпочитаете американские доллары.

— Фунтов, — поправил Шеннон. — Или две с половиной тысячи долларов. Это двухмесячная зарплата при работе по обычному контракту.

— Но вы-то будете заняты всего десять дней, — запротестовал Эвдин.

— Десять дней риска, — уточнил Шеннон. — Если это место хотя бы наполовину соответствует тому, что вы рассказали, мое задание окончится казнью, и, я полагаю, весьма неприятной. Можете поехать сами. А хотите, чтобы рисковал я — платите.

— О'кей, тысяча фунтов. Пятьсот вперед и пятьсот по возвращении.

— Откуда я знаю, что вы заплатите, когда я вернусь? — засомневался Шеннон.

— А откуда я узнаю, что вы там побывали? — резонно возразил Эндин.

Шеннон кивнул, оценив ответ.

— Хорошо. Половина сейчас, половина потом.

В три пятнадцать Шеннон позвонил директору детективного агентства, только что вернувше-

муся с обеда.

— А, да, мистер Браун, — прозвучал голос по телефону. — Я получил доклад моего агента. Как вы и просили, он последовал за тем человеком, который приехал в Сити. Тот отпустил такси и вошел в здание офиса.

— Что за офис?

— Компания «МэнКон». Точнее, штаб-квартира компании «М.К.Н.С.»

— И что, он там работает?

— Похоже, что да, — ответил директор агентства. — Моему парню не удалось проникнуть в само здание. Но он заметил, как швейцар приветствовал этого человека и распахнул перед ним двери. Он понаблюдал некоторое время и выяснил, что мало кому оказывалась подобная услуга.

— Ваш детектив не так уж плох, — заключил Шеннон. Он отдал еще пару распоряжений и позже перевел по почте пятьдесят фунтов в детективное агентство. Кроме того, открыл счет, положив на него десять фунтов, а на следующее утро добавил к ним еще пятьсот. Тем же вечером он вылетел в Париж.

Доктор Гордон Чалмерс не был пьющим и редко употреблял что-либо крепче пива, а уж

если доводилось, он становился чрезмерно разговорчивым, как на обеде с сэром Джеймсом. В этот вечер, когда Кот Шеннон делал пересадку в аэропорту Ля Бурже, стараясь успеть на рейс авиакомпании «Эр Африк», доктор Чалмерс ужинал со своим старым однокашником, ставшим теперь известным ученым.

Их стол не отличался изысканностью. Чалмерс случайно столкнулся со своим бывшим товарищем на улице, и они решили поужинать вместе.

Пятнадцать лет назад они были юными аспирантами, честолюбивыми, жаждущими славы и упорно работающими над своими диссертациями. В середине пятидесятых годов планету волновали атомная бомба и колониализм, разоружение, немедленный крах империи, мир во всем мире — каким серьезным все это казалось тогда, и как мало значило на самом деле! Но их возмущение было столь велико, что они присоединились к молодежному коммунистическому движению. Чалмерс переболел этим, завел семью, купил в рассрочку дом и постепенно продвигался в типичные представители среднего класса.

Свалившиеся на него накануне заботы так или иначе заставили превысить свою обычную дозу спиртного. Его старый друг, заметив нервозность

Чалмерса и глядя на него влажными карими глазами, мягко поинтересовался, может ли он быть чем-нибудь полезен.

Они прикончили бутылку бренди, когда доктор Чалмерс почувствовал, что готов поделиться своими мыслями и сомнениями с тем, кто, в отличие от жены, действительно его поймет. Что ж, дело было конфиденциальным, но кому и рассказать, как не своему другу? Как только бывший однокашник услышал о дочке и огромной потребности в деньгах на оплату исключительно дорогостоящего оборудования, в его глазах отразилось сострадание. Протянув через стол руку к доктору Чалмерсу, он произнес:

— Не беспокойся об этом, Гордон. Все понятно. Вряд ли кто-нибудь на твоем месте поступил бы иначе.

Чалмерсу полегчало, когда, покинув ресторан и распрощавшись, они отправились по домам. Ему казалось, что, выговорившись, он разделил хоть с кем-то свои заботы.

Хотя он и расспрашивал своего давнего друга о нынешних делах, собственные проблемы и излишек выпитого отвлекли его внимание от некоторых деталей. Но даже если бы он и сосредоточился на них, едва ли его приятель признался

бы, что до сих пор остается преданным членом коммунистической партии.

Глава 6

«Конвэйр-440», выполняющий местный авиарейс в Кларенс, сделал крутой вираж над заливом и начал снижаться. Занимая место у левого борта, Шеннон имел возможность рассмотреть город, пока самолет заходил на посадку. С высоты тысячи футов он видел столицу Зангаро, расположенную на оконечности полуострова, который протянулся на восемь миль и походил на короткий обрубок, окруженный с трех сторон водами залива, а с четвертой сливался с основным побережьем.

В своем основании ширина полуострова составляла три мили. Там, где находился город, суша сужалась до одной мили. Берега были заболочены, лишь на самом конце полуострова заросли расступались, открывая небольшие участки залитых солнцем пляжей.

Город раскинулся от одного края полуострова до другого, углубляясь в него на милю. От города начиналась единственная дорога, бегущая оставшиеся семь миль до основного побережья среди возделываемых участков земли.

Все лучшие здания располагались вдоль берега,

овеваемого свежим морским бризом. Более бедные районы города уходили в глубь полуострова, где тысячи убогих хижин, покрытых жестяными крышами, образовывали кривые замусоренные улочки. Шеннон сосредоточил свое внимание на более богатом районе Кларенса, где когда-то жили колонизаторы, поскольку именно там находились интересующие его дома, и вряд ли представилась бы возможность рассмотреть их еще раз в таком ракурсе.

На самом конце полуострова, где две изогнутые, покрытые галькой стрелки уходили в море наподобие отростков рогов жука-оленя или клешней уховертки и таким образом создавали залив, разместился небольшой порт. Хотя снаружи, на море, ветер гнал белые барашки волн, внутри замкнутого на три четверти окружья был полный штиль. Несомненно, что эта удивительная природная гавань и привлекла внимание первых достигших этих берегов мореплавателей.

В центре порта, непосредственно напротив выхода в открытое море, стояли несколько пакгаузов и бетонный причал, к которому не швартовалось ни одно судно. Слева от него на берегу сушились сети и узкие длинные каноэ. Очевидно, отсюда местные жители отправлялись

ловить рыбу. Справа находился старый порт — несколько ветхих деревянных молов выдавались в море. За пакгаузами ярдов на двести тянулось заросшее травой пространство, потом параллельно берегу шла дорога, и уже за ней начинались здания. Шеннон разглядел белую, построенную в колониальном стиле церковь и внушительное, окруженное стеной сооружение, бывшее некогда губернаторским дворцом. Внутри стены, в стороне от основных зданий, имелся большой внутренний двор с навесом, очевидно, позднее пристроенным к стене.

Здесь «Конвэйр» выровнялся, город исчез из вида, и самолет пошел на посадку.

Накануне Шеннон уже успел понять, что такое Зангаро, когда обратился за получением туристской визы. Консул, принявший его в столице соседнего государства, был несколько озадачен необычной просьбой. Шеннону пришлось заполнить анкету на пяти страницах, где он указал имена своих родителей (не имея понятия об именах родителей Кейта Брауна; он их просто придумал) и массу других всевозможных сведений.

В паспорте, который у него потребовал консул, того ждала вложенная между первой и второй

страницами банкнота весьма привлекательного достоинства. Она незамедлительно исчезла в кармане консула, а тот принялся внимательно изучать паспорт, разглядывая его со всех сторон и перелистывая каждую страницу. Через пять минут Шеннон забеспокоился, все ли в порядке с его документами. Может, британский МИД допустил какую-то неточность именно в этом паспорте? Наконец консул взглянул на него и произнес:

— Итак, вы американец…

Облегченно вздохнув, Шеннон понял, что чиновник грамоте не обучался. Еще через пять минут он получил визу. Но в аэропорту Кларенса везение кончилось.

Внутри основного и единственного здания стояла страшная духота, воздух наполняло жужжание мух. По залу слонялось около дюжины солдат и с десяток полицейских. Скорее всего, они принадлежали к разным племенам. Полицейские с ничего не выражавшими лицами едва перебрасывались словами друг с другом, подпирая стены. Внимание Шеннона привлекли солдаты. Он наблюдал за ними краем глаза, когда снова заполнял бесконечную анкету (ту же самую, что ему пришлось заполнить накануне в консульстве) и проходил паспортный и медицинский

контроль. Все эти процедуры осуществлялись официальными лицами, которых, как и полицейских, он отнес к кейджу.

Неприятности начались, когда он достиг таможни. У Шеннона не было багажа, только ручная кладь. Его ожидал одетый в штатское человек, жестом приказавший пройти в боковую комнату. Как только он выполнил указание, взяв с собой саквояж, следом вошли четверо солдат. Тревожные воспоминания всплыли в его памяти.

Давно, еще в Конго, он уже сталкивался с подобным. Пустые, лишенные выражения взгляды африканцев таили в себе опасность. Находившиеся на самом примитивном культурном уровне,

вооруженные, облеченные властью, они были полностью непредсказуемы, готовые взорваться в любой момент, как бомба с вышедшим из строя часовым механизмом. Как раз перед самыми страшными и кровавыми расправами, учиненными конголезцами над поверженным противником и невинными миссионерами, ему доводилось видеть то же выражение глаз, то же исходящее от африканцев необъяснимое чувство опасности, ту же готовность к бессмысленному насилию. Все это присутствовало у солдат президента Кимбы, принадлежащих к племени винду.

Одетый в штатское таможенник велел Шеннону поставить саквояж на шаткий столик и начал в нем рыться. Наткнувшись на электрическую бритву, он вынул ее из футляра, внимательно осмотрел и перевел выключатель в рабочее положение. Это был Ремингтон с полностью заряженными батарейками. Бритва отчаянно зажужжала. Без малейшего выражения на лице таможенник сунул ее к себе в карман.

Закончив с саквояжем, он заставил Шеннона вывернуть карманы. На столе появились ключи, носовой платок, мелочь, бумажник и паспорт. Чиновник потянулся за бумажником, вытащил оттуда туристские чеки, посмотрел на них, кив-

нул и сунул обратно. Монеты сгреб, и они исчезли в его карманах. Из банкнот у Шеннона были две купюры по пять тысяч африканских франков и несколько бумажек по сто. Солдаты тесно сгрудились вокруг него, все еще не издав ни звука, но по их взволнованному дыханию, появившемуся в глазах блеску и крепко сжимаемым ружьям Шеннон понял, что атмосфера накалилась до предела. Штатский спокойно потянул к себе обе банкноты по пять тысяч франков, а один из солдат сгреб все оставшиеся более мелкого достоинства.

Шеннон взглянул на таможенника, тот, в свою очередь, посмотрел ему прямо в глаза. Затем задрал рубашку и показал рукоятку девятимиллиметрового браунинга, засунутого за пояс, похлопав по ней рукой.

— Полиция, — произнес он, продолжая пристально глядеть на Шеннона. Руки Карло задрожали от непреодолимого желания ударить этого человека прямо в его наглую физиономию.

«Остынь, парень. Только спокойствие», — уговаривал он себя.

Медленно, очень медленно он протянул руку к своим вещам, оставшимся на столе после грабежа и вопросительно приподнял брови. Штатский кивнул, и Шеннон стал собирать свои пожитки.

Он слышал, как солдаты отступили назад за его спиной, напряжение чуть спало. Но, по-прежнему сжимая винтовки, они были способны воспользоваться ими в любой момент, появись на то настроение.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем таможенник коротким кивком указал на дверь, и Шеннон вышел. Он чувствовал, как по его спине струится липкий холодный пот.

В основном зале оставался еще один белый человек, прилетевший на этом рейсе, — американская девушка-туристка, которую встречал католический священник. Он сумел объясниться на прибрежном жаргоне с солдатами, и неприятностей у нее было поменьше. Священник поймал взгляд Шеннона, проследив, откуда он вышел, и кивнул ему.

Снаружи, на испепеленной солнцем маленькой площади перед аэропортом, полностью отсутствовал какой-либо транспорт. Шеннон ждал. Через пять минут за его спиной раздался мягкий голос с ирландско-американским выговором.

— Вас подбросить до города, сын мой?

Они сели в «Фольксваген» священника, который тот оставил в тени пальм в нескольких ярдах за воротами. Девушка из Америки громко воз-

мущалась: кто-то залез к ней в сумочку. Шеннон молчал, осознавая, насколько близко они были к физическому насилию. Священник работал в больнице ООН, совмещая функции капеллана и доктора медицины. Он с пониманием поглядывал на Шеннона.

— Они хорошенько потрясли вас.

— Да уж, — процедил Шеннон. Потеря пятнадцати фунтов мало что значила, но они оба отдавали себе отчет в царящем среди солдат настроении.

— Здесь нужно быть крайне осторожным, крайне… — мягко проговорил священник. — Как у вас насчет отеля?

Шеннон ответил отрицательно, и священник довез его до «Индепенденс» — единственного отеля в Кларенсе, где разрешалось останавливаться европейцам.

— Тут заправляет Гомес, довольно неплохой парень, — проинформировал его священник.

Обычно, когда в какой-нибудь африканской стране появлялось новое лицо, от других европейцев следовали приглашения посетить клуб, зайти в гости или просто посидеть в баре за стаканчиком вина этим же вечером. Священник при всей своей предупредительности не сделал ниче-

го подобного. Этот момент тоже характеризовал ситуацию в Зангаро. Настроение у белых было подавленное. В ближайшие дни от Гомеса ему предстояло узнать еще больше.

Уже этим вечером он познакомился с Джулиусом Гомесом, бывшим владельцем, а ныне управляющим отеля «Индепенденс». Гомесу, французу алжирского происхождения, было под пятьдесят. В последние дни французского Алжира, почти десять лет назад, он продал

свою процветающую мастерскую по ремонту сельскохозяйственных машин. Это случилось как раз перед окончательным крахом, когда уже невозможно было избавиться ни от одного коммерческого предприятия. С полученными деньгами он вернулся во Францию, но через год осознал, что жить в Европе не может, и начал присматривать себе иное место жительства. Осев в Зангаро за пять лет до провозглашения независимости, он на свои сбережения купил отель и с годами постоянно улучшал свое дело.

С приходом независимости ситуация резко изменилась. За три года до приезда Шеннона Гомесу бесцеремонно сообщили, что отель национализируется, и плата будет взиматься в местной валюте — бумажках, не имеющих абсолютно никакой цены. Он остался управлять отелем, вопреки всему надеясь на судьбу, — вдруг опять все переменится, — и он сохранит хоть что-то от его единственного на этой планете имущества, чтобы обеспечить свою старость. В новом качестве он оформлял прием постояльцев и еще заправлял в баре. Там Шеннон и нашел его.

Завоевать дружеское расположение Гомеса Шеннону было бы нетрудно, упомянув о друзьях и знакомых, которыми он обзавелся среди

бывших оасовцев, сражаясь в Конго. Но это шло вразрез с его ролью праздного английского туриста, решившего исключительно из любопытства потратить пяток дней на загадочную и непонятную республику Зангаро. Как раз этой версии он и придерживался.

Позже, после закрытия бара, он пригласил Гомеса выпить с ним в номере. По совершенно непонятной причине солдаты в аэропорту оставили в его сумке бутылку виски. При виде ее глаза Гомеса расширились, и Шеннон постарался, чтобы управляющему досталось побольше. Когда он обмолвился, что прибыл в Зангаро из любопытства, Гомес фыркнул.

— Любопытство? Ха, здесь любопытно, это точно. Так любопытно, что кровь стынет в жилах.

Хотя они разговаривали на французском и были в комнате одни, Гомес понизил голос и подался к Шеннону, произнося последнюю фразу. Шеннон снова ощутил присутствовавшее в каждом, кого ему удалось встретить, чувство страха, за исключением бравых солдат и сотрудника секретной полиции, выдавшего себя за таможенника в аэропорту. К тому времени как Гомес ополовинил бутылку, он стал заметно словоохотливее, и Шеннон потихоньку попробовал получить нужную

информацию. Гомес подтвердил многое из того, что Шеннону сообщил человек, которого он знал под именем Уолтера Харриса, а также добавил ряд интересных подробностей, порой просто ужасающих.

Он удостоверил, что президент Кимба находится в городе и редко в последнее время его покидает, разве что несколько раз навещал свою родную деревню, находящуюся за рекой на земле племени винду. Кимбу обитал в своем президентском дворце — большом, окруженном стенами здании, которое Шеннон наблюдал с воздуха.

К двум часам ночи, когда Гомес, наконец распрощавшись с ним, направился в собственный номер, Шеннон по крупицам начал анализировать полученные сведения. Итак, имелось три подразделения: гражданская полиция, жандармерия и таможня, которые хоть и были вооружены, но, клялся Гомес, не имели ни одного патрона. Как к кейджу, к ним не было абсолютно никакого доверия, и Кимба, параноидально боявшийся восстания, полностью лишил их боеприпасов. Он знал, что за него они сражаться не станут и, не исключая возможности восстания, постарался, чтобы оружие носилось лишь для вида.

Гомес также подчеркнул, что вся власть в городе

сосредоточена исключительно в руках сторонников Кимбы из племени винду. Наводящая ужас тайная полиция, одетая в штатское, была вооружена автоматическими пистолетами, солдаты имели самозарядные винтовки, — Шеннон видел их в аэропорту, — а собственная преторианская гвардия президента носила автоматы. Личная охрана размещалась на территории дворца и была абсолютно предана Кимбе, сопровождая его всегда целой оравой.

На следующее утро Шеннон вышел прогуляться. Через несколько секунд он обнаружил, что радом с ним идет паренек лет десяти-одиннадцати, посланный Гомесом. Лишь позже он узнал, зачем. Сейчас он подумал, что Гомес, должно быть, послал мальчугана в качестве гида, хотя толку в этом не было никакого, поскольку они не перемолвились ни словом. Но истинная причина была в другом. Подобную услугу Гомес оказывал всем своим гостям независимо от того, просили они о ней или нет. Если бы турист оказался арестован по той или иной причине, мальчик бы тотчас же бросился к Гомесу и сообщил ему об этом. Тот, в свою очередь, проинформировал бы швейцарское или западногерманское посольство, чтобы они начали переговоры об освобождении

туриста, пока его не забьют до полусмерти. Паренька звали Бонифаций.

Шеннон провел утро, отмеряя милю за милей, и совсем загнал мальчугана. Никто их не останавливал. Редко мимо проезжал автомобиль, улицы были почти пустынны. Шеннон получил от Гомеса небольшой план города, оставшийся от колониальных времен, и с его помощью нашел все основные здания Кларенса: единственный банк, единственная почта, полдюжины министерств, порт и больница ООН. У каждого из зданий располагались группы из шести-семи солдат. Внутри банка, куда он зашел получить наличные по туристскому чеку, Шеннон обратил внимание на раскладушки, стоящие в холле. В часы обеда он дважды наблюдал, как солдат тащил своим товарищам корзинки с едой. Шеннон сделал вывод, что в каждом здании охрана живет на казарменном положении. Вечером Гомес подтвердил его наблюдения.

Он заметил солдат перед каждым из шести посольств, мимо которых проходил; трое из них спали прямо в пыли. В обеденное время он насчитал около сотни солдат, рыскающих по центральным улицам города. Солдаты были разбиты на двенадцать групп, каждый из них во-

оружен старым самозарядным маузером калибра 7,92. Большинство винтовок выглядело заржавленными и нечищенными. Солдаты носили грязно-зеленые брюки и рубашки, брезентовые ботинки, матерчатые ремни и высокие кепки, напоминающие американские бейсболки. Все они выглядели исключительно убого. Шеннон понял, что уровень их подготовки, умение обращаться с оружием, командование и, в конце концов, способность сражаться равны нулю. Это был сброд, терроризирующий боязливых кейджу своим оружием и зверством. Но скорее всего, им не доводилось применять оружие даже в гневе, и уж наверняка они не бывали под огнем тех, кто действительно умел обращаться с винтовкой или автоматом. Скорее всего, их цель заключалась в том, чтобы предотвратить гражданские волнения, но в настоящем бою толку от них было бы мало.

Наиболее интересным оказалось содержимое их подсумков для магазинов. Они были пусты. Естественно, в каждом маузере магазин имелся, но емкостью лишь на пять патронов.

Днем Шеннон осмотрел порт. С земли он выглядел иначе. В воду уходили две песчаные стрелки, образуя естественную гавань. У берега

они возвышались над водой на двадцать футов, а к концу снижались до шести и были покрыты достигающей пояса кустарниковой порослью, выжженной за долгий засушливый сезон до коричневого оттенка и невидимой сверху. У берега ширина каждой стрелки составляла сорок ярдов; они удалялись в море, постепенно сужаясь до сорока футов. Шеннон повернулся лицом к порту. Отсюда открывался панорамный вид на береговую линию.

В центре находился бетонный причал, над которым громоздился пакгауз. На север от него уходили в море старые деревянные молы, почти все разрушенные. От некоторых остались лишь опоры, торчащие из воды, как сломанные зубы. На юг от пакгауза лежал покрытый галькой пляж с разбросанными каноэ. С конца одной из песчаных стрелок разглядеть президентский дворец не удавалось — его заслонял пакгауз. Но с другой ясно просматривался весь верхний этаж. Шеннон вернулся в порт и изучил пляж, откуда отплывали рыбацкие лодки. «Хорошее место для высадки, — подумал он машинально, — берег уходит в воду под небольшим наклоном».

Позади пакгауза бетон заканчивался, и дальше шло постепенно подымающееся, покрытое

кустарником побережье. Бурые заросли пересекались многочисленными тропинками, а по направлению к президентскому дворцу вела проложенная грузовиками колея. Шеннон направился по дороге и, когда достиг вершины подъема, перед ним в двухстах ярдах открылся вид на старую колониальную усадьбу. Он прошел еще сто ярдов и оказался на асфальтированной дороге, идущей вдоль побережья. На перекрестке его ждали четверо солдат, одетых получше и выглядевших даже нарядно, вооруженных автоматами Калашникова. Они молча проследили, как он свернул направо, к отелю. Это была охрана дворца.

Проходя мимо, он старался рассмотреть стоящий по левую руку от него дворец. Окна цокольного этажа были заложены кирпичом и выкрашены под цвет стен. В центре имелась высокая и широкая, запираемая на засовы деревянная дверь, почти наверняка навешенная заново. Перед заложенными кирпичом окнами тянулась терраса, теперь бесполезная, поскольку попасть на нее из здания было невозможно. На первом этаже по фасаду располагалось семь окон: три налево, три направо и одно — над центральным входом. На верхнем этаже находилось

десять окон, гораздо меньших по размеру. Над ними шел водосточный желоб, а дальше красная крыша устремлялась ввысь к коньку.

Он заметил довольно много охранников, слоняющихся перед центральной дверью. Окна первого этажа имели жалюзи, возможно, стальные (Шеннон проходил слишком далеко, чтобы сказать наверняка), которые были опущены. Было очевидно, что за перекресток заходить запрещалось, исключение делалось разве только для официальных лиц.

Свою дневную прогулку он завершил как раз перед заходом солнца, обойдя дворец издалека. Со всех сторон он был окружен недавно возведенной стеной высотой восемь футов. Он заключил это по росту прогуливающегося вдоль нее охранника. Стена не имела ворот и была усеяна поверху осколками стекла. Шеннон знал, что внутрь ему заглянуть не удастся, но увиденное вызвало в нем усмешку.

Он подмигнул Бонифацию.

— Послушай, малый, этот придурок думает, что защитил себя, поставив большую стену, усыпанную бутылочным стеклом, и проделав лишь один вход. На самом деле он соорудил для себя большую каменную мышеловку.

Паренек, не поняв ни слова, широко улыбнулся в ответ и показал жестами, что голоден и хочет домой. Шеннон кивнул и отправился назад в отель, порядком устав от ходьбы.

Он не делал ни заметок, ни набросков, но запомнил все подробности, вернул Гомесу схему и после ужина присоединился к нему в баре.

Два китайца молча тянули пиво за столиком, поэтому разговора между ними не получилось, да и, кроме того, окна были открыты. Однако позже Гомес прихватил дюжину бутылок пива и пригласил Шеннона к себе в номер на верхнем этаже. Они расположились на балконе, смотря вниз на спящий город, в основном погруженный в темноту из-за отсутствия электричества.

Шеннон раздумывал, не довериться ли Гомесу, но все-таки решил не спешить. Он рассказал, что искал банк, и с каким трудом ему удалось разменять пятидесятифунтовый чек. Гомес фыркнул.

— Чего уж тут говорить. Редко им доводится видеть здесь туристские чеки или иностранную валюту.

— Но ведь она должна проходить через банк.

— Там валюта долго не задерживается. Всю казну республики Кимба держит под замком во дворце.

Шеннон заинтересовался. Через два часа он мало-помалу вытянул из Гомеса, что Кимба устроил государственный арсенал в старом винном погребе губернаторского дворца, запирая его собственным ключом. Национальное радиовещание было также переведено во дворец, и Кимба мог вещать на свое государство и на весь мир непосредственно оттуда. Извне контролировать радиостанцию было невозможно, а национальное радио всегда играет важную роль в государственных переворотах. Кроме того, Шеннон выяснил, что ни бронированных автомобилей, ни артиллерии нет, а кроме сотни солдат, рассредоточенных по столице, еще одна сотня находилась в пригороде. Часть из них охраняла аэропорт и дорогу в город, а остальные базировались в деревнях племени кейджу уже вне полуострова, ближе к мосту через реку Зангаро. Эти двести солдат составляли половину всей армии. Другая половина квартировала в казармах, ранее принадлежавших колониальной полиции и находившихся в четырехстах ярдах от дворца. Фактически эти казармы представляли собой несколько рядов убогих деревянных лачуг за тростниковой оградой. К этому можно было добавить еще охрану дворца, насчитывающую

от сорока до шестидесяти человек и обитающую под навесами за стенами резиденции.

На третий день своего пребывания в Зангаро Шеннон проверил бывшие полицейские казармы, где размещались двести солдат, не несущих в данный момент службы. Они, как и говорил Гомес, были окружены тростниковой изгородью, но посещение находящейся рядом церкви дало Шеннону возможность подняться незамеченным по винтовой лестнице на колокольню и украдкой рассмотреть с ее площадки то, что его интересовало. Казармами оказались два ряда хибар, украшенных развешанной для просушки одеждой. В одном конце имелось несколько сложенных из кирпича очагов, где солдаты готовили в горшках какую-то пищу. Большинство из них слонялось тут и там, выражая своим видом различную степень скуки. Все были безоружны. Возможно, их винтовки стояли в пирамидах, но Шеннон догадался, что, скорее всего, они запирались в оружейном складе — небольшом каменном домике, стоящем рядом с хижинами. Весь военный лагерь выглядел до чрезвычайности примитивным.

Именно этим вечером, отправившись на очередную разведку без Бонифация, Шеннон

встретил того солдата. Час он кружил по погруженным в темноту улицам, к счастью для него, не знавшим света фонаря, пытаясь приблизиться к дворцу.

Ему удалось достаточно хорошо разглядеть боковые и задние стены и убедиться, что патрулей с этих сторон не было. Обходя фасад дворца, он столкнулся с двумя охранниками, грубо приказавшими ему убираться восвояси. Он установил, что трое охранников располагались на перекрестке дорог на полпути между воротами дворца и начинающимся спуском к порту. Ему было важно определить, что с того места, где они стояли, порт виден не был. Отсюда линия зрения, проходя через вершину подъема, пересекалась с морем уже за пределами стрелок, образующих гавань. Не будь в небе луны, воды в пятистах ярдах от себя он бы не разглядел. Однако вспыхни там свет — это было бы заметно.

В темноте Шеннон не увидел передние ворота дворца в ста ярдах в глубине, но предположил, что, как обычно, там находились двое охранников. Предложив по пачке сигарет приставшим к нему солдатам, он благополучно ретировался.

По пути назад к отелю, миновав несколько баров, освещенных изнутри парафиновыми лам-

пами, он свернул на совершенно темную дорогу. Через сто ярдов его остановил солдат. Он был явно пьян и справлял малую нужду в сточную канаву рядом с дорогой.

Качнувшись к Шеннону, солдат ухватился руками за приклад и ствол своего маузера. В свете взошедшей луны Шеннон ясно видел, как тот направился к нему неверной походкой, что-то мыча на ходу. Было непонятно, что ему нужно, но скорее всего, он требовал денег. До Шеннона несколько раз донеслось, как солдат пробормотал: «Пиво», добавив несколько неразборчивых слов. Прежде чем Шеннон смог достать деньги или пройти мимо, солдат сердито заворчал и внезапно ткнул стволом ружья в его сторону. Дальше все происходило быстро и тихо. Шеннон одной рукой перехватил ствол и отвел от своего живота, резко потянув и лишив солдата равновесия. Тот, очевидно, пораженный реакцией, которой никак не ожидал от чужака, выпрямился, яростно замычал, развернул маузер, схватив его обеими руками за ствол, и взмахнул им, как дубиной. Шеннон шагнул вперед и, заблокировав удар, резко двинул солдата коленом в пах.

Теперь отступать было поздно. Когда ружье выпало из рук солдата, Шеннон размахнулся и

нанес удар ребром ладони правой руки по горлу. Вместе с хрустом шейных позвонков в его плече отдалась резкая боль. Солдат рухнул как подкошенный.

Шеннон огляделся. Дорога была пуста. Он спихнул тело в сточную канаву и осмотрел ружье. Один за другим он выщелкнул из магазина патроны — их оказалось только три. Патронник также был пуст. Шеннон вынул затвор и направил дуло к луне, чтобы осмотреть ствол. Нечищенный месяцами, тот был забит грязью, пылью и ржавчиной. Он вогнал затвор назад, снарядил магазин, бросил ружье на труп и продолжил свой путь в отель.

— Все лучше и лучше, — пробормотал Шеннон, ложась спать в своем номере и почти не сомневаясь, что настоящего полицейского расследования проведено не будет. Сломанную шею объяснят падением в канаву, а об отпечатках пальцев здесь вряд ли слышали.

Тем не менее, сославшись на головную боль, весь следующий день Шеннон провел в отеле, болтая с Гомесом.

На другой день, утром, он отправился в аэропорт, и «Конвэйр-440» унес его назад на север. Когда он сидел в салоне и смотрел в иллюминатор

на исчезающую под крылом самолета республику, в его голове все время крутились сказанные накануне Гомесом слова:

— В Зангаро не ведется и никогда не велось никаких горнорудных работ.

Через сорок часов он вернулся в Лондон.

* * *

Посол Леонид Добровольский всегда ощущал легкое беспокойство во время своих еженедельных встреч с президентом Кимбой. Как и все остальные имевшие удовольствие общаться с ним, он мало сомневался в безумии этого человека. Но, в отличие от многих, Добровольский имел приказ от своего руководства сделать все возможное, чтобы установить рабочие отношения с этим непредсказуемым диктатором. Он стоял перед широким письменным столом красного дерева в кабинете президента на первом этаже дворца и ждал, пока Кимба каким-либо образом отреагирует на его присутствие.

Вблизи президент выглядит вовсе не таким представительным и благообразным, каким его изображали официальные портреты. За громадным письменным столом он казался почти карликом, застывшим в своем кресле в состоянии

полной неподвижности. Добровольский ждал, когда закончится этот период прострации. Обычно человек, правивший Зангаро, либо начинал говорить четко и ясно, проявляя себя во всех отношениях абсолютно здравомыслящей личностью, либо этот кататонический ступор переходил в безудержную ярость. В любом случае, он играл ту роль, какую выбирал сам в данный момент.

Кимба медленно кивнул.

— Продолжайте, пожалуйста, — произнес он.

Добровольский облегченно вздохнул. Видимо, президент был готов его выслушать. Но плохие новости еще предстояло сообщить, и это могло изменить ситуацию.

— Мое правительство проинформировало меня, господин президент, что отчет о проведенных изысканиях, посланный британской компанией, может быть не совсем точен. Я имею в виду те изыскания, которые проводила несколько недель назад лондонская фирма «Мэнсон Консолидейтед».

Глаза президента, слегка навыкате, все еще смотрели на русского посла без малейшего выражения. Ни одним словом Кимба не дал понять, что он представляет себе, какой именно вопрос привел Добровольского во дворец.

Посол продолжал рассказ об изысканиях, проведенных компанией «МэнКон», и отчете, переданном в руки министру природных ресурсов неким мистером Брайнтом.

— В сущности, ваше превосходительство, я уполномочен информировать вас, что этот отчет, как считает мое правительство, не отражает истинных результатов проведенных изысканий.

Он замолчал, ожидая, когда ему будет позволено продолжить.

Кимба, наконец, заговорил — спокойно и разумно. Добровольский снова почувствовал облегчение.

— И в чем же этот отчет неточен? — вкрадчиво осведомился президент.

— Мы не уверены в подробностях, ваше превосходительство, но справедливо предположить, что поскольку эта британская компания не проявила ни малейших усилий, чтобы добиться от вас концессий на разработку полезных ископаемых, то отчет, который они представили, указывает на отсутствие залежей полезных ископаемых, представляющих интерес с точки зрения их добычи. Если отчет неточен, то вероятно, именно в этом отношении. Другими словами, скорее всего, пробы, взятые проводившим изыскания геологом,

содержат не совсем то, о чем вас информировали англичане.

Последовала еще одна длинная пауза, во время которой посол ждал взрыва гнева. Кимба оставался спокоен.

— Они обманывают меня, — прошептал он.

— Безусловно, — быстро вставил Добровольский. — И единственный способ в этом убедиться — послать еще одну геологоразведочную партию исследовать тот же район и снова взять пробы скалы и почвы. В этой связи я уполномочен моим правительством покорнейше просить ваше превосходительство дать разрешение группе изыскателей из Свердловского геологического института прибыть в Зангаро и еще раз проверить это место, обследованное британским геологом.

Кимба долго обдумывал предложение посла и, наконец, кивнул.

— Позволяю.

Добровольский поклонился. Стоящий рядом Волков — официально второй секретарь посольства, но в действительности резидент КГБ — переглянулся с ним.

— Второй вопрос касается вашей безопасности, — продолжал Добровольский. Наконец-то

он уловил некоторую реакцию со стороны диктатора. К этой проблеме Кимба относился исключительно серьезно. Он вскинул голову и обвел комнату подозрительным взглядом. Трех зангарских помощников, стоящих позади русских, бросило в дрожь.

— Моя безопасность? — переспросил Кимба, как обычно, шепотом.

— Мы с большим удовлетворением доводим до вашего сведения мнение советского правительства о чрезвычайной важности того, чтобы ваше превосходительство имело возможность и дальше вести Зангаро по пути мира и прогресса, что ваше превосходительство уже столь блестяще продемонстрировало, — произнес русский посол.

Самая немыслимая лесть была неотъемлемой частью слов, адресуемых Кимбе, при общении с ним.

— Чтобы гарантировать настоящую безопасность драгоценной личности вашего превосходительства и ввиду недавней опаснейшей попытки государственной измены со стороны одного из ваших офицеров, мы, с нашим полным уважением, предлагаем, чтобы представителям нашего посольства было дозволено находиться внутри дворца и оказывать посильную помощь личной

гвардии в охране вашего превосходительства.

Упоминание о попытке государственной измены со стороны полковника Боби вывело Кимбу из транса. Он весь затрясся, но русские не поняли — от страха или от гнева. Затем он начал говорить, сначала медленно, привычным шепотом, потом все быстрее. Когда он посмотрел на зангарцев, его голос окреп и стал вибрировать. После нескольких предложений он перешел на диалект винду, который понимали лишь его охранники, но русские суть уже знали: повсеместная опасность измены и предательства, о которых Кимба получал предупреждения свыше, сообщающие о зреющих во всех углах заговорах; его полная осведомленность о тех, кто не был лоялен и вынашивал в своих умах дьявольские планы; его намерение искоренить их подчистую; и что с ними произойдет, когда он, наконец, до них доберется. С полчаса президент продолжал в том же духе, так и не успокоившись и не вернувшись к европейскому языку, который понимали русские.

Когда они выбрались на свет Божий и уселись в посольский автомобиль, оба были мокрыми как мыши — отчасти из-за жары, поскольку кондиционеры во дворце снова сломались, отчасти из-за

впечатления, которое каждый раз производил на них Кимба.

— Хорошо, что все это позади, — тихо проговорил Волков, как только машина тронулась с места. — Во всяком случае, мы получили разрешение. Завтра же я пришлю своего человека.

— А я постараюсь как можно скорее организовать прибытие геологов, — сказал Добровольский. — Будем надеяться, что с британским отчетом действительно не все чисто. В противном случае не знаю, как я оправдаюсь перед президентом.

— А я перед вами, — хмыкнув, отозвался Волков.

* * *

Шеннон поселился в отеле «Лоундес», как они договорились с «Уолтером Харрисом» еще до его отъезда из Лондона. Было условлено, что Шеннон пробудет в Зангаро около десяти дней, и после этого срока каждое утро в девять Харрис будет звонить в отель и спрашивать мистера Кейта Брауна. Шеннон прибыл в поддень и узнал, что этим утром, три часа назад, был первый звонок. Это означало, что остаток дня принадлежал ему полностью.

После ванны и завтрака он позвонил в детективное агентство. Директор почти сразу вспомнил имя Кейта Брауна, и Шеннон слышал, как он перебирает папки у себя на столе. Наконец, он нашел нужную.

— Да, мистер Браун, все здесь. Вы хотите получить это по почте?

— Не обязательно, — ответил Шеннон. — Там много?

— Нет, примерно одна страничка. Прочитать по телефону?

— Да, пожалуйста.

Его собеседник прочистил горло и начал.

— Утром по просьбе клиента мой оперативник ждал у въезда на подземную стоянку штаб-квартиры компании «МэнКон». Ему повезло. Объект, которого он сопровождал накануне после встречи с нашим клиентом на Слоун-Авеню, прибыл в автомобиле. Оперативник хорошо разглядел его, когда тот сворачивал в туннель, ведущий на стоянку. Личность объекта не вызывала никаких сомнений. Он сидел за рулем «Шевроле-Корвета». Детектив заметил номер автомобиля. Позже, при помощи нашего человека, в автоинспекции были наведены справки. Машина зарегистрирована на имя Саймона Джона Эндина, проживающего в

Южном Кенсингтоне.

После паузы директор агентства осведомился:

— Дать вам адрес, мистер Браун?

— Да нет, пожалуй, — ответил Шеннон. — А вы знаете, что этот Эндин делает в компании «МэнКон»?

— Естественно. Я проверил это с помощью приятеля, журналиста в Сити. Саймон Эндин — личный помощник и правая рука сэра Джеймса Мэнсона, председателя и генерального директора компании «Мэнсон Консолидейтед».

— Спасибо, — поблагодарил Шеннон и положил трубку.

— Все забавнее и забавнее… — пробормотал он, выходя из отеля и направляясь к Джермин-Стрит, чтобы получить наличными по чеку и купить несколько рубашек. Было первое апреля — День дураков, светило солнышко, и на лужайках Гайд-Парка цвели бледно-желтые нарциссы.

* * *

Пока Шеннон был в отъезде. Саймон Эндин тоже не сидел сложа руки. Этим днем он докладывал результаты своих трудов сэру Джеймсу Мэнсону в его роскошном кабинете.

— Полковник Боби, — начал он, входя к своему

шефу. Горнорудный босс приподнял бровь.

— Кто?

— Полковник Боби. Бывший командующий армией Зангаро. В настоящее время в изгнании. Смертельный враг президента Кимбы, который, между прочим, своим указом за государственную измену приговорил его к смерти. Вы хотели узнать, где он сейчас.

Сидя за столом, Мэнсон кивал, давая понять, что все прекрасно помнит. Да, он все еще не забыл о Хрустальной горе.

— Хорошо, и где же он? — спросил Мэнсон.

— В Дагомее, — ответил Эндин. — Дьявольски трудно было разыскать его. Он обосновался в столице — Котону. Вероятно, у него не так уж много денег, иначе он жил бы на окруженной стеной вилле под Женевой вместе с другими богатыми изгнанниками. Он снимает небольшой коттедж и живет очень тихо. Старается не раздражать дагомейское правительство, чтобы его не попросили и оттуда. По слухам, Кимба вел переговоры о его выдаче, но пока никто ничего не предпринимал. Все же он далековато от Зангаро, чтобы всерьез опасаться его угроз.

— А как насчет этого наемника, Шеннона? — осведомился Мэнсон.

— Должен не сегодня-завтра вернуться, — ответил Эндин. — Я заказал ему номер в «Лоундес» со вчерашнего дня. Сегодня в девять его еще не было. Я попытаюсь связаться с ним завтра в это же время.

— Попробуй сейчас, — кивнул Мэнсон на телефон.

В отеле сообщили, что мистер Браун уже прибыл, но сейчас его нет. Сэр Джеймс слушал по параллельному телефону.

— Оставь сообщение, — приказал он Эндину. — Скажи, что будешь звонить сегодня вечером в семь.

Эндин договорился с администрацией отеля и оба положили трубки.

— Мне нужен его доклад как можно скорее, — произнес Мэнсон. — Пусть закончит завтра к полудню. Встреться с ним и сначала прочти сам. Убедись, что он осветил все, о чем я тебе говорил. Затем доставь бумаги мне. Придержи Шеннона пару дней, пока я подробно не изучу доклад.

* * *

Шеннон получил сообщение Эндина сразу же после пяти часов и в семь ждал его звонка в номере. Оставшуюся часть вечера между

ужином и сном он провел, разбирая заметки и материалы, привезенные из Зангаро: ряд набросков, сделанных на листочках писчей бумаги, пачку которой он купил, пока коротал время в аэропорту; несколько схем, начерченных по памяти, в соответствии с измеренным шагами расстоянием; местный путеводитель, датированный 1959 годом, с достопримечательностями, из коих единственный интерес для него представляла «Резиденция его превосходительства губернатора колонии»; и официальный, весьма лестный, портрет Кимбы — один из немногих видов продукции, который не был в республике дефицитом.

На следующий день, как только открылись магазины, он купил пишущую машинку, стопку бумаги и провел все утро за составлением доклада. В нем он осветил три момента: непосредственное впечатление от поездки, подробное описание столицы — здание за зданием с прилагаемыми схемами, и настолько же детально обрисовал военное положение. Он подчеркнул то обстоятельство, что нигде не заметил признаков наличия военно-воздушных сил или флота — Гомес также подтверждал это. Он не упомянул о прогулке вниз по полуострову до туземных квар-

талов лачуг, где видел убогие жилища беднейших кейджу, а дальше за ними хибары рабочих — иммигрантов и их семей, занесенных сюда за много миль от родного дома.

Доклад заканчивался выводом:

«Задача свержения Кимбы значительно упрощается им самим. Проживающие за рекой винду занимают большую часть территории республики, но их вклад в экономическую или политическую жизнь ничтожен. Если Кимба потеряет контроль над прибрежным районом, производящим основную часть весьма ограниченных национальных богатств, он неизбежно потеряет всю страну. Более того, если бы он потерял контроль над полуостровом, то со своими людьми не смог бы удержать и прибрежный район в условиях беспощадно подавляемой враждебности и ненависти со стороны всего населения кейджу. Далее, войскам винду не защитить полуостров, если будет потерян Кларенс. И наконец, у Кимбы нет сил удержать столицу, если он со своими войсками потеряет дворец. Короче говоря, проводимая им политика полной централизации привела к сокращению объектов, которые необходимо подавить, чтобы свергнуть существующую государственную власть, до един-

ственного — президентского дворца, где обитает сам Кимба, расквартирована его охрана, располагаются арсенал, казначейство и радиостанция.

Весь дворцовый комплекс окружен стеной и представляет собой единую цель. Брать его придется штурмом. Главные ворота можно сокрушить тяжелым грузовиком или бульдозером, который направит человек, готовый при этом погибнуть. Подобного настроя среди местных жителей или военных я не наблюдал, как и не обнаружил подходящего грузовика. Альтернативно, сотня храбрых, готовых на самопожертвование людей со штурмовыми лестницами могла бы преодолеть стены и захватить дворец. Но, повторяю, состояние духа местных жителей вряд ли позволяет рассчитывать на подобное. Более реалистичным представляется, что дворец мог бы быть захвачен с небольшими людскими потерями после предварительного минометного обстрела. Замкнутые стены не защитят от подобного оружия, а наоборот, станут смертельной ловушкой для находящихся внутри. Дверь можно выбить пущенной из базуки ракетой. Никаких признаков наличия такого рода оружия, а также людей, способных им воспользоваться, я не увидел. Из вышесказанного следует непреложный

вывод: любая группировка или фракция внутри республики, стремящаяся свергнуть Кимбу и захватить власть, должна уничтожить его вместе с преторианской гвардией внутри резиденции. Чтобы осуществить это, им потребуется квалифицированная помощь на недоступном для них техническом уровне. Такая помощь вместе со всем необходимым снаряжением должна будет прибыть из-за границы. При выполнении этих условий Кимба может быть уничтожен в ходе боя, который продлится не более часа».

* * *

— А Шеннон знает, что никаких фракций, желающих свергнуть Кимбу, в Зангаро нет? — спросил сэр Джеймс Мэнсон на следующее утро, изучив доклад.

— Я проинструктировал его согласно вашим указаниям, — ответил Эндин, — и лишь упомянул, что среди военных существует некая фракция, а группа заинтересованных бизнесменов, которую я представляю, готова платить за то, чтобы их шансы на успех оценивались с военной точки зрения. Он же далеко не дурак и прекрасно понял, что никто там это дело провернуть не способен.

— Мне нравится этот Шеннон, — заметил Мэнсон, закрывая папку с докладом. — В нем есть этакая наглость, которая необходима для успеха. И пишет он хорошо — коротко и ясно. Вопрос в том, способен ли он сам все это проделать?

— Шеннон упомянул нечто важное, — вмешался Эндин. — Когда я расспрашивал его, он оценил уровень подготовки зангарской армии весьма низко и сказал, что профессионалы могли бы проделать практически всю работу, а затем передать правление в руки любому новому человеку.

Мэнсон задумался. «Неужели он уже подозревает, что причина, по которой его туда послали, совсем иная?»

Он все еще размышлял, когда Эндин вежливо осведомился:

— Могу я задать вопрос, сэр Джеймс?

— В чем дело?

— Скажите, почему он все-таки ездил в Зангаро? Зачем вам нужен военный доклад о том, как можно свергнуть и убить Кимбу?

Некоторое время сэр Джеймс Мэнсон смотрел прямо перед собой. Наконец произнес:

— Позови сюда Мартина Торпа.

Пока звали Торпа, Мэнсон подошел к окну и посмотрел вниз, как он делал всегда, когда ему

требовалось хорошенько подумать.

Он знал, что выдвинутые лично им Эндин и Торп несколько молоды для той зарплаты и достигнутого положения, которые имели. Но дело было не только в их уме, хотя оба считались блестящими специалистами. В каждом из них Мэнсон разглядел отсутствие щепетильности, столь свойственное ему самому, готовность игнорировать так называемые моральные принципы ради главной цели — успеха. Они были такими же наемниками как Шеннон, да и он сам. Всех четверых разделяли лишь степень успеха и вопрос публичного престижа. Он сделал из них свою команду, своих ландскнехтов, оплачиваемых компанией, но служащих только ему одному. Проблема заключалась в том, что он не знал — мог ли доверить им именно это дело, большое дело…

Когда Торп вошел в кабинет, Мэнсон решил рискнуть. Он полагал, что знает, как гарантировать их лояльность.

Сэр Джеймс предложил им сесть, а сам, оставаясь у окна, произнес:

— Я хочу, чтобы вы обдумали все очень тщательно и лишь потом дали ответ. Насколько далеко вы готовы пойти, чтобы обеспечить себе

личный вклад в швейцарском банке в размере пяти миллионов фунтов, каждому?

Доносившийся до десятого этажа шум уличного движения казался жужжанием пчелы, подчеркивая повисшее в комнате молчание. Эндин поднял глаза на своего шефа и медленно кивнул.

— Очень, очень далеко, — тихо произнес он.

Торп не отвечал. Именно для этого он и пришел в Сити, поступил на службу к Мэнсону, накопил энциклопедические знания о делах компании. Вот он, большой шанс, «большой шлем», выпадающий раз в десятилетие, раз в жизни… Он тоже согласно кивнул.

— Но как? — выдохнул Эндин.

Собираясь ответить, Мэнсон подошел к стенному сейфу и достал два доклада. Третий — Шеннона — уже лежал на столе, за который он снова сел.

Мэнсон говорил без перерыва в течение часа. Он начал с самого начала и вскоре зачитал шесть последних абзацев доклада Чалмерса касательно проб, взятых из Хрустальной горы. Торп тихо присвистнул и прошептал:

— Боже мой!

Чтобы понять суть дела, Эндину потребовалась десятиминутная лекция о платине, после чего он тоже глубоко вздохнул.

Мэнсон продолжал, упомянув об отправке Малруни на север Кении, подкупе Чалмерса, втором визите Брайнта в Кларенс, где он всучил министру Кимбы липовый отчет. Сэр Джеймс подчеркнул влияние на Кимбу русских и рассказал о недавнем изгнании полковника Боби, заметив, что при подходящих обстоятельствах он мог бы вернуться в качестве претендента на кресло главы государства.

В основном для Торпа он прочитал большую часть доклада о Зангаро, подготовленного Эндином, и закончил выводами из доклада Шеннона.

— Если все это начинать, то проблема заключается в том, чтобы организовать две параллельные совершенно секретные операции, — заключил Мэнсон. — В соответствии с одной Шеннон, контакт с которым будет осуществляться через Саймона, разрабатывает и реализует проект взятия и уничтожения президентского дворца вместе со всеми, кто в нем находится. На следующее утро появляется сопровождаемый Саймоном Боби и становится новым президентом. Согласно другой Мартин должен будет купить «компанию-скорлупу», не разглашая, кем она контролируется и зачем предназначается.

Эндин удивленно поднял брови.

— Я понимаю насчет первой операции, но для чего вторая? — спросил он.

— Расскажи ему, Мартин, — распорядился сэр Джеймс.

Торп усмехнулся, ибо его острый ум уловил намерение Мэнсона.

— «Компания-скорлупа» — это обычно очень старая компания, не имеющая каких-либо значительных активов, фактически прекратившая торговлю акциями, которые при этом очень дешевы, скажем, по шиллингу каждая.

— Ну и зачем ее покупать? — все еще недоумевал Эндин.

— Далее, сэр Джеймс получает контроль над компанией, купленной втайне через подставных лиц, укрытых за швейцарским банком, — все законно, комар носа не подточит, — а эта компания имеет миллион акций по шиллингу каждая. Оставаясь неизвестным другим владельцам акций, совету директоров или фондовой бирже, он через швейцарский банк приобретает шестьсот тысяч акций из миллиона. Затем полковник, прошу прощения, президент Боби продает этой компании исключительное право в течение десяти лет вести разработки во внутренних районах Зангаро. Новая геологическая партия из компании,

специализирующейся в горном деле и имеющей безупречную репутацию, отправляется на место и открывает Хрустальную гору. Что же происходит с акциями нашей компании «Х», когда эта новость обрушивается на рынок ценных бумаг?

До Эндина, наконец, дошло.

— Они идут вверх, — ухмыльнулся он.

— Именно, — подтвердил Торп. — При небольшой поддержке они поднимаются с шиллинга до ста фунтов. Теперь посчитай. Шестьсот тысяч акций по шиллингу каждая стоят тридцать тысяч фунтов. Продай акции по сто фунтов за каждую — сколько ты принесешь домой в кулачке? Шестидесятимиллионный куш в швейцарском банке, не так ли, сэр Джеймс?

— Совершенно верно, — подтвердил Мэнсон. — Причем если продать половину акций небольшими пакетами множеству людей, контроль над компанией, владеющей концессией, останется в тех же руках, что и раньше. Но более крупная компания может претендовать на покупку всего блока из шестисот тысяч акций сразу.

Торп задумчиво кивнул.

— Да, контроль над такой компанией, полученной за шестьдесят миллионов, был бы неплохой сделкой. Но с чьей стороны может последовать

подобное предложение?

— С моей, — коротко ответил Мэнсон. Торп в изумлении приоткрыл рот.

— С вашей?

— Будет принято только предложение компании «МэнКон». Именно таким образом концессия останется в руках Британии, а «МэнКон» сделает прекрасное вложение капитала.

— Но, — удивился Эндин, — неужели вы будете платить сами себе шестьдесят миллионов соверенов[30]?

— Нет, — спокойно произнес Торп. — Сами того не зная, акционеры «МэнКон» заплатят сэру Джеймсу шестьдесят миллионов соверенов.

— Как же это называется, в финансовых терминах, естественно? — поинтересовался Эндин.

— На фондовой бирже для этого есть подходящее словечко, — подтвердил Торп.

Сэр Джеймс Мэнсон протянул каждому из них по бокалу виски, затем приподнял свой.

— Итак, джентльмены? — осведомился он вкрадчиво, и оба молодых человека, переглянувшись, согласно кивнули.

— Тогда за Хрустальную гору.

---

[30] Примечания: 30

Соверен — британская золотая монета с профилем монарха (сюзерена). 1 соверен = фунт стерлингов.

Они выпили.

— Жду вас завтра ровно в девять, — распорядился Мэнсон. Его помощники встали и направились к задней двери. Уже выходя, Торп обернулся.

— Вы знаете, сэр Джеймс, это чертовски рискованно. Если просочится хоть одно слово…

Мэнсон стоял спиной к окну, рядом с ним на ковер косо падали лучи заходящего солнца. Расставив ноги и уперев руки в бока, он жестко сказал:

— Взломать банк или бронированный автомобиль — это слишком грубо. Вот взломать целую республику — в этом, мне кажется, что-то есть.

Глава 7

— А что вы скажете, если никакой враждебной группировки, стремящейся свергнуть президента Кимбу, не окажется? — поинтересовался Эндин и поставил чашечку с кофе на стол. В девять утра он позвонил Шеннону и условился с ним о встрече, сказав, чтобы тот подождал еще одного звонка. Саймон был проинструктирован сэром Джеймсом и, перезвонив Шеннону, договорился с ним на одиннадцать.

Сейчас они сидели в его гостиничном номере, пили кофе и разговаривали.

— В том-то и штука, — продолжал Эндин, — что касательно этого момента исходная информация изменилась. Лично я никакой разницы не вижу. Вы же сами сказали, что уровень армии ужасно низок, и специалистам в любом случае придется делать всю работу самим.

— Разница, черт возьми, есть, — возразил Шеннон. — Атаковать и захватить дворец — это одно. А удержать его — совершенно другое. Уничтожение Кимбы вместе с резиденцией создаст вакуум у кормила власти. Кто-то должен прийти и занять пустующее место. Даже духу наемников не долж-

но быть при дневном свете. И кто же это будет?

Эндин кивнул. Он не ожидал, что наемник имеет хоть какое-то политическое чутье.

— У нас имеется подходящий человек, — осторожно сообщил Саймон.

— Он в республике или в изгнании?

— В изгнании.

— Он должен быть водворен во дворец и, выступив по радио, сообщить, что произвел coup d'etat и взял власть в свои руки, на следующий же день после взятия резиденции.

— Это мы устроим.

— И еще один момент.

— Что же? — спросил Эндин.

— В столице должны находиться войска, лояльные новому режиму, и войска, якобы осуществившие переворот, которые воочию должны предстать перед народом. Если они не продемонстрируют свое присутствие, то мы основательно влипнем — группа белых наемников, загнанных внутрь дворца, не имеющих возможности появиться на свет Божий по политическим соображениям и отрезанных от отступления в случае контратаки. Этот ваш человек, который в изгнании… У него есть хоть какие-то силы для оказания поддержки после переворота? Или он

сможет быстро собрать их уже в столице?

— Я думаю, вы позволите нам позаботиться об этом, — с нажимом произнес Эндин. — От вас требуется военный план организации и осуществления атаки.

— Я могу сделать это, — Шеннон не колебался. — Но как насчет подготовительных мероприятий, людей, оружия, амуниции?

— Вы должны учесть все, от начала до конца, до захвата дворца и смерти Кимбы.

— С Кимбой должно быть покончено?

— Естественно, — кивнул головой Эндин. — К счастью, он методично уничтожал всех, кто имел достаточно инициативы и мозгов, чтобы взбунтоваться. В результате он единственный, способный перегруппировать силы и организовать контратаку. Вместе с его смертью придет конец и гипнотическим воздействиям на подчиненных.

— Да, чары пропадают вместе со смертью…

— Что?

— Так, ничего. Вряд ли вы поймете.

— Попытайтесь объяснить, — холодно проронил Эндин.

— Этот человек обладает магией, — начал Шеннон, — или, по крайней мере, люди верят, что

это так. Могущественная защита, дарованная ему духами, охраняет его от врагов, гарантирует неуязвимость, оберегает от покушений, хранит от смерти. В Конго шимбу верили, что их вождь Пьер Мюлил обладает подобными чарами. Он говорил, что может одаривать ими своих сподвижников и делать их бессмертными. Ему верили. Они считали, что пули, не причинив никакого вреда, пройдут навылет, как сквозь воду. Поэтому они катились на нас лавиной, одурманив себя гашишем и виски, гибли как мухи и продолжали идти. То же относится и к Кимбе. Пока верят, что он бессмертен, он действительно бессмертен. Им и в голову не придет поднять на него руку. Когда же люди увидят его труп, убивший его человек и станет новым вождем. Его магия будет сильнее.

Эндин удивленно воззрился на Шеннона.

— Неужели такая отсталость?

— Не такая уж это и отсталость. Мы тоже верим в счастливые приметы, полны религиозных предрассудков, считаем, что именно нас хранят неведомые силы. То, во что верим мы, — это религия, а на их долю остается суеверие.

— Неважно, — отрезал Эндин. — Как бы там ни было, Кимба обязан умереть.

— Это означает, что он должен быть во дворце,

когда мы нападем. Нам придется плохо, окажись он в своих родных местах. Если Кимба останется жив, ваш человек не получит поддержки.

— Обычно президент находится в своем дворце.

— Да, — согласился Шеннон, — но необходима полная гарантия. Есть день, который он никогда не пропускает — День независимости. Накануне Кимба будет ночевать во дворце, как дважды два — четыре.

— Когда это?

— Через три с половиной месяца.

— Можно ли к этому времени все подготовить?

— Да, если немного повезет. Но по крайней мере еще пара недель не помешала бы.

— План пока не одобрен, — заметил Эндин.

— Так-то оно так, но если вы хотите посадить во дворце своего человека, единственная возможность сделать это — взять резиденцию штурмом. Хотите, чтобы я разработал весь план от начала до конца с оценкой затрат и временным графиком?

— Да. Затраты также очень важны. Мои… э-э… коллеги захотят узнать, во что это им обойдется.

— Хорошо, — произнес Шеннон. — Для начала желание узнать обойдется им в пятьсот фунтов.

— Вам уже заплачено, — холодно бросил Эн-

дин.

— Мне заплачено за поездку в Зангаро и представление отчета о тамошней военной ситуации, — ответил Шеннон. — Вы же хотите получить новый доклад, исходя из установок, которые мне дали.

— Пять сотен — это уж слишком за несколько исписанных листков бумаги.

— Чепуха. Вы прекрасно знаете, что когда ваша фирма консультируется с юристом, архитектором, экономистом или любым другим специалистом, то им нужно платить за оказанные услуги. Я — специалист по войне. Вы оплачиваете мои знания и опыт — где найти лучших людей, новейшее вооружение, как осуществить доставку и так далее. Это стоит пятисот фунтов. Если вы попытаетесь проделать работу сами, это обойдется вдвое дороже, займет не менее года и все равно ничего не выйдет, поскольку у вас нет нужных связей.

Эндин поднялся.

— Хорошо. Деньги получите сегодня днем со специальным курьером. Завтра — пятница. Мои партнеры захотят познакомиться с вашим докладом во время уик-энда. Пожалуйста, подготовьте его к трем часам завтрашнего дня.

Когда за ним закрылась дверь, Шеннон на-

смешливо приподнял чашку с кофе.

— Увидимся, мистер Уолтер Харрис, или как там тебя — Саймон Эндин? — проговорил он тихо.

Не в первый раз Шеннон благодарил звезды за то, что они свели его с дружелюбным и словоохотливым управляющим отелем Гомесом. Во время одной из долгих ночных бесед тот упомянул историю с полковником Боби, находящимся сейчас в изгнании. Он также заметил, что без Кимбы Боби был просто ничтожеством, не способным самостоятельно командовать войсками винду. А кейджу ненавидели его за предпринятые против них по приказу Кимбы репрессии. Это ставило Шеннона перед проблемой: нужны были местные формирования, которые могли бы появиться на сцене следующим утром после взятия дворца.

Большой коричневый конверт от Эндина, содержащий пятьдесят банкнот достоинством десять фунтов каждый, прибыл в начале четвертого. Шеннон пересчитал их, спрятал во внутренний карман пиджака и сел за работу. На составление доклада у него ушел остаток дня и большая часть ночи.

Он работал за письменным столом у себя в номере, сосредоточенно изучая им же вычерченные схемы и планы Кларенса, его гавани, портового

района и жилой части, включающей президентский дворец и казармы.

Классический военный подход заключался бы в том, чтобы высадиться в боковой части полуострова, ближе к его основанию, где он соединялся с основным побережьем, сделать короткий бросок в глубь и оседлать дорогу из Кларенса во внутренние районы, захватив Т-образный перекресток. Это отрезало бы полуостров и столицу от возможности получить подкрепление, но при этом терялся элемент неожиданности.

Талант Шеннона состоял в том, что он мыслил нетрадиционно и хорошо понимал Африку и африканского солдата. В этом отношении он походил на Хора, получившего прозвище Бешеный Майк, хотя применяемая наемниками тактика в Конго точно отвечала африканским условиям, в корне отличающимся от европейских.

Если бы план Шеннона показали какому-нибудь военному чину из Европы, мыслящему привычными категориями, он был бы охарактеризован как безрассудный и не имеющий ни малейшей надежды на успех. Шеннон ставил на то, что сэр Джеймс Мэнсон никогда не служил в британской армии, — на это не указывали сведения, полученные им из справочника «Кто есть

кто». Шеннон знал, что план сработает, причем сработает только такой план.

Он основывался на трех предпосылках о ведении боевых действий в Африке. Одна из них заключалась в том, что европейский солдат отлично сражается даже в темноте, но при этом должен хорошо представлять себе местность, где ведется бой. Африканский же солдат и на собственной территории часто становится совершенно беспомощным из-за страха перед таящимся в темноте врагом. Вторая учитывала скорость реакции африканского солдата. Собраться, перегруппироваться, подготовиться к контратаке — все это занимало у него больше времени, чем у европейца, что усиливало элемент внезапности. Третья состояла в том, что огневая мощь и производимый при этом шум могли повергнуть африканца в панику, вызывая непреодолимый ужас и обращая в безудержное бегство, при этом действительное число противников уже не имело никакого значения.

Поэтому Шеннон построил свой план на внезапной ночной атаке, сопровождающейся оглушительным шумом и сосредоточенной огневой мощью.

Он работал медленно и методично, упорно

выстукивая двумя пальцами слова на пишущей машинке. В два часа ночи из соседнего номера, не выдержав, забарабанили в стену, умоляя о тишине. Через пять минут Шеннон решил остановиться и начал укладываться спать. Кроме стука пишущей машинки из его комнаты доносился еще один звук. Пока он работал и позже, уже ложась в постель, Шеннон насвистывал незатейливую мелодию. Если бы пытающийся заснуть сосед лучше разбирался в музыке, он узнал бы мотив «Испанского Гарлема».

* * *

Мартин Торп в эту ночь тоже бодрствовал. Впереди его ждал долгий уик-энд — два с половиной дня монотонного и пожирающего время изучения карточек, каждая из которых содержала основные сведения о четырех с половиной тысячах частных компаний, зарегистрированных в «Компаниз Хаус» лондонского Сити.

В Лондоне имелось два агентства, снабжающих своих подписчиков такого рода информацией о британских компаниях, — «Мудис» и «Эксчейндж Телеграф», известное как «Экстель». В своем кабинете Торп располагал комплектом карточек, предоставленных агентством «Экстель», услуга-

ми которого компания «МэнКон» пользовалась в своей коммерческой деятельности. Но в целях поиска подходящей «компании-скорлупы» Торп решил обратиться к «Мудис» и поработать дома — частично потому, что это агентство имело более полную информацию о мелких компаниях, зарегистрированных в Соединенном Королевстве, частично — из соображений безопасности.

В четверг, получив инструкции от сэра Джеймса, он сразу же направился в одну из юридических фирм. Там, действуя в интересах шефа и не разглашая его имени, Торп заказал полный комплект карточек агентства «Мудис». Он заплатил двести шестьдесят фунтов за карточки, пятьдесят фунтов за три картотечных ящика, в которых их должны были привезти, и гонорар юристам. Он также договорился с небольшой транспортной фирмой о доставке карточек к нему домой.

Лежа на диване в гостиной своего фешенебельного отдельного дома в лондонском пригороде Хэмпстед Гарден, он, как и Шеннон, планировал свою операцию. Но не столь подробно, а в общих чертах, так как не располагал еще всей информацией. Он использовал категории анонимных владельцев акций и пакетов предлагаемых акций, как Шеннон применял категории пулеметов

и минометов.

* * *

К трем часам дня, в пятницу, Кот Шеннон вручил Эндину готовый доклад. Он насчитывал четырнадцать страниц, из которых четыре отводились схемам, а на двух перечислялось необходимое снаряжение. Шеннон закончил его после завтрака, убедившись, что сосед, которого он мучил всю ночь, ушел. Его так и подмывало написать на титульном листе: «Сэру Джеймсу Мэнсону, лично», но он воздержался. Не было никакого смысла ломать всю игру. Шеннон рассчитывал на хороший контракт, надеясь, что горнорудный король предложит ему эту работу.

Поэтому он продолжал называть Эндина Харрисом, а вместо слов «ваш босс» употреблял выражение «ваши коллеги». Забрав папку с докладом, Эндин распорядился, чтобы Шеннон остался в городе на уик-энд и, начиная с полудня воскресенья, пребывал в полной готовности.

Остаток дня Шеннон решил посвятить покупкам, но его мысли неотступно возвращались к тем сведениям, которые он почерпнул из справочника «Кто есть кто» относительно нанявшего его человека — сэра Джеймса Мэнсона, мульти-

миллионера и промышленного магната.

Частично из любопытства, частично испытывая ощущение, что однажды эта информация сможет ему пригодиться, Шеннон решил выяснить как можно больше о сэре Джеймсе и о том, почему ему потребовался наемник, чтобы развязать в Зангаро войну.

Карло не давало покоя упоминание в справочнике о двадцатилетней дочери Мэнсона. Он воспользовался автоматом на Джермин-Стрит и позвонил в частное сыскное агентство, которое уже помогло ему выследить Эндина после их первой встречи в Челси и установить, что тот является помощником Мэнсона.

Глава агентства, услышав по телефону голос своего недавнего клиента, был сердечно рад. Мистер Браун расплатился быстро и наличными — таких клиентов ценили. Если он предпочитал общаться по телефону, так это его личное дело.

— У вас есть доступ к подборкам газетных вырезок? — поинтересовался Шеннон.

— Нет проблем, — ответил директор агентства.

— Мне требуются краткие сведения об одной юной леди, имя которой, возможно, упоминалось в колонках лондонской прессы, посвященных светским сплетням. Многого мне не надо, пожа-

луй, лишь чем она занимается и где проживает. Но информация нужна срочно.

На другом конце провода последовала пауза.

— Если такие упоминания есть, то я смогу их найти, — произнес, наконец, детектив. — Как ее имя?

— Мисс Джулия Мэнсон, дочь сэра Джеймса Мэнсона.

Директор агентства снова задумался. Он вспомнил, что предыдущее поручение его клиента касалось человека, который оказался помощником Мэнсона, и прикинул, что смог бы выполнить просьбу мистера Брауна в течение часа.

Они договорились о плате — достаточно умеренной, — и Шеннон обещал прислать наличные заказной почтой к пяти часам. В это же время он должен был связаться с детективом.

Шеннон закончил покупки, позвонил в условленное время и через несколько секунд получил что хотел.

По дороге в отель он напряженно размышлял о добытой информации и, вернувшись, набрал номер журналиста, которому был обязан знакомством с мистером Харрисом.

— Привет, — грубовато поздоровался он с писателем. — Это Кот Шеннон.

— О, Кот! — последовал удивленный возглас. — Где ты пропадал?

— То тут, тот там, — неопределенно ответил Шеннон. — Хочу поблагодарить тебя за то, что рекомендовал меня этому парню, Харрису.

— Не стоит. Он предложил тебе работу?

Шеннон проявил осторожность в ответе.

— Да так, пустяки. Уже сделал и сейчас при деньгах. Как насчет того, чтобы поужинать?

— Почему бы и нет? — одобрил идею журналист.

— Послушай, — продолжал Шеннон, — ты все еще встречаешься с той девушкой… ну, с которой был, когда мы виделись в последний раз?

— Да, а что?

— Она манекенщица, не так ли?

— Да.

— Так вот. Ты можешь подумать, что я сошел с ума, но мне очень нужно встретиться с девушкой, тоже манекенщицей. Проблема в том, как с ней познакомиться. Звать ее Джулия Мэнсон. Не узнаешь ли у своей подружки, может быть, они знакомы?

После некоторого молчания писатель ответил:

— Хорошо. Я позвоню Кэрри и спрошу у нее. Где ты сейчас?

— В телефонной будке. Перезвоню тебе через полчаса.

Шеннону повезло. Приятель-журналист сообщил ему, что девушки знакомы и даже учились вместе на курсах манекенщиц. Кроме того, они работали на одно и то же агентство. Прошел еще час, прежде чем Шеннон, уже разговаривая непосредственно с девушкой писателя, выяснил, что Джулия Мэнсон приняла приглашение поужинать при условии, что они будут в компании с Кэрри и ее другом. Они договорились встретиться на квартире Кэрри в начале девятого, куда приедет и Джулия.

Собравшись у Кэрри на Майд-Вейл, они вчетвером отправились ужинать. Писатель заказал столик в небольшом ресторанчике на Мерилбоун. Им подали громадные порции жареного мяса с овощами, которое они запили двумя бутылками Пиат де Бужеле. Шеннону понравились и еда, и Джулия.

Она была небольшого роста, немногим выше пяти футов. Но тоненькие шпильки и хорошая осанка делали ее выше. Джулия выглядела чрезвычайно сексапильной, но при желании могла придать своему лицу невинное ангельское выражение.

При своей явной порочности она слишком хотела казаться независимой. Шеннон решил, что это результат чрезмерной снисходительности при воспитании Джулии. Но ее привлекательность и обаяние очаровали наемника. Черные длинные волосы девушки водопадом струились по плечам, а под платьем угадывалось стройное гибкое тело. Новый знакомый, казалось, тоже заинтриговал ее.

Хотя Шеннон и просил своего приятеля не упоминать, чем он зарабатывает на жизнь, Кэрри все же проговорилась. Но во время ужина им удалось избежать этой темы. Как обычно, Шеннон старался говорить меньше других, хотя это было нетрудно — Джулия и Кэрри болтали за четверых.

Когда они вышли из ресторана, окунувшись в холодный ночной воздух, писатель остановил для Шеннона такси и попросил сначала подбросить домой Джулию.

Садясь в машину, Карло заметил, как журналист подмигнул ему, шепнув:

— Думаю, у вас сладится…

Шеннон хмыкнул.

Перед дверьми своей квартиры на Мэйфейр Джулия предложила ему зайти на чашечку кофе.

Шеннон расплатился с таксистом и последовал за девушкой в явно небедную квартирку. Лишь устроившись на небольшом диване с чашками отвратительного кофе в руках, Джулия вспомнила о его профессии.

Шеннон откинулся на спинку дивана, а она, пристроившись с краю, подалась к нему с вопросом:

— Тебе доводилось убивать?

— Да.

— В бою?

— В основном.

— И скольких?

— Не знаю, никогда не считал.

В возбуждении она несколько раз сглотнула.

— Я никогда не была знакома с человеком, которому приходилось убивать людей.

— Ты просто не знаешь, — возразил Шеннон. — Любой, кто был на войне, скорее всего, убивал.

— У тебя есть шрамы от ран?

Еще один из обычных вопросов. Естественно, на груди и спине Шеннона имелось множество отметин от задевших его пуль, осколков мин и гранат. Он кивнул.

— Есть.

— Покажи мне, — попросила она.

— Нет.

— Ну покажи. Докажи, что они у тебя есть.

Девушка встала. Шеннон усмехнулся.

— Я покажу, если ты покажешь свои, — он издевался, подражая старым детсадовским играм.

— У меня нет, — возразила Джулия негодующе.

— Докажи, — коротко бросил Шеннон и отвернулся, чтобы поставить пустую чашку на стоящий рядом столик. Снова повернувшись к ней, он чуть не поперхнулся последним глотком кофе, который еще держал во рту. Менее секунды потребовалось ей, чтобы расстегнуть сзади молнию и дать своему платью свободно упасть к ногам. На Джулии остались лишь чулки и узкая полоска трусиков.

— Смотри, — произнесла она тихо. — Нигде ничего.

Она была права. Ее маленькое, но зрелое, молочно-белое тело не имело ни одного изъяна. Светлую кожу оттеняли рассыпавшиеся по плечам и груди блестящие черные волосы, почти касающиеся талии. Шеннон присвистнул.

— А я-то думал, что ты славная маленькая папина дочка, — произнес он.

Джулия хихикнула.

— Они все так думают, в особенности папочка.

А теперь твоя очередь.

* * *

В это же время сэр Джеймс Мэнсон сидел со стаканом бренди в библиотеке своего загородного особняка, расположенного вблизи деревушки Нотгрув в Глочестершире, и изучал доклад Шеннона. Близилась полночь, и леди Мэнсон уже давно отправилась спать. Он подавил в себе настойчивое желание раскрыть папку с докладом еще в машине по дороге сюда или уединиться с ней сразу же после ужина. Когда сэру Джеймсу требовалось сосредоточиться, он предпочитал ночные часы, а над этим документом ему хотелось поработать весьма серьезно. Мэнсон начал читать.

«Преамбула. Нижеследующий план подготовлен на основании доклада о положении в республике Зангаро, написанного мистером Уолтером Харрисом, моего собственного посещения Зангаро и отчета об этой поездке, а также задач, поставленных мистером Харрисом. Здесь не предусматриваются моменты, известные мистеру Харрису, но не доведенные до моего сведения. Наиболее важными среди таких моментов должны быть последствия атаки и водворения

нового правительства. Эти последствия могут потребовать существенных подготовительных мероприятий при планировании атаки, которые я, очевидно, не в состоянии организовать.

Цель. Подготовить и осуществить атаку на президентский дворец в Кларенсе, столице Зангаро, чтобы взять штурмом и занять резиденцию, а также ликвидировать президента и находящуюся там персональную охрану. Кроме того, завладеть оружием и арсеналом республики, ее государственной казной и радиостанцией, также находящимися во дворце. И наконец, создать такие условия, чтобы любые уцелевшие вооруженные охранники или армейские формирования, расквартированные как вне города, так и внутри него, не имели возможности организовать сколь-нибудь серьезную контратаку.

Способ атаки. После изучения военной обстановки в Кларенсе не остается сомнений, что атака должна вестись с моря и быть нацелена непосредственно на президентский дворец. Я изучил возможность высадки в аэропорту. Это недопустимо. Во-первых, власти аэропорта не позволят погрузить на зафрахтованный самолет необходимое количество оружия и людей, заподозрив истинную причину полета. Даже если

дело будет улажено и взлет разрешен, возникает серьезный риск нарушения секретности.

Во-вторых, атака с суши не дает никаких дополнительных преимуществ, но подразумевает определенные недостатки. Вторжение вооруженной колонны через северную границу прежде всего означает, что люди и оружие будут переправлены контрабандным образом в соседнюю республику, имеющую действенную полицию и эффективную систему безопасности. Риск преждевременного разоблачения и ареста был бы неоправданно высок. Также нереальной представляется возможность высадки где-либо на побережье Зангаро и совершения марш-броска на Кларенс. С одной стороны, большая часть побережья заболочена, что не дает возможности подойти судам непосредственно к берегу. И люди вряд ли смогут в темноте преодолеть это препятствие. С другой стороны, не имея транспорта, атакующие силы потратят слишком много времени на передвижение к столице и пропадет элемент внезапности. В-третьих, средь бела дня станет видна малочисленность атакующих, что приведет к оказанию жестокого сопротивления противником.

Наконец, была изучена возможность скрыт-

но переправить оружие и людей в республику и спрятать их там до момента атаки. Это тоже совершенно нереально, потому что такое количество оружия и наемников неизбежно будет замечено, а частично еще и потому, что подобный план потребовал бы наличия содействующей организации в Зангаро, а таковой не существует.

Следовательно, единственный реальный план должен заключаться в высадке десанта с легких лодок, спущенных с более крупного судна, находящегося в море непосредственно в гавани Кларенса, и проведении немедленной атаки на дворец.

Требования к атаке. Атакующая группа должна включать в себя не менее дюжины бойцов, вооруженных минометами, базуками и гранатами, а также автоматами ближнего боя. Высадка будет произведена между двумя и тремя часами ночи. Город уже успеет уснуть и будет достаточно времени до рассвета. При свете дня не должно остаться и следов белых наемников».

Доклад занимал еще шесть страниц, где подробно описывались предложения Шеннона относительно вербовки людей, приобретения необходимого оружия и амуниции, радиостанций, десантных лодок, навесных лодочных

моторов, сигнальных ракет, военной формы, провизии, а также указывалось, во сколько это может обойтись.

В отношении судна, предназначаемого для доставки атакующей группы, Шеннон писал:

«Не считая оружия, приобретение судна может оказаться наиболее трудной проблемой. Подумав, я бы возражал против фрахтовки, поскольку это связано с не всегда надежной командой, капитаном, который может в любой момент изменить свое решение, и опасностью утечки информации, так как подобный фрахт не пройдет мимо властей государств средиземноморского бассейна. Лучше затратить больше средств на приобретение собственного небольшого грузового судна и самим нанять необходимую команду, полностью лояльную к своим патронам. В любом случае такое судно можно рассматривать как вложение капитала, которое может оказаться выгодным».

Особое внимание Шеннон уделил вопросам безопасности на всех этапах подготовки и проведения операции. Он указывал: «Поскольку я не знаю своих патронов, за исключением мистера Харриса, было бы желательно, чтобы в случае утверждения проекта мистер Харрис оставался единственным связующим звеном между патро-

нами и мной. Необходимые денежные выплаты должны производиться мистером Харрисом, и ему же я буду возвращать отчеты о расходовании средств. Хотя мне потребуется четыре заместителя, никто из них не будет знать суть проекта и, естественно, пункт назначения до тех пор, пока мы не выйдем в море. Даже штурманские карты прибрежной полосы будут вручены капитану после отплытия. Поскольку все закупки за исключением оружия, приобретение которого незаконно, могут осуществляться на открытом рынке, то и в этом отношении следует позаботиться о безопасности. На каждом этапе предусматривается уничтожение всех следов, поэтому снаряжение закупается отдельными партиями в различных странах и разными людьми. Лишь я, мистер Харрис и патроны будут знать весь план, при этом у меня не должно быть контактов с патронами».

При чтении сэр Джеймс неоднократно одобрительно кивал головой и хмыкал. В час ночи он плеснул в стакан еще бренди и перешел к изучению представленных на отдельных листах раскладок затрат и времени.

Разведывательная поездка в Зангаро. Два доклада	Выполнено	2500 фунтов
Оклад командира операции		10000 фунтов
Вербовка остального персонала и его оплата		10000 фунтов
Общие организационные расходы (поездки, отели и т.п.) командира и его заместителей		10000 фунтов
Покупка оружия		2500 фунтов
Покупка вспомогательного снаряжения		5000 фунтов
Покупка судна		30000 фунтов
Резерв		7500 фунтов
Итого:		100000 фунтов

На втором листке шла раскладка по времени.

Этап подготовки	Вербовка персонала, получение счета в банке, учреждение иностранной компании для покупки судна — 20 дней
Этап закупок	Закупка всего необходимого снаряжения — 40 дней
Этап сосредоточения	Сосредоточение снаряжения и людей на судне и отплытие — 20 дней
Этап доставки	Транспортировка людей и снаряжения морем из порта погрузки к побережью Кларенса — 20 дней

«Нанесение удара произойдет в День незави-

симости Зангаро. Если выполнение вышеприведенного графика начнется не позже следующей среды, это будет сотый день».

Сэр Джеймс Мэнсон прочитал доклад дважды и еще час просидел в глубокой задумчивости, дымя своей «Упман Коронас». Наконец он захлопнул папку, запер ее в стенной сейф и направился наверх в спальню.

* * *

Кот Шеннон лежал на спине в тишине темной спальни и нежно поглаживал тело девушки, заснувшей у него на груди. В течение предыдущего часа он полной мерой познал, каким сексуальным может быть это маленькое тело. Аппетит и стремление к разнообразию у Джулии были неисчерпаемы. С той же энергией, с какой она отдавалась любви, Джулия могла болтать в паузах, но стоило Шеннону коснуться ее, как она снова возбуждалась и начинала с ним новую любовную игру.

— Забавно, — произнес Шеннон задумчиво. — Наверное, это примета времени. Мы занимаемся любовью полночи, а я о тебе ничего не знаю.

Она помолчала секунду и проговорила, возобновляя ласки:

— Например, что?

— Например, где твой дом, не считая этой квартиры?

— В Глочестершире, — промурлыкала она.

— А чем занимается твой старик? — продолжал Шеннон.

Ответа не было. Он сгреб в ладонь волосы Джулии и приблизил к себе ее лицо.

— Ой, мне больно. Он в Сити. А что?

— Биржевик?

— Нет, заправляет какой-то горнодобывающей компанией. У него свои дела, у меня свои. Ну ладно, хватит.

Через полчаса она в изнеможении отодвинулась от Карло и спросила:

— Тебе понравилось, милый?

Шеннон засмеялся, и в темноте Джулия увидела, как сверкнули его зубы.

— О, да, — ответил он тихо. — Это было восхитительно. Расскажи мне все же о твоем старике.

— Папочке? Да он старый скучный бизнесмен. Сидит весь день в своем дурацком офисе в Сити.

— Некоторые бизнесмены меня очень интересуют. Скажи-ка, милая…

* * *

В это солнечное субботнее утро сэр Джеймс Мэнсон наслаждался ароматным кофе, когда ему позвонил Адриан Гул. Чиновник МИДа говорил из своего дома в Кенте:

— Надеюсь, я не очень побеспокоил вас своим звонком в это неурочное время.

— Совсем нет, мой дорогой друг, — возразил Мэнсон не совсем искренне. — Я в любой момент к вашим услугам.

— Хотел позвонить вам вчера на работу, но, к сожалению, весь день был занят. Я тут вспомнил наш недавний разговор о результатах изысканий в этой африканской стране. Припоминаете?

Мэнсон полагал, что Гул отдает себе отчет, говоря о важных вещах по открытой линии.

— Да, конечно, — ответил он. — Я воспользовался вашим советом. Цифры были слегка изменены — так, чтобы с деловой точки зрения все это не представляло интереса. Доклад отослали, и больше я ничего не знаю.

Следующие слова Гула вывели сэра Джеймса из состояния субботней расслабленности.

— Мы получили кое-какую информацию, — начал Гул. — Ничего особенного, но все же

несколько странно. Наш посол в этом регионе — вы знаете, он аккредитован в той стране и еще в трех небольших республиках, — прислал свой обычный отчет. Сведения он получает из разных источников, а также от вполне дружески настроенных иностранных дипломатов. Вчера мне доставили копию экономического раздела этого отчета. Есть основания полагать, что советское правительство добилось разрешения на проведение в той стране геологоразведки. Конечно, это может быть совсем не там, где работали ваши парни…

Сэр Джеймс Мэнсон напряженно сжимал трубку, в которой звучал голос Гула. На его левом виске запульсировала жилка, отдаваясь глухими ударами в голове.

— Я беспокоюсь лишь о том, сэр Джеймс, что если русские будут работать там же, где проводили изыскания вы, то их результаты могут оказаться несколько иными. К счастью, речь идет лишь о небольших количествах олова. Все же я подумал, что вам следует это знать. Алло? Алло? Вы слушаете?..

Мэнсон взял себя в руки и значительным усилием воли заставил свой голос звучать как обычно.

— Да, да, конечно. Простите, я задумался. Очень

хорошо, что вы позвонили мне, Гул. Не думаю, чтобы они работали в том же месте. Но все равно, знать это чертовски важно.

Они обменялись обычными любезностями и закончили разговор. Сэр Джеймс пребывал в полной растерянности. Совпадение? Что ж, возможно. Если советская геологоразведочная партия собирается проводить изыскания в миле от Хрустальной горы, то это чистое совпадение. С другой стороны, если они прямиком направятся к Хрустальной горе, не проводя воздушную разведку и не выявив различия в растительном покрове, то о совпадении не может быть и речи. Это уже явное вредительство.

Он подумал о Чалмерсе, человеке, молчание которого, по его убеждению, Мэнсон купил. Он заскрежетал зубами. Неужели тот проговорился? Намеренно? Непреднамеренно? У сэра Джеймса была мысль поручить Эндину или кому-нибудь еще проследить за Чалмерсом. Но что бы это изменило? Кроме того, доказательств утечки сведений не было.

Он мог сразу же отменить свои планы, забыть обо всем и никогда больше не вспоминать. Но Джеймс Мэнсон никогда не был слабаком. Он умел рисковать и именно поэтому достиг своего

нынешнего положения.

Присев перед уже остывшим кофейником, он крепко задумался. Мэнсон намеревался и дальше следовать своим планам, но теперь ему приходилось учитывать, что русская геологоразведочная партия займется именно тем районом, где побывал Малруни, и что они обратят внимание на изменение растительного покрова. Поэтому возникал новый фактор — фактор времени. Он произвел в уме кое-какие подсчеты и остановился на трех месяцах. Если русские узнают о содержимом Хрустальной горы, то в Зангаро непременно прибудет внушительная группа «технических советников», половину которой составят крутые ребята из КГБ.

Кратчайший срок, установленный Шенноном, равнялся ста дням. Кроме того, он говорил Эндину, что для хорошей подготовки операции желательно иметь еще пару недель. Теперь этих двух недель у них не было. В действительности, если русские начнут шевелиться быстрее обычного, у них могло не быть и ста дней.

Мэнсон вернулся к телефону и позвонил Эндину. Его собственный уик-энд был испорчен, и он не видел причин, почему бы Эндину тоже не заняться делом.

В понедельник утром Эндин по телефону договорился с Шенноном о встрече на два часа дня в квартире на Сент-Джонс Вуд, которую нанял этим же утром по указанию сэра Джеймса Мэнсона после длительной беседы в воскресенье днем на его загородной вилле. Заплатив наличными, Эндин снял квартиру на месячный срок, воспользовавшись уже привычным псевдонимом Харрис. Причина для найма квартиры была проста: в ней имелся телефон, не проходящий через коммутатор.

Шеннон прибыл вовремя, но Харрис уже ждал его. Установленный в квартире телефон был оборудован настольным микрофоном и динамиком, что позволяло человеку на другом конце провода вести беседу сразу с несколькими людьми, находящимися в комнате.

— Глава нашего консорциума прочитал ваш доклад, — сообщил Эндин, — и хочет переговорить с вами.

Телефон зазвонил в два тридцать. Эндин щелкнул переключателем, и в комнате раздался голос сэра Джеймса Мэнсона. Шеннон не подал виду, что знает, с кем имеет дело.

— Вы здесь, мистер Шеннон?

— Да, сэр.

— Я прочитал доклад. Ваши суждения и выводы мне нравятся. Если проект будет утвержден, согласны ли вы взять на себя его реализацию?

— Да, сэр. Я возьмусь за это, — ответил Шеннон.

— Есть пара моментов, которые надо обсудить. В бюджете операции я обратил внимание на то, что вы оговорили себе сумму в размере десяти тысяч фунтов.

— Да, сэр. Честно говоря, не думаю, чтобы кто-либо взялся за эту работу при меньшем вознаграждении, многие запросят еще больше. Даже если бюджет будет подготовлен другим лицом, указавшим меньшую сумму, то вероятно, он просто прикарманит себе минимум десять процентов, завышая стоимость закупок, которые никак нельзя проверить.

Последовала пауза, затем из динамика донеслось:

— Хорошо. Я согласен. Но что я получу за эти деньги?

— Вы покупаете мои знания, мои связи, мое знакомство с миром торговцев оружием, контрабандистов и наемников. Кроме того, вы покупаете мое молчание в случае провала. Вы платите мне за три месяца дьявольски трудной работы и за

постоянную опасность быть арестованным. Наконец, вы платите мне за риск погибнуть в бою.

Послышалось хмыканье.

— Достаточно убедительно. Теперь насчет финансирования. Сто тысяч фунтов будут переведены на счет в швейцарском банке, который мистер Харрис откроет на этой неделе. Он будет выплачивать вам необходимые суммы частями по мере необходимости в течение следующих двух месяцев. С этой целью вы договоритесь с ним о вашей собственной системе связи. Он будет контролировать расходование денег либо присутствуя при расчетах лично, либо получая от вас расписки или квитанции.

— Это не всегда возможно, сэр. Торговцы оружием расписок не дают, как, впрочем, и все дельцы черного рынка. Кроме того, большинство людей, с которыми я буду иметь дело, не захотят присутствия мистера Харриса в качестве лишнего свидетеля. Он не из их круга. Я бы предложил широко использовать туристские чеки и банковские кредитные трансферы. В то же время, если мистер Харрис должен будет присутствовать при погашении каждого банковского чека на тысячу фунтов стерлингов, ему придется либо следовать повсюду за мной, чего я не допущу из соображе-

ний собственной безопасности, либо мы никогда не уложимся в намеченные сто дней.

Последовала еще одна длительная пауза.

— Что вы имеете в виду под собственной безопасностью? — послышался, наконец, вопрос.

— Я имею в виду, сэр, что не знаю мистера Харриса и не могу допустить, чтобы он был в курсе всех моих дел. Лишь малой толики подобных сведений будет достаточно, чтобы арестовать меня в любом европейском городе. Вы предпринимаете собственные меры предосторожности — то же делаю и я. И не могу себе позволить работать под чьим-либо наблюдением.

— Вы осторожный человек, мистер Шеннон.

— Потому-то пока и жив.

— А откуда я знаю, что могу доверить вам выданные на руки крупные суммы?

— Вы не можете этого знать, сэр. Кстати, мистер Харрис будет на каждом этапе контролировать траты. Но оплата оружия производится наличными и без свидетелей. Есть и альтернативы: попросить мистера Харриса готовить операцию самому или нанять другого профессионала. Но все равно вы не будете знать, можно ли ему доверять.

— Достаточно убедительно, мистер Шеннон.

Мистер Харрис…

— Сэр? — тут же откликнулся Эндин.

— Пожалуйста, как только расстанетесь с мистером Шенноном, немедленно приезжайте ко мне. Мистер Шеннон, вы получаете эту работу. У вас есть сто дней, чтобы завладеть этой республикой. Ровно сто дней.

Часть II
Сто дней

Глава 8

В течение нескольких минут после звонка сэра Джеймса Мэнсона Саймон Эндин и Кот Шеннон пристально смотрели друг на друга. Первым нарушил молчание Шеннон.

— Поскольку нам предстоит работать вместе, — начал он, — давайте сразу обо всем договоримся. Если хоть кто-нибудь узнает о нашем проекте, эта информация неизбежно дойдет до разведки одной из главных держав мира. Может, это будет ЦРУ, может, британская СИС или французская СДЕКЕ. И уж тогда никто — ни вы и ни я — не помешает им прихлопнуть нас как мух. Поэтому секретность должна быть абсолютной.

— Отвечайте за себя, — парировал Эндин. — Я завяз в этом деле больше вашего.

— Хорошо. Во-первых, деньги. Завтра я вылечу в Брюссель, открою новый банковский счет и вернусь тем же вечером. Свяжитесь со мной, и я сообщу — в каком банке и на чье имя. Затем потребуется перевести туда для начала десять тысяч фунтов. Завтра к вечеру я представлю полный перечень расходов, для которых предназначается эта сумма. В основном деньги пойдут на оплату

моих помощников — задатки и тому подобное.

— Где я свяжусь с вами? — спросил Эндин.

— Это второе, — произнес Шеннон. — Мне нужно постоянное место базирования, надежное с точки зрения телефонных звонков и получения корреспонденции. Как насчет этой квартиры? Можно ли по ней проследить вас?

Эндин задумался, оценивая ситуацию.

— Она снята на мое имя. Уплачено наличными за месяц вперед, — проговорил он.

— Существенно ли, что имя Харрис указано в договоре аренды? — спросил Шеннон.

— Нет.

— Тогда я ею воспользуюсь. Зачем зря терять деньги, раз за месяц уплачено. В дальнейшем я возьму оплату на себя. У вас есть ключ?

— Естественно. Иначе, как бы я сюда попал?

— Сколько всего ключей?

Вместо ответа Эндин полез в карман, вытащил колечко с четырьмя ключами и протянул Шеннону. Два из них были, очевидно, от двери подъезда, а два — от квартиры.

— Теперь насчет связи, — продолжил Шеннон. — Вы можете звонить сюда в любое время, но, конечно, не всегда меня застанете. Я могу быть в отъезде. Полагаю, вы не захотите дать

мне номер своего телефона, поэтому воспользуйтесь каким-нибудь почтовым адресом poste restante, где вам удобнее, — рядом с домом или работой, — и проверяйте два раза в день, нет ли от меня вестей. В случае необходимости я пошлю вам телеграмму, в которой будет указан номер телефона и время, когда позвонить. Понятно?

— Да. Адрес будет завтра к вечеру. Что-нибудь еще?

— Последнее. В течение всей операции я буду пользоваться именем Кейт Браун. Если я когда-нибудь отвечу вам по телефону «Это мистер Браун», сразу же кладите трубку. Значит, у меня неприятности. В случае чего объясните, что спутали номер или вам нужен не тот Браун. Пока все. Возвращайтесь к себе и позвоните мне сегодня в восемь.

Через несколько минут Эндин ловил такси, стоя на тротуаре Сент-Джонс Вуд.

К счастью, Шеннон не положил в банк пятьсот фунтов, полученных от Эндина накануне уик-энда за разработку проекта, и четыреста пятьдесят из них у него оставалось. Ему еще нужно было оплатить счет в отеле, но он решил этим заняться позже.

Он позвонил в авиакомпанию «БЕА» и зака-

зал билет туда и обратно на утренний рейс в Брюссель. Назад самолет прибывал в 16:00, и к шести Шеннон рассчитывал быть на своей квартире. Затем он отправил по телефону четыре международные телеграммы: в Паарль, Остенде, Марсель и Мюнхен. Текст всех телеграмм был одинаков: «СРОЧНО ПОЗВОНИ МНЕ ЛОНДОН 507—0041 ЛЮБОЙ ВЕЧЕР СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ ДНЯ ТЧК ШЕННОН». Лишь после этого он заказал такси и направился в отель «Лаундес», где заплатил по счету.

В восемь, как и договаривались, позвонил Эндин. Шеннон проинформировал помощника Мэнсона о своих действиях, и они условились, что Эндин снова позвонит ему завтра вечером в десять.

Следующие пару часов Шеннон провел, изучая дом, в котором поселился, и близлежащий район. Он обнаружил несколько небольших ресторанов — два совсем радом с Сент-Джонс Вуд — и неторопливо поужинал в одном из них. К одиннадцати Шеннон вернулся домой.

Он пересчитал деньги, — оставалось более четырехсот фунтов, — отложил триста на билет и завтрашние расходы, затем проверил свое имущество. Одежда была новая и неброская, почти

все он купил в Лондоне за последние десять дней. Оружия не имелось, следовательно, не о чем было и беспокоиться. Для надежности он вынул из пишущей машинки ленту, которую использовал, печатая свои доклады, и уничтожил ее.

* * *

Хотя в это время на Лондон уже опускалась темнота, в Капской провинции стоял теплый летний светлый вечер. Джанни Дюпре гнал свою машину по направлению к Кейптауну. У него тоже был «Шевроле», более старой модели, чем автомобиль Эндина, но зато большой и сверкающий. Он купил его подержанным, когда четыре недели назад вернулся из Парижа. Дюпре провел день на побережье в Саймонстауне у своего друга. Взяв лодку, они целый день купались и ловили рыбу. Теперь он ехал домой в Паарль. Дюпре любил возвращаться домой после очередного дела, но очень скоро начинал скучать, как и десять лет назад, когда он впервые покинул отчий дом.

Джанни вырос в долине Паарля и провел дошкольные годы, носясь среди скудных и немногочисленных виноградников, которыми владели люди вроде его родителей. Вместе со своим цветным товарищем по детским играм Питером они

учились ловить птиц и стрелять. Белым детям разрешалось играть с цветными, пока они не становились достаточно взрослыми для того, чтобы понимать значение цвета кожи в Южной Африке.

Питер, с огромными карими глазами, спутанной гривой черных кудряшек и кожей цвета красного дерева, будучи на два года старше, присматривал за Джанни. На самом деле они были одного роста, и не по годам физически развитый Джанни быстро завоевал в их паре превосходство. В такие же летние деньки двадцать лет назад два босоногих мальчугана обыкновенно садились в автобус, идущий к побережью, где наконец-то встречались воды Атлантического и Индийского океанов, и ловили желтохвосток и крабов.

Закончив среднюю мужскую школу в Паарле, он начал создавать проблемы, представляя опасность для окружающих. Слишком крупный, агрессивный, неугомонный, лезущий в любую драку со своими громадными убийственными кулачищами, он уже два раза представал перед судьей. Джанни мог бы работать на ферме отца, ухаживая вместе с ним за небольшим виноградником и занимаясь виноделием. Но его страшила перспектива всю свою жизнь едва сво-

дить концы с концами, постепенно превращаясь в скрюченного ворчливого старика. В восемнадцать он пошел добровольцем в армию, прошел начальную подготовку в Почефстере и был направлен в парашютно-десантное подразделение Блумфонтейна. Там он нашел свое призвание в жизни. Армия также против этого не возражала, за исключением одного обстоятельства: желание сражаться часто не доводило его до добра. В одной из многочисленных драк он до бесчувствия избил сержанта, и командир подразделения разжаловал капрала Дюпре в рядовые.

Огорченный, он ушел в самоволку и был задержан военным патрулем в одном из баров. Это стоило ему шести месяцев исправительной тюрьмы. По освобождении он наткнулся на заинтересовавшее его объявление в вечерней газете и уже через два дня летел из Южной Африки в Катангу. Так в двадцать два года, шесть лет назад, он стал наемником.

Мчась по широкому шоссе домой, Дюпре думал, не пришла ли весточка от Шеннона или одного из ребят. Но когда он добрался до Паарля, никаких известий на почте для него не было. С моря задул ветер, стали собираться тучи и в небе зазвучали раскаты грома.

«Вечером будет дождь, приятный прохладный дождь», — думал он, глядя вперед на скалу Паарль-Рок — уникальное явление природы, давшее название и городу, и долине давным-давно, когда его предки впервые ступили на эту землю. Мальчишкой он мог подолгу в изумлении смотреть на эту скалу — скучно-серую при сухой погоде, но после дождя сияющую в лунном свете, как огромная жемчужина. Тогда она превращалась в сверкающую громаду, нависшую над маленьким городком, ютящимся у ее подножья. Хотя город его детства и не дал Дюпре того, чего он желал, все же это был его дом; и когда перед ним вставала скала-жемчужина Паарль-Рок, он знал, что снова дома. Но в этот вечер ему хотелось перемен: свиста пуль, грохота взрывов и других опасностей.

Дюпре еще не знал, что на следующее утро его будет ждать телеграмма Шеннона, зовущая на новую войну.

Крошка Марк Вламинк облокотился о стойку бара и сдул пену с высокого стакана. За окнами заведения, которым заправляла его подружка, улицы этого увеселительного района Остенде были почти пустынны. С моря дул холодный ветер, и туристы, приезжающие на летний сезон, еще не появлялись. Крошка Марк скучал.

Первый месяц по возвращении из тропиков было приятно почувствовать себя снова дома, принимать каждый день горячую ванну, болтать со старыми приятелями, заходившими навестить его. Даже местная пресса проявила к нему интерес, но он бесцеремонно разогнал репортеров. Меньше всего ему нужны были неприятности с властями. Вламинк знал: его оставят в покое, если он не скажет ничего, что могло бы поставить их в затруднительное положение перед африканскими посольствами в Брюсселе.

Через несколько недель он пресытился бездельем. Правда, пару вечеров назад он слегка приободрился, отделав какого-то матроса, пытавшегося залезть под юбку Анне, куда, по убеждению Крошки Марка, право доступа принадлежало исключительно ему одному. Но тоска все больше заедала его. Сверху доносился шум. Там, в маленькой квартирке над баром, хозяйничала Анна. Он выбрался из-за стойки, осушил стакан и, проговорив: «Самообслуживание», направился к лестнице, ведущей наверх. В этот момент открылась дверь, и вошел паренек с телеграммой.

* * *

Свежим весенним вечером в воздухе ощущалось легкое дуновение ветерка, и вода в акватории старого марсельского порта была гладкой, как стекло. Одинокий возвращающийся домой траулер нарушил водную гладь, разбив на несметное число осколков зеркало, в котором отражались выходящие на набережную бары и кафе. Поднятая судном рябь прошла по гавани и замерла под корпусами уже бросивших якорь рыбацких лодок. Вдоль набережной сплошным рядом были припаркованы автомобили, из тысячи окон доносился запах жареной рыбы, старики потягивали анисовку, а торговцы героином сновали по прилегающим улицам, сбывая свой прибыльный товар.

В многонациональном, разноязычном, бурлящем человеческими страстями местечке под названием Ле-Пане, где были рады всякому, кроме полицейских, Жан-Батист Лангаротти сидел за угловым столиком в маленьком баре, попивая холодный Рикард.

Он скучал не так отчаянно, как Джанни Дюпре или Марк Вламинк. Годы, проведенные в тюрьме, научили его испытывать интерес к любой мело-

чи, и долгие периоды бездействия он переносил легче других.

Более того, он нашел себе занятие и зарабатывал на жизнь, так что его сбережения оставались нетронутыми и копились в швейцарском банке, о котором никто не знал. Его мечтой было однажды купить небольшой бар в Кальви.

Месяцем раньше хорошего приятеля Лангаротти еще по Алжиру схватили за пустяковое дело, связанное с перепродажей двенадцати армейских кольтов сорок пятого калибра, и уже из тюрьмы тот послал ему весточку. Товарищ просил его позаботиться об одной девице, на заработки которой обычно жил, когда был на воле, зная, что может положиться на корсиканца. Эту добрую, веселую и озорную девушку звали Мари-Клара. В ночном баре, где она работала, ее знали под именем Лола. К Лангаротти она прониклась симпатией, возможно, из-за его миниатюрных размеров, и только иногда сетовала на то, что он не поколачивает ее, как это имел обыкновение делать сидящий в тюрьме дружок. Маленький рост не мешал ему выполнять как следует свои обязанности, поскольку тем представителям преступного мира, которые могли претендовать на Лолу, не надо было объяснять, кто такой Лан-

гаротти.

Так что Лола была довольна, оказавшись лучше всех оберегаемой в городе девушкой, а Жан-Батист имел занятие, ожидая новый контракт. Будучи новичком в среде наемников, он знал немногих из них и надеялся в основном на Шеннона.

Вскоре после возвращения во Францию Лангаротти встретился с Шарлем Ру из Парижа, который предложил корсиканцу заключить соглашение исключительно с ним в обмен на участие в первом же подвернувшемся деле. Ру много говорил о полудюжине назревших проектов, но Лангаротти не поддался на уговоры. Позже он навел справки, и оказалось, что все это пустая болтовня, ибо у Ру не было ни одного предложения со времени его возвращения из Букаву с раной в руке осенью шестьдесят седьмого года.

Со вздохом Лангаротти посмотрел на часы, допил свой стакан и поднялся. Пора было идти за Лолой к ней на квартиру и сопровождать ее на работу в бар. Затем он хотел заскочить в работающее круглосуточно почтовое отделение и посмотреть, нет ли вестей от Шеннона, сулящих участие в новой войне.

* * *

В Мюнхене было еще прохладнее, чем в Остенде, где обретался Марк Вламинк, и Курт Землер, привыкший к африканскому теплу, ежился в длинном черном кожаном пальто, направляясь на почту. Каждый день — утром и вечером — он регулярно проверял, нет ли для него письма или телеграммы с приглашением обсудить возможность получения нового контракта.

Нынешний период, прошедший по возвращении из Африки, оказался самым бездеятельным и скучным. Как и большинство армейских ветеранов, он не любил гражданскую жизнь, одевался небрежно, презирал политику и тосковал по боевым временам. Возвращение в родной город не вселило в него бодрости. Повсюду на улицах попадались длинноволосые юнцы, неряшливые и недисциплинированные, размахивающие транспарантами и выкрикивающие какие-то лозунги. Он не видел в них смысла и цели, преданности идеалам фатерлянда, порядка, столь милого сердцу старого вояки.

Даже занимаясь контрабандой в Средиземноморье, он ощущал смысл своей деятельности, привкус опасности. Тогда, как и на войне, они

планировали операции и действовали строго в соответствии с разработанным планом. Переправляя на итальянское побережье две тонны американских сигарет, Землер воображал, что он снова в долине Меконга идет на дело в составе Легиона, сражаясь против бунтовщиков Хоа Бина.

Мюнхен не мог предложить ему ничего. Он слишком много пил, слишком много курил, распутничал и постоянно пребывал в дурном настроении.

В этот вечер на почте для него ничего не было. Но уже на следующее утро Землера должна была ждать телеграмма от Шеннона, спешащая в Мюнхен по погружающейся в ночную тьму Европе.

В полночь Марк Вламинк позвонил из Остенде. Бельгийская служба доставки телеграмм работала превосходно, и он получил депешу без десяти двенадцать. Шеннон попросил Вламинка встретить его с машиной утром в Брюссельском национальном аэропорту и сообщил номер своего рейса.

* * *

Для тех, кто желал оперировать с секретными, но вполне законными банковскими счетами, Бельгия имела массу преимуществ, превос-

ходящих во многом хваленую швейцарскую банковскую систему. Не столь богатая или могущественная, как Германия, и не нейтральная, как Швейцария, Бельгия, тем не менее, предлагала возможности перемещения практически неограниченных сумм без какого-либо контроля или вмешательства со стороны государства. При этом банковские операции осуществлялись столь же скрытно, как и в Швейцарии. Именно поэтому бельгийские банки вместе с банками Люксембурга и Лихтенштейна постоянно увеличивали объем своих операций за счет Швейцарии.

В семидесяти минутах езды от Брюссельского аэропорта находился кредитный банк городка Брюгге, куда Шеннон и направился этим утром вместе с Марком Вламинком. Здоровенный бельгиец умирал от любопытства, но сдерживался. На пути в Брюгге Шеннон кратко упомянул о получении контракта, где найдется работа еще для четверых помощников. Не заинтересует ли это Вламинка?

Крошка Марк ответил утвердительно. Шеннон сообщил ему, что не может рассказать о сути операции, но дело идет не только о боевых действиях. Предстоит большая организационная работа. Он готов платить обычную ставку — ты-

сячу двести пятьдесят долларов в месяц — плюс расходы в течение трех следующих месяцев, из которых первые два предстоит поколесить по Европе. Не исключено, что кое-какие дела будут сопряжены с определенным риском. Не совсем наша работа, но сделать ее придется.

— Я не граблю банки, — хмыкнул Марк. — Даже за такие деньги.

— Да я не об этом. Потребуется доставить необходимое количество оружия на борт судна, и сделать это мы должны сами. В дальнейшем нам светит горяченькое дельце в Африке.

Марк заулыбался.

— Большая кампания или «туда-сюда-обратно»?

— Одна атака. Но имей в виду, если она удастся, то в недалеком будущем не исключен и длительный контракт. Точно обещать не могу, но похоже на то. Кроме того, хорошие премиальные в случае успеха.

— Считай, что я в деле, — сказал Марк, когда они въезжали на главную площадь Брюгге.

Контора кредитного банка находилась в доме 25 по Вламингштраат — узкой оживленной улице со старинными домами в характерном стиле фламандской архитектуры XVIII столетия. Все

здания сохранились в безупречном состоянии. В большинстве домов нижние этажи были переделаны под магазины, но выше фасады еще хранили роспись старых мастеров.

В банке Шеннон представился начальнику отдела иностранных счетов господину Госсенсу и удостоверил свою личность, предъявив паспорт на имя Кейта Брауна. В течение сорока минут он открыл текущий счет, положив на него сто фунтов стерлингов наличными, проинформировал господина Госсенса, что на днях ожидает десять тысяч фунтов из Швейцарии и распорядился о переводе пяти тысяч фунтов из этой суммы на свой счет в Лондон. Шеннон оставил несколько образцов подписи Кейта Брауна и договорился о том, как идентифицировать его личность по телефону: он должен будет назвать двенадцать цифр номера своего счета в обратном порядке, а затем вчерашнюю дату. Это позволяло ему отдавать указания о переводе и снятии денег со счета, не приезжая в Брюгге. Шеннон подписал обязательство, снимающее с банка всякую ответственность за использование такого рода связи, и, кроме того, договорился, что на любых письменных распоряжениях банку будет под подписью ставить красными чернилами номер своего счета, чтобы

лишний раз подтвердить аутентичность.

К половине первого он закончил все дела в банке и присоединился к ожидавшему его снаружи Вламинку. Они плотно пообедали в «Кафе де Артс» на главной площади перед ратушей, а затем Крошка Марк отвез его назад в Брюссельский аэропорт. Расставаясь с фламандцем, Шеннон вручил ему пятьдесят фунтов наличными и велел завтра же сесть на паром Остенде-Дувр, чтобы быть в Лондоне к шести вечера. Подождав час до отлета, он вернулся в Лондон к пятичасовому чаю.

* * *

У Саймона Эндина день выдался таким же хлопотным. Самым первым рейсом он вылетел в Цюрих и в начале одиннадцатого был в аэропорту Клотен. Через час он стоял перед стойкой главной конторы цюрихского «Юнион Банка» по адресу Талыитрассе, 58 и открывал счет на свое имя. Он также оставил несколько образцов подписи и условился с чиновником банка о способе, каким будет подписывать все письменные распоряжения. Под датой и в нижней части письма ему требовалось вписывать номер своего счета. Дата писалась зелеными чернилами, а номер счета

— обязательно черными. Эндин положил на счет пятьсот фунтов наличными и сообщил, что в течение недели ему будет переведено сто тысяч фунтов. Наконец, он проинструктировал «Юнион Банк» о переводе десяти тысяч фунтов — сразу же по получении кредита — в Бельгию на счет, номер которого он сообщит им письмом позже. Эндин подписал пространный контракт, не оставляющий ему никакой юридической защиты и освобождающий банк от ответственности за все и вся, включая преступную небрежность. Всем сведущим людям было прекрасно известно, что судиться со швейцарским банком совершенно бесполезно.

Взяв на Тальштрассе такси, он подскочил к «Цвингли Банку», где в дверную щель опустил запечатанное письмо, и направился в аэропорт.

Письмо, которое через тридцать минут вручили доктору Мартину Штейнхуферу, было от сэра Джеймса Мэнсона. Подписанное условленным способом, каким Мэнсон подписывал всю свою переписку с этим банком, оно содержало указание немедленно перевести сто тысяч фунтов на счет мистера Саймона Эндина в «Юнион Банк». В письме также сообщалось, что сэр Джеймс будет у доктора Штейнхуфера в его офисе на следующий

день, в среду.

Незадолго до шести Эндин прибыл в лондонский аэропорт.

* * *

Мартин Торп был порядком измучен, когда во вторник днем появился в своем кабинете. Два дня уик-энда и понедельник он провел, методически просматривая четыре с половиной тысячи карточек, содержащих данные о компаниях, зарегистрированных на Лондонской фондовой бирже. В его задачу входило найти подходящую «компанию-скорлупу», и он искал ее среди небольших, преимущественно основанных уже давно и не имеющих больших активов; которые последние три года вели дело с убытком, были на грани банкротства или получали прибыль менее десяти тысяч фунтов. Кроме того, ему требовались компании, в которые вложение капиталов составляло менее двухсот тысяч фунтов.

Мартин Торп прибыл в офис со списком, содержащим две дюжины компаний, условно пронумерованных цифрами от единицы до двадцати четырех с точки зрения их возможной пригодности. Этот список Торп показал сэру Джеймсу Мэнсону.

Однако, кое-что еще оставалось сделать, и вскоре он уже был в «Компаниз Хаус» на Сити-Роуд, 2.

Он передал архивариусу список из первых восьми компаний и заплатил установленную плату за каждое наименование, что давало ему право, как и любому другому гражданину, изучить все документы компаний. Пока Торп ждал, когда в читальный зал принесут восемь солидных папок, он просмотрел последний выпуск официального перечня фондовой биржи и с удовлетворением отметил, что акции ни одной из восьми компаний не котировались выше трех шиллингов.

Когда принесли документы, он начал с первой компании в списке. Его интересовали моменты, которые не были отражены в карточках агентства «Мудис», дававших лишь краткую выжимку из сведений. Во-первых, Мартин Торп хотел знать, как распределены акции среди их держателей. Это дало бы уверенность, что искомая компания не контролируется советом директоров. Кроме того, ему не нужны были компании, акции которых за последнее время скупались каким-либо лицом или группой лиц. Это означало бы, что еще один хищник из Сити хочет поживиться легкой добычей.

К закрытию «Компаниз Хаус» он просмотрел

семь папок из восьми. Остальные семнадцать Торп оставил на следующий день. Но уже третья в списке компания весьма его заинтересовала. На основании документов она выглядела просто замечательно, даже слишком, что настораживало. Более чем странно, что никто на нее до сих пор не покусился. Где-то что-то было не так, и Мартину Торпу с его незаурядным умом предстояло это раскопать. Что ж, если все так и обстоит… Это было бы прекрасно.

* * *

Саймон Эндин позвонил на квартиру Шеннона в десять вечера. Шеннон доложил о том, чем он занимался, а Эндин подвел итог собственных дневных трудов. Он сообщил наемнику, что сто тысяч фунтов должны быть переведены на его новый счет в швейцарском банке уже сегодня, а Шеннон, в свою очередь, попросил перевести первые десять тысяч фунтов на имя Кейта Брауна в кредитный банк бельгийского городка Брюгге.

Повесив трубку, Эндин написал распоряжение «Юнион Банку», подчеркнув, что переводимая сумма должна быть послана сразу же и ни при каких обстоятельствах имя владельца счета не должно стать известным бельгийскому банку. Он

отправил письмо экспресс-почтой перед полуночью из круглосуточно работающего почтового отделения на Трафальгар-Сквер.

* * *

В одиннадцать сорок пять в квартире Шеннона вновь зазвонил телефон. Это был Землер. Шеннон сказал, что для ребят есть работа, но сам он приехать в Мюнхен не сможет. Землеру следует взять билет на самолет до Лондона на следующий день и быть у Шеннона в шесть. Он дал свой адрес, пообещав немцу в любом случае возместить расходы и оплатить обратную дорогу в Мюнхен, если тот отклонит его предложение. Землер согласился приехать, и Шеннон повесил трубку.

Следующим позвонил из Марселя Лангаротти. После очередной проверки абонентского ящика он обнаружил телеграмму Шеннона. Корсиканец обещал быть в Лондоне и к шести явиться к нему на квартиру.

Последним, уже в половине первого ночи, дал согласие упаковать вещи и отправиться за восемь тысяч миль в Лондон Джанни Дюпре. Правда, он должен был появиться у Шеннона в пятницу вечером, так как прибыть вместе с остальными не успевал.

После последнего звонка Шеннон еще с час почитал и погасил свет. День первый пришел к концу.

* * *

Сэр Джеймс Мэнсон летал только первым классом и утром в среду поглощал плотный завтрак на борту лайнера, несущего его в Цюрих. Незадолго до полудня он важно входил в кабинет доктора Мартина Штейнхуфера.

Эти двое знали друг друга уже десять лет, и за это время «Цвингли Банк» неоднократно вел дела от имени Мэнсона в ситуациях, когда тому требовалось подставное лицо для покупки акций, стоимость которых утроилась бы, знай кто-нибудь, что за сделкой стоит сэр Джеймс. Доктор Штейнхуфер ценил своего клиента. Он любезно встал, пожимая ему руку и усаживая английского рыцаря в удобное кресло.

Швейцарец предложил сигары, тут же принесли кофе и рюмки со знаменитым «Киршвассером». Лишь когда секретарь удалился, сэр Мэнсон перешел к делу.

— В ближайшем будущем мне потребуется получить контрольный пакет акций в небольшой британской частной компании. В данный

момент я еще не знаю ее названия, но надеюсь, что вскоре оно станет мне известно.

Доктор Штейнхуфер молча кивнул и отпил кофе.

— Сначала предстоит маленькая операция, требующая сравнительно небольших затрат, — продолжал Мэнсон. — Впоследствии, я полагаю, кое-что взбудоражит фондовую биржу, и для акций этой компании будут весьма интересные последствия.

Не было никакой необходимости объяснять швейцарскому банкиру, как на Лондонской бирже ведутся дела с акциями, ибо правила этой биржи, равно как и других бирж мира, он знал не хуже сэра Джеймса.

Согласно британскому законодательству, любое лицо, приобретающее десять и более процентов акций частной компании, должно объявить себя на совете директоров в течение двух недель. Это объясняется тем, что широкая публика должна знать, кто и чем владеет, относительно любой частной компании.

По этой причине любая почтенная лондонская брокерская контора, производя покупку акций от имени клиента, твердо придерживается закона и сообщает директорам имя клиента. Лишь в

случае приобретения менее десяти процентов акций клиент может оставаться анонимным.

Один из способов обойти этот закон, стремясь тайком получить контроль над компанией, заключается в использовании подставных покупателей. Но работающая на фондовой бирже фирма с хорошей репутацией быстро установит, что реальным покупателем большого пакета акций является один человек, действующий через подставных лиц, и поступит в соответствии с законом.

А швейцарский банк, не подчиняющийся британским законам и действующий адекватно соображениям секретности, просто-напросто откажется отвечать на вопросы о том, кто стоит за именами его клиентов, и не разгласит никаких иных сведений, пусть даже догадываясь, что подставные лица вовсе не существуют.

Оба человека, сидящие этим утром в кабинете доктора Штейнхуфера, были прекрасно осведомлены о подобных нюансах.

— Для того, чтобы приобрести необходимые акции, — говорил сэр Джеймс, — я договорился с шестью партнерами, которые будут покупать акции от моего имени. Они согласились открыть небольшие счета в «Цвигли Банке», и вы должны

взять на себя покупку акций в их интересах.

Доктор Штейнхуфер поставил чашечку с кофе на стол и кивнул.

— Здесь нет никаких проблем. Джентльмены прибудут сюда, чтобы открыть счета?

Сэр Джеймс выпустил струю ароматного дыма.

— Вполне возможно, что они будут слишком заняты и не смогут явиться лично. Я и сам вместо себя уполномочил вести это дело своего финансового помощника. Время, время, понимаете ли! Не исключено, что и другие шестеро партнеров пожелают воспользоваться той же процедурой. Вы не возражаете?

— Безусловно нет, — уверил его доктор Штейнхуфер. — Будьте добры сообщить мне имя вашего помощника.

— Мистер Мартин Торп.

Сэр Джеймс Мэнсон достал из кармана тонкий конверт и вручил его банкиру.

— Это подписанное мной распоряжение — должным образом нотариально заверенное и засвидетельствованное. Естественно, у вас есть образцы моей подписи для сравнения. Здесь вы найдете полное имя мистера Торпа и номер его паспорта. По этим данным вы сможете установить его личность. Он прибудет в Цюрих не

позже, чем через неделю, возможно, десять дней, чтобы окончательно оформить наше соглашение. После этого он начнет действовать от моего имени, и его подпись будет столь же значима, как и моя. Это приемлемо?

Доктор Штейнхуфер пробежал глазами находящийся в конверте единственный листок бумаги и кивнул.

— Конечно, сэр Джеймс. Не вижу никаких проблем.

Мэнсон поднялся и загасил сигару.

— В таком случае я желаю вам всего доброго, доктор Штейнхуфер, и передаю все дела мистеру Торпу, который, естественно, будет консультироваться со мной по всем предпринимаемым им шагам.

Они пожали друг другу руки, и сэр Джеймс Мэнсон вышел на улицу. Тихо закрылась массивная дубовая дверь, и он поднял воротник пальто, поеживаясь от холодного воздуха этого северного швейцарского города. Мэнсон направился к ожидающему его взятому напрокат лимузину и велел ехать к ресторану «Баур а Лак» на обед. Он помнил, что там хорошо кормят. В остальном Цюрих был скучнейшим местом — здесь даже не было приличного борделя.

* * *

Помощник заместителя министра Сергей Голун этим утром пребывал не в духе. Его сын провалил экзамены в Дипломатическую академию — предстоял семейный скандал. Кроме того, обострение застарелой язвы сулило мучительный день, да еще ко всему прочему заболел его секретарь.

Продуваемые ветром московские бульвары, покрытые талым снегом, казались грязно-серыми в сумрачном утреннем свете. Настоящая весна еще не наступила.

Он поднялся на восьмой этаж, где в отделе Западной Африки находился его небольшой кабинет. Лишенный секретаря, Сергей Голун сам взял стопку папок с материалами, поступившими из разных подразделений министерства, и начал просматривать их, сунув в рот понижающую кислотность таблетку.

На обложке третьей по счету папки размашистым почерком заместителя министра было написано: «Оценить и внести предложения». Голун уныло прочитал ее, отметив, что вся каша заварилась из-за донесения, полученного от разведки. Министр дал послу Добровольскому определенные инструкции, которые, как следова-

ло из последней полученной оттуда телеграммы, были выполнены. Теперь дело за ним.

Голун фыркнул. Побывав в шкуре посла, он имел твердое убеждение, что работающие за границей дипломаты склонны придавать излишнее значение своим проблемам.

— Будто у нас нет дел поважнее, — пробормотал он.

Гораздо больший интерес вызывала у него следующая папка, которая, как он заметил, касалась Гвинейской республики, откуда непрерывным потоком шли телеграммы о возрастающем китайском влиянии в Конакри. Здесь, по его мнению, дело было серьезнее. В сравнении с этим не имело никакого значения наличие или отсутствие достаточного количества олова для промышленной добычи во внутренних районах Зангаро. По крайней мере, Советскому Союзу олова хватало.

Тем не менее, указания поступили сверху, и, будучи исполнительным служащим, Голун их выполнил. Пригласив из машинописного бюро секретаря, он продиктовал письмо ректору Свердловского геологического института. В запросе предлагалось собрать небольшую партию геологов и инженеров для проведения разведки предполагаемых залежей минералов в Западной

Африке и информировать о сроках готовности людей и снаряжения к отправке.

У него мелькнула мысль согласовать этот вопрос с соответствующим управлением, но как-то отошла на второй план. Мучившая его изжога начала проходить, и Голун с удовольствием обнаружил, что у чиркающей свои каракули стенографистки весьма неплохие ножки.

* * *

День у Шеннона выдался спокойным. Он встал поздно и отправился в банк в Вест-Энде, где снял со счета почти все из своей тысячи фунтов. Шеннон был убежден, что с избытком компенсирует затраты, когда придет перевод из Бельгии.

После обеда он позвонил своему приятелю-журналисту, удивившемуся, услышав знакомый голос.

— Я думал, тебя нет в городе, — сказал писатель.

— С чего это? — поинтересовался Шеннон.

— Видишь ли, крошка Джулия разыскивала тебя. Должно быть, ты произвел на нее впечатление. Кэрри говорит, она не переставая болтает о тебе. Джулия звонила в «Лаундес», но там сказали, что ты уехал, не оставив адреса.

Шеннон обещал позвонить ей. Он дал приятелю свой телефон, но адрес не сообщил и, поговорив еще немного, обратился к нему с просьбой.

— Думаю, что смогу, — произнес журналист с некоторым сомнением в голосе. — Но, честно говоря, мне нужно будет сначала позвонить ему и убедиться, что все в порядке.

— Давай, — согласился Шеннон. — Скажи ему, что я хочу повидаться с ним и готов приехать на пару часов. Передай, что не будь для меня это крайне важным, я не стал бы его беспокоить.

Писатель пообещал перезвонить Шеннону. Если нужный тому человек не будет против встречи, он сообщит адрес и телефон.

Днем Шеннон написал письмо господину Госсенсу и уведомил его, что в дальнейшем он намерен дать нескольким деловым партнерам адрес кредитного банка в качестве своего почтового адреса и станет справляться по телефону, есть ли для него корреспонденция. Он также сообщил, что будет посылать письма своим партнерам через кредитный банк, и в подобных случаях от господина Госсенса требовалось вскрыть полученный конверт с вложенным в него уже адресованным и проштемпелеванным другим конвертом — его надо отправить из Брюг-

ге по назначению. Наконец, он просил господина Госсенса вычитать все почтовые и банковские расходы с его счета.

В пять часов дня Эндин позвонил Шеннону на квартиру и получил отчет о ходе дел. Правда, Шеннон не упомянул о своем контакте с писателем. Он сообщил, что этим вечером ожидает прибытия трех своих помощников, а четвертый будет на месте не позже вечера пятницы.

* * *

У Мартина Торпа шел пятый день изнурительного труда, но, слава Богу, поиски подходили к концу. Он просмотрел документацию на оставшиеся семнадцать компаний и составил новый, уже короткий список, включающий в себя пять названий. Компания, на которую он наткнулся накануне, возглавляла список. Торп закончил работу к середине дня, но поскольку сэр Джеймс Мэнсон еще не возвратился из Цюриха, думал, как провести свободное время. Он решил отдохнуть и доложить результаты своему шефу утром, а затем заняться выяснением причин, почему никто еще не наложил лапу на такие лакомые кусочки как выбранные им компании. К концу дня Торп занимался газоном дома в Хемпстед-Гарден.

Глава 9

Первым из наемников в Лондонский аэропорт Хитроу прибыл Курт Землер на рейсе авиакомпании «Люфтганза» из Мюнхена. Пройдя таможенный досмотр, он попытался дозвониться Шеннону, но того не оказалось на месте. Для контрольного звонка было еще рано, и он решил подождать в аэропорту, заняв столик у окна в ресторане. Наблюдая, как реактивные лайнеры покидают Европу, Землер нервно курил, сгорбившись над чашкой кофе.

Марк Вламинк дал о себе знать сразу же после пяти. Шеннон проглядел список из трех отелей, расположенных поблизости от его квартиры, и сообщил Марку название одного из них. Бельгиец записал его по буквам и, покинув телефонную будку на вокзале Виктория, быстро поймал такси. В ответ на вопрос водителя он показал бумажку с названием отеля.

Через десять минут после Вламинка еще раз позвонил Землер. Он также получил от Шеннона название отеля, записал его и сел в микроавтобус, следующий от аэропорта в город.

Лангаротти объявился последним. Он нахо-

дился в аэровокзале на Кромвель-Роуд. Как и остальные, взяв такси, он направился в свой отель.

В семь Шеннон обзвонил их по очереди и пригласил собраться у себя на квартире через полчаса.

Приветствуя друг друга, наемники только теперь поняли, что оказались здесь все вместе. Широкие улыбки, которыми они обменивались, выражали не только радость встречи со старыми друзьями, но и уверенность в том, что раз уж Шеннон собрал их у себя в Лондоне, гарантируя возместить расходы на дорогу, значило это лишь одно — он при деле. Как их ни интересовало, кто на сей раз оказался его патроном, они знали: лишние вопросы лучше не задавать.

Надежды наемников усились еще больше, когда Шеннон сообщил, что на тех же условиях вызвал из Южной Африки Дюпре. Билет стоимостью пятьсот фунтов означал: шутки в сторону. Они расселись, приготовившись выслушать Шеннона.

— Мне дали работу, — начал он, — провернуть которую от начала и до конца придется нам самим. Мы должны подготовить атаку — быструю и решительную, в стиле коммандос, — в одном

местечке, расположенном на западном побережье Африки. Предстоит взять штурмом здание, вытрясти оттуда все дерьмо и снова исчезнуть.

Последовала реакция, на которую он и рассчитывал. Наемники обменивались одобрительными взглядами. Вламинк широко ухмыльнулся и почесал грудь; Землер пробормотал: «Klasse» и зажег от окурка очередную сигарету. Он протянул пачку Шеннону, но тот с сожалением покачал головой. Лангаротти оставался спокоен, его глаза не отрывались от Шеннона, а лезвие ножа равномерно скользило по обтягивающей левый кулак черной коже.

Шеннон разложил на полу карту и мужчины сгрудились над ней, опустившись на колени. Вычерченный от руки план, изображающий участок побережья и несколько находящихся на берегу зданий, был даже не совсем точен: отсутствовали две изогнутые, уходящие в море косы, по которым можно было бы опознать гавань Кларенса. Но этого вполне хватало, чтобы уяснить суть операции.

Командир наемников говорил минут двадцать, описав уже предложенный им патрону план атаки как единственно возможный способ решения поставленной задачи, и трое остальных согласно

кивнули. Никто из них не поинтересовался названием места. Шеннон все равно бы не сказал, да и знать его им было ни к чему. Речь шла не о каком-либо недоверии — всего лишь элементарная предосторожность. В случае утечки сведений они отнюдь не желали оказаться в числе подозреваемых.

Шеннон говорил на французском с сильным акцентом, научившись языку в Конго, когда служил в шестом отряде. Он знал, что Вламинк в достаточной мере владел английским, как и подобало бармену из Остенде, а словарь Землера включал пару сотен необходимых в общении между военными слов. Но вот Лангаротти практически не знал английского, поэтому общим был французский за исключением случаев, когда присутствовал Дюпре. Французского тот не знал, и для него требовался перевод.

— Вот так-то, — закончил Шеннон. — Согласно условиям, все вы с завтрашнего дня начнете получать по тысяче двести пятьдесят долларов в месяц плюс расходы на проживание и поездки по Европе. Бюджет для работы достаточен. Лишь две задачи, которые потребуется решить на этапах подготовки, связаны с нелегальными операциями. В основном я планирую действовать в полном

согласии с законом. Одна проблема — пересечь границу между Бельгией и Францией, вторая — погрузить несколько ящиков на корабль где-нибудь в Южной Европе. Всем нам придется в этом участвовать.

Вы будете получать гарантированную заработную плату в течение трех месяцев плюс премия пять тысяч долларов каждому в случае успеха. Что скажете?

Трое мужчин переглянулись. Вламинк кивнул.

— Я готов, — произнес он. — Мне это дело нравится.

Лангаротги продолжал точить нож.

— Это не повредит французским интересам? — спросил он. — Я не хочу оказаться в изгнании.

— Даю тебе слово, что это никоим образом не ущемляет интересы Франции в Африке.

— D'accord[31], — коротко бросил корсиканец.

— Курт? — потребовал Шеннон.

— Как насчет страховки? — поинтересовался немец. — Мне в общем-то неважно, у меня нет родственников, но вот Марк…

Бельгиец кивнул.

— Мне не хотелось бы оставлять Анну без гро-

---

[31] Примечания: 31
Согласен (фр.).

ша, — подтвердил он.

Заключившие контракт наемники обычно страховались подрядчиком: двадцать тысяч долларов выплачивалось в случае гибели и шесть тысяч в случае потери одной из конечностей.

— Вам придется позаботиться об этом самим, но сумма может быть как угодно велика. Если что-то с кем-нибудь случится, остальные присягнут, что с ним произошел несчастный случай в море на борту корабля. Если кто-либо получит тяжелое ранение, но останется жив, мы все поклянемся, что рана была причинена каким-нибудь механизмом на корабле. Вы застрахуетесь от несчастного случая на время путешествия из Европы в Южную Африку в качестве пассажиров небольшого грузового судна. Идет?

Трое мужчин согласно кивнули.

— Я готов, — проговорил Землер.

Они обменялись рукопожатиями, скрепив тем самым свой договор. Затем Шеннон проинструктировал каждого о его задании.

— Курт, в пятницу ты получишь первую заработную плату и тысячу фунтов на расходы. Я хочу, чтобы ты отправился на Средиземноморье и начал искать судно. Мне нужен небольшой грузовой корабль, и самое главное, чтобы в

прошлом за ним не водилось никаких сомнительных делишек. Все бумаги должны быть в полном порядке. Водоизмещение — сто-двести тонн, каботажное судно или переоборудованный траулер, возможно, бывший военный тральщик, лишь бы на нем не было пушек. Скорость не так важна, главное — надежность. Корабль нужно зарегистрировать как обычный грузовик, принадлежащий небольшой компании или находящийся в собственности капитана. Чем меньше к нему привлекать внимания, тем лучше. Цена — не выше двадцати пяти тысяч фунтов, включая стоимость всех потребующихся работ. Через шестьдесят дней судно должно быть полностью заправлено, снабжено провизией и подготовлено к переходу в Кейптаун. Понятно?

Землер кивнул и начал вспоминать свои связи в мире моряков.

— Жан-Батист, какой город ты знаешь лучше всего на Средиземноморье?

— Марсель, — ответил без колебаний Лангаротти.

— Хорошо. В пятницу ты получишь свой заработок и еще пятьсот фунтов. Поезжай в Марсель, остановись в небольшом отеле и начинай осматриваться. Найди мне три больших надув-

ных полужестких лодки типа «Зодиак». Такие выпускают для водного спорта, конструкция напоминает десантные лодки для морской пехоты. Покупай их по отдельности, затем складируй в таможенном пакгаузе. Скажешь, что они пойдут на экспорт в Марокко. Предназначение — водные лыжи и подводное плавание на курортах. Цвет — черный. Все три с мощными подвесными моторами, запускаемыми от аккумулятора. Лодки должны брать до тонны груза. Скорость при полной нагрузке не менее десяти узлов. Очень важно, чтобы моторы были оборудованы подводным выхлопом и работали бесшумно. Если таких моторов не найдешь, то договорись с какой-нибудь мастерской, чтобы тебе изготовили три удлинителя для выхлопных труб с выпускными клапанами. Моторы держи вместе с лодками. Предназначение все то же — водный спорт в Марокко. Пятисот фунтов тебе на это не хватит. Открой счет в банке и сообщи мне реквизиты. Отчет о расходах вышлешь сюда. Ясно?

Лангаротти кивнул и возобновил свои упражнения с ножом.

— Марк, помнишь, ты как-то упоминал, что знаешь одного человека в Бельгии, который ограбил в 1945 году немецкий склад и взял тысячу абсо-

лютно новых «шмайссеров»? Вроде ты говорил, что половина у него еще осталась. Я хочу, чтобы ты, получив свой заработок и пятьсот фунтов, в пятницу вернулся в Остенде и разыскал этого человека. Узнай, не продает ли он до сих пор автоматы. Мне нужно сто штук в отличном состоянии. Буду платить по сто долларов за каждый. Это гораздо выше их стоимости. Если найдешь этого человека и сможешь договориться о встрече, сообщишь мне письмом. Все понятно?

К половине десятого они покончили с делами, запомнив полученные поручения и сделав необходимые заметки.

— Ладно, как насчет ужина? — поинтересовался Шеннон.

Предложение было принято с шумным одобрением, ибо мужчины проголодались, лишь слегка перекусив еще в дороге. Шеннон повел их в один из близлежащих ресторанов под названием «Паприка». Они продолжали говорить по-французски, но никому до них не было дела. Изредка, когда из-за их столика доносились взрывы громкого смеха, на них оборачивались. Эти четверо были явно возбуждены, но никто из посетителей ресторана не подозревал, что сидящая за угловым столиком компания затевала новую войну.

* * *

А на другом берегу пролива Ла-Манш Шарль Ру упорно думал о Карло Оскаре Томасе Шенноне, и витавшие в голове француза мысли ничего хорошего тому не сулили. Ру мерял шагами гостиную своей квартиры в одном из жилых районов Парижа около Пляс-де-ля-Бастилия и сопоставлял информацию, собранную им в течение прошлой недели, с полученными из Марселя несколько часов назад обрывками сведений.

Если бы писатель, рекомендовавший Шарля Ру Саймону Эндину в качестве второй возможной кандидатуры для осуществления планируемой операции, знал о французском наемнике чуть больше, его характеристика не была бы столь лестной. Но он располагал лишь основными фактами из его прошлого и почти совсем не имел представления о характере этого человека. Не знал он, и, соответственно, не мог сообщить Эндину, что Ру смертельно ненавидит другого рекомендованного им наемника.

После того как Эндин расстался с Ру, француз две недели ждал следующего визита. Но когда долгожданная встреча так и не состоялась, он вынужден был прийти к заключению, что про-

ект, который имел в виду назвавшийся Уолтером Харрисом человек, либо отменен, либо работа досталась кому-то другому.

Следуя второму предположению, он начал искать возможные кандидатуры, среди которых английский бизнесмен мог сделать выбор. Наведя справки, он выяснил, что Кот Шеннон находился в Париже, остановившись под собственным именем в небольшом отеле на Монмартре. Это неприятно поразило его, ибо после их встречи в аэропорту Ля-Бурже он потерял след ирландца и был уверен, что тот покинул город.

Неделю назад Шарль Ру поручил преданному ему человеку вплотную заняться Шенноном. Бывший наемник по имени Генри Алан уже через двадцать четыре часа доложил, что Шеннон покинул отель на Монмартре и больше там не появлялся. Он сумел сообщить Ру еще два обстоятельства: Шеннон исчез в тот же день, когда Ру принимал у себя лондонского бизнесмена, и, кроме того, у ирландца в этот день тоже был посетитель. Портье в отеле, воспоминания которого оживили несколько купюр, сумел описать этого человека. У Ру не оставалось сомнений, что именно с ним встречался он сам.

Итак, мистер Харрис из Лондона повидался в

Париже с двумя наемниками, хотя нужен ему был лишь один. В результате Шеннон исчезает, а Ру остается с носом. То, что из всех возможных претендентов контракт, по-видимому, получил ирландец, привело его в неистовство. Во всем одиннадцатом подразделении не было человека, которого Ру ненавидел бы больше Шеннона.

В течение четырех дней Генри Алан следил за отелем, но Шеннон туда так и не возвратился. Тогда Ру изменил тактику. Он вспомнил, что газетные заметки, посвященные последней операции с участием Шеннона, связывали его имя с корсиканцем Лангаротти. Не исключено, что если Шеннон снова в деле, Лангаротти тоже может быть привлечен. Ру послал Генри Алана в Марсель разыскать корсиканца и постараться выяснить, где может находиться Шеннон. Только что вернувшийся агент сообщил: именно сегодня Лангаротти отбыл из Марселя. Цель поездки — Лондон.

Ру поблагодарил своего информатора:

— Спасибо, Генри, это все. Когда потребуется, я свяжусь с тобой. Кстати, портье в том отеле на Монмартре даст тебе знать, если Шеннон вернется?

— Безусловно, — заверил Алан, собираясь ухо-

дить.

— Если что узнаешь, звони мне немедленно.

Проводив Алана, Ру взвесил все обстоятельства. Отъезд Лангаротти в Лондон означал для него лишь одно: корсиканец присоединился там к Шеннону. А это, в свою очередь, доказывало, что Шеннон получил контракт. Ру не сомневался: это контракт Уолтера Харриса, контракт, который по праву должен принадлежать ему. Смириться с этим было невозможно.

Имелась еще одна веская причина, по которой Ру нуждался в контракте Харриса. После кампании в Букаву он ходил без дела, и его авторитет в кругах французских наемников неуклонно падал. Он был просто обязан найти ребятам хоть какую-то работу. Вот если бы Шеннон не смог выполнить взятые на себя обязательства, например, вдруг исчез… навсегда… Тогда мистеру Харрису неминуемо придется вернуться к нему, и контракт окажется в кармане у Ру, как и должно было быть с самого начала.

Не колеблясь, он подошел к телефону и набрал парижский номер.

* * *

В Лондоне ужин подходил к концу. Был выпит не один графин терпкого вина, которому отдавали предпочтение наемники. Крошка Марк поднял бокал и предложил знакомый всем по Конго тост:

Vive la Mort, vive la guerre,

Vive le sacre mercenaire.[32]

Откинувшись на спинку стула, с ясной головой, хотя все остальные были порядком пьяны, Кот Шеннон лениво думал, какой же воцарится хаос, когда он спустит свору своих псов на дворец президента Кимбы. Молча он поднял бокал и выпил за солдат удачи.

Сорокавосьмилетний Шарль Ру был не совсем в своем уме. Его никогда не признавали безумным, но большинство врачей сочли бы его психически неуравновешенным. Основой для подобного диагноза могла бы стать в значительной степени свойственная ему мания величия. Конечно, далеко не все, кто страдает этим синдромом, сидят в

---

[32] Примечания: 32
Смерти хвала и войне хвала, благородным наемникам слава (фр.).

сумасшедшем доме. А уж в отношении богатых и знаменитых это мягко называют чрезмерной эгоцентричностью. Психиатры, вероятно, обнаружили бы у Ру еще и признаки паранойи, а также склонность к психопатии. Но Шарль Ру никогда не обследовался у хорошего специалиста, а его психическая неуравновешенность удачно маскировалась сметливостью и незаурядной хитростью.

Конечно, были внешние признаки, которые позволяли разгадать его натуру. Он безосновательно приписывал себе великую значимость, всегда считал себя правым и полностью игнорировал мнение тех, кто с ним не соглашался. Не восхищающийся им человек возбуждал в Шарле Ру злобную ненависть.

Часто вызвать подобное чувство у французского наемника можно было даже не досаждая ему. Но в случае с Шенноном имели место действительно веские причины.

Почти до сорока лет Шарль Ру служил старшим сержантом французской армии, пока его не уволили за махинации с денежным довольствием.

В 1961 году, оставшись без дел, он за собственный счет добрался до Катанги и предложил свои услуги в качестве квалифицированного военного

советника тогдашнему лидеру сепаратистского движения Маису Чомбе. На этот год пришелся самый накал борьбы за отделение богатой природными ресурсами провинции Катанга от трещавшей по всем швам, неуправляемой, лишь только обретшей независимость республики Конго. Ряд будущих выдающихся командиров-наемников положил начало своим карьерам солдат удачи именно в перипетиях этой борьбы. Среди них были Хор, Денар и Шрамм. Несмотря на его претензии, Ру в этих событиях была уготована весьма незначительная роль. А когда с помощью ООН наконец удалось подавить разрозненные группы бандитствующих наемников, Ру покинул Катангу в числе других.

Два года спустя, когда республика Конго рухнула как карточный домик под напором поддерживаемых коммунистами шимбу, Чомбе бросил из изгнания клич завоевать не только Катангу, но и все Конго. Он призвал к себе Хора, и Ру был среди тех, кто собрался служить под его командованием. Как француз, Ру должен был бы сражаться в шестом франкоязычном подразделении, но, поскольку прибыл из Южной Африки, оказался в пятом. Ему доверили командование ротой, а шесть месяцев спустя одним из командиров взво-

дов к нему назначили англичанина ирландского происхождения по фамилии Шеннон.

Через три месяца последовал разрыв Ру с Хором. Французу, уже убежденному в своей непогрешимости, поручили выбить с укрепленных позиций оседлавших дорогу шимбу. Он разработал собственный план атаки и потерпел сокрушительное поражение. Погибло четверо белых наемников и множество катангцев. Частично причина заключалась в неудачном плане, а частично — в том обстоятельстве, что Ру был в стельку пьян. За его пьянством угадывался страх перед боем.

Полковник Хор потребовал от Ру письменное объяснение. Получив его, он убедился, что изложенные обстоятельства не соответствуют известным ему фактам. Хор послал за единственным уцелевшим командиром взвода Карло Шенноном и внимательно расспросил его. По выяснении истинных обстоятельств француза незамедлительно уволили.

Ру подался на север и в Паулисе вступил в шестое подразделение, возглавляемое Денаром. Свой разрыв с Хором он объяснил национальной рознью: подчиненные британцы невзлюбили своего превосходного французского командира.

Поверить в это Денарод мог с трудом, и назначил Ру заместителем командира небольшого отряда, номинально входившего в состав шестого подразделения, но действующего фактически самостоятельно. Это был четырнадцатый отряд, базирующийся в Ватсе и возглавляемый майором Травинье.

* * *

К 1966 году Хор подал в отставку и вернулся домой, ушел из отряда и Травинье. Командование четырнадцатым принял на себя майор Вуатье, бельгиец, как и прежний командир. Ру, по-прежнему оставаясь заместителем, люто возненавидел новое начальство. Не то чтобы бельгиец чем-то ему не угодил — Ру сам рассчитывал получить командование после ухода Травинье.

Четырнадцатый отрад, в основном укомплектованный катангцами, был на острие мятежа 1966 года против правительства Конго. Выступление — довольно неплохо спланированное Вуатье — вполне могло увенчаться успехом. Черный Джек Шрамм держал свое также состоящее преимущественно из катангцев десятое подразделение наготове, выжидая, как будут разворачиваться события. Если бы Вуатье довелось возглавлять

мятеж до конца, все могло бы кончиться благополучно. В случае удачи Черный Джек наверняка пустил бы в дело свои войска, и конголезское правительство неминуемо пало.

Перед выступлением Вуатье сосредоточил свой отряд в Стенливиле. На другом берегу реки Конго располагался громадный арсенал. Владеющий хранящимся там военным снаряжением мог на много лет обеспечить себе контроль над центральным и восточным Конго. Но за два часа до начала атаки майор Вуатье был застрелен. Никто так и не узнал до конца правды о его гибели, хотя именно Ру и убил его выстрелом в затылок. Француз принял на себя командование, и мятеж обернулся катастрофой. Его войска так и не смогли переправиться на левый берег. Поняв, что арсенал остается в их руках, конголезцы воспрянули духом. Подразделение Ру истребили до последнего человека. Шрамм благодарил судьбу, что уберег свой отряд от сокрушительного поражения.

Объятый ужасом, с трудом унесший ноги Ру обратился за помощью к Джону Петерсу, новому командиру пятого англоязычного подразделения. Тот тайком вывез из страны пребывающего в отчаянии француза, забинтовав ему голову и

выдав за англичанина.

Единственный самолет направлялся в Южную Африку, куда и доставили Ру. Десять месяцев спустя тот вернулся в Конго в сопровождении пятерых южноафриканцев. До него дошли вести о предстоящем июньском мятеже 1967 года, и он прибыл, чтобы присоединиться к Шрамму. Его десятое подразделение базировалось в районе Кинду. Ру был в Стенливиле, когда, несмотря на участие Шрамма и Денара, мятеж снова потерпел крах. Денар выбыл из строя через несколько часов, раненный в голову отрикошетившей пулей, выпущенной в панике одним из своих людей. В самый критический момент командир объединенных сил шестого и десятого подразделений вышел из игры. Ру, утверждавший, что, как француз, имеет преимущество перед бельгийцем Шраммом и лишь один в этой ситуации способен возглавить наемников, выдвинул свою кандидатуру на место Денара.

Но выбор пал на Шрамма. Он был лучше как командир, и кроме того, только он смог бы повести за собой катангцев, без которых небольшая группа европейцев мало что решала.

Ру не получил поддержки ни от одной из сторон. Катангцы не доверяли французу и нена-

видели его. Они не забыли, как в прошлом году он привел к гибели их собратьев. Что касается белых, то на совете наемников, состоявшемся вечером после отправки Денара в Родезию, одним из тех, кто высказался против назначения Ру, был Шеннон, перешедший восемнадцать месяцев назад из пятого подразделения в шестое, чтобы не оставаться под командованием Петерса.

Наемникам так и не удалось овладеть арсеналом. Их мог спасти лишь долгий переход из Стенливиля в Букаву. Этот курортный городок на берегу одноименного озера граничил с республикой Руанда и мог послужить временным убежищем.

К этому моменту Ру уже охотился за Шенноном. Чтобы разделить их, Шрамм дал отряду Шеннона опасное задание продвигаться в авангарде и расчищать дорогу пробивающейся к озеру основной колонне наемников, катангцев и примкнувшим к ним тысячам беженцев. Ру следовал в арьергарде.

Их встреча произошла в Букаву. Это случилось в сентябре 1967 года, когда укрепившиеся в городе наемники оказались окружены конголезскими войсками. За спиной у них простиралось озеро. Ру был пьян. За игрой в карты он потерял остатки

самообладания и обвинил Шеннона в мошенничестве. Шеннон спокойно ответил, что Ру играет в покер примерно так же, как устраивает атаки на шимбу. Причина же одна — он трусоват. За карточным столом повисла гробовая тишина. Наблюдающие за игрой наемники отступили к стенам. Ру не сводил глаз с Шеннона, который невозмутимо встал и направился к двери. Лишь когда ирландец повернулся спиной, он выхватил кольт сорок пятого калибра — личное оружие каждого наемника — и прицелился.

Шеннон оказался проворнее. Мгновенно обернувшись, он вскинул пистолет и нажал на курок. Стреляя с бедра в полоборота, он попал прямо в правое предплечье Ру. Рука француза бессильно повисла, и на упавший рядом бесполезный кольт закапала стекающая по пальцам кровь.

— Есть одна вещь, которую я помню, — прорычал на всю комнату Шеннон. — Я помню, что случилось с Вуатье.

После этого с Ру было покончено. Он самостоятельно перебрался по мосту в Руанду, доковылял до ее столицы Кигали и улетел во Францию. Тем самым он избежал падения Букаву в ноябре, когда иссякли боеприпасы, и пятимесячного заключения в лагере для интернированных в Кигали. Но

и свести счеты с Шенноном ему тоже не удалось.

Вернувшись из Букаву в Париж, Ру дал несколько интервью, в которых не поскупился на похвалы в собственный адрес, хвастая боевой раной и выражая горячее желание вернуться и встать во главе своих людей. В это время оправившийся от ранения Денар пытался осуществить на юге Конго плохо подготовленное вторжение из Анголы. Операция была задумана как отвлекающий маневр, чтобы выручить попавших в беду наемников в Букаву. Она потерпела провал, за которым последовала окончательная отставка бывшего командира шестого подразделения. Сложившаяся ситуация побудила Шарля Ру считать себя вправе претендовать на лидерство среди французских наемников.

В свое время Ру довольно много награбил в Конго и сумел все это сберечь. Имея деньги, ему удавалось сохранять авторитет среди опустившейся и продажной публики, причисляющей себя к бывшим наемникам. Именно из таких был Генри Алан и еще один гость Ру, откликнувшийся на его телефонный звонок, — тоже наемник, но несколько иного толка.

С Раймондом Томардом — убийцей как по духу, так и по профессии, — Ру познакомился в Конго,

куда тот попал, скрываясь от полиции. Ошибочно полагая, что Ру — большая шишка, и, естественно, за мзду, Томард был лоялен в той мере, в какой может быть лоялен наемный убийца.

— Для тебя есть работа, — сообщил ему Ру. — На пять тысяч долларов. Интересует?

Томард ухмыльнулся.

— Ясное дело, патрон. Какого педика надо пришить?

— Шеннона.

Лицо Томарда вытянулось. Ру продолжал, не дожидаясь ответа.

— Знаю, что этот арень — не промах. Но ты лучше. Тем более, он ничего не подозревает. Когда появится в следующий раз в Париже, получишь его адрес. Там поступай, как знаешь. Он когда-нибудь видел тебя?

— Нет, мы не встречались, — покачал Томард головой.

Ру хлопнул его по плечу.

— Тогда и беспокоиться не о чем. Не пропадай, я дам тебе знать, где и когда ты его найдешь.

Глава 10

Письмо, отправленное Саймоном Эндином во вторник вечером, доставили в «Юнион Банк» Цюриха к десяти утра четверга. В соответствии с содержащимися в нем инструкциями десять тысяч фунтов стерлингов было переведено телеграфом на счет мистера Кейта Брауна в кредитный банк Брюгге.

К полудню господин Госсенс послал телекс и перевел пять тысяч фунтов в Лондон на счет мистера Брауна. Незадолго до четырех дня Шеннон позвонил в свой банк и выяснил, что кредит на его имя уже получен. Он попросил управляющего приготовить на следующее утро три с половиной тысячи фунтов наличными. Ему обещали, что деньги будут готовы к половине двенадцатого.

* * *

Тем же утром в начале десятого Мартин Торп предстал перед сэром Джеймсом Мэнсоном с папкой, содержащей результаты проводимых им с четверга изысканий. Когда они закончили просматривать фотокопии документов, собранных

Торпом, Мэнсон откинулся в кресле и задумчиво вперил взгляд в потолок.

— Несомненно, ты прав, Мартин, насчет этой компании «Бормак», — протянул он. — Но какого же черта никто до сих пор не приобрел ее контрольный пакет акций?

Этот вопрос Торп задавал себе уже со вчерашнего дня.

Компания «Бормак Трейдинг Компани Лимитед» была основана в 1904 году для реализации продукции ряда обширных каучуковых плантаций, созданных в конце прошлого столетия рабским трудом китайских кули.

Плантации располагались на Борнео, а их владельцем был предприимчивый и безжалостный шотландец по имени Ян Макаллистер, получивший в 1921 году рыцарское звание и ставший сэром Яном Макаллистером. География и фамилия дали название компании.

В большей степени подрядчик, нежели бизнесмен, Макаллистер согласился в 1903 году вступить в деловые отношения с группой лондонских предпринимателей, и в результате год спустя на свет явилась компания «Бормак», выпустившая в обращение полмиллиона простых акций. Макаллистер, женившийся год назад на

семнадцатилетней девушке, получил сто пятьдесят тысяч акций, место в совете директоров и право пожизненного управления каучуковыми плантациями.

Через десять лет после основания компании лондонские бизнесмены добились ряда выгодных контрактов, связанных с выполнением военных поставок, и цена на акции поднялась с четырех шиллингов до двух фунтов. Военный бум продолжался до 1918 года. Сразу же по окончании Первой мировой войны в делах компании наступил резкий спад. Но когда в двадцатых годах началась автомобильная лихорадка, повысившая спрос на каучуковые шины, курс акций снова стал подыматься. В то время компания осуществила новый выпуск акций в соотношении один к одному, увеличив их общее количество до миллиона, а долю сэра Яна — до трехсот тысяч. После этого новых выпусков больше не было.

Великая депрессия не миновала и «Бормак». Кое-как оправиться компании удалось лишь к 1937 году, но тут последовал новый удар. Обезумевший от непосильного труда китайский кули набросился с большим малайским ножом на спящего сэра Яна. Курьезно, что плантатор умер не от ран, а от заражения крови. Ведение дел взял

на себя помощник управляющего, но без твердой руки покойного хозяина дела шли все хуже и хуже. Поправить положение могла бы Вторая мировая война, но японская агрессия 1941 года положила конец надеждам.

Окончательный крах компании наступил в 1948 году, когда индонезийское национальное движение свергло в Борнео голландский колониальный режим. Граница, проведенная между Индонезийским Борнео и Британским Северным Борнео, оставила плантации на индонезийской стороне.

В течение последующих двадцати лет компания все больше приходила в упадок. Все доходы пожирал бесконечный и безрезультатный судебный процесс, который «Бормак» вела с режимом президента Сукарно, практически национализировавшим компанию без какой-либо компенсации. К тому моменту, когда Мартин Торп занялся документами компании, ее акции шли по шиллингу; наивысшая цена в предыдущие годы составляла шиллинг и три пенса.

Совет компании «Бормак» состоял из пяти директоров, а устав гласил, что уже двое из них образуют кворум, необходимый для принятия решений. Ее юридическим адресом была старинная

адвокатская фирма в Сити. Один из партнеров фирмы выполнял функции секретаря компании, а также входил в совет директоров. Бывшая контора компании из-за роста цен давно закрылась. Председатель совета директоров, престарелый человек, живущий в Сассексе, являлся младшим братом помощника сэра Яна, погибшего от руки японских оккупантов во время войны. Его акции перешли к младшему брату. Совет, как правило, в составе председателя и секретаря, собирался довольно редко. Собственно, обсуждать было нечего: доходы компании в основном состояли из нерегулярных запоздалых компенсационных выплат, производимых индонезийским правительством, возглавляемым генералом Сухарто.

Пятеро вместе взятых директоров контролировали не более восемнадцати процентов из миллиона акций, а пятьдесят два процента распределялись среди шести тысяч пятисот разбросанных по всей стране акционеров. Большую часть из них составляли замужние женщины и вдовы.

Но не это интересовало Торпа и Мэнсона. Если бы они попытались заполучить контроль над компанией путем покупки акций на рынке, то, во-первых, на это ушли бы годы, а, во-вторых,

в Сити быстро бы поняли, что кто-то затевает с компанией «Бормак» крупную спекуляцию. Их внимание привлек пакет из трехсот тысяч акций, находящийся в руках овдовевшей леди Макаллистер.

Оставалось непонятным, почему до сих пор никто не купил этот пакет, чтобы попытаться завладеть некогда преуспевающей каучуковой компанией. Во всех остальных отношениях «Бормак» идеально подходила для их целей, ибо ее устав позволял компании заниматься разработкой любых природных ресурсов в любой стране, за исключением Объединенного Королевства.

— Ей должно быть восемьдесят пять, — произнес Торп. — Живет в старой квартире в Кенсингтоне вместе с давней компаньонкой, или как там их еще называют.

— Наверняка ее акциями уже интересовались, — задумчиво проговорил сэр Джеймс, — так что же она за них цепляется?

— Возможно, просто не хочет продавать, — предположил Торп, — или ей не понравились люди, обращавшиеся с подобной просьбой. Разве поймешь этих старух.

Но не только старики поступают нелогично при покупке или продаже акций. Многие

владельцы акций отказываются иметь дело с людьми, предлагающими им выгодную сделку, исключительно из чувства антипатии.

Сэр Джеймс Мэнсон выпрямился в кресле и устремил взгляд на стол.

— Мартин, выясни насчет этой старухи. Что она собой представляет, о чем думает, что любит и ненавидит, словом, все, и найди ее слабое место. Должно же оно быть у нее. Наверняка чем-то можно ввести ее в соблазн и заставить продать акции. Скорее всего, это не деньги, их предлагали и раньше. Здесь что-то другое. Узнай это.

Торп поднялся. Мэнсон махнул рукой, приглашая его снова сесть. Из ящика стола он достал шесть печатных бланков, которые требовалось заполнить для «Цвингли Банка» в Цюрихе.

Кратко и ясно он объяснил Торпу, что нужно сделать. Тот кивнул.

— Закажи себе место на утренний рейс, чтобы завтра к вечеру вернуться, — распорядился Мэнсон, провожая своего помощника.

* * *

Саймон Эндин позвонил на квартиру Шеннона в начале третьего и получил ответ о проведенных наемником мероприятиях. Он был удовлетворен

докладом Шеннона и сделал себе несколько пометок, чтобы впоследствии представить его сэру Джеймсу.

Затем Шеннон выдвинул свои дальнейшие требования.

— Мне нужно, чтобы ваш швейцарский банк перевел на мое имя в «Банк де Люксембург» пять тысяч фунтов к полудню следующего понедельника, — сказал он Эндину. — Кроме того, требуется перевести еще пять тысяч непосредственно на мой счет в главную контору гамбургского банка «Ландесбанк» к утру среды.

Он кратко отчитался за переведенные на его имя в Лондон пять тысяч фунтов и сообщил, что другие пять останутся в качестве резерва в Брюгге. Идентичные суммы в Люксембурге и Гамбурге нужны ему в основном для того, чтобы, ведя переговоры о закупках, он мог удостоверить свою кредитоспособность. Позже большая часть этих денег будет переведена в Брюгге.

— В любом случае я готов представить вам письменный отчет о всех расходах, — предложил он Эндину, — но мне нужен ваш почтовый адрес.

Эндин сообщил адрес почтового отделения, где арендовал абонентский ящик на имя Уолтера Харриса, и обещал дать распоряжение в Цюрих в

течение часа, чтобы суммы по пять тысяч фунтов ждали Кейта Брауна в Люксембурге и Гамбурге.

* * *

Самолет Джанни Дюпре приземлился в лондонском аэропорту в пять. Его путешествие оказалось самым длительным: из Кейптауна в Йоханнесбург, затем ночевка в «Холидей Инн» и десятичасовой перелет на рейсе авиакомпании «САА» через Луанду. Сообщив Шеннону о своем прибытии по телефону, он взял такси и направился к нему на квартиру.

Пока Дюпре добирался, Шеннон оповестил остальных наемников.

В шесть они собрались вновь уже вместе с южноафриканцем, и Шеннон проинформировал Джанни о полученном задании. Узнав условия, тот скривил лицо в подобие улыбки.

— Снова в бой, Кот? Записывай и меня.

— Молодец. Теперь вот что я от тебя хочу. Останешься здесь, в Лондоне. Найдешь себе небольшую однокомнатную квартирку. С этим я помогу тебе. Завтра мы просмотрим «Ивнинг Стандард» и к вечеру все устроим. Займешься покупкой обмундирования. Нам потребуется пятьдесят комплектов маек, трусов и тонких ней-

лоновых носков. С учетом запасного комплекта для каждого из пятидесяти человек получится сто. Список я дам тебе позже. Кроме того, пятьдесят военных брюк, рубашек и курток на молнии, предпочтительно камуфляжной расцветки. Все это ты сможешь приобрести совершенно легально в туристских или спортивных магазинах, а также на армейских складах, реализующих излишки обмундирования. Сейчас даже хиппи слоняются по городу в военных рубашках. Туристы и охотники тоже предпочитают армейскую одежду. Все нательное белье и носки можешь взять у одного поставщика, но брюки и куртки покупай в других местах. Так, еще пятьдесят пар ботинок и пятьдесят зеленых беретов. Брюки бери больших размеров, позже мы сможем их ушить; половину курток возьми больших, половину средних. Ботинки купишь в магазине военного снаряжения, но не бери тяжелые английские армейские ботинки, лучше зеленые непромокаемые брезентовые сапоги на шнуровке.

Теперь насчет прочего. Нужны ремни, подсумки, рюкзаки. Придется тащить ракеты для базуки, так что часть рюкзаков должны иметь металлические каркасы. Наконец, пятьдесят нейлоновых спальных мешков. Я дам тебе полный список.

Дюпре кивнул.

— Идет. Сколько это будет стоить?

— Около тысячи фунтов. Покупать будешь так. Возьмешь телефонный справочник и выберешь дюжину магазинов или поставщиков. Заказы на покупку костюмов, курток, ремней, беретов, рюкзаков и ботинок сделаешь по отдельности. Плати наличными и забирай товар с собой. Ни настоящего имени, ни адреса не оставляй. Арендуй помещение и держи там покупки. Скажешь, что все это пойдет на экспорт. Свяжешься с четырьмя различными агентами, занимающимися экспортными поставками и поручишь им отправить товар четырьмя отдельными партиями в Марсель для коммерческого агента, нанятого Лангаротти.

— Так это агент в Марселе? — спросил Дюпре.

— Пока мы не знаем, — ответил Шеннон и повернулся к корсиканцу.

— Жан, когда ты найдешь агента для организации экспорта лодок и моторов, сообщишь его полное имя и адрес. Одну копию пошлешь мне сюда, а вторую — Дюпре, в почтовое отделение на Трафальгар-Сквер, до востребования. Понял?

Лангаротти кивнул, записывая адрес, а Шеннон тем временем перевел последние распоряжения

для Дюпре.

— Джанни, сходишь в ближайшие дни на почту и договоришься, что будешь там получать корреспонденцию до востребования. Затем раз в неделю будешь проверять, нет ли письма от Лангаротти. Организуя отправку груза в Марсель, не скупись. Кредит на мое имя уже открыт.

Из письменного стола Шеннон достал четыре заготовленные им письма на имя господина Госсенса. Все письма были по сути одинаковыми. От кредитного банка Брюгге требовалось перевести определенную сумму в долларах США со счета мистера Кейта Брауна на указанный счет. В оставленных пропусках Шеннон вставил сумму, эквивалентную стоимости авиабилета в Лондон и обратно до Остенде, Брюсселя, Мюнхена и Кейптауна. Письма предписывали также господину Госсенсу перевести по тысяче двести пятьдесят долларов каждому из названных людей в указанные банки в день получения письма, затем пятого мая и, наконец, пятого июня. Наемники по очереди продиктовали Шеннону название своего банка, как правило, швейцарского, и тот заполнил пропуски.

Они прочитали свои письма, Шеннон подписал их, запечатал в отдельные конверты и роздал

каждому для отправки.

Наконец, он выдал им по пятьдесят фунтов наличными для покрытия расходов, связанных с двухсуточным пребыванием в Лондоне, и договорился встретиться завтра в одиннадцать у дверей своего лондонского банка.

Когда все разошлись, Шеннон сел за длинное письмо в Африку. Журналист, которому он звонил, получил разрешение дать наемнику адрес. Закончив послание, он отправил его экспресс-почтой и в одиночестве поужинал.

* * *

Перед обедом Мартин Торп имел беседу с доктором Штейнхуфером из «Цвингли Банка». Будучи заранее представленным сэром Джеймсом Мэнсоном, Торп получил столь же теплый прием, как и его босс.

Он передал банкиру шесть бланков на «номерные» счета[33], должным образом заполненные и подписанные. На отдельных карточках имелись по два требуемых образца подписи клиентов,

---

[33] Примечания: 33

«Номерной» счет в банке — имя владельца такого счета в операциях не упоминается и может быть известно только узкому кругу сотрудников банка; владельцу счета присваивается кодовый номер, который используется в операциях.

желающих эти счета открыть. Их фамилии были Адамс, Болл, Картер, Дэвис, Эдвардс и Фрост. К каждому бланку прилагалось по два письма. В одном из них означенные господа предоставляли мистеру Мартину Торпу полномочия оперировать со счетами от их имени. Во втором, подписанном сэром Джеймсом Мэнсоном, доктору Штейнхуферу давалось распоряжение перевести на счет каждого из упомянутых лиц пятьдесят тысяч фунтов стерлингов со своего личного счета.

Доктор Штейнхуфер никогда не был доверчивым, и уж тем более его нельзя было назвать новичком в банковском деле. Конечно, он не мог рассматривать тот факт, что имена шести «деловых помощников» начинались с шести первых букв латинского алфавита, как просто совпадение. Но он вполне разумно полагал, что вопрос реального существования этих людей его никак не касается. Если богатый британский бизнесмен решил обойти некоторые мешающие ему законы своей страны, то это сугубо личное дело.

Была еще одна уважительная причина, по которой ему следовало закрыть глаза и принять от Торпа заполненные бланки. Если акции, которые сэр Джеймс втайне собрался скупать, поднимутся

с нынешней цены до астрономической цифры, то почему бы и швейцарскому банкиру не купить малую толику этих акций для себя лично.

— Компания, которая нас заинтересовала, называется «Бормак Трейдинг Компани», — сообщил Торп. Он обрисовал состояние дел компании и подчеркнул тот факт, что пожилая вдова — леди Макаллистер — владеет тремястами тысячами акций или тридцатью процентами компании.

— У нас есть основания полагать, что попытки убедить ее расстаться со своей долей уже предпринимались, — продолжал он, — но, по-видимому, оказались безуспешными. Мы решили попытаться еще раз. Даже в случае неуспеха мы не остановимся и найдем другую компанию.

Доктор Штейнхуфер, покуривая сигару, внимательно слушал.

— Как вам известно, доктор Штейнхуфер, один человек не может купить эти акции, не заявив о себе. Поэтому покупателями акций будут господа Адамс, Болл, Картер и Дэвис. Каждый из них получит семь с половиной процентов компании. Мы хотим, чтобы вы действовали от имени всех четверых.

Доктор Штейнхуфер кивнул — обычное дело.

— Безусловно, мистер Торп.

— Я попытаюсь убедить пожилую леди подписать сертификаты на передачу акций, не указывая имя покупателя, потому что некоторые англичане, особенно престарелые дамочки, считают швейцарские банки слишком — как бы это сказать — таинственными организациями.

— Надо полагать, вы имели в виду — зловещими, — спокойно произнес доктор Штейнхуфер. — Я все прекрасно понимаю. Пусть пока остается как есть. Когда вы побеседуете с этой дамой, мы посмотрим, как быть дальше. Передайте сэру Джеймсу, чтобы он не беспокоился. Покупка осуществится четырьмя различными людьми и требования закона о компаниях будут соблюдены.

Как и предполагал сэр Джеймс, Торп вернулся в Лондон к вечеру, чтобы, наконец, отдохнуть во время уик-энда.

* * *

В без нескольких минут двенадцать, когда Шеннон вышел из банка, четверо наемников ожидали на тротуаре. Он нес четыре коричневых конверта.

— Марк, это тебе. Здесь пятьсот фунтов. Поскольку ты будешь жить дома, расходов у тебя будет

меньше всех. Купи на эти деньги фургон и сними запирающийся гараж. Главное — найди человека со «шмайссерами» и устрой мне с ним встречу. Я позвоню тебе в бар дней через десять.

Огромный бельгиец кивнул и, сев в подвернувшееся такси, отправился на вокзал Виктория.

— Курт, вот твой конверт. В нем тысяча. Тебе предстоит поездить побольше. Даю тебе сорок дней, чтобы найти судно. Держи со мной связь по телефону или телеграфу, но соблюдай осторожность. Можешь быть откровенен в письмах. Уж если мою почту перехватят, то нам в любом случае крышка.

Жан-Батист, здесь пятьсот фунтов. На сорок дней тебе хватит. Держись подальше от неприятностей и избегай злачных мест. Найдешь лодки и моторы — дашь мне знать письмом. Открой банковский счет и сообщи, где. Если я одобрю товар, то переведу туда деньги. И не забудь о коммерческом агенте. Чтобы все было аккуратно и законно.

Француз и немец, получив деньги и инструкции, стали ловить такси до аэропорта. Землер летел в Неаполь, а Лангаротти — в Марсель.

Шеннон взял Дюпре под руку, и они не спеша пошли по Пикадилли.

— Здесь полторы тысячи, Джанни, — подал Шеннон конверт. — Тысяча на покупки, аренду склада, отправку в Марсель плюс небольшой запас. Остальные пятьсот позволят спокойно себя чувствовать ближайшие шесть недель. Я хочу, чтобы ты начал делать покупки прямо в понедельник с утра. Во время уикэнда составь список магазинов и изучи план города. На все даю тебе месяц. Мне нужно, чтобы товар был в Марселе не позже, чем через сорок пять дней.

Они остановились, и Шеннон купил вечернюю газету. Открыв ее на нужной странице, он показал Дюпре колонку, где публиковались объявления о сдаче в аренду квартир.

— Найди себе к вечеру что-нибудь подходящее и завтра сообщи свой адрес.

На углу Гайд-Парка они ненадолго распрощались.

* * *

Шеннон провел вечер за составлением финансового отчета для Эндина. Он указал, на что израсходовал пять тысяч фунтов, переведенные из Брюгге, оставив на своем лондонском счету несколько сотен в качестве резерва.

Наконец, он отметил, что не воспользовался ни

пенни из десяти тысяч фунтов, положенных ему в качестве заработной платы, и предложил Эндину либо перевести эту сумму непосредственно со швейцарского счета последнего на швейцарский счет Шоннона, либо выслать эти деньги в бельгийский банк на имя Кейта Брауна.

Этим же вечером он отправил письмо с отчетом.

Уик-энд выдался свободным, поэтому он позвонил Джулии Мэнсон и предложил ей поужинать вместе. Она собиралась провести выходные дни в загородном особняке родителей, но сообщила им, что у нее изменились планы.

Она заехала за Шенноном в своей красной, похожей на почтовый ящик малолитражке МЖБ, сидя за рулем с вызывающе дерзким видом.

— Ты заказал нам где-нибудь столик? — спросила она.

— Да, а что?

— Поехали в одно из моих местечек, — предложила она. — Я познакомлю тебя кое с кем из своих друзей.

Шеннон покачал головой.

— Забудь об этом, — отрезал он. — Подобное со мной уже случалось. Я не хочу выглядеть весь вечер как диковинное животное из зоопарка и

отвечать на дурацкие вопросы, убивал я кого-то или нет. Меня тошнит от этого.

Джулия надула губки.

— Пожалуйста, Кот, дорогой.

— Нет.

— Послушай, я не скажу, кто ты и чем занимаешься. Это будет секретом. Пойдем. Никто тебя не узнает.

Шеннон начал уступать.

— При одном условии, — уточнил он. — Меня зовут Кейт Браун. Усвоила? Кейт Браун. И это все. Больше ты обо мне ничего не знаешь. Понятно?

Она захихикала.

— Великолепно! Замечательная идея. Человек-загадка! Ну что ж, поехали, мистер Кейт Браун.

Они направились в ресторан «Трэмпс». Ясно было, что там ее хорошо знают. Увидя их, управляющий Джонни Гоулд поднялся из-за своего стоящего у входа стола и с восторгом приветствовал Джулию, расцеловав ее в обе щеки. Девушка представила Шеннона, и они обменялись рукопожатием.

— Рад познакомиться с вами, мистер Браун. Желаю хорошо провести время.

Их место оказалось в длинном ряду столиков, расположенных параллельно бару. Ужин начал-

ся с фирменного омара и коктейлей, поданных в ананасах с вынутой мякотью. Сидя лицом к залу, Шеннон разглядывал публику. Большинство посетителей — длинноволосых и небрежно одетых — наверняка подвизались в шоу-бизнесе. Другие явно принадлежали к бизнесменам молодого поколения, пытаясь следовать духу времени и подцепить какую-нибудь манекенщицу или начинающую актрисочку. Среди последних он заметил знакомого человека, сидевшего в небольшой компании вне поля зрения Джулии.

После омара Шеннон заказал копченые колбаски с пюре и, извинившись, встал из-за стола. Он медленно прошел по залу и вышел в фойе, направляясь в мужской туалет. Через несколько секунд на его плечо легла рука и, обернувшись, он оказался лицом к лицу с Саймоном Эндином.

— Вы в своем уме? — раздраженно произнес бизнесмен.

— Думаю, что да. А в чем дело? — Шеннон смотрел на него с насмешливым удивлением, широко раскрыв невинные глаза.

Эндин чуть было не проговорился, но вовремя овладел собой. Его лицо побелело от гнева. Он прекрасно знал, как Мэнсон печется о своей якобы невинной доченьке. Нетрудно было дога-

даться, какая последует реакция, если сэр Джеймс узнает, что Шеннон встречается с ней, не говоря уж об интимной близости.

Эндин быстро просчитал ситуацию. Он предположил, что Шеннон по-прежнему не знает его настоящего имени и не подозревает о существовании Мэнсона. Отчитать его за то, что он ужинает в ресторане с девушкой по имени Джулия Мэнсон, значило показать свою озабоченность этим обстоятельством и, следовательно, привлечь внимание к боссу. Он не мог потребовать от Шеннона, чтобы тот оставил девушку в покое, опасаясь, как бы он не поинтересовался у Джулии, кто такой Эндин на самом деле. Он подавил в себе раздражение.

— Что вы здесь делаете? — процедил Эндин сквозь зубы.

— Ужинаю, — ответил Шеннон, по-прежнему стараясь выглядеть озадаченным. — Послушайте, Харрис, если я хочу пойти и поужинать, то, наверное, это мое личное дело. Уик-энд у меня свободный, а в понедельник я улетаю в Люксембург.

Эндин ощутил новый прилив гнева. Он не мог объяснить Шеннону, что дело здесь вовсе не в работе.

— Что это за девушка? — спросил бизнесмен.

Шеннон пожал плечами.

— Звать Джулия. Познакомился пару дней назад в кафе.

— Подцепили ее? — в ужасе воскликнул Эндин.

— Можно и так сказать. А что?

— Да ничего. Надо быть осторожнее с девушками, со всеми девушками… Было бы лучше, если бы вы на время забыли о них. Вот так.

— Харрис, умоляю, не надо беспокоиться о моей безопасности. Я всегда осторожен, даже в постели. Кроме того, я представился Кейтом Брауном. Занимаюсь нефтяным бизнесом, а в Лондоне провожу свободное время.

Прекратив разговор, Эндин повернулся и подозвал швейцара, попросив передать своей компании, что его срочно вызвали. Он быстро направился к выходу, опасаясь быть узнанным Джулией. Шеннон насмешливо посмотрел ему вслед.

— Всего доброго, — пробормотал он тихо. — Наилучшие пожелания дорогому сэру Джеймсу Мэнсону.

Выйдя из ресторана, Эндин клял все на свете. Он молил бога, чтобы Шеннон не соврал насчет

Кейта Брауна, а Джулия не рассказала отцу о своем новом приятеле.

Почти до трех часов ночи Шеннон с Джулией танцевали, а затем отправились к нему на квартиру. По дороге у них вспыхнула первая ссора. Шеннон попросил Джулию не говорить отцу о том, что она встречается с наемником и даже не упоминать его имени.

— Зная о нем из твоих рассказов, мне кажется, что он просто трясется над тобой. Твой папаша запросто может услать тебя куда-нибудь или даже учредить над тобой опеку[34].

В ответ девушка начала дразнить его, придав своему лицу решительное выражение и заявив, что в состоянии справиться со своим родителем, как это всегда было и будет впредь. А если скандал и возникнет, то это просто замечательно — ее имя попадет во все газеты. Кроме того, у Шеннона появится шанс вырвать ее с боем из рук недоброжелателей.

Шеннон далеко не был уверен, что это всего лишь шутка. Более того, он опасался, что зашел слишком далеко, провоцируя этим вечером Энди-

---

[34] Примечания: 34

В Англии совершеннолетие достигается в 21 год. До этого так называемый канцлерский суд может назначить опекунов, контролирующих поведение несовершеннолетнего.

на, хотя, конечно, не рассчитывал на это заранее. Добравшись до квартиры Шеннона, они все еще продолжали спорить.

— В любом случае я не из тех, кому указывают, что делать и чего не делать, — проговорила Джулия, сбрасывая пальто на кресло.

— В данном случае тебе придется послушаться, — глухо произнес Шеннон. — Ты будешь, черт тебя возьми, молчать насчет меня. И не иначе.

Вместо ответа девушка показала ему язык.

— Я буду делать только то, что захочу, черт меня возьми, — для убедительности она топнула ножкой.

Шеннон пришел в ярость. Он схватил девушку поперек пояса, донес до кресла и уселся в него, положив Джулию на колени очаровательной попкой кверху. В течение пяти минут в гостиной были слышны только шлепки и пронзительный протестующий визг девушки. Когда Шеннон ее отпустил, она, громко рыдая, стремглав бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

Шеннон пожал плечами. Так или иначе, дело сделано. Он прошел на кухню, сварил себе кофе и выпил его медленными глотками, стоя у окна.

Спальня, когда он туда вошел, была погружена в темноту. В дальнем конце двуспальной кровати

сжался маленький комочек. Не доносилось ни единого звука, как будто Джулия затаила дыхание. Сначала Шеннон задел ногой сброшенное на пол платье, а потом споткнулся о туфельки. Он присел на край кровати, и когда глаза привыкли к темноте, разглядел прижавшееся к подушке лицо Джулии с устремленными на него глазами.

— Ты отвратительный, — прошептала она.

Он склонился к ней и просунул руку под ее голову.

— Никто никогда не смел ударить меня.

— Вот поэтому ты такой и вышла, — пробормотал Шеннон.

— Какой такой?

— Маленький испорченной девчонкой.

— Нет, — затем последовала пауза. — Да.

Шеннон ласково погладил ее.

— Кот.

— Да.

— Ты правда думаешь, что папочка может отнять меня у тебя, если я расскажу ему?

— Да, я уверен.

— И ты думаешь, я действительно расскажу ему?

— Наверное, ты могла бы это сделать.

— И поэтому ты рассердился?

— Да.

— Значит ты отшлепал меня, потому что любишь?

— Видимо, так.

Она повернула голову, и он почувствовал, как ее язык коснулся его ладони.

— Иди ко мне, Кот, дорогой. Я не могу больше ждать.

Он не успел раздеться и до половины, как она, откинув прикрывавшую ее простыню, бросилась к нему на шею, шепча между поцелуями: «Скорее, скорее…»

«Ну, и лживая же ты сволочь, Шеннон», — подумал он, ложась на спину и ощущая, с каким нетерпением и жадностью Джулия набросилась на него.

Два часа спустя, когда на востоке начала заниматься заря, Шеннон, лежа подле притихшей Джулии, почувствовал, как сильно ему хочется курить. Девушка, свернувшись калачиком, отдыхала на его руке. Ее разнообразные аппетиты были на время удовлетворены.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она.

— Что?

— Почему ты так живешь? Почему стал наемником и затеваешь войны?

— Я не затеваю войн. Они рождаются в том мире, где мы живем. Их начинают люди, стремящиеся казаться образцами честности и неподкупности. На самом деле в большинстве своем это своекорыстные подонки. Именно они порождают войны, стремясь увеличить свои прибыли или добиться еще большей власти. Я лишь сражаюсь на этих войнах, потому что мне нравится такой образ жизни.

— Но почему за деньги? Ведь наемники сражаются за деньги, правда?

— Не только за деньги. Есть, конечно, мразь, которая не признает ничего, кроме денег. Но когда доходит до дела, они сматываются первыми. Лучшие сражаются по той же причине, что и я. Им нравится такая жизнь: трудности и лишения, романтика и риск сражений.

— Но почему обязательно войны? Почему нельзя жить в мире?

Он пошевелился и в темноте нахмурился.

— Потому что в этом мире есть только два типа людей: хищники и беззащитные твари. Первые всегда стремятся взять верх. Идя к цели, они готовы смести на своем пути любые препятствия. А вторым не хватает нахальства или смелости, честолюбия или жестокости. Поэтому в мире

властвуют хищники. А властители никогда не бывают удовлетворены. Они упорно рвутся вперед, желая обладать все большими ценностями, перед которыми преклоняются.

В коммунистическом мире — кстати, никогда не верь обманчивому миролюбию коммунистических руководителей, — такой ценностью является власть. Власть, власть, как можно больше власти — и неважно, сколько людей погибнет на пути к ней. В капиталистическом мире эта ценность — деньги. Как можно больше денег. Нефть, золото, акции — все больше и больше — пусть для достижения этих целей нужно лгать, красть и подкупать. Все это — деньги, а деньги — это власть. Так что все опять упирается во власть. Если для того, чтобы хапнуть еще больше, нужна война, то значит, будет война. А все остальное, так называемый идеализм — полнейшая чепуха.

— Но некоторые сражаются за идеалы. Например, Вьетконг. Я читала в газетах.

— Да, некоторые сражаются за идеалы, но девяносто девять процентов из них — обманутые простаки. Ты думаешь, что зеленые береты во Вьетнаме умирали за счастье и свободу? Да, они умирали и будут умирать за индекс Доу Джонса на Уолл-Стрит. А британские солдаты, которые

умирали в Кении, Адене, на Кипре, — неужели ты думаешь, что они гибли в боях за Бога, короля и Отечество? Они оказались там потому, что получили приказ от своего полковника, а он — от Военного министерства, а тому кабинет министров приказал охранять британские интересы. И никому нет дела до тех, кто навсегда остался там, где прошла британская армия. Это грандиозное надувательство, Джулия Мэнсон. Вот так. Я отличаюсь тем, что никто не приказывает мне: иди и сражайся. И никто не указывает, где сражаться и на чьей стороне. Из-за этого политики, истеблишмент так ненавидят наемников. Они не могут управлять нами. Мы не подчиняемся их приказам, не идем в бой и не стреляем по их команде. Не возвращаемся домой с их милостивого разрешения. Именно поэтому мы — отверженные. Мы сражаемся по контракту, который выбираем сами.

Джулия приподнялась и провела руками по его твердой, мускулистой груди и плечам. Она получила традиционное воспитание и никогда не пыталась взглянуть на окружающий мир другими глазами.

— А как же тогда войны, которые ведутся за правое дело? — спросила она. — Например, про-

тив Гитлера. Это же была справедливая война?

Шеннон вздохнул и кивнул.

— Да, это была справедливая война. Конечно, он был сволочью. Не считая того, что промышленники Запада дали ему сталь, чтобы он смог развязать войну, а затем заработали состояния, произведя еще больше стали, способной сокрушить сталь Гитлера.

— Но мы же победили! Мы сражались за правое дело и победили.

— Мы победили, малышка, потому что у России, Америки и Британии оказалось больше ружей, танков, самолетов и кораблей, чем у Адольфа. Поэтому и только поэтому. Если бы у Гитлера было больше оружия, победил бы он. И знаешь, что тогда было бы? Его, а не наше дело было бы правым — такова история. Прав всегда победитель. Однажды мне довелось слышать одно меткое изречение: «Бог с тем, кто сильнее». В этих словах суть морали тех, в чьих руках богатство и власть.

— Да ты мятежник, Кот, — прошептала Джулия.

— Конечно, и был им всегда. Нет, не всегда, с тех пор, как похоронил шестерых своих товарищей на Кипре. Вот тогда я задался вопросом о мудро-

сти и порядочности всех наших правителей.

— Но, убивая людей, ты и сам можешь погибнуть на одной из этих никчемных войн.

— Да, конечно, я мог бы вести никчемную жизнь в одном из этих никчемных городов. Заполнять бесконечные никчемные бумажки и аккуратно платить никчемные налоги. Получать никчемное жалованье на никому не нужной работе и каждый вечер спешить в свой никчемный дом. И так до пенсии, пока не превратишься в никчемного старика. Нет… Я предпочитаю и жить по-другому, и умереть по-другому.

— Ты разве думаешь когда-нибудь о смерти? — спросила она.

— Часто. А ты — нет?

— Думаю. Но я не хочу умирать и не хочу, чтобы умирал ты.

— Смерть не такая уж плохая штука. Ты привыкаешь к мысли о ней, если не раз она подступала слишком близко и, оскалившись, проходила мимо. Послушай-ка меня. На днях я разбирал ящики в шкафу, здесь в квартире. В одном оказалось несколько старых газет годичной давности. Случайно мне на глаза попалась одна заметка. Речь там шла об одном старике, слышишь? Он жил один в подвале. Однажды его нашли мертвым.

После того как он умер прошла примерно неделя. Судебному следователю рассказали, что его никто не навещал, а сам он почти не мог передвигаться. Патологоанатом сообщил, что старик недоедал по крайней мере год. Знаешь, что обнаружили в его гортани при вскрытии? Кусочки картона. Он ел маленькими кусочками картон от коробок из-под продуктов. Ничего другого у него не было. Со мной так не будет, детка. Я покину этот мир по-своему. Предпочитаю умереть с пулей в груди, с хлещущей из горла кровью, сжимая в руках оружие; с восторженным криком: «Прими меня, Земля!», а не медленно подыхать в сыром подвале с забитой картоном глоткой. Ладно, любовь моя, давай спать, почти светает.

Глава 11

Шеннон прибыл в Люксембургский аэропорт в начале второго следующего понедельника и взял такси, чтобы добраться до «Банк де Кредит». Там, предъявив паспорт, он представился Кейтом Брауном и осведомился насчет пяти тысяч фунтов, которые должны были перевести на его имя.

После некоторой задержки, потребовавшейся, чтобы проверить полученные телексы, ему открыли кредит. Распоряжение об этом только что поступило из Цюриха. Шеннон не стал забирать всю сумму наличными, а взял тысячу фунтов в люксембургских франках, оставив остальные на своем счету. Заполнив соответствующий бланк, он получил чек на сумму четыре тысячи фунтов.

У него еще нашлось время пообедать, прежде чем направиться в Хогштраат, где была назначена встреча в юридической фирме «Ланг и Штейн».

Люксембург, так же как Бельгия и Лихтенштейн, предлагает целую систему скрытых и порою тайных услуг компаниям, операции которых желательно держать подальше от длинного носа иностранной полиции. Даже если зареги-

стрированная в Люксембурге компания явно нарушает законы эрцгерцогства или оказывается вовлеченной в весьма неблаговидную и незаконную международную деятельность, попытки иностранной полиции узнать, кто владеет или имеет контроль над подобной компанией, будут наталкиваться на упорный отказ в сотрудничестве. Именно это и нужно было Шеннону.

О своей встрече с господином Эмилем Штейном, одним из партнеров фирмы, имеющей весьма высокую репутацию, он договорился три дня назад по телефону. По этому случаю Шеннон был одет в недавно купленный костюм цвета маренго, белую рубашку и узкий галстук. В одной руке он держал портфель, в другой — номер «Таймс». Уж так повелось, что если у англичанина в руках была эта газета, то он производил на европейцев впечатление респектабельного бизнесмена.

— В течение нескольких ближайших месяцев, — говорил Шеннон седовласому люксембуржцу, — группа британских компаньонов, которую я представляю, планирует начать коммерческую деятельность в районе Средиземноморья — возможно, Испания, Франция и Италия. С этой целью мы хотели бы учредить в Люксембурге холдинговую компанию. Как вы по-

нимаете, быть британским гражданином и вести дела в нескольких европейских странах, имеющих разное финансовое законодательство, может оказаться весьма затруднительным. Даже из-за одних налогов представляется более разумным иметь холдинговую компанию в Люксембурге.

Господин Штейн кивнул. Просьба казалась самой обычной. Подобных компаний в этой маленькой стране было зарегистрировано уже порядком, и с такими просьбами к его фирме обращались ежедневно.

— Здесь вряд ли могут возникнуть проблемы, мистер Браун, — сказал он посетителю. — Но, конечно, вы знаете, что все должно делаться в соответствии с законами эрцгерцогства Люксембургского. Будучи зарегистрированной, холдинговая компания имеет право владеть акциями любых компаний, а все ее операции останутся полностью конфиденциальными.

— Вы очень добры. Может быть, вы расскажете, что необходимо для учреждения такой компании в Люксембурге, — попросил Шеннон.

Очень быстро юрист обрисовал ему ситуацию.

— В отличие от Британии, в Люксембурге все компании с ограниченной ответственностью должны иметь минимум семь акционеров и трех

директоров. Однако, очень часто юриста просят помочь зарегистрировать компанию, в которой акционерами становятся сам председатель и члены совета, а также сотрудники компании, причем каждый из них имеет чисто номинальное количество акций. Таким образом, лицо, желающее основать компанию, может быть просто седьмым акционером, хотя, по сути, владея наибольшим числом акций, он будет контролировать компанию.

Акции и имена их владельцев регистрируются обычным образом, но в случае выпуска акций на предъявителя регистрация личности владельца контрольного пакета не является обязательной. В том-то здесь и загвоздка. У кого необходимое большинство акций, тот и контролирует компанию. Если акции будут потеряны или украдены, новый владелец автоматически получает права на компанию, не нуждаясь в объяснении того, как попали к нему акции. Вы понимаете, мистер Браун?

Шеннон кивнул. Именно такая компания и требовалась, чтобы под ее прикрытием Землер мог купить судно.

— Холдинговая компания, — говорил господин Штейн, — как следует из самого названия, может

не заниматься торговлей или производством. Достаточно владеть акциями других компаний. Ваши партнеры имеют такие акции и хотели бы передать их в Люксембург?

— Пока нет. Мы рассчитываем приобретать уже существующие компании в интересующем нас регионе или основывать новые компании с ограниченной ответственностью, а затем передавать контрольные пакеты акций на хранение в Люксембург.

Примерно через час все было оговорено. Шеннон предъявил господину Штейну свой банковский чек на четыре тысячи фунтов, чтобы подтвердить свою платежеспособность, и внес пятьсот фунтов наличными.

Господин Штейн обещал тотчас же приступить к утверждению и регистрации компании, получившей название «Тирон Холдинге СА», после того, как такого названия не оказалось в обширном списке уже зарегистрированных компаний. Общий акционерный капитал будет составлять сорок тысяч фунтов, причем сразу же выпустят лишь тысячу акций на предъявителя стоимостью один фунт каждая. Одну акцию и пост председателя совета директоров получит господин Штейн; еще по одной достанется госпо-

дину Лангу и младшему партнеру их фирмы. Эти трое образуют совет директоров. Также по одной акции получат трое служащих фирмы, которых впоследствии назначат секретарями новой компании. Остальные девятьсот девяносто четыре акции будут принадлежать мистеру Брауну, контролирующему, таким образом, компанию. Совету директоров останется только воплощать в жизнь его решения.

Общее собрание акционеров для организации новой компании решили провести через двенадцать дней или же тогда, когда мистер Браун сможет лично присутствовать на нем, о чем сообщит письмом.

До закрытия банка Шеннон успел вернуть чек и перевести четыре тысячи фунтов на счет в Брюгге. Он снял номер в «Эксельсиоре» и, заранее заказав билет на утренний рейс в Гамбург, позвонил из отеля, подтвердив заказ. Теперь ему предстояло заняться оружием.

Торговля смертоносным оружием является наиболее прибыльным делом после торговли наркотиками, и нет ничего удивительного, что многие правительства активно в ней участвуют. С 1945 года темпы производства оружия постоянно возрастали, — это стало делом национального

престижа, — и к началу семидесятых годов на планете насчитывалось по одному стволу на каждого жителя, включая женщин и детей. Чтобы сохранять существующие темпы, нужно было либо экспортировать оружие, либо затевать новые войны, либо делать и то и другое. Мало кому хотелось воевать, но еще меньше было тех, кому хотелось лишиться прибыли, поэтому все большее значение стал приобретать экспорт оружия. По всему миру рыскают представители могучих держав в поисках тех, кому можно выгодно сбыть свой разрушительный товар.

Продавцов не заботит, что, например, в странах Африки девяносто процентов вооружения используют вовсе не для защиты своей страны от внешней агрессии, а для того, чтобы правящий диктатор мог держать население в страхе и повиновении. Торгующие оружием западные державы вели обычную конкурентную борьбу в погоне за большими прибылями, но с приходом в эту сферу деятельности России и Китая в экономическую конкуренцию был привнесен политический фактор.

Погоня за прибылью и одновременно учет политических интересов основательно заморочили головы ответственным чиновникам в главных

столицах мира. Одна держава продает оружие республике А, но только не Б. Тогда враждебное государство будет непременно продавать оружие Б, а не А. Устанавливается так называемый баланс сил, и тем самым сохраняется мир. Жажда прибыли никогда не отходит на второй план, но начинает сдерживаться политическими соображениями, и между ведомствами иностранных дел и военными возникают самые тесные связи.

Создать местную промышленность по производству оружия не так уж трудно. Особенно просто изготовить винтовки и автоматы, патроны к ним, а также ручные гранаты и пистолеты. Требования к уровню технологии, развитию промышленности и сырью не столь высоки. Но небольшие страны обычно покупают готовое оружие у более крупных, поскольку их внутренние потребности слишком малы, чтобы оправдать создание необходимых производств, и кроме того, они осознают, что присущий им технический уровень не оставляет шансов на экспорт изготовленного оружия.

Тем не менее, все больше средних стран за последние двадцать лет начали усиленно развивать свое собственное производство вооружения. Естественно, чем сложнее становится оружие,

тем меньше круг государств, его производящих. Довольно просто изготовить ручное оружие, труднее — артиллерию, броневики и танки, очень трудно создать кораблестроительную индустрию для производства современных военных кораблей. Наконец, самое сложное — это выпуск реактивных истребителей и бомбардировщиков.

В западном мире основными производителями и экспортерами вооружения являются Соединенные Штаты, Канада, Британия, Франция, Италия, Западная Германия (с некоторыми ограничениями в соответствии с Парижским соглашением 1954 года), Швеция, Швейцария, Испания, Израиль и Южная Африка. Хотя Швеция и Швейцария — нейтральные государства, они все же производят и экспортируют прекрасное оружие. А Израиль и Южная Африка создали свою военную промышленность для удовлетворения собственных нужд, не желая в чрезвычайных ситуациях от кого-либо зависеть, и экспортируют производимое оружие в весьма небольших количествах. Все остальные — это страны НАТО, связанные общей политикой в области безопасности и в значительной степени согласовывающие свои действия в отношении торговли вооружением. Любая заявка на покупку оружия у одной из них

обыкновенно подвергается внимательному изучению, прежде чем дается разрешение, и сделка осуществляется. Более того, страна-покупатель подписывает письменное обязательство не передавать купленное оружие третьей стороне без разрешения на то страны-продавца. Другими словами, возникает множество проблем, прежде чем в первую очередь Министерства иностранных дел, а не военные ведомства дадут согласие на продажу. Заключение соответствующих сделок почти всегда осуществляется на правительственном уровне.

В коммунистических странах вооружение в значительной степени стандартизовано и в основном поставляется Россией и Чехословакией. Недавно заявивший о себе Китай производит достаточно хорошее оружие, пригодное для обоснованных маоистской теорией партизанских войн. В отношении продажи оружия коммунистические страны проводят совершенно иную политику. Первостепенным фактором являются не деньги, а политическое влияние. Многие поставки советского вооружения осуществляются как подарки, имеющие целью снискать расположение того или иного режима, а не как коммерческие сделки. Убежденные, что власть

тем крепче, чем большим числом стволов она поддерживается, коммунистические страны продают оружие не только правительствам суверенных государств, но и различным «освободительным» организациям, к которым они благосклонно относятся. И опять в большинстве случаев это не коммерческие поставки, а подарки. Таким образом, почти в любом месте мира коммунистические, марксистские, левоэкстремистские и революционные движения могут быть полностью уверены, что долго искать военное снаряжение для ведения партизанских войн им не придется.

Некоторое промежуточное положение занимают Швеция и Швейцария, предъявляя свои собственные требования к тем, кому они продают оружие и таким образом ограничивая экспорт вооружения в соответствии со своими нравственными принципами. Больше никто торговлей оружием не занимается.

В условиях, когда русские продают или передают военное снаряжение из контролируемого правительством источника в руки неправительственных организаций, а Запад не склонен так поступать, на сцене появляются частные дилеры. Это бизнесмены, которые могут слу-

жить источником оружия для тех, кто стремится его приобрести. Чтобы заниматься этим делом, частный дилер должен установить официальные отношения с военным ведомством своей страны. В противном случае военное ведомство само позаботится о его бизнесе, так что строго придерживаться правил — в собственных интересах дилера. Во-первых, именно там он обычно производит свои закупки, которые, в случае недовольства дилером, могут быть основательно урезаны. А кроме того, у правительства есть немало менее приятных способов покончить с его бизнесом.

Таким образом, имеющий лицензию и как правило проживающий в своей родной стране дилер продает вооружение только после получения согласия со стороны правительства. Подобными дилерами обыкновенно являются крупные компании.

Но это самый высокий уровень частного предпринимательства в военном бизнесе. Ниже плавает уже более сомнительная рыбка. Дилеры следующего уровня не имеют собственных складов с оружием, но обладают лицензией на право заключения сделок от лица крупной — часто государственной или контролируемой государ-

ством — компании. Такой дилер договаривается о сделке и получает свои комиссионные. Лицензия дается ему государством и целиком зависит от того, насколько тот соблюдает оговоренные правила. Конечно, некоторые дилеры порой проворачивают незаконные сделки, но мало кому удается остаться безнаказанным.

В самом низу копошатся дельцы черного рынка. Они действуют на свой страх и риск, не имея никаких лицензий, и поэтому не могут на законных основаниях располагать какими-либо запасами оружия. Их бизнес основывается на той заинтересованности, которую проявляют тайные покупатели — отдельные лица или организации, не имеющие правительственных санкций на приобретение оружия; те, кому Запад по политическим или моральным соображениям не считает возможным продавать вооружение; и те, кто не может убедить коммунистов иметь с ними дело по идеологическим соображениям, но все же нуждается в военном снаряжении.

При заключении сделки о купле-продаже оружия самым важным документом является сертификат конечного пользователя, который удостоверяет, что покупка оружия произведена им или от его лица. Почти без исключения во

всем западном мире конечным пользователем должно являться правительство суверенного государства. Вопрос о сертификате конечного пользователя не поднимается только в случае поставок оружия секретными службами каким-либо группировкам или при заключении сделок на черном рынке. Примерами первого являются вооружение ЦРУ кубинских антиреволюционеров, действовавших в Заливе Свиней, а также снабжение оружием тем же ЦРУ наемников в Конго.

Пример второго — поставки в Ирландию из различных американских и европейских частных источников оружия для ИРА.

Сертификат конечного пользователя, являясь международным документом, не имеет определенной формы или содержания. Это просто письменное свидетельство, данное предъявителю каким-либо национальным правительством в том, что он в качестве дилера уполномочен обратиться к правительству страны-поставщика за разрешением на покупку и экспорт определенной партии оружия. Важным моментом в отношении сертификата конечного пользователя является то, что некоторые страны производят самую тщательную проверку его подлинности;

другие же действуют по принципу «нет вопросов». И конечно, как и всякий другой документ, сертификат конечного пользователя может быть подделан. Именно в этот мир с оглядкой вошел Шеннон, прилетев в Гамбург.

Он прекрасно знал, что обращаться за разрешением на покупку оружия к любому европейскому правительству бесполезно. Ясно, что и коммунистические правительства не раздобрились бы на оружие для него; реакция на планы Шеннона в отношении президента Кимбы была бы прямо противоположная. К тому же любая откровенная просьба, очевидно, привела бы к провалу всей операции.

По тем же причинам он не мог обратиться ни к одному из ведущих государственных предприятий по производству оружия, например, такому как бельгийское «Фабрик Националь», ибо подобная просьба была бы немедленно передана в правительственные органы. Столь же недоступны были для него крупные частные дилерские фирмы типа «Когсвелл и Харрисон» в Лондоне или «Паркер Хейл» в Бирмингеме. С таким же успехом можно было бы вычеркнуть из списка фирмы «Бофоре» в Швеции, «Орликон» в Швейцарии, «СЕТМЕ» в Испании, «Вернер и Ко»

в Германии, «Омнипол» в Чехословакии и «Фиат» в Италии.

Кроме того, следовало учитывать определенные особенности, связанные с требованиями Шеннона. Сумма, которую он предполагал потратить, была слишком мала, чтобы заинтересовать солидных дилеров, имеющих законные лицензии и привыкших ворочать миллионами. Вряд ли с ним стали бы иметь дело такие люди, как бывший король частных торговцев оружием Сэм Каммингс из компании «Интерамко», который лет двадцать после войны правил своей империей из роскошного офиса в Монако, а теперь отдыхал от дел; доктор Штракати из Вены, имеющий лицензию от пражской фирмы «Омнипол»; доктор Ланген-штейн в Мюнхене, доктор Перетти в Риме и господин Каммсрмундт в Брюсселе.

Шеннону требовались люди рангом пониже, имеющие дело с меньшими суммами и небольшими партиями оружия. Он знал таких людей: в Германии — Гюнтер Лейнхаузер, бывший помощник Каммингса, в Париже — Пьер Лоре, Морис Херц и Поль Фавье. Но по размышлении он все же решил обратиться к двум дельцам из Гамбурга.

Затруднение, связанное с необходимой ему

партией оружия, заключалось в том, что, даже не обладая профессиональным военным мышлением, можно было догадаться: оружие требуется для проведения одной операции, которая заключается в быстром захвате единственого объекта. За подобным заказом не могло стоять ни одно военное министерство, пусть даже очень небольшого государства. Поэтому Шеннон решил разделить партию на еще меньшие части, соответствующие тому, что он рассчитывал получить у каждого из дилеров. Заказать всю партию сразу значило бы создать опасность утечки информации.

От одного из людей, с которыми Шеннон собирался встретиться, ему требовалось четыреста тысяч стандартных патронов калибра 9 мм, подходящих к автоматическим пистолетам, а также карабинам. Для черного рынка такая партия была слишком велика, к тому же не удалось бы обойтись без изощренной контрабандной операции, чтобы переправить груз на борт судна. Но такое количество боеприпасов вполне могло понадобиться для пополнения запаса патронов полиции небольшой страны и не вызывало подозрений, поскольку в партии груза не было самого оружия, к которому подходили эти патроны.

Шеннону требовался имеющий лицензию ди-

лер, чтобы незаметно протолкнуть подобный мелкий заказ в пакете других, более крупных. Кроме того, ему нужен был дилер, который согласился бы иметь дело с поддельным сертификатом конечного пользователя. Здесь важно было знать страну, где не станут придираться к сертификату и задавать лишних вопросов.

Не более чем четыре года назад такой страной была Чехословакия, правительство которой, хотя и коммунистическое, хранило старые традиции: продавать оружие всем желающим. Еще четыре года назад можно было отправиться в Прагу с набитым долларами портфелем, прийти в штаб-квартиру «Омнипол», выбрать понравившееся боевое снаряжение и уже через несколько часов улететь с грузом на борту зафрахтованного самолета. Но после советского вторжения в 1968 году на все наложил лапу КГБ, который стал задавать слишком много вопросов.

Двумя другими странами, пользующимися репутацией не особо любопытных в отношении предъявленных им сертификатов конечного пользователя, являлись Испания и Югославия. Испания традиционно была заинтересована в притоке иностранной валюты, а ее заводы компании «СЕТМЕ» изготовляли широкий ассортимент

оружия, которое Военное министерство Испании продавало практически всем желающим.

Югославия начала заниматься производством собственного вооружения всего лишь несколько лет назад и вскоре полностью оснастила свои вооруженные силы. Дальше началось перепроизводство и, следовательно, возникла потребность в экспорте. Впервые выйдя на рынок с еще не зарекомендовавшим себя товаром и испытывая острую нужду в иностранной валюте, Югославия предпочла следовать принципу: «Не хочешь, чтобы тебе врали — не задавай лишних вопросов». Она изготовляла хорошие минометы и базуки, последние по типу чешских РПГ-7.

Исходя из этого, Шеннон рассчитывал, что дилер сможет договориться с Белградом о продаже небольшой партии этого оружия: двух минометов калибра 60 мм и ста мин, а также двух базук и к ним — сорока ракет. Объяснением столь необычного заказа могло служить желание клиента познакомиться с новым для него оружием, провести несколько испытаний, а затем, возможно, уже сделать солидную заявку.

С первым заказом Шеннон намеревался обратиться к дилеру, обладающему лицензией на торговлю с компанией «СЕТМЕ» в Мадриде и не

брезгующему иметь дело с фальшивыми сертификатами конечного пользователя. В отношении второго заказа у него были виды еще на одного человека в Гамбурге, который с самых первых дней способствовал Югославии в вывозе оружия на рынок и имел там прочные связи, хотя соответствующая лицензия у него отсутствовала.

Прибыв в Гамбург, Шеннон заскочил в «Ландесбанк» и узнал, что предназначенные для него пять тысяч фунтов уже находились там. Он взял всю сумму в виде выписанного на его имя банковского чека и направился в отель «Атлантик», где заказал себе номер. Порядком устав, он рано поужинал и лег спать.

Иоганн Шлинкер — маленький, кругленький и живой мужчина, — принял Шеннона в своем небольшом и скромном офисе на следующее утро. Глаза его светились таким дружелюбием и гостеприимством, что не более чем через десять секунд Шеннон понял: с этим человеком надо держать ухо востро.

Он поблагодарил дилера за согласие встретиться с ним и, чтобы удостоверить свою личность, предъявил паспорт на имя Кейта Брауна. Немец мельком проглядел его и вернул обратно.

— И что вас привело ко мне? — спросил Шлин-

кер.

— Мне рекомендовали вас, герр Шлинкер, как бизнесмена, пользующегося высокой репутацией в торговле военным и полицейским снаряжением.

Немец улыбнулся и кивнул, но к лести остался совершенно безразличен.

— Могу я узнать, кто именно?

Шеннон назвал имя одного человека, работающего на французскую секретную службу. В свое время они познакомились в Африке, а не так давно встречались в Париже, вспоминая горячие деньки. Неделю назад Шеннон позвонил ему снова, и он действительно рекомендовал Шлинкера как человека, способного достать нужный товар. Шеннон предупредил своего знакомого, что будет пользоваться именем Брауна.

Шлинкер приподнял бровь.

— Прошу прощения, одну минутку, — произнес он и вышел из комнаты. Через стену донесся стрекот телекса. Улыбаясь, немец вернулся через полчаса.

— Мне необходимо было связаться с Парижем, — коротко объяснил он. — Прошу вас, продолжайте.

Шеннон отлично понял, что тот послал телекс

своему партнеру в Париж с просьбой связаться с французским агентом и подтвердить слова Кейта Брауна. Очевидно, только что подтверждение пришло.

— Мне требуются боеприпасы калибра 9 мм, — заявил Шеннон напрямик. — Заказ невелик, но дело в том, что он нужен группе людей в Африке. Если у них все пойдет как надо, то в будущем предстоят более крупные закупки.

— Сколько? — спросил Шлинкер.

— Четыреста тысяч патронов.

— Немного, — скорчив недовольную мину, отозвался немец.

— Что поделаешь, таков мой бюджет. Однако есть надежда, что в дальнейшем дело расширится.

Шлинкер кивнул. Так случалось и раньше. Обычно первый заказ бывал небольшим.

— А почему обратились к вам? Вы же не торгуете оружием или боеприпасами.

— Меня наняли в качестве технического советника по всем военным вопросам. Когда встала проблема поставки боеприпасов, меня попросили этим заняться, — объяснил Шеннон.

— И сертификата конечного пользователя у вас нет? — уточнил немец.

— Боюсь, что нет. Я надеялся, что это можно будет устроить.

— Да, конечно, — произнес Шлинкер. — Это не так трудно. Займет больше времени и дороже обойдется, но все в наших силах. То, что вам нужно, есть на моих складах в Вене. В этом случае обошлись бы без сертификата конечного пользователя. Или же раздобудем необходимый документ и начнем действовать по легальным каналам.

— Я бы предпочел последнее, — сказал Шеннон. — Доставка планируется морем. Было бы опасно пытаться незаконно доставить такое количество патронов через Австрию в Италию, где будет производиться погрузка на судно. Если груз перехватят, можно довольно надолго загреметь в тюрьму. Кроме того, могут установить, что товар идет с ваших складов.

Шлинкер улыбнулся. Он знал, что лично ему это ничем не грозит, но насчет пограничного контроля Шеннон был прав. Недавно возникшая угроза, исходящая от террористической организации «Черный сентябрь», заставила Австрию, Германию и Италию уделять самое пристальное внимание подозрительным грузам, идущим через их границы.

Со своей стороны, Шеннон не доверял Шлинкеру и не мог позволить тому послать груз, а на следующий день выдать его властям. При наличии фальшивого сертификата конечного пользователя немцу придется выполнять условия сделки, потому что именно он и представит этот сертификат властям.

— Думаю, что вы правы, — наконец выговорил Шлинкер. — Прекрасно. Я могу предложить вам стандартные патроны калибра 9 мм по шестьдесят пять долларов за тысячу штук. Кроме того, вы доплатите десять процентов за сертификат и еще десять процентов за «франко-борт судна»[35].

Шеннон торопливо считал. Условие «франко-борт судна» избавляло его от многих хлопот. Стоимость составит двадцать шесть тысяч долларов за боеприпасы плюс пять тысяч двести долларов — доплата.

— Как будут производиться платежи? — спросил он.

— Прежде чем начать действовать, мне потребуется пять тысяч двести долларов наличными, — ответил Шлинкер. — Этого должно хватить

---

[35] Примечания: 35

Условие внешнеторгового контракта, означающее, что транспортные, страховые и погрузочные расходы вплоть до завершения погрузки товара на борт судна несет экспортер.

на сертификат, а также на поездки персонала и другие административные расходы. Полная стоимость покупки должна быть оплачена здесь, в этом кабинете, когда я смогу вам предъявить сертификат, но до самой покупки. Как имеющий лицензию дилер, я буду осуществлять сделку от имени моего клиента, то есть указанного в сертификате правительства. После приобретения товара продавшее его правительство вряд ли захочет забрать все обратно и вернуть деньги. Поэтому мне придется заплатить вперед. Кроме того, мне потребуется название судна, чтобы заполнить разрешение на экспорт. Это судно должно принадлежать зарегистрированной транспортной компании.

Шеннон кивнул. Условия его устраивали.

— Сколько времени пройдет с момента получения денег до отгрузки товара? — спросил он.

— Мадрид в этих делах не торопится. Но самое большее — сорок дней, — ответил немец.

Шеннон поднялся. Он предъявил Шлинкеру банковский чек, доказывающий его платежеспособность, и обещал вернуться через час, имея при себе пять тысяч наличными в долларах США или эквивалентную сумму в немецких марках. Шлинкер предпочел марки и по возвращении

Шеннона вручил тому стандартную расписку на полученную сумму.

Пока Шлинкер писал расписку, Шеннон пролистал несколько брошюр, лежащих на журнальном столике. В них перечислялась продукция, продаваемая другой компанией, явно специализирующейся в различных пиротехнических товарах, которые нельзя было отнести в разряд военных средств, а также в оснащении, используемом охранниками, включая полицейские дубинки, «уоки-токи»[36], газовые баллоны и гранаты, сигнальные и осветительные ракеты и тому подобное.

Когда немец передал Шеннону расписку, тот спросил:

— Вы сотрудничаете с этой компанией, герр Шлинкер?

Шлинкер довольно улыбнулся.

— Я владею этой компанией. Широкой публике я известен именно этим.

«Чертовски хорошее прикрытие, чтобы хранить на своих складах ящики с надписью „Осторожно, взрывоопасно!“», — подумал Шеннон. Но заинтересовался и, быстро составив список,

---

[36] Примечания: 36

Миниатюрные радиостанции, обычно используемые полицией и т. п.

показал его Шлинкеру.

— Могли бы вы выполнить этот заказ на экспорт? — спросил Шеннон.

Немец просмотрел список. Он включал в себя две трубчатые пусковые установки для осветительных ракет, используемых береговой охраной, десять осветительных ракет с магниевым зарядом максимальной интенсивности и длительности, снабженных парашютами, два морских ревуна, четыре бинокля ночного видения, три «уоки-токи» с фиксированной настройкой, имеющие диапазон действия не более пяти миль, и пять наручных компасов.

— Безусловно. Все это есть на моих складах.

— Я бы хотел сделать заказ в соответствии с данным списком. Поскольку все это не относится к военному снаряжению, то, думаю, проблем с экспортом не будет.

— Никаких. Я могу отправить этот товар, когда угодно и куда угодно, в частности — на судно.

— Хорошо, — произнес Шеннон. — Сколько будет стоить отправка всей этой партии в Марсель моему агенту по экспорту?

Шлинкер сверился с каталогом и прейскурантом, добавив десять процентов за доставку.

— Четыре тысячи восемьсот долларов, — поды-

тожил он.

— Я свяжусь с вами через двенадцать дней, — сказал Шеннон. — Пожалуйста, подготовьте всю партию для отгрузки. Я дам вам имя моего агента в Марселе и перешлю чек на четыре тысячи восемьсот долларов. Через тридцать дней я рассчитываю передать вам оставшиеся двадцать шесть тысяч на боеприпасы и скажу название судна.

Вторая встреча состоялась у Шеннона за ужином в отеле «Атлантик». Алан Бейкер был эмигрантом из Канады, осевшим в Германии после войны и женившимся на немецкой девушке. Во время войны он служил в инженерных войсках Ее Величества, а затем занялся контрабандными операциями на границе с Советской зоной, переправляя нейлоновые шмотки, часы и беженцев. Постепенно он перешел к снабжению оружием многочисленных мелких банд националистов и антикоммунистов, так и не угомонившихся после войны. Если раньше они вели борьбу с фашистами, то теперь оказывали сопротивление коммунистам в Центральной и Восточной Европе.

Большинство из них финансировались американцами, и Бейкер, используя свое знание

немецкого, а также опыт диверсионной деятельности, снабжал их оружием, получая за труды изрядное вознаграждение. Когда с этими группировками наконец было покончено, он оказался в Танжере, применяя свои таланты на ниве контрабанды парфюмерии и сигарет в Италию и Испанию из этого международного и свободного порта на северном побережье Марокко. В борьбе между соперничающими бандами его судно было потоплено, и он вернулся в Германию, занявшись махинациями с оружием. Последним делом, которое он провернул, была поставка оружия югославского производства баскам в северную Испанию.

С Шенноном они познакомились, когда Бейкер переправлял винтовки в Эфиопию. Тогда Карло оказался не у дел, вернувшись в апреле 1968 года из Букаву. Бейкер знал его под настоящим именем.

— Да, все это можно будет сделать, — сказал он, спокойно выслушав Шеннона. — Югославам понравится идея о том, что новый клиент хочет опробовать два миномета и две базуки, прежде чем сделать крупный заказ. Это правдоподобно. Мне нетрудно получить у них нужный товар. Отношения с Белградом у меня прекрасные. И

действуют они быстро. Но вынужден признаться, что в данный момент существуют некоторые затруднения.

— В чем дело?

— Сертификат конечного пользователя. Был у меня свой человек в Бонне, дипломат из одной восточноафриканской страны. Если ему заплатить, да в придачу устроить вечеринку с несколькими симпатичными крупными немецкими девочками в его вкусе, он мог подписать все что угодно. Но две недели назад его отозвали. Замены я пока не нашел.

— А что, югославы так придирчивы насчет этих сертификатов?

— Отнюдь, — Бейкер покачал головой. — Если документы в порядке, никаких дальнейших проверок они не делают. Но сертификат нужен, и на нем должна стоять настоящая государственная печать. Они не могут позволить себе быть совсем недобросовестными.

Шеннон на секунду задумался. Он знал одного человека в Париже, который как-то обмолвился, что имеет связи в некотором посольстве и может достать сертификат конечного пользователя.

— А если я достану сертификат, настоящий, из одной африканской страны? Это подойдет? —

спросил он.

Бейкер затянулся сигарой.

— Тогда все в порядке, — удовлетворенно проговорил он. — Теперь насчет цены. Миномет калибра 60 мм будет стоить тысячу сто долларов каждый, значит, две двести за пару. Мины — по двадцать четыре доллара за штуку. Все же с твоим заказом есть проблема — слишком мала сумма. Ты не мог бы увеличить число мин с сотни, скажет, до трехсот? Это упростило было дело. Даже для испытаний ста мин кажется маловато.

— Ладно, — согласился Шеннон. — Я возьму триста, но не больше. Иначе я выйду за пределы бюджета и, соответственно, получу меньше вознаграждения.

Конечно, вознаграждение затронуто бы не было, ибо он предусмотрел определенный резервный запас. Но он знал, что Бейкер сочтет этот аргумент окончательным.

— Хорошо, — сдался Бейкер. — Итак, семь тысяч двести долларов за мины. Одна базука стоит тысячу долларов, две тысячи за пару. Ракеты — сорок два доллара пятьдесят центов каждая. Значит, сорок потянут на… Сейчас посчитаем…

— Тысяча семьсот долларов, — подсказал Шеннон. — Вся партия — тринадцать тысяч сто

долларов.

— Плюс десять процентов за «франко-борт судна», Кот. Без сертификата конечного пользователя. Если бы я смог достать его для тебя, было бы двадцать процентов. Суди сам: заказ мелкий, а мои расходы остаются теми же. За такой заказ нужно было бы содрать с тебя пятнадцать процентов. Ну, да ладно, пусть остается четырнадцать тысяч четыреста долларов. Скажем, четырнадцать с половиной?

— Скажем, четырнадцать четыреста, — поставил точку Шеннон. — Я получу сертификат и вышлю его тебе вместе с пятьюдесятью процентами суммы. Еще двадцать пять получишь, когда увижу, что товар готов к отправке, и последние двадцать пять — когда он будет на корабле. Туристские чеки в долларах, идет?

Бейкер предпочел бы получить авансом побольше, но он не имел лицензии, поэтому у него не было конторы, складов и юридического адреса, в отличие от Шлинкера. Он действовал как брокер, пользуясь услугами знакомого дилера, который осуществлял покупки от его имени. Оставаясь дельцом черного рынка, он был вынужден согласиться на меньшее вознаграждение и меньший аванс.

Один из старейших трюков в этом деле заключался в том, чтобы пообещать выполнить заказ на покупку оружия, произвести самое благоприятное впечатление, убедив клиента в своей совершенной порядочности, получить максимальный аванс и исчезнуть с деньгами навсегда. Многие из тех, кто искал в Европе оружие, могли бы рассказать подобные истории, случившиеся с ними. Но Бейкер знал, что с Шенноном шутки плохи, и кроме того, четырнадцать тысяч четыреста долларов — это не та сумма, из-за которой стоило рисковать.

— Хорошо. Как только я получу сертификат конечного пользователя, начну действовать.

— Сколько времени тебе нужно после этого? — осведомился Шеннон.

— Тридцать — тридцать пять дней, — ответил Бейкер. — Кстати, у тебя уже есть корабль?

— Пока нет. Я полагаю, тебе понадобится название. Получишь вместе с сертификатом.

— У меня есть на примете хорошее судно для фрахта. Команда, провизия, топливо… За все про все две тысячи немецких марок в день. Возьмут тебя и груз тайно и в любом месте, где пожелаешь.

Шеннон задумался. Двадцать дней в Средизем-

ном море, двадцать дней до места и двадцать дней обратно. Сто двадцать тысяч марок или пятнадцать тысяч долларов. Дешевле, чем покупать собственный корабль. Соблазнительно. Но он был против того, чтобы один человек, не участвующий в операции, контролировал и поставку оружия, и фрахт корабля, и даже знал о конечной цели. Это подразумевало, что Бейкер, или человек, с которым он будет договариваться о фрахте судна, фактически становится партнером.

— Да… — протянул он задумчиво, — а как называется судно?

— «Сан Андреа», — ответил Бейкер.

Шеннон замер. Он уже слышал это название от Землера.

— Зарегистрировано на Кипре? — уточнил он.

— Точно.

— Забудь о нем, — отрезал Шеннон.

Когда они выходили из зала ресторана, Шеннон поймал быстрый взгляд Иоганна Шлинкера, сидящего в одном из альковов. На мгновение в его мозгу пронеслась мысль, что немецкий торговец следит за ним. Но тот ужинал с другим мужчиной, явно ценным клиентом. Шеннон отвернулся и направился к выходу.

На ступеньках отеля они с Бейкером обменя-

лись рукопожатием.

— Я дам о себе знать, — сказал на прощанье наемник. — И не вздумай шутить со мной шутки.

— Не беспокойся, Кот. Можешь мне доверять, — уверил его Бейкер. Он повернулся и заспешил вниз по улице.

— Нашел дурака, — пробормотал Шеннон, входя в холл отеля.

По пути в номер у него перед глазами вставало лицо человека, с которым ужинал немецкий торговец. Он никак не мог вспомнить, где видел его раньше. Лишь когда он засыпал, его осенило. Это был один из главарей ИРА.

На следующее утро, в среду, он летел назад в Лондон. Начинался день девятый.

Глава 12

Мартин Торп вошел в кабинет сэра Джеймса Мэнсона примерно в то же время, когда Шеннон возвращался из Гамбурга.

— Леди Макаллистер собственной персоной, — шутливо проговорил он.

Сэр Джеймс предложил ему сесть.

— Я хорошенько над ней поработал, — начал Торп. — Как и ожидалось, ей дважды предлагали купить ее долю в «Бормак Трейдинг». По-видимому, ребята не смогли найти верный подход, и им дали от ворот поворот. Ей восемьдесят шесть, дряхлая сварливая старуха. Помешана на всем шотландском. Ее дела ведет поверенный в Данди. Здесь полный отчет обо всем, что я о ней раскопал.

Торп вручил сэру Джеймсу кожаную папку, и тот несколько минут внимательно изучал ее содержимое. Несколько раз он хмыкал, тихо бормоча: «Проклятая ведьма». Закончив читать, Мэнсон поднял глаза.

— И все равно я хочу получить эти триста тысяч акций «Бормака», — произнес он. — Ты говоришь, другие действовали неправильно. Почему?

— Похоже, что она одержима одной навязчивой идеей, и это не деньги. Она сама по себе достаточно богата. Ее отец был шотландским помещиком, владеющим огромным количеством земли. После смерти отца она унаследовала эти владения — тянущиеся на мили безлюдные вересковые пустоши. Но за последние двадцать лет земля стала давать неплохой доход за счет городских охотников и рыболовов, выбравших эти места для своих спортивных забав. Еще большую прибыль приносят небольшие участки, продаваемые под строительство промышленных предприятий. В общем, она не бедствует. Подозреваю, что за акции ей предлагали исключительно деньги, а это как раз старушку и не интересует.

— Какого же черта ей надо?

— Прочтите еще раз вот этот абзац, сэр Джеймс, здесь, на второй странице. Понимаете, что я имею в виду? Ежегодные объявления в «Таймс», попытка воздвигнуть памятник, в которой ей отказал Совет лондонского графства, мемориал, устроенный ею в собственном доме. Думаю, что ее навязчивая идея — увековечивание памяти старого паука-рабовладельца, за которого она вышла замуж.

— Да, да, может, ты и прав. Так что же ты пред-

лагаешь?

Пока Торп излагал свои мысли, Мэнсон внимательно слушал.

— Что ж, в этом что-то есть, — проговорил задумчиво сэр Джеймс. — Странные вещи случаются порою. Беда в том, что если ты попытаешься, а она все же откажет, иного пути у нас уже не будет. Но в любом случае, предложи мы просто деньги, старуха отправит нас вслед за двумя предыдущими парнями. Ладно, делай как знаешь, но вырви у нее эти акции.

В начале первого Шеннон подъезжал к своей лондонской квартире. Под дверью его ждала телеграмма из Марселя от Лангаротти, подписанная просто «Жан» и адресованная Кейту Брауну. Весь текст состоял только из адреса отеля, расположенного недалеко от центра города, где корсиканец поселился под именем Лаваллона. Шеннон оценил эту предосторожность. Снимая номер во французском отеле, требуется заполнить форму, которая впоследствии попадает в полицию. А там могли бы удивиться, с чего это их старый приятель Лангаротти поселился столь далеко от своих привычных мест.

Шеннон потратил десять минут, чтобы отыскать в справочнике номер отеля, и позвонил.

Когда он попросил к телефону Лаваллона, ему ответили, что месье отсутствует. Он оставил сообщение, в котором просил месье Лаваллона по возвращении позвонить мистеру Брауну в Лондон. Все четверо уже выучили наизусть номер телефона Шеннона.

Также по телефону он послал телеграмму poste restante Эндину на имя Уолтера Харриса, сообщив своему руководителю, что он снова в Лондоне и хотел бы кое-что обсудить. Еще одна телеграмма была отправлена на квартиру Джанни Дюпре. Шеннон требовал зайти к нему сразу же после ее получения.

Он позвонил в свой швейцарский банк и узнал, что из причитающихся ему в качестве заработка десяти тысяч фунтов половина поступила на счет. Перевод сделан неизвестным лицом из «Юнион Банка». Шеннон знал, что этим лицом был Эндин. Он пожал плечами.

Вполне естественно, что сейчас ему заплатили только половину. Он не сомневался, будучи осведомленным о положении компании «МэнКон» и видя настойчивое желание свергнуть Кимбу, что при успехе операции получит оставшиеся пять тысяч.

Дальше свой день он посвятил составлению

полного отчета о поездке в Люксембург и Гамбург, не упоминая названия юридической фирмы в Люксембурге и имен торговцев оружием. Там же он указал все расходы.

В начале пятого Шеннон закончил писать, чувствуя себя порядком проголодавшимся, поскольку последний раз перекусил на борту лайнера «Люфтганза» на пути из Гамбурга. Найдя в холодильнике полдюжины яиц, он сбил омлет, проглотил его и прилег подремать.

Около шести его разбудил Джанни Дюпре, а еще через пять минут зазвонил телефон.

Эндин быстро понял, что Шеннон не может говорить свободно.

— У вас кто-то есть? — спросил Эндин.

— Да.

— Это связано с нашим делом?

— Да.

— Вы хотите увидеться?

— Я думаю, это необходимо, — сказал Шеннон. — Как насчет завтрашнего утра?

— Ладно. Вас устроит в районе одиннадцати?

— Вполне.

— У вас?

— Прекрасно.

— Я буду в одиннадцать, — подытожил Эндин

и повесил трубку.

Шеннон повернулся к южноафриканцу.

— Ну, как дела, Джанни? — поинтересовался он.

За три дня работы Дюпре достиг кое-каких успехов. Уже заказанные сто пар носков, маек и трусов должны были быть готовы к пятнице. Он нашел поставщика для пятидесяти военных рубашек и разместил заказ. Та же фирма могла бы предоставить и подходящие под пару брюки, но Дюпре искал другое место. Никто не должен был догадаться, что ему нужен полный комплект формы. Джанни заметил, что это в любом случае ни у кого не вызвало бы подозрений, но Шеннон, тем не менее, настаивал на том, чтобы придерживаться первоначального плана.

Дюпре рассказал, что побывал в нескольких обувных магазинах, но нужных сапог не нашел. До конца недели он продолжит поиски, а на следующей займется беретами, рюкзаками, спальными мешками и прочей мелочью. Шеннон посоветовал ему прежде всего связаться с агентом по экспорту и как можно скорее отправить первую партию, включающую белье и рубашки, в Марсель. Он пообещал Дюпре узнать у Лангаротти имя и адрес агента в Марселе в течение

ближайших сорока восьми часов.

Пока южноафриканец не ушел, Шеннон отпечатал письмо Лангаротти, адресованное на его настоящее имя в главпочтамт Марселя. В письме он напоминал корсиканцу о состоявшемся шесть месяцев назад разговоре под пальмами. Речь тогда шла о торговле оружием, и Жан-Батист обмолвился, что знает человека в Париже, который может раздобыть сертификат конечного пользователя через дипломата одного из африканских посольств. Шеннон хотел знать, как с ним можно связаться.

Закончив, он отдал письмо Дюпре и распорядился отправить его этим же вечером экспресс-почтой с Трафальгар-Сквер. Он пояснил, что мог бы сделать это и сам, но ждет звонка Лангаротти из Марселя.

К восьми, когда корсиканец наконец позвонил, Шеннон был снова зверски голоден. Голос из Марселя был едва слышен среди шума помех французской телефонной сети, основным достоинством которой слыла ее архаичность.

Шеннон очень осторожно расспросил его об успехах. Еще при первой встрече он предупредил всех наемников, чтобы ни при каких обстоятельствах они не вздумали открыто обсуждать свои

дела по телефону.

— Я снял номер в отеле и послал телеграмму с его адресом, — говорил Лангаротти.

— Знаю, я получил ее, — орал Шеннон в трубку.

— Я взял напрокат мотороллер и объездил все магазины, торгующие нужным нам товаром, — доносился голос из Марселя. — По каждому пункту у меня есть три возможных изготовителя. Я заказал рекламные каталоги у трех фирм, занимающихся производством лодок. Получу их примерно через неделю. Тогда у местных дилеров смогу заказать самые подходящие.

— Хорошая мысль, — одобрил Шеннон. — Что по другим пунктам?

— Это зависит уже от того, что мы выберем сначала. Одно зависит от другого. Не волнуйся. Того, что нам нужно, — навалом. С наступлением весны во всех магазинах появятся самые последние модели.

— Отлично, — кричал Шеннон. — А теперь слушай. Мне нужно имя хорошего агента по экспорту. Понадобилось раньше, чем я рассчитывал. Уже в ближайшие дни отсюда потребуется отправить несколько партий груза. И еще из Гамбурга.

— Это не трудно, — отвечал Лангаротти, — но я

думаю, что лучше будет это сделать в Тулоне. Сам понимаешь, почему.

Шеннон понимал. В отеле Лангаротти мог воспользоваться чужим именем, но, занимаясь экспортными операциями, ему потребовалось бы предъявлять свое удостоверение личности. Кроме того, в последние годы марсельская полиция в значительной мере усилила контроль за портом, а новый начальник таможни просто-напросто вселял ужас. Меры были направлены против контрабанды наркотиков. Отсюда, из Марселя, героин начинал свой долгий путь в Нью-Йорк. И если в поисках наркотиков обнаружат оружие, это будет просто горькой иронией судьбы.

— Разумно. Ты эти места знаешь лучше, — проговорил Шеннон. — Значит, как только сможешь, телеграфируй имя и адрес агента. Есть еще одно дело. Сегодня я послал экспресс-почтой письмо. Получишь его на главпочтамте. Там поймешь, что мне нужно. Сразу же сообщи телеграфом. Жду этих сведений в пятницу утром.

— Хорошо, — сказал Лангаротти. — Это все?

— Пока да. Как получишь каталоги, сразу высылай их мне со своими рекомендациями. И помни о ценах — мы должны оставаться в рамках бюджета.

— Ладно. Счастливо, — попрощался Лангаротти, и Шеннон повесил трубку. Он вышел поужинать в соседний ресторанчик и рано лег спать.

Эндин появился на следующее утро в одиннадцать и целый час изучал отчет Шеннона с прилагаемыми счетами, то и дело задавая уточняющие вопросы.

— Что ж, достаточно ясно, — проговорил он наконец. — Как обстоят дела в остальном?

— В общем-то говорить об этом пока рано. Прошло только десять дней, но основные шаги уже сделаны. Я планирую разместить все заказы к исходу двадцатого дня, что оставит сорок дней на их выполнение. После этого потребуются двадцать дней, чтобы скрытно доставить все необходимое снаряжение на корабль. Дата отплытия будет восьмидесятым днем, если мы не выйдем из графика. Кстати, вскоре мне еще потребуются деньги.

— У вас есть три с половиной тысячи фунтов в Лондоне и семь в Бельгии, — возразил Эндин.

— Да, я знаю. Но все это скоро уйдет.

Шеннон объяснил, что должен заплатить «Иоганну», торговцу оружием из Гамбурга, недостающие двадцать шесть тысяч долларов в течение двенадцати дней, чтобы у того осталось

сорок дней на улаживание всех формальностей с Мадридом и подготовку боеприпасов к отправке. Затем тому же «Иоганну» придется заплатить еще четыре тысячи восемьсот долларов за необходимое для проведения атаки дополнительное снаряжение. А когда он получит в Париже сертификат конечного пользователя, ему предстоит послать его «Алану» вместе с 7200 долларов, что составит пятнадцать процентов цены югославского оружия.

— Больше всего, конечно, потянут судно и оружие — свыше половины всего бюджета, — подытожил Шеннон.

— Хорошо, — согласился Эндин. — Я проконсультируюсь и подготовлю перевод еще на двадцать тысяч фунтов в бельгийский банк. В дальнейшем достаточно будет моего звонка в швейцарский банк, чтобы в течение нескольких часов вы смогли получить деньги.

Он собрался уходить.

— Еще что-нибудь?

— Нет, — ответил Шеннон. — В конце недели мне снова придется уехать на шесть-семь дней. Хочу проверить, как идут дела с приобретением судна, десантных лодок в Марселе и автоматов в Бельгии.

— Телеграфируйте мне по обычному адресу при отъезде и возвращении, — распорядился Эндин.

* * *

Гостиная в старой квартире на Коттесмор-Гарденс, недалеко от Кенсингтон Хай-Стрит, была погружена в почти полный марк. Тяжелые занавеси плотно закрывали окна, не давая проникнуть в комнату весеннему солнцу. Лишь небольшая щелка в портьерах пропускала узкий лучик яркого дневного света. На стенах с выцветшими парчовыми шпалерами висели портреты предков из семейств Монтросов и Монтиглов, Фаркаров и Фразеров, Мюрреев и Минтосов. Неужели вся эта коллекция имела отношение к предкам одной-единственной пожилой женщины? Да кто знает этих шотландцев!

В самой большой раме над камином, который, по-видимому, никогда не зажигали, висел портрет изображенного в полный рост мужчины в шотландской юбке. Было ясно, что картина написана не так давно по сравнению с остальными, но и ее коснулось время. Лицо, обрамленное топорщащимися рыжими бакенбардами, смотрело на вас с таким выражением, как будто его обладатель только что заметил на другом конце

плантации нагло отлынивающего от работы кули. Надпись над портретом гласила: «Сэр Ян Макаллистер, рыцарь Британской Империи».

Взгляд Мартина Торпа вновь вернулся к леди Макаллистер, сидевшей в неудобной позе в глубоком кресле и непрерывно теребящей висевшую у нее на груди слуховую трубку. С большим трудом он пытался уловить смысл среди бессвязного бормотания говорящей с сильным акцентом пожилой леди.

— Люди приходили и раньше, — вещала она, упорно обращаясь к нему «мистер Мартин», хотя он дважды повторил свою фамилию. — Но я не понимаю, почему должна что-то продавать. Вы же видите, что это компания моего мужа. Он основал все эти плантации, а другие качали оттуда деньги. Во всем была его заслуга. А сейчас ко мне приходят и говорят, что хотят забрать компанию и что-то там делать… Что-то другое… Я этого не понимаю, абсолютно не понимаю, и ничего не буду продавать…

— Но леди Макаллистер…

Она продолжала говорить, будто не слышала его: впрочем, так оно и было, поскольку слуховая трубка по-прежнему болталась на шее. Торп начинал понимать, почему другие просители

в конце концов теряли терпение и уходили ни с чем.

— Видите ли, мой незабвенный муж, да хранит Господь его душу, не смог мне много оставить. Когда этот ужасный китаец его убил, я гостила в Шотландии и не стала уезжать оттуда. Мне посоветовали не возвращаться. Я узнала, что плантации принадлежат компании, и муж оставил мне ее значительную часть. Разве вы не понимаете, что это — его наследство, завещанное мне? Я не могу продавать его наследство…

У Торпа чуть не вырвалось, что компания ничего не стоит, но он сдержался, понимая, что этого-то как раз говорить и не следует.

— Леди Макаллистер… — начал он снова.

— Вам следует говорить прямо в слуховую трубку. Она глуха, как тетерев, — проговорила компаньонка леди Макаллистер.

Торп благодарно кивнул, впервые взглянув на нее внимательно. Ей было далеко за шестьдесят, но, судя по внешности, когда-то свободная и независимая, она — по странному повороту судьбы — попала в тяжелое положение и пошла в услужение к людям не всегда приятным, но имеющим возможность платить.

Торп встал и приблизился к сидящей в кресле

дряхлой старухе. Он заговорил, поднеся ко рту слуховую трубку:

— Леди Макаллистер, те, кого я представляю, не хотят ничего менять в компании. Наоборот, они имеют желание вложить в нее много денег и вновь сделать богатой и процветающей. Мы намерены возродить плантации Макаллистера. Все останется по-старому, как и в то время, когда ими управлял ваш муж.

В первый раз за время беседы он заметил, что в глазах старухи появилось некое подобие интереса.

— Когда ими управлял мой муж? — вопросительно повторила она.

— Именно так, леди Макаллистер, — прокричал в трубку Торп. Он указал на фигуру изображенного на портрете деспота. — Мы хотим возродить дело всей его жизни. Пусть плантации Макаллистера станут памятником ему и его трудам.

Старуха снова впала в прострацию.

— Никто не хочет поставить ему памятник, — бормотала она. — Я пыталась. Обращалась к властям, говорила, что заплачу за памятник, но они отвечают: нет места. Повсюду ставят столько памятников, а для Яна нет места…

— Ему поставят памятник, если плантации и

компания возродятся вновь, — проорал Торп в слуховую трубку. — Обязательно. Если компания станет богатой, на этом можно настоять. Мы создадим фонд сэра Яна Макаллистера, люди запомнят его имя…

На этот раз слова Торпа дошли до нее.

— Это будет стоить кучу денег, — забеспокоилась она. — Я не богатая женщина…

В действительности она была очень богата, но, вполне возможно, и сама об этом не знала.

— Вам не придется платить, леди Макаллистер, — заторопился Торп. — За все заплатит компания. Но в нее необходимо вдохнуть жизнь. Мои друзья готовы вложить деньги…

— Ох, не знаю, не знаю, — запричитала старуха и, шмыгнув носом, потянулась за батистовым платочком в рукаве. — Я в этом ничего не понимаю. Был бы здесь мой любимый Ян, или мистер Далглиш. Он всегда говорит мне, как лучше поступить, и подписывает за меня все бумаги. Миссис Бартон, я хочу пойти к себе.

— Да, пора отдохнуть и принять лекарство, — довольно бесцеремонно сказала домоправительница и компаньонка леди Макаллистер.

Она помогла старухе встать и повела ее из гостиной по коридору. Через открытую дверь до

Торпа доносился деловитый голос миссис Бартон и протесты старой леди, не желающей ложиться в кровать и пить лекарство.

Немного погодя компаньонка вернулась в гостиную и сообщила:

— Она легла, пусть немного отдохнет.

Торп улыбнулся своей самой скорбной улыбкой.

— Похоже, что у меня ничего не вышло, — проговорил он печально. — А ведь знаете, ее акции почти ничего не стоят, пока в компанию не придет новое руководство и не вложит достаточно денег. Мои партнеры как раз этого и хотят.

Он встал, собираясь уходить.

— Прошу прощения, если причинил вам беспокойство, — сказал Торп.

— Беспокойство — это по моей части, — ответила миссис Бартон, но лицо ее смягчилось. Уже давно никто не разговаривал с ней так любезно. — Как насчет чашки чая? Я привыкла пить чай в это время.

Некий внутренний инстинкт подсказал Торпу принять приглашение. Сидя за чаем в кухне, где были владения домоправительницы-компаньонки, Мартин Торп чувствовал себя почти как дома. Кухня его матушки в Баттерси не очень-то

отличалась от этой. Миссис Бартон рассказывала ему о леди Макаллистер, ее нытье и раздражительности, упрямстве и глухоте.

— Она не слушала ваших прекрасных доводов, мистер Торп, даже когда вы говорили о памятнике этому жестокому старику.

Торп удивился. Ясно, что миссис Бартон не так проста, как кажется, и что-то есть у нее на уме.

— Хорошо хоть, она слушается вас и делает то, что вы ей говорите, — заметил он.

— Еще чашечку? — осведомилась миссис Бартон и, наливая чай, тихо заметила. — О да, она делает, что я ей говорю, так как зависит от меня и прекрасно это понимает. Если я уйду, другую компаньонку ей уже не найти. Не те времена. Сейчас никто не хочет этим заниматься.

— Наверное, вам здесь несладко, миссис Бартон?

— Да, — коротко ответила она, — но у меня есть крыша над головой, пища и кое-какая одежда. Таков мой удел.

— Потому что вы вдова? — мягко спросил Торп.

— Да.

На каминной полке рядом с часами стояла фотография летчика Королевских ВВС. Облаченный

в кожаную куртку, с небрежно обмотанным вокруг шеи белым шелковым шарфом, он широко улыбался. Чем-то он походил на Мартина Торпа.

— Ваш сын? — спросил финансист.

Миссис Бартон кивнула, пристально глядя на фотографию.

— Да. Сбит над Францией в сорок третьем.

— О, извините.

— Это было давно. Я уже свыклась.

— Да… Значит, когда ваша хозяйка умрет, вы останетесь совсем одна.

— Найду себе кого-нибудь в компаньонки. Наверняка, она мне что-нибудь оставит по завещанию. Я ухаживаю за ней уже шестнадцать лет.

— Ну безусловно. Она же видит, как вы внимательны…

Он просидел в кухне еще час, а когда уходил, чувствовал себя гораздо счастливее.

Рабочий день подходил к концу, но из телефонной будки на углу Торп позвонил в офис, и через десять минут Эндин уже выполнил просьбу своего коллеги.

* * *

Вечером в этот четверг Иоганн Шлинкер летел в Лондон из Гамбурга. Утром он позвонил и договорился о встрече с иракским дипломатом.

В девять он сидел с ним за ужином, который немецкому дилеру обошелся очень недешево, поскольку дипломат получил конверт с немецкими марками на сумму в тысячу фунтов. Взамен араб также вручил Шлинкеру конверт, в котором находилось письмо, напечатанное на гербовом посольском бланке. В нем герр Иоганн Шлинкер уполномочивался от имени республики Ирак в интересах Министерства полиции вести переговоры о закупке четырехсот тысяч стандартных патронов калибра 9 мм для пополнения боеприпасов полицейских сил страны. Оно было подписано дипломатом и скреплено печатью республики Ирак, которая вообще-то имелась только у посла.

Кроме того, в письме заявлялось, что партию боеприпасов целиком и полностью используют только в республике Ирак и ни при каких обстоятельствах не передадут полностью или частично никакой третьей стороне. Это был сертификат конечного пользователя.

Когда они расстались, возвращаться домой немцу показалось слишком поздно. Он переночевал в Лондоне и улетел в Гамбург следующим утром.

* * *

В пятницу, в одиннадцать утра, Кот Шеннон позвонил Марку Вламинку в Остенде. Звонок раздался в его квартире над баром.

— Ты нашел того человека, о котором мы говорили? — спросил Шеннон, поздоровавшись. Бельгиец знал, что по телефону надо говорить с осторожностью.

— Да, я нашел его, — ответил Крошка Марк, сидя в кровати. Рядом с ним тихо посапывала Анна. Обычно бар закрывался около трех-четырех утра, и раньше полудня они не вставали.

— Он готов переговорить о деле? — поинтересовался Шеннон.

— Думаю, да, — сказал Вламинк. — Я еще ничего не обсуждал с ним, но, говорят, обычно он не отказывается от дела, когда человека рекомендуют общие знакомые.

— У него еще есть тот товар, который нас интересует?

— Да, — подтвердил бельгиец, — пока есть.

— Прекрасно. Познакомься с ним сначала сам

и сообщи, что у тебя есть клиент, который хотел бы поговорить с ним о деле. Постарайся устроить нам встречу в конце будущей недели. Скажи, что клиент — англичанин, надежный и порядочный человек по имени Браун. В общем, сам знаешь, что сказать. Главное, заинтересуй его. Пусть он принесет один экземпляр для проверки. Если все будет в порядке, мы обсудим сроки и условия поставки. Я позвоню в конце недели и дам знать, где и когда смогу увидеться с ним. Ясно?

— Вполне, — подтвердил Марк. — Я свяжусь с ним в ближайшие пару дней и договорюсь о встрече.

Попрощавшись, они повесили трубки.

* * *

В два тридцать на квартиру Шеннону принесли телеграмму из Марселя. В ней содержались имя и адрес некоего француза. Лангаротти сообщал, что позвонит этому человеку и лично представит Шеннона. В заключение корсиканец докладывал, что ищет коммерческого агента по экспорту и рассчитывает дать Шеннону его имя и адрес в течение пяти дней.

Наемник снял трубку и набрал телефон агентства авиакомпании «ЮТА Эйрлайнз». Он заре-

зервировал себе место на рейс, отправляющийся в полночь воскресенья в Африку из парижского аэропорта Ля Бурже. В компании «БЕА» он заказал билет до Парижа на завтрашний утренний рейс и позже оплатил оба заказа наличными.

Шеннон положил две тысячи фунтов, которые привез с собой из Германии, в конверт и спрятал его под подкладкой саквояжа. Таможенники в лондонском аэропорту крайне неодобрительно относились к британским гражданам, убывающим из страны с суммой, превышающей разрешенные двадцать пять фунтов наличными и триста фунтов в туристских чеках.

* * *

Сразу же после обеда сэр Джеймс Мэнсон пригласил к себе Саймона Эндина. Он прочитал отчет Шеннона и был немало удивлен той энергией, с которой наемник воплощал в жизнь предложенный двенадцать дней назад свой собственный план.

Он проверил счета и завизировал расходную ведомость. Еще больше порадовал его звонок Мартина Торпа, который провел большую часть вчерашнего вечера и все сегодняшнее утро со страховым агентом.

— Ты говоришь, Шеннон на следующей неделе будет за границей? — уточнил он у Эндина.

— Да, сэр Джеймс.

— Хорошо. Есть работа, которую рано или поздно, но сделать придется. Может быть, сейчас самое время. Возьми один из наших стандартных контрактов о приеме на работу, которые мы обычно используем для африканцев, вымарай название компании «МэнКон», а на этом месте впиши компанию «Бормак». Оформи Энтони Боби сроком на год в качестве нашего представителя в Западной Африке с окладом пятьсот фунтов в месяц. Потом покажешь мне, что получилось.

— Боби? — удивился Эндин. — Вы имеете в виду полковника Боби?

— Именно его. Я не хочу потом бегать в поисках нового президента Зангаро. На следующей неделе, прямо в понедельник, отправишься в Котону. Пообщаешься с ним и скажешь, что «Бормак Трейдинг Компани», восхищенная его умственными и деловыми способностями, непременно хочет воспользоваться услугами полковника в качестве консультанта по Западной Африке. Не беспокойся, ему и в голову не придет проверять, что из себя представляет компания «Бормак», и являешься ли ты ее представителем. Слава Богу,

я знаю: кроме денег, этих ребят ничего больше не интересует, особенно, когда у них в карманах пусто.

Скажешь, что об обязанностях проинформируешь его позже, а пока пусть остается у себя в Дагомее три ближайших месяца или до тех пор, пока ты снова не посетишь его. Обнадежь обещанием, что если он послушно выполнит наши распоряжения, то получит премию. Но никакой твердой валюты, только дагомейские франки. Иначе ему придет в голову мысль смотаться оттуда. И последнее. Когда приготовишь контракт, сделай фотокопии, чтобы не оставалось следов изменения названия компании, и используй именно их. Что касается даты, то сделай так, чтобы последняя цифра года была смазана или посади туда какую-нибудь кляксу.

Выслушав распоряжения, Эндин ушел.

В пятницу, после четырех, Торп выходил из мрачной квартиры на Кенсингтон, имея при себе документы о передаче акций, подписанные должным образом леди Макаллистер и свидетельницей, миссис Бартон.

Он также располагал письменной доверенностью, в которой ее адвокату в Данди, мистеру Далглишу, отдавалось распоряжение передать

сертификаты на акции мистеру Торпу и выполнить все необходимые формальности.

Имя нового владельца акций в документах не указывалось, но леди Макаллистер не обратила на это внимания, находясь в полном смятении от мысли, что миссис Бартон может собрать свои вещи и покинуть ее. Еще до наступления вечера название номинальной компании, созданной «Цвингли Банком», действующим от имени господ Адамса, Болла, Картера и Дэвиса, было вписано на оставленное место. После визита Торпа в Цюрих в понедельник утром печать банка и подпись доктора Штейнхуфера довершили дело.

Покупка трехсот тысяч акций, котирующихся на фондовой бирже по одному шиллингу и одному пенсу, обошлась сэру Джеймсу Мэнсону в тридцать тысяч фунтов, по два шиллинга за акцию. Еще тридцать тысяч фунтов ему пришлось выложить пожилой домоправительнице-компаньонке, обеспечив ей безбедную счастливую старость.

Торп считал, что это не так уж дорого. Самое главное заключалось в том, что невозможно было отыскать концов. Его имя не указывалось ни в одном документе, а всем поверенным хорошо заплатили за молчание. Торп был убежден, что

у миссис Бартон также хватит здравого смысла держать все в секрете.

Глава 13

Бенуи Ламберт, известный друзьям и полиции как Бенни, среди наемников считался мелкой сошкой. Фактически в шкуре наемника он оказался всего лишь раз, когда, разыскиваемый полицией в районе Парижа, сбежал в Африку и там записался в шестой отряд под командованием Денара.

По совершенно непонятной причине командир наемников проникся симпатией к этому пугливому маленькому человечку и нашел ему дело при штабе отряда. Бенни так и не довелось поучаствовать в боях. На своей работе он был полезен, поскольку мог проявить единственный талант, которым обладал — способность достать все что угодно. Такой человек, безусловно, необходим в штабе военного подразделения, почти в каждом отряде имелись подобные люди. Он оставался у Денара почти год, до мая 1967, когда почувствовал, что мятеж, поднятый Шраммом и его десятым подразделением против конголезского правительства, может привести к нешуточным осложнениям. Бенни предчувствовал, как оно впоследствии и оказалось, что Денар со своим

отрядом попадет в серьезную переделку, и пороху нюхнуть придется всем, включая и штабных. Тут он понял, что пора сматывать удочки, и, к его удивлению, препятствий ему не чинили.

Вернувшись во Францию, Бенни сумел создать о себе мнение как о бывалом наемнике, а позже причислил себя к торговцам оружием. Настоящим наемником он, конечно, никогда не был, но вот в сфере торговли связи имел довольно обширные. Порой ему удавалось то там, то сям провернуть небольшие сделки, в основном снабжая стрелковым оружием преступный мир. Также у него был знакомый африканский дипломат, который мог за соответствующую цену предоставить вполне подходящий сертификат конечного пользователя в форме подписанного послом письма с гербовой печатью. Восемнадцать месяцев назад он похвастался этим в баре перед неким корсиканцем по фамилии Лангаротти.

Все же Бенни был озадачен, когда в пятницу вечером услышал по телефону голос корсиканца. Тот сообщил ему, что завтра или в воскресенье его посетит Кот Шеннон. Конечно, Бенни слыхал о Шенноне, но еще больше он был наслышан о смертельной ненависти Шарля Ру к ирландскому

наемнику. Уже давно по Парижу ходили слухи, что Ру готов заплатить любому, кто наведет его на след ирландца, когда тот появится в Париже. Подумав, Ламберт согласился встретиться с Шенноном.

— Да, надеюсь, что смогу достать этот сертификат, — сказал он, когда Шеннон изложил свое дело. — Мой человек еще в Париже.

— Сколько? — напрямик спросил Шеннон.

— Пятнадцать тысяч франков, — назвал цену Бенни Ламберт.

— Не многовато ли? — усмехнулся Шеннон, добавив словечко на французском. Это было одно из многочисленных выражений, которых он нахватался в Конго. Вряд ли они фигурировали у Ларусса[37]. — Я заплачу тебе тысячу фунтов и ни пенсом больше.

Ламберт соображал. Эта сумма все же превышала одиннадцать тысяч франков по текущему курсу.

— О'кей, — согласился он.

— Скажешь об этом хоть слово, сверну тебе шею, как цыпленку, — предупредил Шеннон.

---

[37] Примечания: 37

Энциклопедия и энциклопедические словари, выпускаемые издательством «Ларусс», основанным в 1852 г. в Париже педагогом и лексикографом П. Ларуссом (1817–1875).

— Боже упаси, — запротестовал Бенни. — Тысяча фунтов — и через четыре дня я достану письмо. И никому ни слова.

Шеннон достал пятьсот фунтов.

— Получишь в стерлингах, — сказал он. — Половину сейчас, половину, когда принесешь письмо.

Ламберт хотел было запротестовать, но решил, что не стоит. Ирландец ему явно не доверял.

— Я позвоню тебе в среду, — подвел черту Шеннон. — Письмо должно быть у тебя. Тогда и получишь остальные пятьсот.

Когда Шеннон ушел, Ламберт задумался, как ему поступить. Наконец он решил достать письмо, забрать оставшиеся деньги, а затем дать знать об ирландце Ру.

* * *

На следующий день Шеннон вылетел в Африку и утро понедельника встречал уже в нужном месте.

Ему предстояла длительная автомобильная поездка в отвратительно грохочущем и жарком такси. Стоял самый разгар сухого сезона, и в пронзительно-голубом небе над плантациями оливковых деревьев не виднелось ни единого об-

лачка. Но Шеннон не имел ничего против этого. Хорошо было снова оказаться в Африке, пусть и на полтора дня, после шестичасового бессонного перелета.

Все здесь он знал лучше, чем во многих городах Западной Европы. Знакомы были звуки и запахи; тянущиеся вдоль дороги на рынок деревенские жители; женщины, балансирующие с тыквенными бутылями и уздами на головах.

В каждой деревне уже шумели утренние базарчики, раскинувшиеся под пальмовыми навесами. Селяне торговались и спорили, покупали и продавали. За прилавками в основном стояли женщины, мужчины же сидели в тенечке и неторопливо беседовали о чрезвычайно важных и понятных только им одним вещах. Голые шоколадные детишки возились в пыли у ног своих родителей.

Шеннон открыл в машине оба окна. Он откинулся на сиденье, всем своим существом ощущая проносящуюся мимо него Африку. Из аэропорта он позвонил по телефону, который ему дал писатель, зная, что его ждут. На виллу, окруженную небольшим парком, он приехал к полудню. У ворот его встретили и тщательно обыскали охранники. Лишь после этого он отпустил такси

и прошел за ограду, где заметил лицо одного из личных помощников человека, с которым собирался увидеться. Помощник широко улыбнулся и закивал головой. Он провел Шеннона к одному из стоящих в глубине парка зданий и пригласил в пустую гостиную. Шеннон ожидал в одиночестве около получаса.

Он бесцельно смотрел в окно, наслаждаясь создаваемой кондиционером прохладой, когда за его спиной скрипнула дверь. Шеннон обернулся.

Генерал совсем не изменился со времени их расставания на взлетно-посадочной полосе: та же пышная борода, тот же глубокий низкий голос.

— Так, майор Шеннон, разлука была недолгой, — он, как обычно, шутил. — Не можете без меня, а?

Шеннон улыбнулся и крепко пожал протянутую руку.

— Я приехал, потому что у меня к вам дело, сэр. Думаю, нам будет о чем поговорить. У меня из головы не выходит одна идея.

— Вряд ли стесненный в средствах изгнанник сможет вам много предложить, — произнес генерал. — Но я всегда готов вас выслушать. Насколько помню, ваши идеи были не так уж плохи.

— Есть одна вещь, — продолжил Шеннон, —

которую у вас не отнять даже в изгнании. Вы пользуетесь доверием людей, а как раз такой человек мне и нужен.

Они проговорили до темноты. Шеннон нарисовал несколько планов и схем. На случай таможенного досмотра он не взял с собой никаких документов, прихватив лишь пачку чистой бумаги и набор разноцветных фломастеров. К вечеру они достигли согласия по основным пунктам, а ночью занялись обсуждением деталей. Лишь в три часа утра Шеннон расстался с генералом, обменявшись рукопожатием на террасе перед ожидающей его машиной с сидящим за рулем заспанным шофером.

— Я свяжусь с вами, сэр, — пообещал Шеннон.

— А я немедленно пошлю туда своих представителей, — произнес в ответ генерал. — Через шесть дней мои люди будут на месте.

Шеннон смертельно устал. Начали сказываться бессонные ночи, напряжение постоянных поездок, бесконечная череда аэропортов и отелей, встреч и переговоров. Впервые за два дня он вздремнул в автомобиле по дороге обратно в аэропорт и снова заснул в самолете на пути в Париж. Лайнер делал слишком много посадок, чтобы можно было как следует выспаться: час

в Уагадугу, еще час в Мавритании и, наконец, в Марселе. До Ле Бурже он долетел только к шести вечера. Кончался день пятнадцатый.

* * *

Когда Шеннон приземлился в Париже, Мартин Торп садился на ночной поезд до Глазго, Стилринга и Перта. Там он мог сделать пересадку до Данди, где находилась контора старинной адвокатской фирмы «Далглиш и Далглиш». В портфеле у Торпа лежал документ, подписанный накануне уик-энда леди Макаллистер и засвидетельствованный миссис Бартон, а также четыре чека, выданные цюрихским «Цвингли Банком», на сумму семь тысяч пятьсот фунтов каждый. Этих денег было достаточно, чтобы купить семьдесят пять тысяч акций компании «Бормак», находящихся у леди Макаллистер.

* * *

Вечером этого же дня Шеннон поселился в отеле недалеко от Маделин, в самом центре восьмого муниципального округа. Ему пришлось отказаться от своего обычного убежища на Монмартре, где его знали как Карло Шеннона, поскольку

сейчас он пользовался именем Кейта Брауна. Отель «Плаза-Сурен» был тоже неплох. Он принял ванну, побрился и собрался пойти поужинать.

Шеннон заказал по телефону столик в своем любимом ресторане «Мазагран». Хозяйка, мадам Мишель, обещала угостить его нежнейшим филеем с молодыми побегами латука и бутылочкой Рот де Широбле.

Почти один за другим раздались заказанные им ранее междугородные телефонные звонки. Первым оказался месье Лаваллон из Марселя, он же — Жан-Батист Лангаротти.

— Ты уже договорился с коммерческим агентом? — спросил Шеннон после того, как они обменялись приветствиями.

— Да, — ответил корсиканец. — Это в Тулоне. Очень хорошая репутация и большой опыт. У него есть свой склад в порту.

— Давай его имя и адрес, — Шеннон приготовился записывать.

— Агентство «Маритим Дюпо», — продиктовал адрес по буквам Лангаротти. — Можете посылать товар, только четко указывайте, что это собственность месье Лангаротти.

Шеннон повесил трубку, и телефонистка тут же сообщила, что ему звонит из Лондона мистер

Дюпре.

— Я только что получил твою телеграмму, — прокричал Джанни.

Шеннон продиктовал ему имя и адрес агента в Тулоне.

— Прекрасно, — продолжал орать Дюпре. — Я уже подготовил первые четыре партии груза к отправке. Скажу своему лондонскому агенту, чтобы сразу же отсылал его. Кстати, я нашел сапоги.

— Молодец, — похвалил Шеннон.

Теперь ему нужно дозвониться до Остенде. Голос Марка донесся до него минут через пятнадцать.

— Я в Париже, — сообщил Шеннон. — Что там с этим человеком, который хотел показать нам образец?

— Все в порядке, — понял Марк, — я связался с ним. Он готов обсудить цены и условия.

— Хорошо, я буду в Бельгии с вечера четверга. Предложи ему встретиться в пятницу утром за завтраком у меня, в номере отеля «Холидей Инн», рядом с аэропортом.

— Я знаю, где это, — сказал Марк. — Хорошо, я договорюсь с ним окончательно и перезвоню тебе.

— Звони завтра между десятью и одиннадца-

тью, — попросил Шеннон и повесил трубку.

Лишь после этого он надел пиджак и пошел ужинать.

* * *

Пока Шеннон спал, добравшись, наконец, после ужина до желанной постели, Саймон Эндин ночным рейсом тоже направлялся в Африку. Ранним утром в понедельник он прибыл в Париж и сразу же взял такси до посольства Дагомеи на авеню Виктора Гюго. Там он заполнил длиннющий бланк с просьбой предоставить ему шестидневную туристскую визу. Она была готова во вторник днем незадолго до закрытия консульского отдела, и в полночь Эндин уже собирался лететь в Котону через Ниамей. Шеннон не особенно удивился бы, если вдруг узнал, что тот летит в Африку. Он догадывался, что сбежавшему полковнику Боби отводится определенная роль в планах сэра Джеймса. А вот если бы Эндин услышал о том, что Шеннон совершил секретную поездку в Африку и виделся там с генералом, то вряд ли бы смог заснуть на борту ДС-8 рейса «ЮТА», несмотря на принятую таблетку.

* * *

На следующий день Марк Вламинк позвонил Шеннону в десять пятнадцать.

— Он согласился встретиться и принести с собой образец, — сообщил бельгиец. — Мне нужно присутствовать?

— Конечно, — сказал Шеннон. — Когда придете в отель, спросишь у портье мистера Брауна. И еще одно. Ты купил фургон, о котором я тебе говорил?

— Да, а что?

— Этот человек уже видел его?

Подумав, Вламинк ответил:

— Да вроде нет.

— Тогда не надо ехать на нем в Брюссель. Возьми напрокат машину и захвати этого человека по дороге. Ясно?

— Да, — проговорил несколько озадаченный Вламинк.

Шеннон был еще в постели, чувствуя себя уже значительно лучше. Он заказал по телефону завтрак и провел обычные пять минут под душем: четыре минуты стоя почти под кипятком, а напоследок — под струей ледяной воды. Когда Шеннон вышел из ванной, поднос с кофе и рогаликами

ждал его на столе. Он сделал два звонка: Бенни Ламберту и междугородный — господину Штейну из фирмы «Ланг и Штейн» в Люксембурге.

— Ты достал для меня письмо? — спросил он Ламберта.

Голос маленького проходимца звучал неестественно напряженно.

— Да. Оно у меня со вчерашнего вечера. Когда ты хочешь его забрать?

— Сегодня днем, — сказал Шеннон.

— Хорошо. А мои деньги?

— Не беспокойся. Они со мной.

— Тогда приходи ко мне к трем, — предложил Ламберт. Шеннон на мгновение задумался.

— Нет, встретимся у меня, — решил он, сообщив Ламберту название своего отеля. Он предложил увидеться с ним в общественном месте. К его удивлению, Ламберт согласился прийти в отель, причем в его голосе отчетливо угадывался энтузиазм. Что-то здесь было явно не так, но Шеннон не стал над этим ломать голову. Он не подумал о том, что дал парижскому прощелыге информацию, которую тот впоследствии решил продать Ру.

Когда господин Штейн ответил на звонок Шеннона, Карло поинтересовался:

— Как насчет собрания по поводу учреждения моей холдинговой компании?

— А, мистер Браун, — донесся голос Штейна. — На какое время предпочитаете назначить встречу?

— Завтра днем, — ответил Шеннон. Они условились, что собрание состоится в три часа дня в офисе Штейна. Шеннон зарезервировал себе место на экспресс Париж-Люксембург, отправляющийся в девять утра следующего дня.

* * *

— Должен сказать, что все это представляется мне очень странным, чрезвычайно странным.

Мистер Дункан Далглиш-старший всем своим видом и манерами соответствовал офису, в котором работал, а интерьер офиса, в свою очередь, подходил к сцене из романа сэра Вальтера Скотта.

Он долго и тщательно изучал подписанные леди Макаллистер и заверенные миссис Бартон документы. Несколько раз пробормотав «Да, да…», он бросал неодобрительные взгляды на молодого человека из Лондона. Было ясно, что ему нечасто доводилось иметь дело с выданными цюрихским банком чеками, и он подозрительно вертел их в

руках. Наконец мистер Далглиш заговорил:

— Видите ли, к леди Макаллистер уже не раз обращались по поводу продажи этих акций. Раньше она всегда консультировалась с нашей фирмой, и я неизменно советовал ей не продавать акции.

Торп давно пришел к выводу, что клиентка мистера Дункана Далглиша держалась за свои бесполезные акции, следуя его совету, но сохранял на лице вежливое выражение.

— Мистер Далглиш, вы же согласитесь, что джентльмены, которых я представляю, заплатили леди Макаллистер почти в два раза больше истинной стоимости этих акций. Она совершенно добровольно подписала документы и уполномочила меня забрать акции по предъявлению чека или чеков на общую сумму тридцать тысяч фунтов стерлингов.

Пожилой юрист снова вздохнул.

— Странно все же, что она сначала не посоветовалась со мной, — голос его звучал расстроенно. — Обычно я консультирую ее по всем финансовым вопросам.

— Но ее собственной подписи вполне достаточно, — настаивал Торп.

— Да, да… Конечно, я не имею права отменить её собственное распоряжение.

— Тогда я буду очень благодарен, если вы передадите мне сертификаты на акции, чтобы я смог вернуться в Лондон, — сказал Торп.

— Извините меня, мистер Торп, — произнес Далглиш с достоинством и вышел через внутреннюю дверь. Торп понял: он собирается звонить в Лондон — и возблагодарил Бога за то, что на шее леди Макаллистер болтается слуховая трубка, и ей никак не обойтись в телефонном разговоре без помощи миссис Бартон. Юрист вернулся через полчаса. В руке он держал толстую пачку старых выцветших сертификатов.

— Леди Макаллистер подтвердила все сказанное вами, мистер Торп. Вы же понимаете, дело не в том, что я вам не доверяю. Я чувствовал себя обязанным переговорить с моим клиентом, прежде чем заключать столь крупную сделку.

— Безусловно, — согласился Торп. Он поднялся и протянул руку за акциями. Далглиш расстался с ними с таким видом, будто отрывал кусок от себя.

Через час Торп сидел в поезде, следовавшем в Лондон.

* * *

За шесть тысяч миль от покрытых вереском холмов Шотландии Саймон Эндин находился на расположенной в жилом районе Котону небольшой вилле, арендуемой полковником Боби. Он прилетел утром и остановился в отеле «Дю Порт», где еврей-управляющий помог ему разыскать жилище изгнанного из своей страны зангарского офицера.

Боби оказался неуклюжим гигантом звероподобного вида с огромными, свисающими чуть ли не до колен ручищами. Эндин остался доволен его видом. У помощника Мэнсона не возникло сомнений в том, что с подобной внешностью Боби сможет управлять Зангаро не менее успешно, чем вселяющий ужас Кимба. Но в первую очередь Эндин искал человека, который, получив солидную взятку, без лишних вопросов передаст права на разработку Хрустальной горы компании «Бормак Трейдинг». Государство же при этом получало жалкие гроши.

За пятьсот фунтов в месяц полковник принял пост консультанта компании «Бормак» по Западной Африке. Он сделал вид, что внимательно изучает предложенный контракт, но англича-

нин с удовлетворением отметил, что когда Боби перешел ко второй странице, засунутой Эндином между первой и третьей вверх ногами, выражение его лица не изменилось. Полковник был неграмотен.

Эндин медленно объяснял условия контракта на смеси французского и примитивного английского. Боби сдержанно кивал, внимательно поглядывая на белого своими маленькими, налитыми кровью глазками. Англичанин подчеркнул, что от Боби требуется оставаться на вилле ближайшие два-три месяца и ждать Эндина.

Он выяснил, что у Боби имелся действительный зангарский дипломатический паспорт, полученный для сопровождения в заграничной поездке министра обороны Зангаро, племянника Кимбы.

Незадолго до захода солнца Боби нацарапал под контрактом нечто вроде подписи. Пока Саймон не намеревался сообщать полковнику, что «Бормак» собирается привести его к власти в обмен на Хрустальную гору. Он и так был убежден, что за подходящую цену Боби от этого не откажется.

На рассвете следующего дня Эндин уже сидел в самолете, возвращаясь через Париж в Лондон.

Как и было условлено, в отеле состоялась встреча — короткая и деловая — Шеннона с Бенни

Ламбертом. Шеннон открыл протянутый конверт и достал оттуда два листка бумаги — абсолютно одинаковые посольские бланки с государственными печатями и подписями посла республики Того в Париже.

Один из бланков был чистым, не считая подписи и печати. Второй содержал письмо, в котором заявлялось, что автор от имени своей страны уполномочивает… (пропуск) обратиться к правительству… (пропуск) для ведения всех дел, связанных с покупкой оружия в соответствии со списком, прилагаемым на следующей странице. Письмо заканчивалось обычными уверениями в том, что оружие предназначается исключительно для использования вооруженными силами республики Того и не будет продано или передано никакой третьей стороне.

Шеннон кивнул. Он не сомневался, что Алан Бейкер сумеет вставить имя агента и название страны-поставщика — в данном случае Федеративной Республики Югославии — так, чтобы это было незаметно. Он вручил Ламберту пятьсот фунтов, и они распрощались.

Как и большинство слабых людей, Ламберт не отличался решительностью. Три дня он колебался, не позвонить ли Шарлю Ру и рассказать,

что Шеннон находится в городе и старается раздобыть сертификат конечного пользователя. Бенни знал, что французский наемник более чем заинтересован в этой информации, но не догадывался, почему. Дело в том, полагал он, что Ру считает своей обязанностью охранять интересы живущих в Париже наемников. Его не устраивает, когда какой-то иностранец начинает за его спиной вести дела, не взяв Ру в долю. Более того, Ру претендовал на лидерство. Но ему никогда не приходило в голову, что никто не захочет финансировать человека, провалившего слишком много операций, имевшего на своей совести слишком много жизней и оставившего слишком много людей без заработка.

Но Ламберт боялся Ру и считал, что должен рассказать ему о Шенноне. Днем его остановило то, что у Шеннона оставались обещанные ему пятьсот фунтов. Предупредить в подобных обстоятельствах Ру означало бы наверняка потерять эти деньги. Вряд ли тот отдал бы ему все пятьсот фунтов за полученную информацию. Конечно, Ламберт и понятия не имел о том, что Ру дал задание убить ирландца. Будучи неосведомленным в этом, он придумал свой план.

Бенни Ламберт оказался не очень изобретатель-

ным, но сам он считал свою идею превосходной. Он получал от Шеннона всю тысячу, а затем говорил Ру, что Кот обратился к нему с просьбой достать сертификат конечного пользователя, а Бенни отказал. Однако и о Шенноне он слышал достаточно, чтобы не на шутку опасаться его. Бенни боялся, что Ру слишком быстро найдет ирландца после его собственной встречи с ним, и Шеннон сразу же догадается, кто на него настучал Ру. Он решил подождать до следующего утра.

Когда Бенни наконец дал Ру наводку, было слишком поздно. Портье в отеле совершенно искренне ответил, что под именем Карло Шеннона у них никто не проживает.

Подвергнутый тщательному допросу, насмерть перепуганный Ламберт заявил, что сам он в отеле не был. Шеннон лишь звонил ему и сообщил, где остановился.

Вскоре после девяти Генри Алан, человек Ру, прибыл в отель «Плаза Сурен» и установил, что единственный англичанин или ирландец, который вчера останавливался в отеле, в точности соответствовал описанию Шеннона. Этот человек предъявил паспорт на имя Кейта Брауна и заказал у портье билет на отправляющийся в девять утра люксембургский экспресс.

Генри Алан выяснил и кое-что еще. Вчера днем мистер Браун встречался в отеле с французом, описание которого Алану также удалось получить. В полдень он доложил обо всем Ру.

В квартире Шарля Ру сам хозяин, Генри Алан и Раймонд Томард провели военный совет.

— Да, Генри, на этот раз мы его упустили, — подвел окончательный итог Ру. — Он об этом ничего не знает и вполне может появиться в том же отеле, если ему придется останавливаться в Париже. Заведи себе хорошего приятеля среди служащих отеля. Я должен знать немедленно, если этот проклятый ирландец снова там появится. Понятно?

— Ясное дело, патрон, — кивнул Алан. — Я найду кого-нибудь из обслуги и, как только Шеннон позвонит, чтобы заказать номер, вы сразу же будете в курсе.

Ру обернулся к Томарду.

— Когда он появится, Раймонд, ты грохнешь этого ублюдка. А пока займись одним маленьким дельцем. Этот говнюк Ламберт решил со мной пошутить. Он мог бы навести меня на Шеннона еще вчера вечером, и дело было бы сделано. Скорее всего, он взял у ирландца деньги, а затем решил потянуть время. Раз он такой шустрый — давайка стреножь его на ближайшие шесть месяцев.

* * *

Шеннон даже и представить не мог, что в компанию «Тирон Холдинге» так быстро вдохнут жизнь. Процедура учреждения компании закончилась, практически не начавшись. Его пригласили в личный кабинет Штейна, где уже сидели господин Ланг и младший партнер фирмы. Вдоль стены расположились три секретарши. Все семеро учредителей были в наличии, и господин Штейн основал новую компанию за пять минут. Шеннон передал на счет компании пятьсот фунтов, и тут же на свет появилась тысяча акций. Каждый получил по одной акции, расписался за нее и передал на хранение господину Штейну. Шеннон получил пакет из девятисот девяноста четырех акций, оформленных одним документом, за который также расписался, но свои акции забрал себе. Председатель и секретарь компании подписали протокол и устав, чтобы копии этих документов впоследствии представить в Управление регистраций компаний эрцгерцогства Люксембургского. Затем три секретарши отправились выполнять прерванную работу, а совет директоров компании провел совещание, на котором была выработана ее политика, что

заняло около минуты. На этом все закончилось. Компания «Тирон Холдинге СА» получила законное право на существование.

Директора попрощались с Шенноном за руку, обращаясь к нему «мистер Браун», и вышли. Председатель новой компании, господин Штейн, проводил Шеннона до двери.

— Если вы и ваши партнеры захотят купить компанию в выбранной сфере деятельности, попадающую под владение «Тирон Холдинге», — предупредил он Шеннона, — вам следует обратиться к нам, представить чек на соответствующую сумму и купить новые акции по одному фунту за штуку. Все формальности мы берем на себя.

Шеннон понял. Попытки навести любые справки будут пресечены господином Штейном как председателем компании. Двумя часами позже он сел на вечерний рейс в Брюссель и успел поселиться в «Холидей Инн» еще до восьми вечера.

* * *

На следующее утро сразу же после десяти в номер Шеннона постучали. Представ на пороге комнаты, Крошка Марк и сопровождавший его человек, назвавшийся месье Бушем, выглядели

весьма комично. Огромный мускулистый Марк нависал над своим спутником — маленьким кругленьким толстячком, похожим на балаганного клоуна. Буш напоминал своей фигурой «ваньку-встаньку», которого никакими силами не заставить перевернуться на бок. Лишь вглядевшись пристальней, можно было разобрать, что нижняя часть его тела разделена на две ноги, заканчивающиеся до блеска начищенными ботинками.

Единственное, что мешало воспринимать месье Буша как полностью шарообразный объект — это его голова. Узкая вверху, она расширялась книзу, и отвисшие щеки, касаясь плеч, полностью закрывали ворот пиджака. Еще через несколько секунд Шеннон обнаружил у толстячка руки, свисавшие по бокам тела, и в одной из них — дипломат около пяти дюймов толщиной.

— Входите, пожалуйста, — пригласил Шеннон, отступая в глубь комнаты.

Буш вкатился первым, слегка развернувшись боком. За ним последовал Марк, подмигнув Шеннону, когда тот взглянул на него. После взаимных приветствий Шеннон указал на кресла, но месье Буш предпочел присесть на край кровати. Вероятно, опыт подсказывал ему, что из кресла он вряд

ли сможет выбраться без посторонней помощи.

Шеннон предложил кофе и сразу перешел к делу. Крошка Марк хранил молчание.

— Месье Буш, наверное, мой друг и коллега сообщил вам, что зовут меня Браун, по национальности я англичанин и представляю группу деловых партнеров, которые заинтересованы в приобретении некоторого количества автоматических карабинов или автоматов. Месье Вламинк любезно предложил познакомить меня с человеком, у которого, возможно, имеется для продажи интересующий нас товар. Из его слов я понял, что это автоматы Шмайссера калибра 9 мм, производства времен войны, но не бывшие в употреблении. Я также понял, что ни о какой лицензии на их приобретение не может быть и речи, но это как раз для нас подходит, и всю ответственность мы готовы взять на себя. Я правильно излагаю?

Буш медленно кивнул. Быстро кивнуть он был просто не в состоянии.

— Я могу предоставить определенное количество такого товара, — начал он осторожно. — Вы совершенно правы насчет лицензии. По этой причине я обязан позаботиться о том, чтобы личности моих людей нельзя было установить. Все

деловые соглашения, к которым мы, возможно, придем, должны основываться на наличных расчетах и самых строгих мерах предосторожности.

«Он лжет, — подумал Шеннон. — За ним никого нет, товар только у него, и работает он один».

В молодости, когда он был несколько стройнее, Буш служил в бельгийских эсэсовских частях, работая поваром в казармах СС в Намуре. Кулинаром он стал из-за своего пристрастия, если не сказать одержимости, к еде. До войны он даже несколько раз терял работу, поскольку слишком увлекался снятием проб со своей продукции. В голодной военной Бельгии служба в местных формированиях СС, создаваемых нацистами на оккупированных территориях, гарантировала сытую жизнь. В 1944 году, когда немцы отступали из Намура, грузовик с новенькими «Шмайссерами», вывозимыми из арсенала, сломался по дороге на восток. Времени на починку не было, поэтому груз перенесли в ближайший бункер, вход в который заминировали. Все происходило на глазах Буша. Через несколько лет он вернулся на это место, проник в бункер и забрал оттуда тысячу стволов оружия.

С тех пор оно хранилось в погребе под гаражом его загородного дома, доставшегося ему в наслед-

ство от умерших в середине пятидесятых годов родителей. Временами Бушу удавалось продавать небольшие партии товара, в результате чего его склад был уже ополовинен.

— Если оружие в хорошем рабочем состоянии, я бы купил сто автоматов, — произнес Шеннон. — Естественно, оплата будет наличными в любой валюте. Мы примем все выдвинутые вами условия, конечно, в разумных пределах. Мы также заинтересованы в соблюдении абсолютной секретности.

— Автоматы новехонькие, месье. Все в заводской смазке, обернуты промасленной бумагой, пломбы на ящиках не нарушены. Хоть их и сделали тридцать лет назад, они до сих пор остаются лучшими когда-либо производимыми автоматами.

Шеннон не нуждался в лекции о достоинствах «Шмайссера» калибра 9 мм. Лично он предпочел бы израильский «Узи», но достать это оружие не так-то просто. «Шмайссер» был на порядок лучше «Стэна» и по крайней мере не хуже современного британского «Стерлинга». Определенного мнения об американском, советском или китайском автоматическом стрелковом оружии он не имел.

— Могу я взглянуть? — спросил Шеннон.

Повертев колесики кодового замка и тяжело сопя, Буш раскрыл лежащий у него на коленях дипломат.

Шеннон поднялся и, подойдя к нему, достал из чемоданчика автомат. Это был замечательный образчик автоматического оружия. Шеннон погладил рукой вороненую сталь и, перехватив автомат за рукоятку и ствол, ощутил его легкость и удобство. Он снял автомат с предохранителя и несколько раз щелкнул затвором, затем заглянул в дуло. Оно было чистым, без единого изъяна.

— Это образец, — пропыхтел Буш. — Очищен от заводской смазки. Остальные такие же, к ним никто не прикасался.

Шеннон положил оружие.

— Стандартные патроны калибра 9 мм, — с надеждой добавил Буш.

— Спасибо, я знаю, — проговорил Шеннон. — Как насчет магазинов? Мне кажется, таких уже нигде не найти.

— С каждым автоматом я могу дать пять штук, — сообщил Буш.

— Пять? — Шеннон изобразил недоумение. — Это меня никак не устроит. По крайней мере десять.

Началась торговля. Шеннон упирал на отсут-

ствие достаточного количества магазинов, а бельгиец протестовал, заявляя, что большего он дать не в состоянии, и Шеннон хочет пустить его по миру. Ирландец предложил по семьдесят пять долларов за каждый из ста автоматов; Буш утверждал, что по такой цене партия должна быть не менее двухсот пятидесяти стволов, а коли речь идет о ста единицах, то это составит сто двадцать пять долларов за каждый автомат. Два часа спустя они сошлись на ста «Шмайссерах» по сто долларов за штуку, условившись о месте и времени передачи товара, которая должна была состояться в следующую среду после наступления темноты. Покончив с делами, Шеннон попросил Вламинка подбросить месье Буша, но толстячок отказался, заказав такси. Он вполне допускал, что ирландец, наверняка представлявший ИРА, проследит за ним, чтобы узнать, где находится его тайный склад. Что ж, Буш был по-своему прав. Доверие в деле незаконой торговли оружием — глупость и непозволительная роскошь.

Вламинк проводил «ваньку-встаньку» вместе с его смертоносным чемоданчиком до выхода из отеля и помог ему разместиться в такси. Когда он вернулся, Шеннон упаковывал вещи.

— Ты понимаешь, зачем я велел тебе купить

фургон? — спросил он Марка.

— Нет, — пожал плечами бельгиец.

— Мы им воспользуемся, чтобы забрать в среду оружие, — пояснил Шеннон. — Не стоит, чтобы Буш видел настоящие номера. Приготовь к среде парочку поддельных. Кто знает, не захочет ли он навести кого-нибудь на наш след.

— О'кей, Кот. Я все приготовлю. Тебя подбросить куда-нибудь? Автомобиль в моем распоряжении до конца дня.

Вламинк отвез Шеннона на запад в Брюгге и ждал в кафе, пока тот наведался в банк. Господин Госсенс обедал, поэтому и они решили перекусить в небольшом ресторанчике на главной площади. Затем в половине третьего Шеннон снова направился в банк.

На счету Кейта Брауна оставалось еще семь тысяч фунтов, но через девять дней две тысячи фунтов из этой суммы будут переведены на счета четырех наемников в качестве их жалованья. Он выписал банковский чек на имя Иоганна Шлинкера и сунул его в конверт, где уже лежало написанное предыдущим вечером письмо. Шеннон информировал Шлинкера о том, что прилагаемый чек на четыре тысячи восемьсот долларов завершает расчет за заказанный им

неделей ранее товар, а также сообщил немцу имя и адрес коммерческого агента в Тулоне, которому следовало отправить груз, указав, что он предназначается месье Жану-Батисту Лангаротти. Наконец, он предупреждал Шлинкера, что будет звонить ему на следующей неделе, чтобы узнать, как обстоят дела с сертификатом конечного пользователя на заказанные им боеприпасы.

Еще одно письмо Шеннон адресовал Алану Бейкеру в Гамбург. В конверте лежал чек на семь тысяч двести долларов. Текст письма гласил, что эта сумма составляет пятьдесят процентов, уплачиваемых вперед за ту покупку, о которой они договорились, ужиная в отеле «Атлантика» неделей раньше. В конверт был также вложен сертификат конечного пользователя, предоставленный правительством Того, и чистый бланк с печатью этого государства. Наконец, он давал Бейкеру распоряжение немедленно заняться покупками и обещал регулярно проверять ход дел. Оба письма он отправил из почтового отделения Брюгге заказной экспресс-почтой.

Затем Вламинк вместе с Шенноном вернулись в Остенде. Там, в баре недалеко от морского порта, они выпили по паре пива, и Шеннон сел на вечерний паром до Дувра.

Поезд из Дувра доставил его на вокзал Виктория в полночь. В час ночи он был в постели у себя дома, но до этого послал телеграмму Эндину на известный ему адрес poste restante, сообщая, что вернулся и считает необходимым встретиться.

В субботу утренняя почта доставила письмо из Малаги, что на юге Испании. Оно было адресовано Кейту Брауну, но начиналось словами «Дорогой Кот». Письмо пришло от Курта Землера. Он кратко сообщал, что нашел корабль — переоборудованное моторное рыболовное судно, построенное двадцать лет назад на британских верфях. Оно принадлежало англичанину и было зарегистрировано в Лондоне. Корабль ходил под британским флагом, имел девяносто футов в длину и общую грузоподъемность восемьдесят тонн. Посередине судна находился большой трюм, а в кормовой части — еще один, поменьше. По своему классу корабль относился к частной яхте, но мог быть перерегистрирован как каботажное судно.

Далее Землер сообщал, что продажная стоимость — двадцать тысяч фунтов, и двух членов экипажа стоит оставить. Найти хорошую замену двум другим морякам нетрудно.

Землер остановился в отеле «Малага Палас» и

просил Шеннона связаться с ним, рекомендуя ему приехать и лично осмотреть судно. Корабль назывался «Альбатрос».

Шеннон позвонил в авиакомпанию «БЕА» и заказал себе билет на рейс до Малаги в понедельник утром. Затем дал телеграмму Землеру, сообщая номер рейса и время прилета.

* * *

Эндин позвонил Шеннону днем, после того как проверил свой абонентский ящик и прочитал его телеграмму. Они встретились вечером, перед ужином, на квартире Шеннона, где тот представил Эндину уже третий отчет о ходе подготовки, сопровождаемый очередными счетами.

— Вам необходимо сделать дополнительные ассигнования, если мы собираемся двигаться дальше, — сообщил Шеннон. — Теперь нам предстоят наибольшие расходы — покупка оружия и корабля.

— Сколько вам нужно? — спросил Эндин.

Шеннон перечислил:

— Две тысячи на зарплату, четыре тысячи на десантные лодки и подвесные моторы, четыре тысячи на автоматы и более десяти тысяч на боеприпасы. Свыше двадцати тысяч. Пусть лучше

будет тридцать тысяч, чтобы мне не пришлось к вам обращаться снова на следующей неделе.

— Нет, — покачал головой Эндин, — пусть останется двадцать. Если вам потребуются деньги, вы всегда сможете со мной связаться. Кстати, я хотел бы взглянуть на что-либо из закупок. Получается, что за месяц у нас ушло уже пятьдесят тысяч фунтов.

— Не выйдет, — ответил Шеннон. — Ни боеприпасы, ни лодки, ни моторы — ничего еще не закуплено. То же относится к минометам, базукам и автоматам. Все это оплачивается наличными, и в основном вперед. Я же подробно объяснил ситуацию вашим компаньонам в своем первом отчете.

Эндин холодно взглянул на него.

— Могли бы хоть что-нибудь купить, израсходовав столько денег, — раздраженно проговорил он.

Шеннон посмотрел на него в упор.

— Не указывайте мне, Харрис. Многие пытались это делать. Жаль, что вряд ли они смогут ответить, во что это им обошлось. Да, а как насчет судна?

Эндин встал.

— Дайте мне знать, что это за судно, и кто про-

давец. Я переведу деньги непосредственно со своего швейцарского счета.

— Уж будьте любезны, — съязвил Шеннон.

Поужинал он этим вечером в одиночестве, но довольно неплохо. Завтрашний воскресный день выдавался свободным, и можно было бы провести вечер с Джулией Мэнсон, но она уже уехала к родителям в Глочестершир. Поэтому Шеннон сидел погруженный в задумчивость с чашкой кофе и рюмкой бренди, планируя свои действия надолго вперед и стараясь вообразить себе картину атаки на президентский дворец в Зангаро.

* * *

В воскресенье утром Джулия Мэнсон решила позвонить в Лондон на квартиру своего нового любовника, чтобы узнать, дома ли он. За окнами шел проливной весенний дождь. Она надеялась, что сможет оседлать нового замечательного жеребца, которого отец подарил ей месяц назад, и промчаться галопом по окружающему семейное поместье парку. Прогулка верхом взбодрила бы ее и отвлекла от постоянных мыслей о человеке, в которого она по уши влюбилась. Но погода, похоже, не собиралась потворствовать планам Джулии. Она была вынуждена слоняться по ста-

ринному дому, выслушивая болтовню матери о благотворительных базарах и комитетах помощи сиротам или глядя в окна на вымокший сад.

Отец работал у себя в кабинете, но Джулия заметила, что он пошел на конюшни поговорить с конюхом. Поскольку мать прочно приклеилась к трубке, она решила позвонить из кабинета отца.

Джулия сняла трубку, когда ее внимание привлекла надпись на обложке папки, лежащей на столе среди прочих бумаг. Она небрежно раскрыла ее и застыла с гудящей телефонной трубкой в руке. На первой странице стояло имя Шеннона.

Как и у многих молодых девушек, у нее были свои фантазии. Лежа в темноте спальни общежития частной школы, она нередко представляла себя в роли героини сотен опасных авантюр, как правило, спасающей любимого человека от преследований злого рока и вознаграждаемой его преданностью на веки вечные. Но, в отличие от большинства девушек, она так и не повзрослела.

Вспомнив настойчивые расспросы Шеннона об отце, она тут же вообразила себя в роли агента, действующего в интересах своего возлюбленного. Правда, о делах отца она практически не имела ни малейшего представления. Зато поняла: вот он — ее шанс.

Джулия пробежала глазами первую страницу. Это было выше ее разумения. Какие-то цифры, цены, названия банков, еще раз упоминалось имя Шеннона и два раза встречалась фамилия какого-то Кларенса. Дальше продвинуться не удалось: ее занятие прервал поворот дверной ручки.

Она мгновенно захлопнула обложку папки, отступила от стола и затараторила в гудящую трубку. В дверях появился отец.

— Хорошо, хорошо, Кристина, просто замечательно, дорогая. Тогда увидимся в понедельник. Пока, пока, — прощебетала, прощаясь, Джулия.

При виде дочери выражение лица сэра Джеймса смягчилось. Он прошел в комнату и сел за свой стол.

— И что же ты здесь делаешь? — спросил он с притворной строгостью.

Вместо ответа она обняла его сзади за шею и поцеловала в щеку.

— Звонила подружке в Лондон, папулечка, — проговорила она голоском маленькой девочки. — Мамочка болтает по телефону в холле, поэтому я пришла сюда.

— Гм-м. Есть же телефон в твоей комнате. Пользуйся, пожалуйста, им для своих разговоров.

— Хорошо, хорошо, — она скосила глаза на

лежащие рядом с папкой листы бумаги, но текст был очень мелкий для чтения с того места, где стояла Джулия. Кроме того, там в основном просматривались столбцы цифр. Она смогла разобрать только заголовки, которые касались цен на полезные ископаемые. Отец повернулся к ней.

— Почему бы тебе не бросить всю эту скучную работу? Пойдем, поможешь оседлать мне Тамерлана, — попросила она отца. — Дождь скоро кончится, и я смогу прокатиться верхом.

Он улыбнулся своей обожаемой дочке.

— Благодаря этой скучной работе мы обуты, одеты и сыты, — произнес он. — Ну ладно, через несколько минут я догоню тебя.

За дверью Джулия Мэнсон остановилась и перевела дух. Она была уверена, что действовала не хуже Маты Хари.

Глава 14

Испанские власти относятся к иностранцам гораздо терпимее, чем принято думать. Заинтересованные в миллионах скандинавских, немецких, французских и британских туристов, наводняющих страну каждую весну и лето, испанские власти смотрят сквозь пальцы на то, что они везут с собой. В лондонском аэропорту незадачливый путешественник, в сумке которого лежат два блока сигарет вместо разрешенного правилами одного, имел бы неприятности, но в Испании ему это сходит с рук.

Туристу надо очень постараться, чтобы у него возникли осложнения с испанской таможней, но уж если такое случается, дело оборачивается весьма неприятным образом. Имеются четыре вещи, которые нежелательно обнаружить в багаже туриста. Это оружие или взрывчатка, наркотики, порнография и коммунистическая пропаганда. В других странах могут запретить ввоз двух бутылок беспошлинного бренди, но разрешат иметь при себе журнал «Пентхауз». В Испании же иные приоритеты.

Таможенник в аэропорту Малаги равнодушно

взглянул на пачку двадцатифунтовых купюр, составляющих в сумме тысячу фунтов, которую обнаружил в саквояже Шеннона. Даже если чиновник и знал, что такую сумму нельзя вывозить из Лондона, он не подал вида. Это уже проблемы английской таможни. Он не обнаружил экземпляров «Секси Герл» или «Правды» и дал знак Шеннону проходить.

Проведя три недели на Средиземноморье в поисках подходящего судна, Курт Землер основательно загорел и выглядел довольно бодро. Он по-прежнему курил одну сигарету за другой. Эта привычка позволяла ему сохранять хладнокровие в напряженных ситуациях.

По дороге из аэропорта в Малагу Курт рассказал Шеннону о том, как побывал в Неаполе, Генуе, Валетте, Марселе, Барселоне и Гибралтаре, восстанавливая старые связи, встречаясь с брокерами и агентами по продаже судов, осматривая предлагаемые корабли. Из их огромного количества он в конце концов выбрал семь. «Альбатрос» стоял в его списке третьим. Не вдаваясь в подробности, он сказал Шеннону, что судно вполне подходящее.

Землер зарезервировал Карло номер в отеле «Малага Палас», куда они прежде всего и напра-

вились. Около четырех часов они появились в доках.

«Альбатрос» был пришвартован у причала в дальнем конце порта, сверкая на солнце белой краской. Поднявшись по трапу, Землер познакомил своего командира с владельцем и капитаном Джорджем Алленом, который повел их осматривать судно. Уже задолго до конца осмотра Шеннон пришел к выводу, что корабль слишком мал для его целей. Имелась одна каюта на двоих, две одиночные каюты и кают-компания, где на полу можно было постелить матрасы и спальные мешки.

При нужде кормовой трюм тоже переоборудовался под спальний кубрик еще для шести человек, но все равно места не хватало. Он не предупредил Землера о том, что, кроме четырех человек команды и пятерых наемников, потребуется разместить еще шесть человек, и теперь проклинал себя за это.

Шеннон проверил судовые документы, оказавшиеся в полном порядке. Бумаги подтверждали, что судно зарегистрировано в Англии. Около часа они обсуждали с капитаном Алленом вопросы продажи корабля.

Когда они расставались вечером с Землером,

Кот Шеннон выглядел не совсем удовлетворенным.

— В чем дело? — спросил Землер. — Судно «чистое».

— Да нет, — вздохнул Шеннон, — оно слишком маленькое. Корабль зарегистрирован как частная яхта и не принадлежит никакой компании. Меня беспокоит, что власти могут счесть его неподходящим для транспортировки оружия.

По возвращении в отель время оказалось слишком позднее для запланированных звонков, и Шеннон решил отложить их до утра. В начале десятого он позвонил в лондонское агентство Ллойда и попросил проверить регистрационный список яхт. «Альбатрос» числился в нем как кеч[38] водоизмещением семьдесят четыре тонны с портом приписки Милфорд, Англия.

«Какого черта здесь делает эта яхта?» — подумал он и стал звонить в Гамбург.

— Nein[39], только не частная яхта, — взмолился Иоганн Шлинкер. — Слишком большая вероятность, что ее не разрешат зафрахтовать для

---

[38] Примечания: 38

Небольшая моторная яхта или двухмачтовое парусное судно водоизмещением около ста тонн.

[39] Примечания: 39

Нет (нем.).

переправки коммерческого груза.

— Ладно. Когда вам понадобится название корабля? — спросил Шеннон.

— Как можно скорее. Кстати, я получил перевод за то, что вы у меня заказали. Товар будет упакован и отправлен во Францию по указанному вами адресу. Далее, я подготовил бумаги, которые требуются для партии другого груза. Как только получу деньги, я сделаю заказ.

— Каков крайний срок? — поинтересовался Шеннон.

Шлинкер задумался.

— Если я получу от вас чек в течение пяти дней, то сразу же обращусь за разрешением на покупку. Название корабля понадобится для лицензии на экспорт. Недели через две после этого.

— Оно у вас будет в срок, — заверил Шеннон и положил трубку. Затем, повернувшись к Землеру, пояснил ситуацию:

— Извини, Курт, но судно должно быть зарегистрировано в компании, занимающейся транспортировкой грузов. Частная яхта не подойдет. Могут не дать лицензию на экспорт. Название мне нужно не позже чем через двенадцать дней. Я обещал сообщить его человеку в Гамбурге через двадцать дней или раньше.

Этим же вечером они расстались в аэропорту. Шеннон возвращался в Лондон, а Землер летел в Мадрид, затем в Рим и Геную, в соответствии со своим списком.

Когда Шеннон добрался до дома, было уже поздно. Но прежде чем лечь, он позвонил в «БЕА» и заказал билет на дневной рейс в Брюссель. Затем он дозвонился до Вламинка и попросил встретить его в аэропорту, чтобы отвезти сначала в Брюгге, а затем на встречу с Бушем.

Закончился день двадцать второй.

* * *

Мистер Гарольд Робертс был крайне полезным человеком. Он родился шестьдесят два года назад от британца и швейцарки. После преждевременной смерти отца воспитывался в Швейцарии и сохранил двойное гражданство. Смолоду пойдя по стезе банковского дела, он проработал двадцать лет в главной конторе одного из крупнейших швейцарских банков Цюриха, а затем был переведен помощником управляющего в лондонское отделение.

Сразу же после Второй мировой войны начался второй двадцатипятилетний период его карьеры. Он вырос до управляющего отделом инвестици-

онных счетов, позже возглавил все лондонское отделение и в возрасте шестидесяти лет ушел на заслуженный отдых. Мистер Робертс обосновался в Англии, получая пенсию от швейцарского банка.

Но и на покое он выполнял некоторые деликатные поручения от имени не только своих бывших шефов, но и глав других швейцарских банков. Подобное задание поручили ему и в этот четверг.

В официальных письмах «Цвингли Банка» председателю и секретарю компании «Бормак» мистер Робертс был представлен агентом «Цвингли Банка» в Лондоне. В свою очередь, и мистер Робертс имел письмо, подтверждающее его полномочия.

Между мистером Робертсом и секретарем компании «Бормак» состоялось две встречи. На последней присутствовал председатель, майор Льютон, младший брат покойного помощника сэра Яна Макаллистера на Дальнем Востоке.

В результате в Сити назначили внеочередное совещание совета директоров. Кроме поверенных в делах и майора Льютона, на совещании присутствовал еще один из директоров компании. Они рассмотрели представленные им документы и подготовленное секретарем компании поста-

новление. Четверо акционеров, пожелавших остаться анонимными, интересы которых представлял «Цвингли Банк», действительно владели тридцатью процентами акций компании. В свою очередь, «Цвингли Банк» уполномочивал мистера Робертса вести дела от его имени.

Решающим аргументом при обсуждении сложившейся ситуации являлся следующий: раз уж консорциум бизнесменов купил столь значительное количество акций компании, то, вероятно, можно поверить заявлению, сделанному банком от их лица, о намерении влить в компанию свежий капитал и возродить ее. Такой поворот событий оказался бы вовсе не плох для цены на акции, а все трое директоров были акционерами. Предложенное постановление приняли, и мистер Робертс вошел в совет директоров на правах номинального члена, представляющего интересы «Цвингли Банка». Никто не побеспокоился о том, чтобы изменить положение устава компании, согласно которому два члена совета директоров образуют кворум с правом принятия решений, хотя теперь уже директоров стало шесть вместо пяти.

* * *

Мистер Кейт Браун стал довольно регулярно наведываться в город Брюгге и превратился в ценного клиента кредитного банка. Господин Госсенс принял его с привычным дружелюбием. Он подтвердил, что этим утром из Швейцарии на его имя пришел кредит на двадцать тысяч фунтов. Шеннон взял десять тысяч долларов наличными и выписал банковский чек на имя Иоганна Шлинкера из Гамбурга в сумме двадцати шести тысяч долларов.

Из ближайшего почтового отделения он отправил этот чек заказным письмом Шлинкеру, сопроводив его указанием не затягивать покупку боеприпасов в Испании.

Шеннону и Марку Вламинку оставалось убить еще около четырех часов до назначенной встречи с Бушем. Два из них они провели, неторопливо попивая чай в одном из кафе Брюгге, и вышли оттуда, когда начало темнеть. От Брюгге к Генту, который находился в сорока четырех километрах на восток, вела старая безлюдная дорога. Она петляла и извивалась среди ферм, и потому большинство водителей предпочитали новое скоростное шоссе Е6 Остенде — Брюссель, которое

также связывало эти два фламандских городка. Наемники направились по старой дороге и на полпути обнаружили заброшенную ферму, о которой им говорил Буш. Вернее, они увидели полустертый дорожный указатель, а само строение пряталось за деревьями.

Подъехав к месту, Шеннон остался в машине, а Марк отправился на разведку. Он вернулся через двадцать минут, подтвердив, что ферма действительно безлюдна.

— Дом заперт. Незаметно, что кто-либо мог туда проникнуть. Я проверил сараи и конюшни. Никого.

Шеннон взглянул на часы. Уже наступили сумерки, но до встречи оставался еще час.

— Вернись назад и наблюдай с крыши, — распорядился он. — Я буду следить за въездом отсюда.

Когда Марк ушел, Шеннон еще раз проверил фургон. Это была старая развалюха, правда, вполне способная передвигаться, с недавно отлаженным хорошим механиком мотором. Шеннон достал два фальшивых номерных знака и приладил их поверх настоящих, закрепив скотчем. Когда они окажутся подальше от фермы, их можно будет снять, а пока Бушу совершенно незачем знать настоящие номера. Боковые стенки

фургона украшали рекламные афиши, которые отличали автомобиль от остальных, но легко срывались в случае необходимости. В кузове находилось шесть больших мешков картофеля, загруженных по указанию Шеннона Вламинком, и широкая деревянная доска, служившая в качестве откидного борта. Удовлетворенный, он возобновил наблюдение за дорогой.

Ожидаемый автомобиль появился без пяти восемь. Пока он петлял по дороге к ферме, Шеннон разглядел фигуру водителя, а рядом с ним нечто шарообразное, увенчанное грушевидной головой. Это не мог быть никто иной, как месье Буш.

Выждав несколько минут, Шеннон выехал со двора фермы на боковую грунтовую дорогу и погасил фары. Когда он снова въехал во двор, машина Буша стояла в центре с зажженными подфарниками. Шеннон остановил свой фургон примерно в тридцати футах, выключил двигатель и выбрался из кабины, также не выключая подфарников.

— Месье Буш, — окликнул он, стоя так, чтобы на него не попадал свет.

— Месье Браун, — услышал он пыхтенье Буша, и толстяк вышел из темноты. С ним был помощник, здоровенный мужик, который, похоже, мог

отлично таскать тяжести, но двигался слишком медленно. Шеннон знал, что Крошка Марк при желании мог порхать, как солист балета. Оснований для каких-либо опасений Карло не видел.

— Деньги при вас? — спросил Буш, подойдя ближе. Шеннон указал на кабину своего автомобиля.

— Там. А «Шмайссеры»?

Теперь Буш ткнул пухлой ручкой в сторону своей машины.

— В кузове.

— Я предлагаю, чтобы каждый положил свой товар на землю между машинами, — сказал Шеннон.

Буш повернулся и отдал своему помощнику распоряжение на фламандском, которое Шеннон не понял. Тот направился к фургону и распахнул задние дверцы. Карло напрягся. Если их и ожидали сюрпризы, то именно сейчас все и выяснится. Но ничего не произошло. Тусклый свет фар осветил десять плоских квадратных ящиков и картонную коробку с открытым верхом.

— Ваш друг не с вами? — осведомился Буш.

Шеннон свистнул. Из-за ближайшего сарая возник Крошка Марк. Повисло молчание. Наконец, Шеннон прокашлялся.

— Давайте-ка меняться, — предложил он, доставая из бардачка толстый коричневый конверт. — Наличные, как вы и просили. Двадцатидолларовые банкноты. Пачки по пятьдесят штук. Всего десять пачек.

Он стоял рядом с Бушем, пока тот проверял каждую пачку, с поразительной скоростью пересчитывая банкноты своими толстыми пальцами и распихивая их по карманам. Закончив считать, Буш снова стал доставать пачки и вытягивать наугад из каждой по банкноте. Он тщательно осматривал взятые образцы, подсвечивая маленьким фонариком-карандашом, опасаясь подделки. Все было нормально.

— Порядок, — наконец кивнул месье Буш и отдал приказание помощнику.

Тот отошел от дверей фургона. Шеннон дал знак Марку, который, подойдя к машине, вытащил на землю первый ящик. Отодрав крышку при помощи монтировки, он осветил своим фонарем десять лежащих друг подле друга «Шмайссеров». Затем бельгиец достал один из автоматов, проверил спусковой механизм, мушку и щелкнул несколько раз затвором. Он вернул «шмайссер» назад и плотно приладил крышку.

Двадцать минут ушло на то, чтобы вскрыть все

десять ящиков. Пока он занимался этим, помощник Буша стоял рядом. Сам Шеннон находился в футе от владельца оружия. Наконец Крошка Марк заглянул в открытую коробку. Там было пятьсот магазинов для «Шмайссеров». Он взял один из них и убедился, что тот подходит к автомату. Затем обернулся к Шеннону и подытожил:

— Годится.

— Вы не попросите своего приятеля помочь погрузить ящики? — обратился Шеннон к Бушу.

Толстяк распорядился, и через десять минут груз был в фургоне Шеннона. Перед этим два здоровенных фламандца вытащили мешки с картофелем. Карло слышал, как они переговаривались о чем-то на родном наречии. Помощник Буша рассмеялся.

Марк установил деревянный борт, который наполовину закрыл задний проем фургона. Взяв нож, он разрезал первый мешок, взвалил его на плечо и опустошил в кузов. Картофель рассыпался по ящикам, заполняя свободные промежутки. Второй бельгиец начал со смехом ему помогать.

Привезенной картошки с избытком хватило, чтобы покрыть весь приобретенный товар. Пустые мешки они развесили на изгороди, окружающей двор фермы.

— Все, поехали, — проговорил Марк.

— Если вы не возражаете, мы двинемся первыми, — предложил Шеннон Бушу. — У нас все же не очень-то законный груз.

Он подождал, пока Марк заведет мотор и развернется, лишь затем отошел от Буша и вскочил в кабину. На полпути к шоссе в дороге была глубокая выбоина, переезжать которую приходилось очень медленно и осторожно. Здесь Шеннон прошептал пару слов Марку, взял у него нож и, выпрыгнув из фургона, спрятался в кустах на обочине.

Двумя минутами позже появилась машина Буша. Шеннон выскользнул из кустов, подкрался к едва двигающемуся автомобилю и вонзил нож в заднее колесо. Он был снова в кустах, когда услышал сумасшедшее шипение спускаемой шины. К Марку он присоединился уже на основной дороге, где тот сдирал с боков фургона рекламные афиши и отклеивал фальшивые номера. Шеннон ничего не имел против Буша, ему нужна была лишь фора в полчаса.

К половине одиннадцатого пара наемников въезжала в Остенде. Они заперли заполненный молодой картошкой фургон в арендованном Вламинком гараже и отправились в его бар на

Кляйнштраат. Пока Анна готовила еду, они чокались кружками пенящегося пива, поздравляя друг друга с успехом. Шеннон впервые встретился с симпатичной и хорошо сложенной любовницей Марка, и, как это было принято среди наемников, вел себя по отношению к ней исключительно галантно.

Вламинк заказал Шеннону номер в отеле недалеко от центра города, но они засиделись допоздна, понемногу выпивая и болтая о былых сражениях и схватках, вспоминая события и людей, атаки и отступления, иногда посмеиваясь, а порой мрачно кивая. Пока они пили, бар оставался открытым, и сгрудившиеся вокруг простые смертные слушали их с открытыми ртами. Почти светало, когда они разошлись.

Крошка Марк позвонил Шеннону в отель поздно утром, и они вместе позавтракали. Командир объяснил наемнику, что «шмайссеры» необходимо упаковать и подготовить к контрабандной переброске через бельгийскую границу во Францию для погрузки на корабль в каком-нибудь южном порту этой страны.

— Мы могли бы переправить их в ящиках с молодой картошкой, — предложил Марк, но Шеннон покачал головой.

— Картофель перевозят в мешках, а не ящиках, — возразил он. — Меньше всего нам нужно, чтобы ящики привлекли внимание, и все дело провалилось. У меня есть идея получше.

Полчаса он втолковывал Вламинку, что надо сделать с автоматами, и бельгиец одобрительно кивал.

— Хорошо, — проговорил он, когда понял, что от него требуется. — По утрам, до открытия бара, я могу поработать в гараже. Когда мы отправим их на юг?

— Примерно пятнадцатого мая, — ответил Шеннон. — Нам поможет Жан-Батист. Я хочу, чтобы к этому времени все было готово к отправке.

Марк проводил его в такси до порта. Фургоном они решили не пользоваться вплоть до его последнего рейса из Остенде в Париж с незаконным грузом оружия. Купив без труда билет на паром до Дувра, Шеннон был в Лондоне в начале вечера.

Остаток дня он провел за составлением отчета для Эндина, не упоминая, у кого он купил оружие, и где оно хранится. Он приложил к отчету квитанцию, в которой был указан остаток на его счете в Брюгге. Отчет он отправил по адресу poste restante на имя помощника сэра Джеймса Мэнсона.

Первая утренняя почта в пятницу доставила объемистый пакет от Жана-Батиста Лангаротти. В нем находилась пачка каталогов трех европейских фирм, производящих надувные резиновые полужесткие лодки, которые им требовались. Рекламировались самые разнообразные конструкции: спасательные, предназначенные для воднолыжного спорта, прогулочные, для любителей подводного плавания и многие другие. Однако нигде не упоминался тот факт, что в основе всех конструкций лежала быстрая маневренная десантная лодка, состоящая на вооружении морской пехоты.

Шеннон с интересом пролистал все каталоги. Из трех фирм одна была итальянской, две другие — британской и французской. Наибольшее внимание привлекала итальянская фирма, имеющая вдоль побережья Коте Д'Азур шесть торговых агентств. Ее самой крупной моделью была шлюпка пяти с половиной метров в длину. Две из них — в Марселе и в Каннах — готовились к немедленной поставке. Во французском каталоге имелась фотография самой большой производимой фирмой модели — пятиметровой шлюпки, скользящей по синему морю с опущенной кормой и задранным вверх носом.

Лангаротти сообщил в своем письме, что одна из таких лодок выставлена для продажи в Ницце. Он добавлял, что на британские лодки требуется специальный заказ, и, наконец, что есть много хороших моделей каждого типа, выкрашенных во все цвета радуги, но он обращал внимание лишь на лодки черного цвета. В заключение Лангаротти писал, что каждая из лодок может быть оснащена навесным мотором мощностью около пятидесяти лошадиных сил, и в продаже имеются семь различных моделей моторов, которые можно тут же приобрести.

Шеннон ответил Лангаротти длинным письмом, в котором давал указания купить две модели итальянской фирмы, а одну — французской.

Он подчеркивал, что по получении письма корсиканец должен сразу же позвонить торговым агентам и разместить заказы, послав чеки на десять процентов стоимости покупки. От него также требовалось приобрести три мотора лучших моделей, но в разных местах.

Шеннон выписал стоимость каждого наименования и подсчитал, что общий итог составит более четырех тысяч фунтов. Это означало, что он превысит планируемые в сумме пяти тысяч фунтов расходы на дополнительное снаряжение.

Однако особого беспокойства он не испытывал, поскольку оставался в рамках бюджета при покупке оружия и, как он надеялся, судна. Шеннон сообщил Лангаротти о переводе на его счет суммы, эквивалентной четырем с половиной тысячам фунтов, на остаток которой ему следует купить бывший в употреблении, но отремонтированный двухтонный фургон, имеющий соответствующую лицензию и страховку.

Перемещаясь в этом фургоне по побережью, корсиканцу нужно приобрести три надувные лодки, моторы к ним и доставить все это своему коммерческому агенту в Тулон, где груз оформят на экспорт. Вся партия должна храниться на таможенном складе и быть готовой для отправки к пятнадцатому мая. Утром этого дня Шеннон предписывал Лангаротти прибыть на фургоне в Париж и встретиться с ним в отеле, где он обычно останавливался.

Еще одно письмо командир наемников адресовал в Брюгге. Кредитному банку давалось указание перевести две с половиной тысячи фунтов во французских франках на счет господина Жана-Батиста Лангаротти в один из банков Марселя. В тот же день он отправил оба письма экспресс-почтой.

Вернувшись домой, Шеннон лег на кровать, бесцельно уставившись в потолок. Он чувствовал себя донельзя уставшим и измотанным. Напряжение последних тридцати дней достигло предела. Казалось, все идет согласно плану. Алан Бейкер организует получение минометов и базук из Югославии в начале июня. Шлинкер, по-видимому, уже действует в Мадриде, покупая боеприпасы в таком количестве, что их хватило бы на год стрельбы из «Шмайссеров». Но что поделаешь, в Испании вряд ли удалось бы заказать меньшее число патронов. В середине июня их уже можно будет экспортировать, если, конечно, он сумеет к середине мая сообщить немцу название судна, а само судно устроит официальные власти в Мадриде.

Вламинку предстояло подготовить автоматы к транспортировке через Бельгию и Францию и доставить их в Марсель к первому июня. Десантные лодки и моторы вместе с другим вспомогательным снаряжением, заказанным у Шлинкера, к этому сроку должны находиться на складе в Тулоне.

Все операции с грузами были законными, за исключением контрабандной перевозки «Шмайссеров». Но это вовсе не гарантировало

отсутствия каких-либо проблем. Например, одно из двух правительств вполне могло затянуть или вовсе отказать в продаже оружия на основании представленных документов.

Форме, которую заказал Дюпре в Лондоне, тоже надлежало быть на складе в Тулоне не позже конца мая.

И все же основной проблемой оставалось судно. Поиски, которые вел уже в течение месяца ответственный за это Землер, шли впустую.

Шеннон слез с кровати и послал по телефону телеграмму Дюпре с распоряжением приехать к нему. Не успел он положить трубку, как раздался телефонный звонок.

— Привет, это я.

— Привет, Джулия, — поздоровался Шеннон.

— Где ты пропадал, Кот?

— В отъезде. За границей.

— На уик-энд опять уедешь из города? — поинтересовалась она.

— Скорее всего, нет.

В действительности ему нечего было делать и некуда было торопиться до тех пор, пока Землер не сообщит новостей о корабле. Пока он даже не знал, где немец находится в данный момент.

— Хорошо, — обрадовалась девушка. — Давай-

ка в этот уикэнд займемся чем-нибудь вместе.

— Чем же это? — якобы не понял Шеннон.

Джулия начала подробно и бессовестно разъяснять ему, что она имеет в виду. Прервав ее, Карло заявил о своем намерении немедленно приехать и поучить маленькую девочку уму-разуму.

* * *

Хотя неделю назад Джулию просто распирало от того, что она узнала в кабинете своего отца, сейчас, в возбуждении от встречи с любовником, девушка напрочь забыла о сведениях, которые собиралась ему сообщить. Вспомнила об этом она уже за полночь. Склонившись над засыпающим наемником, Джулия прошептала:

— О, кстати, на днях мне попалось твое имя.

Шеннон заворчал.

— В одном документе, — продолжала она настойчиво.

Шеннон все еще не проявлял интереса, стараясь глубже зарыться в подушки.

— Сказать, где?

Его реакция начала разочаровывать Джулию, но она упорствовала.

— В папке на столе моего отца.

Если она хотела поразить Шеннона, то это ей

вполне удалось. Он мгновенно откинул простыню, сел на кровати и схватил ее за запястья. Выражение его глаз напугало Джулию.

— Ты делаешь мне больно, — капризно проговорила она.

— Что за папка на столе твоего отца?

— Ну, обыкновенная папка, — ответила она со слезами в голосе. — Я только хотела тебе помочь.

Он заметно расслабился, лицо смягчилось.

— Как это тебе удалось в нее заглянуть? — спросил Шеннон.

— Ты же все время расспрашивал о нем, а когда я увидела папку, то просто решила посмотреть, что там. И вдруг вижу твое имя.

Закончив рассказывать, она подалась к нему и обвила руками его шею.

— Я люблю вас, мистер Кот, — прошептала она. — Я сделала это только ради вас. Что-нибудь не так?

Шеннон на мгновение задумался. Она узнала слишком много и обеспечить ее молчание можно было только двумя способами.

— Ты правда любишь меня? — спросил он.

— Да, люблю.

— И ты не хочешь, чтобы со мной случилась беда, если ты скажешь или сделаешь что-то не так?

Джулия отодвинулась от него и пристально посмотрела прямо в глаза. Это было так похоже на сцену из ее школьных фантазий.

— Ни за что, — произнесла она торжественно. — Я никогда не заговорю. Пусть делают со мной, что хотят.

Шеннон в изумлении несколько раз моргнул.

— Боже упаси, никто тебе ничего не собирается делать, — заверил он. — Не говори только своему отцу, что знаешь меня, и что заглядывала в его бумаги. Видишь ли, он взял меня на работу, чтобы собрать для него кое-какую информацию о перспективах добычи полезных ископаемых за границей. Если он узнает, что мы знакомы, то просто выгонит меня, и придется искать другую работу. Правда, есть тут одна на примете, но очень далеко, в Африке. Так что, сама видишь: узнает он о нас и — «Прощай, Джулия!».

Это был хороший аргумент. Джулия не хотела с ним расставаться. Конечно, он знал, что в один прекрасный момент ему придется уйти, но пока говорить об этом девушке было незачем.

— Я ничего не скажу, — пообещала она.

— Еще пару вопросов, — сказал Шеннон. — Ты говорила, что на листочках с ценами видела какие-то надписи, заголовки. Что это было, не

помнишь?

Она наморщила лобик.

— Ну, то, что используют в авторучках. Знаешь, это слово часто упоминается, когда рекламируют дорогие модели.

— Чернила? — предположил Шеннон.

— Платинум, — вспомнила она.

— Платина, — поправил он и задумался. — И последнее. Какое название было на папке?

— А, это я помню, — довольно сказала она. — Прямо как из волшебной сказки — Хрустальная гора.

Шеннон глубоко вздохнул.

— Пойди сделай мне кофе, любимая.

Услышав, как на кухне загремела посуда, он откинулся на спинку кровати и уставился в пространство.

— Вот хитрая сволочь, — выдохнул он. — Но это у тебя не пройдет, сэр Джеймс, никак не пройдет.

Шеннон тихо рассмеялся в темноте.

* * *

В тот же субботний вечер Бенни Ламберт плелся домой, весело проведя время со своими дружками в одном из кафе. Он хорошо угостил приятелей на деньги Шеннона. Бенни доставило колоссальное

удовольствие рассказывать о «большой сделке», которую он только что провернул, и подливать восхищенным девочкам шампанское. Сам он тоже порядком набрался и не замечал медленно ползущую за ним машину. Ламберт по-прежнему ничего не подозревал, когда автомобиль обогнал его и перерезал дорогу, прижав к стене дома.

Около машины возникла гигантская фигура, направившаяся прямо к нему. Бенни было раскрыл рот, чтобы запротестовать, но верзила, крепко схватив его за шиворот, слегка приподнял над землей. Второй рукой он нанес сокрушительный удар в солнечное сплетение. Бенни Ламберт безжизненно обмяк и, когда здоровенная ручища отпустила его воротник, рухнул на тротуар. Возвышаясь над недвижимым Ламбертом, громила достал из-за пояса двухфутовый железный прут. Нагнувшись, он перевернул скрюченное тело на спину. Прут со свистом рассек воздух и опустился на коленную чашечку, мгновенно раздробив кость. Ламберт издал пронзительный вопль и потерял сознание. Он не почувствовал, как ему раздробили второе колено.

Через двадцать минут Томард звонил своему патрону из телефонной будки ночного кафе, находящегося в миле от места расправы. На другом

конце провода Ру слушал его, удовлетворенно кивая.

— Отлично, — одобрил он. — А теперь кое-какие новости лично для тебя. Алан только что сообщил, что в отеле, где обычно останавливается Шеннон, получили письмо от мистера Кейта Брауна. Он зарезервировал для себя номер на пятнадцатое мая, усек?

— Пятнадцатое, — повторил Томард. — Понял. Значит, он там будет пятнадцатого.

— И ты тоже, — донеслось из трубки. — Генри будет держать связь со своим человеком в отеле, а тебе придется дежурить рядом, начиная с полудня.

— И до каких пор? — поинтересовался Томард.

— Пока он не выйдет один, — ответил Ру. — Тогда ты его уберешь. За пять тысяч долларов.

Выходя из телефонной будки, Томард слегка улыбался. Стоя за стойкой бара и потягивая пиво, он ощущал приятную тяжесть пистолета, висевшего в кобуре под левой мышкой. Что ж, через несколько дней он заработает небольшое состояние. Никаких сомнений по этому поводу у него не возникало. Чего уж проще — пришить человека, пусть это даже Кот Шеннон!

Курт Землер позвонил утром в воскресенье.

Шеннон лежал на кровати, а Джулия хозяйничала на кухне, готовя завтрак.

— Мистер Кейт Браун? — спросила телефонистка.

— Да. Говорите.

— Вам звонит мистер Семолина из Генуи.

Шеннон вскочил с постели и плотно прижал трубку к уху.

— Соединяйте, — распорядился он.

До него отчетливо донесся голос немца.

— Карло?

— Да. Курт?

— Я в Генуе.

— Понял. Какие новости?

— Есть кое-что. На этот раз я уверен. То что нужно. Правда, есть еще один, он тоже хочет это купить. Нам придется обойти его. Но товар хорош, очень хорош. Ты приедешь?

— Ты вполне уверен, Курт?

— Да, абсолютно. Зарегистрированный каботажник, принадлежит генуэзской компании. Сделан как по заказу.

Шеннон прикинул.

— Буду завтра. Где ты остановился?

Землер сообщил название отеля.

— Прилечу первым же рейсом. Сними мне но-

мер и жди в отеле.

Через несколько минут Шеннон заказывал себе билет в компании «БЕА», выяснив, что первый рейс «Алиталии» отправляется до Милана в 9:05. Там он сможет пересесть на самолет до Генуи и быть на месте в начале второго.

Когда Джулия появилась с кофе, он довольно усмехался. Если судно окажется тем, что нужно, то за двенадцать дней он уладит все дела с его покупкой и сможет пятнадцатого встретиться в Париже с Лангаротти. Он надеялся, что до первого июня Землер подготовит корабль к плаванию, наймет подходящую команду, запасется топливом и провизией.

— Кто звонил? — спросила Джулия.

— Приятель.

— Что за приятель?

— По делу.

— И что ему надо?

— Нам необходимо встретиться.

— Когда?

— Завтра утром. В Италии.

— Как долго тебя не будет?

— Не знаю. Недели две, может, больше.

Джулия надула губки.

— И что же мне прикажешь все это время де-

лать? — спросила она.

Шеннон ухмыльнулся.

— Найдешь чего-нибудь. Я думаю, не соскучишься.

— Гад ты этакий, — она ткнула кулачком ему в грудь. — Но я понимаю, надо — так надо. Значит, времени у нас остается только до утра понедельника, и поэтому, мой дорогой Том Кот, надо воспользоваться им на всю катушку.

Шеннон подумал, что атака на дворец Кимбы будет детской забавой по сравнению с теми усилиями, которые нужны, чтобы удовлетворить аппетиты маленькой, славненькой дочки сэра Джеймса Мэнсона.

Глава 15

Порт Генуи купался в лучах заходящего солнца, когда Кот Шеннон и Курт Землер отпустили такси, и немец повел своего командира вдоль причалов к месту швартовки моторного судна «Тоскана». Старое каботажное судно было зажато между двумя громадинами трехтысячетонных грузовых кораблей. Но наметанный глаз Шеннона определил, что по своим размерам «Тоскана» годится для их целей.

Четырехфутовый трап вел на главную палубу, в ее центре находился большой квадратный люк, через который груз попадал в трюм. Над кормой располагался капитанский мостик, под ним, очевидно, были каюты для экипажа. На судне имелся небольшой форпик[40] и торчала короткая, как бы обрубленная мачта с примыкающей к ней застывшей почти вертикально грузовой стрелой. За кормой висела на талях единственная спасательная шлюпка.

На бортах судна краска во многих местах облу-

---

[40] Примечания: 40

Крайний носовой отсек судна, где обычно размещается цистерна для водного балласта.

пилась, и на солнце пятна ржавчины особенно бросались в глаза. Небольшое старое, обшарпанное судно сразу приглянулось Шеннону. Его отличало как раз то, что он искал — неприметность. Тысячи подобных суденышек бороздили прибрежные воды Средиземного моря от Хайфы до Гибралтара, от Танжера до Дакара, от Монровии до Саймонстауна. Все они казались одинаковыми и, не привлекая внимания, везли свой груз из порта в порт.

Немец повел Шеннона на корабль. Они прошли на корму, и Землер крикнул, давая о себе знать, в темноту спуска, ведущего в жилой отсек. Затем они стали спускаться. Внизу их встретил крепкий краснолицый человек лет сорока. Он кивнул Землеру и вопросительно посмотрел на англичанина.

Землер пожал ему руку и представил Шеннона.

— Карл Вальденберг, первый помощник капитана, — Вальденберг коротко кивнул, и они обменялись рукопожатием.

— Вы пришли посмотреть нашу старушку «Тоскану»? — спросил он.

Шеннон с удовольствием отметил, что моряк, хоть и с акцентом, но хорошо говорит по-ан-

глийски, и походит на человека, готового за подходящую плату провезти груз, не указанный в декларации. Шеннон почувствовал, что вызвал у него интерес. Естественно, новый возможный владелец судна не мог не заинтересовать первого помощника капитана. Кроме всего прочего, Вальденберга волновало собственное будущее.

Судовой механик, югослав, болтался где-то на берегу. Палубный матрос, молодой итальянский парнишка, сидел с журналом для женщин на своей койке. Капитана тоже не было на судне, и, не дожидаясь его возвращения, первый помощник повел их осматривать «Тоскану».

Шеннона интересовали три обстоятельства: возможность взять на борт еще двенадцать человек, пусть даже им придется спать на палубе под открытым небом; вместимость трюма и реальность скрытного размещения нескольких ящиков под грузовой палубой у днища судна; наконец, достаточно ли надежны двигатели, чтобы доплыть до Южной Африки.

Глаза Вальденберга слегка сузились, но тем не менее, он корректно ответил на все поставленные вопросы. Он не мог вообразить, что кому-то взбредет в голову путешествовать на «Тоскане», предвидя удовольствие спать под

летним звездным небом на крышке трюмного люка, завернувшись в одеяла. Далее, «Тоскана» не обладает достаточной грузоподъемностью, чтобы идти в Южную Африку. Грузы на такое расстояние должны доставляться более крупными судами. Преимущество небольшого каботажного судна в том и заключается, что оно может быстро взять на борт ограниченное количество груза и через пару дней доставить его миль за двести вдоль побережья. Большие корабли дольше простаивают в портах, но на длинном переходе, как, например, из Средиземноморья в Южную Африку, развивая большую скорость и имея на борту больше груза, они предпочтительнее. Суда типа «Тосканы» малопривлекательны на расстояниях далее пятисот миль.

Осмотрев судно, они поднялись наверх, расположились в тени парусинового навеса рядом с капитанским мостиком и приступили к переговорам. Вальденберг предложил им пива. Два немца оживленно заговорили между собой на родном языке. Было ясно, что моряк задает вопросы, а Землеру приходится отвечать. Наконец Вальденберг бросил на Шеннона острый взгляд, снова посмотрел на Землера и медленно кивнул.

— Возможно, возможно, — произнес он по-ан-

глийски. Землер повернулся к своему командиру и объяснил:

— Вальденберг удивляется, почему человек вроде вас, очевидно, не разбирающийся в транспортировке грузов, хочет купить грузовое судно. Я сказал, что ты бизнесмен, а не моряк. Он считает, что богатому человеку слишком рискованно вкладывать деньги в транспортировку грузов, если, конечно, ты не имеешь в виду какие-то особые дела.

Шеннон кивнул.

— Все ясно, Курт. Я хочу перекинуться с тобой словечком наедине.

Они прошли на корму и облокотились о леера. Вальденберг остался сидеть под навесом со своим пивом.

— Что ты думаешь об этом парне? — тихо спросил Шеннон.

— Вполне надежен, — ответил Землер, не колеблясь. — Капитан, он же владелец судна, уже стар и хочет уйти на покой. Именно поэтому он и продает «Тоскану». Таким образом, место капитана освобождается. Мне кажется, Вальденберг был бы не против его занять, кстати, я тоже не возражал бы. У него лицензия на право командования судном. Кроме того, он знает и корабль, и море

как свои пять пальцев. Остается вопрос: захочет ли он связываться с рискованным грузом? Я думаю — да, если его устроит цена.

— Похоже, он уже кое-что подозревает, — предположил Шеннон.

— Наверняка. Но думает, что ты незаконно переправляешь иммигрантов в Англию. Он вовсе не хочет попасть в тюрьму, но тут все дело упирается в деньги.

— Ладно, сначала надо купить судно. Позже он сам решит, оставаться ему или уходить. Захочет уволиться — найдем другого капитана.

Землер покачал головой.

— Нет. Прежде чем он сможет принять решение, нам придется в общих чертах объяснить, что мы хотим. А если он после этого уйдет, увеличится риск нарушения секретности.

— Если он узнает, зачем нам нужно судно, а потом захочет слинять, у него будет одна дорога, — жестко процедил Шеннон, указав пальцем в покрытую масляными разводами воду за бортом.

— Есть еще одно обстоятельство, Кот. Нам выгодно привлечь его на нашу сторону. Он знает этот корабль и, если решит остаться, попытается убедить капитана отдать «Тоскану» нам, а не рыскающей здесь местной судовладельческой

компании. Капитан согласится с его мнением, поскольку старик хочет, чтобы судно попало в хорошие руки, а Вальденбергу он доверяет.

Доводы звучали логично. «Тоскана» явно привлекала Шеннона, тем более, что времени оставалось не так уж много. Вальденберг мог бы помочь заполучить судно, а в дальнейшем взять на себя командование. Кроме того, он знал местную публику и занялся бы подбором подходящей команды. Никогда не стоило пытаться подкупить всех нужных людей. Достаточно было договориться с главным из них, а уж дальше тот действовал бы самостоятельно. Шеннон решил попытаться заключить союз с Вальденбергом. Они вернулись под навес.

— Буду откровенен с вами, капитан, — обратился Шеннон к немцу. — Дело действительно в том, что если я куплю «Тоскану», она начнет плавание отнюдь не с семечками на борту. При погрузке товара придется немного рискнуть, но дальше риска никакого, мы уйдем из территориальных вод. Мне нужен хороший шкипер, и Курт Землер говорит, что вы подходите. Так что, если я получаю «Тоскану», вы получаете пост капитана, гарантированный шестимесячный заработок вдвое больше нынешнего и премию в размере

пяти тысяч долларов за первый рейс, который намечается через семь недель.

Вальденберг молча слушал. Затем он усмехнулся и, привстав, протянул Шеннону руку.

— Мистер, капитан у вас есть.

— Отлично, — проговорил Шеннон. — Осталось только купить это судно.

— Никаких проблем, — уверил Вальденберг. — Сколько вы намерены заплатить?

— А сколько оно стоит? — спросил в ответ Шеннон.

— Придется поторговаться. За него дают двадцать пять тысяч фунтов, но ни пенни больше.

— Я готов пойти до двадцати шести тысяч, — надбавил цену Шеннон. — Это устроит капитана?

— Вполне. Вы говорите по-итальянски?

— Нет.

— Спинетти, капитан, не понимает по-английски, так что я буду переводить. Со стариком мы все уладим. За такую цену, и зная, что я назначен капитаном, он отдаст вам «Тоскану». Когда вы сможете с ним встретиться?

— Завтра утром, — предложил Шеннон.

— Идет. Завтра в десять, здесь, на борту.

Прежде чем уйти, наемники еще раз обменя-

лись рукопожатием с будущим капитаном.

Марк Вламинк с удовольствием трудился в арендованном гараже, выкатив фургон наружу. Дверь гаража он запер изнутри, чтобы никто не мог его потревожить, и торчал там уже второй день.

Вдоль задней стенки он оборудовал себе верстак из крепких деревянных досок и приобрел весь необходимый инструмент из выделенных ему Шенноном пятисот фунтов, часть которых ранее пошла на покупку фургона. У одной из боковых стен стояло пять больших цилиндрических бочек. Ярко-зеленого цвета, они были помечены торговым знаком компании «Кастрол Ойл». Марк купил их пустыми, совсем дешево, в порту. Когда-то в них находилось смазочное масло, что отчетливо указывалось на каждой крышке.

У первой в ряду бочки Вламинк вырезал круглое днище, и теперь она стояла, перевернутая на попа, зияя пустотой. Вокруг вырезанного отверстия оставался лишь полуторадюймовый фланец.

Марк вытащил из фургона два ящика со «шмайссерами», и первые двадцать автоматов были почти готовы занять место в своем новом тайнике. К каждому автомату бельгиец при-

крутил клейкой лентой пять магазинов и все это тщательно обернул промасленной бумагой. Затем такой сверток помещался в полиэтиленовый мешок, из которого Марк выпускал воздух и крепко закручивал горловину шпагатом. Сверху надевался еще один, внешний, полиэтиленовый мешок, который Марк также тщательно перевязал. Он полагал, что при такой упаковке извлеченное на свет Божий оружие останется сухим.

Потом он взял двадцать похожих на обрубки пакетов, связал их веревками в один большой тюк и осторожно опустил в отверстие бочки. Каждая бочка была рассчитана на сорок четыре галлона или двести литров, так что для десяти «шмайссеров» и полагающихся к ним магазинов места вполне хватало. Между тюком и стенками бочки еще оставалось небольшое пространство.

Когда первая связка была упрятана, Марк приступил к запаиванию бочки. В портовой механической мастерской ему вырезали новые жестяные диски. Он взял первый и начал прилаживать его на вырезанное отверстие. С полчаса он подпиливал и пригонял диск, громыхая жестью, пока тот, наконец, плотно не пришелся к кромке бочки по всей окружности. Диск отлично

держался, опираясь на оставшийся полуторадюймовый фланец. Взяв кусок мягкого припоя и включив паровую форсунку, он приступил к припайке диска.

Обычно, чтобы получить наиболее прочное соединение металла с металлом, пользуются сваркой. Но бочка, содержавшая когда-то масло или другое воспламеняющееся топливо, всегда сохраняет на внутренней поверхности остаточную пленку. Нагреваясь, что неизбежно при сварке, эта пленка начинает испаряться, и опасный взрыв становится почти неизбежным. Припайка одного куска жести к другому не дает столь же прочного соединения, но зато может осуществляться горячим паром при более низкой температуре. Если бочку не ворочать с боку на бок, чтобы избежать сильных толчков изнутри, припаянное дно вполне сможет выдержать тяжесть ее содержимого.

Закончив, Марк заделал все оставшиеся щели припоем, а когда шов остыл, закрасил дно в точности такой же краской, которую компания «Кастрол Ойл» использует повсюду для своих бочек. Дав краске просохнуть, он осторожно перевернул бочку новым дном вниз. Отвинтив сверху колпачок и взяв одну из огромных заранее при-

готовленных бутылей, он начал вливать внутрь смазочное масло.

Тягучая изумрудно-зеленая жидкость текла в отверстие, устремляясь к дну бочки. Медленно заполнялись промежутки между ее стенками и тюком, а также оставшиеся пустоты между свертками с автоматами в связке. Хотя Марк старался выпустить воздух из полиэтиленовых мешков, прежде чем закрутить им горловину и крепко ее перевязать, воздух внутри мешков оставался, задержавшись в магазинах, стволах и казенниках. Благодаря этому, когда бочка заполнилась маслом, тяжелая связка автоматов стала почти невесомой и покачивалась в тяжелом масле, но не всплывала на поверхность.

Чтобы заполнить бочку до краев, бельгийцу потребовалось две бутыли. Таким образом, он вылил в двухсотлитровую бочку шестьдесят литров масла, и, следовательно, ее внутренность заполнилась на семь десятых автоматами и на три десятых маслом. Наконец, взяв маленький фонарик, он осветил поверхность жидкости и увидел лоснящийся зеленый слой, отсвечивающий золотыми бликами. Никаких признаков скрытых под поверхностью масла автоматов не было видно. Он подождал еще час и проверил

днище — утечки не наблюдалось. Пайка оказалась полностью герметичной.

Он испытывал радостное возбуждение, когда открывал двери гаража и закатывал фургон внутрь. Ему оставалось уничтожить два пустых ящика с немецкой маркировкой и избавиться от ненужного бывшего днища бочки. Первое — на костер, второе — на дно гавани. Теперь он знал, что система работает, и для того, чтобы подготовить одну бочку, требуется два дня. К пятнадцатому мая, как он и обещал Шеннону, все будет сделано. Приятно чувствовать себя снова при деле!

* * *

Доктор Иванов был не на шутку рассержен и в то же время пребывал в нерешительности; впрочем, подобное сочетание эмоций являлось неотъемлемой чертой его характера.

— Бюрократия, — ворчал он, сидя напротив своей жены за завтраком, — полнейшая, некомпетентнейшая, глупейшая бюрократия. Уму непостижимо, что творится в этой стране.

— Безусловно, ты прав, Михал Михалыч, — успокаивала его жена, наливая еще по чашке чая, — крепкого, темного и горьковатого, —

именно такого, как любил её муж. Спокойная и уравновешенная женщина, она лишь хотела, чтобы ее вспыльчивый супруг был поосторожнее в своих высказываниях, или хотя бы оставлял их для дома.

— Если бы капиталисты знали, сколько в нашей стране требуется времени, чтобы раздобыть пару болтов и гаек, они бы полопались от смеха.

— Успокойся, дорогой, — говорила она ему, кладя себе в чашку сахар. — Нужно быть терпеливым.

Прошли недели с тех пор, как ректор Свердловского геологического института принял доктора Иванова в своем обшитом сосновыми панелями кабинете и сообщил, что ему предстоит возглавить направляемую в Африку геологоразведочную партию. Вся подготовка экспедиции также ложилась на его плечи.

Для ученого и двух его младших коллег это означало отказ от весьма перспективных и интересных исследований. Ему пришлось договариваться о доставке необходимого для африканского климата оборудования, рассылая бесчисленное количество заявок в десятки снабженческих организаций, отвечая на бессмысленные запросы и теряя время в бесконечном ожидании заказанно-

го снаряжения. Кроме того, участвуя в свое время в изысканиях, проводимых в Гане, он прекрасно представлял себе, что означает работа в непроходимых джунглях.

— Господи, как я мечтаю о снеге, — жаловался он в то время руководителю экспедиции. — Я же северный человек.

Но дело двигалось, и заявки рано или поздно выполнялись. Люди были собраны, оборудование подготовлено и упаковано, вплоть до таблеток для очистки воды и походных коек. При удачном стечении обстоятельств, утешал он себя, они могли бы провести изыскания в Африке и вернуться с образцами породы еще до того, как короткое, но восхитительное сибирское лето сменит ненастная осень. Письмо, которое он держал в руке, разбивало его надежды.

Письмо пришло лично от ректора, но Иванов не испытывал к нему враждебных чувств, ибо знал, что тот передает лишь полученные из Москвы распоряжения. Ввиду конфиденциального характера экспедиции им запрещалось использовать обычный транспорт. Министерство иностранных дел не имело полномочий дать «Аэрофлоту» указание предоставить самолет для доставки геологической партии. Рассчитывать же на военный

транспортный самолет также не представлялось возможным из-за ближневосточных событий.

В заключение инструкция из Москвы предписывала, ввиду объема необходимого снаряжения и еще большего объема проб, которые придется везти из Западной Африки, воспользоваться морским транспортом. Было решено, что доставку экспедиции осуществит советское транспортное судно, совершающее рейс на Дальний Восток мимо побережья Западной Африки. По окончании работ посол Добровольский договорится о том, чтобы какой-нибудь корабль, следующий обратным курсом, взял на борт группу из трех человек и собранные ими образцы породы. Порт и дату отплытия сообщат позже, а доставку снаряжения до порта обеспечат.

— Все лето, — сокрушался Иванов, пока жена поправляла ему меховую шапку, — все лето пропало к чертям собачьим. А туда мы попадем как раз в сезон дождей.

* * *

На следующее утро Кот Шеннон и Курт Землер были снова на судне, где познакомились с капитаном Алессандро Спинетти. Им оказался грубый старик с похожим на высохшее яблоко лицом. Он

встретил их в майке, открывавшей еще крепкую, выпяченную грудь, и лихо заломленной белой капитанской фуражке.

Переговоры, начавшиеся прямо на судне, переместились затем в контору адвоката капитана, некоего Гулио Понти. Он обосновался на одной из узких боковых улочек шумного, беспорядочного района Вия Грамши. Справедливости ради надо сказать, что контора находилась в самой престижной его части, и по мере приближения к ней стоящие в дверях баров проститутки выглядели все более привлекательными и дорогими.

Ничего не поделаешь, приходится мириться с тем, что больная подагрой улитка ползет быстрее, чем в Италии делаются дела.

Условия были оговорены. С помощью Карла Вальденберга, выступавшего в роли переводчика, капитана Спинетти удалось убедить принять предложение Шеннона: двадцать шесть тысяч фунтов наличными за судно — деньги могут быть выплачены любой валютой и в любой стране в соответствии с пожеланиями капитана; первый помощник становится шкипером и получает контракт минимум на шесть месяцев, его оклад удваивается; два оставшихся члена экипажа — механик и матрос — могут либо остаться на

прежних условиях, либо уволиться, получив выходное пособие — пятьсот фунтов матросу и тысячу механику.

Для себя Шеннон уже решил настоять на увольнении матроса, но сделать все возможное, чтобы механик остался. Наверняка серб, он, по словам Вальденберга, знал машину, как облупленную, и — что ценно — документы у него были не совсем в порядке, следовательно, без этой работы ему — никуда.

Чтобы платить меньше налогов, капитан в свое время не пожалел ста фунтов и основал небольшую частную компанию «Спинетти Маритимо Шипинг Компани». Она выпустила сто простых акций, из которых девяноста девятью владел сам капитан, а его адвокат, сеньор Понти, имел одну и занимал пост секретаря компании. Таким образом, продажа торгового судна «Тоскана», единственного имущества компании, была связана с продажей самой компании «Спинетти Маритимо», что вполне подходило Шеннону.

Но его совсем не устраивало то, что на согласование с юристом всех деталей уже ушло пять дней. А это было только начало.

Лишь на тридцать первый день стодневного календаря Шеннона Понти приступил к состав-

лению контрактов.

Поскольку дело происходило в Италии, и «Тоскана» была зарегистрирована и приписана в Генуе, контракт соответствовал всем казуистическим законам этой страны. На самом деле контрактов получилось три: один на продажу компании «Спинетти Маритимо» и всего ее имущества люксембургской компании «Тирон Холдинге»; в соответствии со вторым «Тирон Холдинге» предлагала Карлу Вальденбергу пост капитана на шесть месяцев с оговоренным жалованьем; и, наконец, третий контракт гарантировал двум другим морякам либо работу на прежних условиях, либо компенсацию в случае увольнения. Это заняло еще четыре дня. Понти не менее других хотел поскорее покончить с этим делом и был убежден, что побил все рекорды скорости.

* * *

Большой Джанни Дюпре чувствовал себя вполне удовлетворенным, выходя этим солнечным майским утром из магазина туристских товаров. Он разместил заказ на необходимое количество рюкзаков и спальных мешков и полностью оплатил товар, который обещали

предоставить на следующий день. Завтра же ему предстояло забрать две большие коробки с беретами и прочей мелкой форменной амуницией.

Три партии различного снаряжения уже находились на пути в Тулон. Четвертая будет получена, упакована и передана агенту по доставке завтра. Таким образом, в запасе у него оставалась неделя. Накануне Дюпре пришло письмо от Шеннона, в котором ему предписывалось кончать проводить время в Лондоне и пятнадцатого мая вылететь в Марсель. Ему следовало поселиться в указанном отеле недалеко от порта и ждать, когда с ним свяжутся. Джанни нравилось получать точные инструкции: так труднее ошибиться, а уж если что и пойдет не так, то не по его вине. Он заказал билет и с нетерпением ждал конца недели. Приятно было чувствовать приближение настоящего дела.

* * *

Когда синьор Понти наконец закончил бумажную возню, Кот Шеннон сразу же отправил из Генуи несколько писем. Первое было к Иоганну Шлинкеру. В нем сообщалось, что перевозку боеприпасов из Испании станет осуществлять грузовое судно «Тоскана», принадлежащее гену-

эзской компании «Спинетти Маритимо Шипинг Компани». Самому же ему необходимо знать от Шлинкера, где именно будет осуществляться погрузка, чтобы капитан смог выправить соответствующие документы.

В письме он подробно описал «Тоскану», предварительно сверившись с перечнем Ллойда, копия которого нашлась у британского вице-консула в Генуе. Шеннон обещал Шлинкеру связаться с ним в течение ближайших пятнадцати дней.

Второе письмо ушло Алану Бейкеру, чтобы тот, зная название судна и его характеристики, смог получить у югославских властей лицензию на экспорт заказанного товара. В сопроводительной документации нужно указать, что груз направляется в столицу Того, Ломе.

Шеннон также написал длинное письмо господину Штейну. Как председателю компании «Тирон Холдинге», ему предписывалось подготовить документы для заседания совета директоров, которое состоится в его офисе через четыре дня. Следовало принять два постановления. Одно — относительно того, что «Тирон Холдинге» покупает компанию «Спинетти Маритимо» со всем ее имуществом за двадцать шесть тысяч фунтов, а согласно второму нужно было осуществить вы-

пуск еще двадцати шести тысяч простых акций стоимостью один фунт каждая, которые передаются мистеру Кейту Брауну. Мистер Кейт Браун оплачивает этот пакет акций заверенным чеком на сумму двадцать шесть тысяч фунтов.

Еще он черкнул несколько строк Марку Вламинку, сообщая, что отправка груза из Остенде откладывается до двадцатого мая, и уведомил Лангаротти о переносе назначенной в Париже встречи на девятнадцатое.

Наконец, Шеннон послал письмо в Лондон Саймону Эндину с просьбой встретиться с ним в Люксембурге через четыре дня, имея при себе двадцать шесть тысяч фунтов, требующихся для оплаты приобретенного судна.

Вечер тринадцатого мая выдался прохладным. Жан-Батист Лангаротти гнал фургон на запад, из Хайрсса в Тулон. Это была последняя поездка. Корсиканец опустил боковое стекло и с удовольствием вдыхал запахи хвои и мака, доносившиеся с гор, которые возвышались по правую сторону дороги. Как Дюпре в Лондоне, готовящийся этим вечером вылететь в Марсель, и Вламинк в Остенде, заливающий масло в последнюю, пятую бочку, Лангаротти ощущал радость бытия.

В грузовом отсеке фургона находилось два недо-

стающих навесных лодочных мотора, купленных за наличные и оборудованных подводным выхлопом, обеспечивающим бесшумную работу. Ему оставалось доставить их в Тулон на арендованный склад компании «Маритим Дюпо», где уже ждали три черные надувные шлюпки и третий мотор. Кроме того, там находились четыре коробки с разнообразным обмундированием, прибывшие на его имя из Лондона. Он так же, как и другие, успевал к назначенному сроку.

К сожалению, ему пришлось выехать из отеля. Три дня назад он чуть было не столкнулся в дверях со старым приятелем по кое-каким делишкам. Ничего не оставалось, как на следующее утро убраться оттуда. Теперь он устроился на новом месте и должен был бы поставить в известность Шеннона, однако не знал, где его разыскать. Ничего страшного, полагал он. Через сорок восемь часов у него назначена встреча с шефом в парижском отеле «Плаза-Сурен».

* * *

Состоявшееся четырнадцатого мая в Люксембурге совещание прошло молниеносно. Шеннон не присутствовал, так как заранее посетил господина Штейна в его офисе и передал документы

на продажу компании «Спинетти Маритимо Шипинг Компани» вместе с судном «Тоскана», а также заверенный чек на двадцать шесть тысяч фунтов.

Через тридцать минут господин Штейн закрыл заседание совета директоров и вручил Шеннону двадцать шесть тысяч простых акций компании «Тирон Холдинге». Кроме того, он предъявил ему документы относительно продажи судна компании «Тирон», а также сооветствующий чек, выданный компанией синьору Алессандро Спинетти. Сложив все это в конверт, он запечатал его и адресовал синьору Гулио Понти в его офис в Генуе. Затем отдал конверт Шеннону. Самый последний документ касался назначения герра Курта Землера управляющим компанией «Спинетти Маритимо Шипинг Компани».

* * *

Двумя днями позже в конторе итальянского адвоката дело с покупкой грузового судна «Тоскана» было завершено. Оплатив чек, компания «Тирон Холдинге» на законных основаниях приобрела все сто процентов акций «Спинетти Маритимо». Синьор Понти отправил заказной почтой сто простых акций «Спинетти Маритимо» в контору

компании «Тирон», находящуюся в Люксембурге. Кроме того, он принял от Шеннона на хранение пакет. Тот оставил два образца подписи Кейта Брауна, чтобы адвокат мог установить подлинность каких-либо письменных распоряжений относительно этого пакета. Понти не знал, что в нем находилось двадцать шесть тысяч девятьсот девяносто четыре акции компании «Тирон».

Карл Вальденберг получил должность капитана и контракт на шесть месяцев. Контракт был подписан и с согласившимся остаться сербским механиком. Каждый из них получил месячную заработную плату, а оставшиеся полагающиеся им за следующие пять месяцев деньги надежно хранились у синьора Понти.

От итальянского матроса удалось отделаться без труда, заплатив ему компенсацию в сумме пятисот фунтов, а также сто фунтов премиальных. Землер стал управляющим судовладельческой компании.

У Шеннона еще оставалось пять тысяч фунтов, переведенных из Брюгге на его счет в Генуе. Часть этих денег пошла как раз на будущее жалованье двум оставшимся на судне морякам, а остаток он передал Курту Землеру.

— Как насчет остальных членов команды? —

поинтересовался у него Шеннон перед тем, как восемнадцатого мая покинуть Геную.

— Вальденберг уже занялся поисками, — сообщил ему Землер. — Он знает в этом порту каждую дырку и считает, что здесь полно подходящей публики. Он в курсе того, что нам требуется: пара ребят, которые не задают вопросов и делают, что им говорят, если уверены в хорошей премии за работу. Не беспокойся, к концу недели он найдет то, что нужно.

— Прекрасно. Готовь «Тоскану» к выходу в море. Сделайте полную профилактику двигателей. Разберитесь с судовыми документами, чтобы все было оформлено на нового капитана. Подготовьте декларацию — мы возьмем в Тулоне груз общего назначения для Марокко. Позаботься о размещении экипажа и еще дюжины человек. Так, теперь топливо, съестные припасы, побольше питьевой воды, ну, там, пиво, вино, сигареты. Когда все подготовишь, иди в Тулон. Прибудешь не позже первого июня. Мы будем ждать тебя с Марком, Жаном-Батистом и Джанни. Найдешь меня через агентство «Маритим Дюпо». Оно расположено в порту. Увидимся. Желаю удачи.

Глава 16

Жан-Батист Лангаротти все еще оставался в живых благодаря своей способности заранее предчувствовать опасность. В назначенное время пятнадцатого мая он сидел в гостиной парижского отеля и листал журнал. Лангаротти прождал Шеннона два часа, но командир так и не появился.

На всякий случай корсиканец справился у портье. Тот проглядел регистрационный журнал и сообщил ему, что месье Браун из Лондона в отеле не проживает. Что ж, возможно, Шеннон запаздывал, и они встретятся на следующий день.

Назавтра он снова сидел на том же месте. Шеннона по-прежнему не было, зато кое-что происходило. Дважды один и тот же служащий отеля заглядывал в холл, но, как только Лангаротти поднимал на него глаза, исчезал. Убедившись, что Шеннон не придет, Жан-Батист покинул отель. Проходя по улице, он заметил стоящего на углу мужчину, с огромным интересом изучающего витрину магазина, где в огромном количестве было выставлено женское нижнее белье. Лангаротти показалось, что эта фигура как-то не

вписывается в картину тихой утренней улочки.

Следующие двадцать четыре часа корсиканец рыскал по парижским барам, где имели обыкновение собираться наемники. Ему немало помогли старые связи среди своих земляков в преступном мире. Каждое утро он продолжал наведываться в отель. На пятый день, девятнадцатого числа, Шеннон оказался там.

Он прилетел прошлым вечером из Генуи через Милан и переночевал в отеле. Шеннон был в прекрасном настроении и за чашкой кофе, поданного в гостиную, рассказал своему коллеге о приобретении корабля.

— Значит, без проблем? — поинтересовался Лангаротти.

Шеннон согласно кивнул головой.

— Абсолютно.

— А вот в Париже у нас возникли проблемы.

Не имея возможности упражняться ножом в общественном месте, маленький корсиканец сидел, праздно опустив руки на колени. Шеннон отставил свою чашку. Он знал, что раз уж Лангаротти употребил слово «проблемы», значит их ждали крупные неприятности.

— Ну и в чем же? — тихо спросил Карло.

— На тебя есть контракт, — произнес Ланга-

ротти.

Они сидели молча, пока Шеннон переваривал эту новость. Корсиканец не нарушал наступившей тишины. Он имел обыкновение отвечать на вопросы только тогда, когда его спрашивали.

— И кто же за этим стоит? — спросил Шеннон.

— Не знаю. Даже не знаю, кому это дело поручено. Но цена хорошая — пять тысяч долларов.

— И давно?

— Говорят, уже недель шесть. Какой-то парижанин, но непонятно, по собственной инициативе, или за ним есть кто-то еще. Взять на себя это дело мог либо безумец, либо очень хороший специалист. Но кто-то решился. О тебе наводили справки.

Шеннон лихорадочно соображал. Он вполне доверял корсиканцу. Тот был слишком осторожен, чтобы огорошить своего командира непроверенной информацией подобного рода. В чем же тут дело? Почему на его голову заключили контракт? Впрочем, причины были. Много разнообразных причин, и о некоторых из них он мог только догадываться.

Методично он начал анализировать все мыслимые возможности. Либо контракт обусловлен обстоятельствами, связанными с проводимой

им операцией, либо причины уходили глубже, в прошлое. Он начал прокручивать первую возможность.

Имела ли место утечка? Может быть, разведка какого-нибудь государства получила сведения о том, что он готовит переворот в Африке, и решила устранить командира, предотвратив тем самым последствия? Он даже подумал, что сэр Джеймс узнал о его любовной связи с дочерью. Но отбросил и то, и другое. Может быть, он задел кого-то в мрачном мире подпольных торговцев оружием, и тот решил свести с ним таким образом счеты, оставаясь в тени? Но этому наверняка предшествовали бы какие-либо конфликты, споры по поводу денег, угрозы. Нет, ничего подобного…

Он покопался еще глубже в своей памяти, вспоминая былые войны и сражения. Тут всегда существовала опасность перебежать дорогу крупной организации. Может быть, один из тех, кого он прикончил, являлся секретным агентом ЦРУ или КГБ. Обе эти конторы долго таят злобу. Даже не имея принципиальных мотивов, просто из мести, они всегда готовы поквитаться. Он знал, что ЦРУ до сих пор имеет незакрытый контракт на убийство Брюса Росси, который застрелил в одном из баров Леопольдвиля какого-то аме-

риканца, слишком долго пялившегося на него. Позже выяснилось, что этот парень входил в местную резидентуру ЦРУ, о чем Росси не имел ни малейшего понятия. Но это уже не играло никакой роли. Контракт оставался в силе, и Росси вынужден был скрываться.

Не лучше обстояло дело и с КГБ. Чтобы ликвидировать предателей или неугодных лиц, эта организация использовала иностранных агентов по всему миру. Мотивом могла быть обыкновенная месть.

Французскую СДЕКЕ и британскую СИС Шеннон отбросил. За последние два года французы могли покончить с ним сотни раз, причем сделать это тихо, в джунглях Африки. Более того, они не стали бы договариваться с парижским наемным убийцей, опасаясь утечки информации. В штате французской секретной службы имелись свои хорошо подготовленные специалисты. А до предела законопослушная британская секретная служба получала разрешение на убийство чуть ли не на уровне Кабинета министров. Эта крайняя мера применялась лишь в случае чрезвычайной необходимости, когда требовалось предотвратить утечку жизненно важных сведений, наказать нанесшего значительный урон предателя или

сравнять счет, отомстив за своего умышленно ликвидированного противником агента. Шеннон был уверен, что никогда не причинял вреда британским спецслужбам. Чтобы навлечь на себя их гнев, требовалась очень веская причина. Так, они оставили в живых Стивена Уарда, который, представ перед судом, чуть не погубил правительство Макмиллана; не тронули также предателей Филби и Блейка. Во Франции или России эти двое уже давно бы увеличили статистику дорожных катастроф.

Может быть, какая-нибудь преступная организация типа Корсиканского Союза? Нет, Лангаротти наверняка знал бы об этом. Насколько Шеннону было известно, он никогда не наступал на хвост итальянской мафии или американскому синдикату. Все-таки это не могла быть ни правительственная служба, ни организованная преступная группировка. Значит, какой-то человек. Но кто же, ради всего святого?

Лангаротти молча смотрел на него, ожидая какой-либо реакции. Шеннон взял себя в руки.

— Они знают, что я в Париже?

— Думаю, да. Скорее всего, они знают и об этом отеле. Ты всегда здесь останавливаешься. Это ошибка. Я здесь уже четыре дня, как мы усло-

вились…

— Ты что, не получил мое письмо о переносе встречи на сегодня?

— Нет. Неделю назад мне пришлось уехать из отеля.

— О, Боже. Продолжай.

— Когда я пришел во второй раз, кто-то уже следил за отелем. Я спрашивал тебя под именем Брауна. Так что, думаю, закладывает кто-то здесь, на месте. Следили и вчера, и сегодня.

— Что ж, начну менять отели, — решил Шеннон.

— Может, ты и смахнешь их с хвоста, а может, и нет. Им известно имя Кейта Брауна, они будут рыскать повсюду. Тебе еще много раз придется приезжать в Париж?

— Несколько раз придется, — подтвердил Шеннон. — Будут кое-какие дела. Кроме того, нам предстоит переправить из Остенде в Тулон через Париж груз Марка. Как раз через пару дней.

Лангаротти пожал плечами.

— Может, они и не смогут найти тебя. Все же мы не знаем, что это за парни, и сколько их. Или кто это. Но в другой-то раз тебя разыщут. Возникнут проблемы, возможно, с полицией.

— Нет, этого допустить никак нельзя. По край-

ней мере сейчас. Ты же представляешь, какой у Марка груз, — обеспокоенно проговорил Шеннон.

Он разумно рассуждал, что, конечно, лучше бы договориться с тем, кто задумал его убить. Но сначала требовалось установить этого человека. И здесь ему мог помочь только убийца, взявшийся выполнить контракт. Шеннон поделился своими соображениями с корсиканцем.

— Да, mon ami[41], думаю, ты прав. Мы должны разобраться с этим ненормальным. Придется как-то заманить его.

— Ты поможешь мне, Жан-Батист?

— Конечно, — уверил его Лангаротти. — Он не из моих земляков, поэтому я полностью в твоем распоряжении.

Они провели час, склонившись над разложенной на столе картой Парижа. Затем Лангаротти ушел.

На следующий день корсиканец запарковал зарегистрированный в Марселе фургон на заранее условленном месте. Ближе к вечеру Шеннон подошел к конторке портье и спросил дорогу к популярному ресторану, находящемуся пример-

---

[41] Примечания: 41
Мой друг (фр.).

но в миле от отеля. Стоящий недалеко служащий, похожий по описанию на того, о ком ему говорил Лангаротти, без сомнения, слышал весь разговор.

— Значит, я могу добраться туда пешком? — уточнил Шеннон.

— Безусловно, месье. Минут пятнадцать-двадцать ходьбы.

Шеннон поблагодарил портье и, воспользовавшись стоящим на конторке телефоном, сделал заказ на десять вечера, представившись Брауном. Весь день он не выходил из отеля.

Ровно в девять сорок, держа в одной руке небольшой саквояж и перекинув через другую легкий плащ, Шеннон вышел из отеля и свернул на ведущую к ресторану улицу. Дальше требовалось пройти по двум узким улочкам и, оставив позади себя пешеходов, он ступил на пустынные, плохо освещенные мостовые Первого муниципального округа. Он медленно брел, подолгу задерживаясь у витрин магазинов и стараясь протянуть время. Назад Шеннон не оборачивался. Порою в тишине ему казалось, что где-то позади себя он слышит мягкие шаги. Это мог быть кто угодно, но только не Лангаротти. Корсиканец умел передвигаться бесшумно, как кошка.

К половине одиннадцатого Шеннон добрался до темного, уходящего налево переулка. Его дальний конец перегораживал ряд тумб, образуя тупик, а по сторонам высились глухие стены. Припаркованный к одной из них и почти закрывая проход, стоял пустой фургон с открытыми задними дверцами. Шеннон дошел до машины и лишь тогда обернулся.

Как большинство привычных к схваткам людей, он предпочитал встречать опасность в открытую. Из прошлого опыта он знал, что, даже находясь сзади, безопаснее оказаться с противником лицом к лицу. По крайней мере тогда, когда он виден. Шагая по переулку к фургону, Шеннон чувствовал, как у него на затылке шевелились волосы. Но он рассчитал правильно. Пока они шли по пустынным улицам, его преследователь держался на почтительном расстоянии и не сумел нагнать Шеннона. Теперь же ему предоставлялся шанс, о котором можно было только мечтать.

Шеннон бросил сумку и плащ на землю и стал пристально следить за огромной тенью, закрывшей вертикальную полосу света, идущего от фонаря, горевшего в начале переулка. Он терпеливо ждал, надеясь, что здесь, в центре Парижа, выстрел не прозвучит. Тень замерла, оценивая

ситуацию и, видимо, соображая, есть ли у Шеннона оружие. Вид открытого фургона придал убийце уверенность. Он решил, что Шеннон спрятал машину, используя это укромное местечко, и сейчас как раз сюда и добирался.

Тень в переулке слегка двинулась вперед. Шеннон сумел разглядеть, как правая рука неизвестного выскользнула из кармана плаща и, сжимая что-то, вытянулась вперед. Ирландец видел лишь силуэт, но по нему было ясно, что нападающий — крупный мужчина. Отбрасываемая им тень достигла тупика, в который упирался вымощенный булыжником переулок, и замерла. Нащупывая цель, приподнялась рука с пистолетом, затем медленно опустилась. Похоже, убийца изменил свое намерение.

Он сделал неуверенный шаг в сторону Шеннона и неожиданно рухнул на колени. Из его горла вырвался хрип и, наклонившись вперед, он встал на четвереньки, опершись руками о булыжную мостовую. Кольт сорок пятого калибра лязгнул о камни. Медленно, как возносящий молитву мусульманин, убийца склонил голову к земле. Донеслись легкие звуки быстро капающей на булыжник жидкости. Наконец, силы покинули стоящего на четвереньках человека. Его тело тя-

жело рухнуло в успевшую натечь лужицу крови и тихо замерло.

Шеннон все еще стоял у задних дверей фургона. Теперь, когда мужчина лежал, в свете единственного фонаря отчетливо виднелась черная отполированная костяная ручка ножа, вошедшего в обтянутую плащом спину убийцы чуть левее позвоночника, точно между четвертым и пятым ребрами.

Вглядевшись, Шеннон различил еще одну фигуру, небольшую, худощавую, застывшую в пятнадцати ярдах от тела, как раз в том месте, откуда был брошен нож. Он тихо свистнул, и Лангаротти бесшумно скользнул к нему по булыжной мостовой.

— Еще чуть-чуть — и было бы поздно, — проворчал Шеннон.

— Non. Исключено. Он никогда не успел бы нажать на курок.

В кузове фургона уже был постелен брезент, и поверх него — большой кусок плотного промышленного полиэтилена. По краям брезента имелись отверстия для того, чтобы тюк можно было быстро зашнуровать, а в углу кузова приготовлены крепкие веревки и кучка кирпичей. Двое мужчин, взяв тело за руки и за ноги, заки-

нули его в машину. Лангаротти забрался следом, чтобы достать нож, а Шеннон закрыл дверцы. Он услышал, как корсиканец запер их изнутри.

Лангаротти перебрался на переднее сиденье и включил мотор. Автомобиль медленно выехал задом из переулка на улицу. Пока фургон разворачивался, Шеннон приблизился к боковому окошку.

— Ты хорошо его разглядел?

— Вполне.

— Знаешь, кто это?

— Да. Его зовут Томард, Раймонд. Был когда-то недолго в Конго. В основном обретался в больших городах. Профессиональный убийца. Но не мастер. Большие боссы таких не нанимают. Скорее всего, у него есть постоянный хозяин.

— И кто же это может быть?

— Ру, — произнес Лангаротти. — Шарль Ру.

Шеннон тихо выругался.

— Ублюдок, невежественный кретин. Он мог бы завалить всю операцию только потому, что его туда не пригласили.

Шеннон помолчал, задумавшись. С Ру требовалось разобраться раз и навсегда, чтобы он больше не мешал этому делу с Зангаро.

— Поторапливайся, — вывел его из задумчиво-

сти корсиканец. — Я бы хотел побыстрее уложить нашего клиента в кроватку.

Шеннон собрался с мыслями и торопливо начал что-то втолковывать Лангаротти.

— Хорошо, хорошо, — закивал тот. — Мне самому это нравится. Я сделаю так, чтобы этот тип угомонился. Однако не даром. Пять тысяч фунтов.

— Пойдет, — согласился Шеннон. — Двигай. Жди меня у станции метро «Порт-де-ля-Шапель» через три часа.

* * *

Как и было условлено, Шеннон и Лангаротти встретились с Марком Вламинком за обедом в небольшом южном бельгийском городке Динант. Шеннон позвонил ему накануне и договорился о предстоящем свидании. Утром Марк, поцеловав на прощанье Анну, взял с любовью упакованный чемодан и коробку с провизией, куда девушка положила полбатона хлеба, немного масла и кусок сыра — второй завтрак Марка. Как обычно, она попросила его беречь себя.

Он вел фургон, загруженный двухсотлитровыми бочками машинного масла компании «Кастрол Ойл», без остановок. Впрочем, причин

для задержек не было. Его водительские права, технический паспорт на автомобиль и страховка находились в полном порядке.

Когда они сидели в кафе на главной улице, Шеннон спросил бельгийца:

— Во сколько тронемся?

— Завтра утром, перед восходом солнца. Самое тихое время. Вы хоть спали прошлой ночью?

— Нет, не удалось.

— Тогда вам лучше отдохнуть, — предложил Марк. — Я посмотрю за обеими машинами. У вас есть время до полуночи.

Шарль Ру в этот день тоже чувствовал себя измотанным. Всю предыдущую ночь, получив от Генри Алана известие о том, что Шеннон отправляется ужинать в ресторан, он с нетерпением ждал новостей, рассчитывая на звонок Томарда в полночь и слова: «Все кончено». Звонка не последовало. Ночь прошла в беспокойном ожидании, но известий по-прежнему не было.

Небритый, раздраженный, Ру недоумевал. Он прекрасно понимал: Томард не чета Шеннону в честной схватке, но думал, что его человек сумеет выстрелить в спину ирландцу на одной из тихих, безлюдных улочек по пути к ресторану.

Уже поздним утром, когда Лангаротти и Шен-

нон в пустом фургоне пересекли бельгийскую границу на севере у Валенсьена, Ру наконец натянул штаны и рубашку, решив спуститься в вестибюль и проверить почтовый ящик.

Жестяная коробка двенадцати дюймов высотой, девяти шириной и девяти толщиной висела, прикрепленная к стене, в ряду таких же почтовых ящиков, принадлежащих другим жильцам. Замок был в порядке, и с виду казалось, что ящик никто не открывал.

Ру достал ключ и отпер дверцу. Секунд десять он стоял без движения и смотрел внутрь. Поза его не изменилась, но обычно красноватое лицо приобрело грязно-серый оттенок. Как загипнотизированный, он начал бормотать: «Mon Dieu. O, mon Dieu[42]...», — повторяя эти слова снова и снова, будто заклинание. Ему показалось, что внутри у него все перевернулось. Такое чувство он уже испытал в Конго, когда лежал на носилках с замотанной бинтами головой и слышал, как солдат правительственных войск пытался установить его личность. Джон Петерс спас его тогда от неминуемой смерти. Ру готов был обмочиться, но не мог сдвинуться с места, покрывшись холод-

[42] Примечания: 42
Мой Бог. О, мой Бог... (фр.).

ным липким потом. С полуприкрытыми глазами и плотно сжатыми губами из почтового ящика на него смотрела голова Раймонда Томарда.

Нельзя сказать, что Ру был совсем слабаком, но и отчаянной храбростью тоже не отличался. Заперев, наконец, ящик и вернувшись в квартиру, он достал бутылку бренди, которое применял исключительно в лечебных целях. Сейчас ему требовалось порядочное количество лекарства…

* * *

Алан Бейкер вышел из здания Югославской государственной военной компании с приятным ощущением того, что дела идут, как надо. Получив от Шеннона семь тысяч двести долларов и сертификат конечного пользователя, он обратился к одному имеющему лицензию торговцу оружием, на которого как-то работал в прошлом. Как и Шлинкер, тот назвал подобный заказ смехотворным, но в конце концов поддался на доводы Бейкера, утверждавшего, что если товар удовлетворит покупателя, последует по-настоящему крупный заказ.

Он дал Бейкеру добро на поездку в Югославию и ведение переговоров о закупке требуемого оружия, снабдив его доверенностью на ведение дел

от своего имени.

Для Бейкера это означало потерю части комиссионных, но являлось единственным способом предстать в Белграде в качестве официального лица.

Пятидневные переговоры с господином Павловичем оказались плодотворными и завершились посещением военного склада, где он выбрал два миномета и две базуки. К оружию прилагались соответствующие боеприпасы — упакованные в ящики ракеты и мины.

Югославы приняли сертификат конечного пользователя без малейших возражений и, хотя все представляли, что это не более чем листок бумаги, старательно делали вид, будто правительство республики Того вознамерилось купить на пробу югославское оружие. Господин Павлович потребовал полностью оплатить товар авансом, и Бейкеру пришлось выложить все деньги, остававшиеся после его дорожных расходов от выданных Шенноном семи тысяч двухсот долларов, да еще добавить тысячу из своих. Но он был уверен, что из остальных семи тысяч двухсот долларов даже после расчета с дилером сможет положить в карман четыре тысячи зелененьких.

Сегодня он получил подтверждение, что товар

вместе с лицензией на экспорт будет отправлен на армейских грузовиках в таможенный пакгауз порта Плоче, недалеко от Дубровника и Сплита — модных югославских курортов.

«Тоскана» сможет их забрать в любой момент после десятого июня. С легким сердцем Бейкер садился в самолет, направляющийся в Гамбург.

* * *

Этим утром двадцатого мая Иоганн Шлинкер находился в Мадриде. Еще месяц назад он послал телекс со всеми подробностями относительно приобретения дсвятимиллиметровых патронов своему партнеру в Мадриде, испанцу по национальности, и теперь, имея иракский сертификат конечного пользователя и получив в уплату за весь товар двадцать шесть тысяч долларов, вылетел туда сам.

В Испании дело обстояло посложнее, чем в Белграде. Здесь требовались две заявки: первая — на приобретение боеприпасов, а вторая — на их экспорт. Заявка на покупку патронов была сделана три недели назад и в течение последних двадцати дней рассматривалась в трех министерствах, связанных с подобными делами. Прежде всего Министерство финансов должно было

удостоверить, что полная стоимость покупки в размере восемнадцати тысяч долларов переведена в соответствующий банк в твердой валюте. Несколькими годами ранее принимались только американские доллары, но теперь не менее высоко котировались немецкие марки.

Вторым министерством являлся МИД. В его задачу входило подтвердить, что страна-покупатель не является враждебным Испании государством. С Ираком проблем не было, поскольку испанцы традиционно экспортировали большие партии вооружений в арабские страны, с которыми поддерживали тесные и дружеские отношения. Министерство иностранных дел без колебаний одобрило иракскую заявку на приобретение патронов калибра 9 мм.

Наконец, оставалось Министерство обороны, от которого требовалось заключение о том, что запрашиваемый товар не относится к категории секретных или запрещенных для экспорта вооружений. Здесь приобретение не столь уж большого количества стандартных боеприпасов также не вызвало возражений.

И хотя на пути данной заявки никаких серьезных препятствий не возникало, бумажная волокита, затеянная тремя министерствами,

тянулась восемнадцать дней. В итоге на соответствующей папке, распухшей от множества документов, появился штамп «Одобрено». После этого боеприпасы были получены на фабрике компании «CETME» и помещены на военный склад в окрестностях Мадрида. Теперь заботу о товаре взяло на себя военное министерство, а точнее, начальник отдела экспорта вооружений полковник Антонио Салазар.

Шлинкер прибыл в Мадрид, чтобы лично уладить дело с лицензией на экспорт. Теперь он располагал всей необходимой информацией относительно грузового судна «Тоскана» и смог легко заполнить опросный лист на семи страницах. Он рассчитывал, что и здесь не возникнет никаких препятствий. Небольшое, с незапятнанной репутацией судно принадлежало зарегистрированной судовладельческой компании «Спинетти Маритимо», что подтверждалось в реестре Ллойда. В соответствии с заявкой корабль должен прибыть в порт Валенсия между шестнадцатым и двадцатым июня, взять на борт полагающийся груз и проследовать в Латакию на побережье Сирии, где товар передадут иракцам и на грузовиках доставят в Багдад. Оформление лицензии не займет более двух недель, после

чего следует сделать заявку на транспортировку груза в сопровождении офицера и десяти солдат в порт Валенсии. Подобные меры предосторожности начали практиковать последние три года, опасаясь попыток захвата оружия со стороны баскских террористов. Меньше всего правительство каудильо[43] хотело бы, чтобы мадридские патроны использовались против Национальной гвардии в Коруне.

Собираясь обратно в Гамбург, Шлинкер был уверен, что его мадридский партнер, имевший самые сердечные отношения с полковником Салазаром, сумеет благополучно завершить дело с лицензией, и ящики боеприпасов будут вовремя ждать «Тоскану» в Валенсии.

* * *

Тем временем в Лондоне состоялось вроде бы не связанное с этими событиями совещание. В течение последних трех недель мистер Гарольд Робертс, номинальный директор «Бормак Трейдинг Компани», контролирующий тридцать процентов акций, обхаживал ее председателя,

[43] Примечания: 43

Титул генерала Франко (1892–1975), установившего свою диктатуру в Испании с 1939 по 1975 годы.

майора Льютона. Несколько раз он приглашал его на обед и один раз навестил дома, в Гилдфорде. Между ними установились вполне дружеские отношения.

Во время их бесед Робертс дал понять, что если компания хочет возродить былую славу и вновь заняться серьезным делом, даже не обязательно торговлей каучуком, необходимо крупное вливание свежего капитала. Майор Льютон вполне разделял эту точку зрения. Когда, по его мнению, наступил благоприятный момент, мистер Робертс предложил, чтобы компания осуществила новый выпуск акций в соотношении один к двум, то есть выбросила на рынок полмиллиона своих новых ценных бумаг.

Поначалу майор был ошеломлен этим дерзким шагом, но мистер Робертс уверил его, что банк, интересы которого он представляет, изыщет необходимые средства. Он добавил, что в случае, если новые акции не будут раскуплены существующими или новоявленными акционерами, «Цвингли Банк» от имени своих клиентов приобретет все оставшиеся акции по полной их стоимости.

Решающий аргумент заключался в том, что когда новости о выпуске дойдут до рынка, цена на

акции «Бормак» непременно поднимется. Майор Льютон, подумав о своих ста тысячах акций, согласился. Так уж ведется, что человек, спасовавший перед кем-то один раз, вряд ли способен противостоять ему и в дальнейшем.

Новый директор напомнил, что они вдвоем могли бы составить кворум и провести совещание совета директоров, правомочное принять обязательное для компании решение. Все же, по настоянию майора, четырем оставшимся директорам разослали письма, в которых они уведомлялись о состоящемся совете директоров, где предполагалось обсудить некоторые дела компании, включая возможность нового выпуска акций.

На приглашение откликнулся только секретарь компании, поверенный из Сити. Решение было принято, вслед за чем помещено объявление о новом выпуске акций.

Право первоочередной покупки новых акций предоставили уже существующим акционерам. Все они получили письма о выделении соответствующего количества акций и, кроме того, право подписки на те акции, от которых откажутся другие акционеры.

Через неделю необходимые бумаги и чеки, под-

писанные господами Адамсом, Боллом, Картером и Дэвисом и пересланные «Цвингли Банком», находились у секретаря компании. Каждый из них выразил желание приобрести пятьдесят тысяч новых акций, включая те, что им были выделены как уже существующим акционерам.

Подписка на акции должна была осуществляться по номинальной стоимости, составляющей четыре шиллинга за каждую. Не очень-то привлекательное условие, учитывая, что нынешняя цена на старые акции составляла менее трети этой суммы. На объявление в прессе о новой подписке обратили внимание два спекулянта из Сити и попытались приобрести часть акций, предполагая, что здесь можно поживиться. Но их намерения пресек мистер Робертс. От имени «Цвингли Банка» он уже сделал заявку на покупку всех акций, от котрых откажутся существующие акционеры, на что имел первоочередное право.

Тысячу акций, даже по столь завышенной цене, согласился купить некий придурок в Уэллсе. Еще три тысячи разошлись среди восемнадцати акционеров, разбросанных по разным концам страны. Они были либо провидцами, либо не знали основных действий арифметики. Мистер Робертс, будучи номинальным директором, для

себя акций не покупал, поскольку сам лично акционером не являлся. Но в три часа дня двадцатого мая — времени, когда истекал срок льготной подписки на акции для уже существующих акционеров? — он подписался на все оставшиеся двести девяносто шесть тысяч акций от имени «Цвингли Банка», который, в свою очередь, приобретал их для двух его клиентов. Имена этих клиентов оказались Эдвардс и Фрост.

И снова правила законодательства о компаниях не были нарушены. Господа Адамс, Болл, Картер и Дэвис владели семьюдесятью пятью тысячами акций старого выпуска и пятьюдесятью тысячами нового каждый. И каждый из них обладал менее чем десятью процентами акционерного капитала и мог оставаться анонимным, поскольку теперь число выпущенных в обращение акций увеличилось с одного миллиона до полутора. Господа Эдвардс и Фрост имели по сто сорок восемь тысяч акций, что также оставалось в пределах десятипроцентного лимита.

Но широкая публика и даже директора компании не знали того, что в действительности семьсот девяносто шесть тысяч акций «Бормак» — необходимое для контроля над компанией большинство — являлись собственностью сэра

Джеймса Мэнсона. Через цепочку посредников и подставных, скорее, даже несуществующих лиц, он мог заставить компанию делать то, что ему требовалось.

Это удовольствие обошлось сэру Джеймсу Мэнсону в шестьдесят тысяч фунтов, потраченных на покупку трехсот тысяч акций старого выпуска, и сто тысяч фунтов, ушедших на почти полумиллионный пакет новых акций. Но когда цена на эти акции поднялась бы до намеченных ста фунтов за каждую, в чем он не сомневался после «случайного» открытия Хрустальной горы, права на разработку которой будут принадлежать компании «Бормак», вложенный им капитал обернулся бы восемьюдесятью миллионами фунтов.

Мистер Робертс проделал неплохую работу. Он знал, что, вручив сертификат на приобретенные им акции доктору Мартину Штейнхуферу, получит солидное вознаграждение. Правда, он и так был далеко не нищим, но теперь обеспечил себе надежный комфорт.

* * *

В Динанте Марк Вламинк растолкал Шеннона и Лангаротти вскоре после наступления темноты.

— Пора, — сообщил бельгиец.

Шеннон взглянул на часы.

— Ты вроде говорил, перед рассветом, — пробормотал он.

— Тогда мы отправимся, — пояснил Марк. — А сейчас нужно убрать фургоны из города, чтобы они не мозолили здесь глаза. Придется скоротать ночь где-нибудь на обочине.

Заснуть им уже не удалось. Они курили и играли в карты: у бельгийца в бардачке нашлась колода. На обочине дороги, в темноте под деревьями, ощущая на лицах свежесть ночного воздуха, они вновь представляли себя среди африканских джунглей в предчувствии боя. Иллюзию нарушали лишь мелькавшие между стволов огни проносившихся на юг, во Францию, автомобилей.

Устав от карт и слишком возбужденные, чтобы заснуть, все трое молча ожидали рассвета. Крошка Марк уплетал остатки хлеба с сыром, заботливо приготовленных его подружкой; Лангаротти старался наточить свой нож еще чуть-чуть острее; Шеннон смотрел на звезды и тихо насвистывал знакомую мелодию.

Глава 17

Вообще говоря, с большими техническими трудностями, связанными с переправкой незаконных грузов через бельгийско-французскую границу, сталкиваться не приходится. Этим обстоятельством пользуются многие дельцы черного рынка.

Граница тянется между морским побережьем в Ле-Пане и пересечением с люксембургской пограничной линией близ Лонгви. Весь ее юго-восточный кусок проходит по заросшей лесом, излюбленной охотниками местности. Здесь границу пересекает бесчисленное количество небольших дорог и прорубленных в лесу просек. Проконтролировать их все просто невозможно.

Конечно, правительства обоих государств стремятся наладить хоть какое-то подобие контроля, используя так называемо «douanes volantes», то есть мобильные таможенные посты. Эти подразделения таможенной службы выбирают наугад одну из дорог или просек и устанавливают там пограничный пост. Если на какой-нибудь дороге с одной из сторон окажется такой пост — все следующие через границу машины будут тща-

тельно проверяться. Зная силы таможни и число дорог, можно прикинуть, что шансы нарваться на пограничников составляют один к десяти. Так что, как уж кому повезет.

Оставалась возможность выбрать путь, на котором наверняка не встретится таможенный пост. Такой способ перевозки грузов через границу особенно предпочитают занимающиеся контрабандой французского шампанского. Эти люди вполне справедливо не хотят понять, почему напиток, доставляющий радость и веселье, должен облагаться столь наводящей тоску пошлиной. Будучи владельцем бара, Марк Вламинк знал об этом маршруте, называемом Дорогой шампанского.

Ведя на юг из Намюра, старинного бельгийского города-крепости, и следуя вдоль русла реки Маас, эта дорога проходит через Динант, а далее пересекает границу и упирается в первый французский городок Живе. Маршрут проходит по части французской территории, напоминающей проткнувший бельгийскую границу и застрявший в чужой земле палец. Этот своеобразный коридор с трех сторон окружен бельгийскими владениями. Здесь тоже — лесистые охотничьи угодья, пересекаемые множеством просек и тро-

пинок. На основной дороге из Динанта в Живе, конечно, имеется таможенный пост, вернее, два — бельгийский и французский, установленные в четырехстах ярдах друг от друга в пределах видимости.

Незадолго до рассвета Марк разложил дорожную карту и объяснил Шеннону и Жан-Батисту, как можно незаметно пересечь границу. Когда оба поняли, что от них требуется, тронулись в путь: впереди фургон с бельгийцем, следом за ним в двухстах ярдах — второй.

На юг от Динанта вела хорошая дорога, по обеим сторонам которой тянулись переходящие одна в другую деревушки. В предрассветном сумраке селения выглядели тихими и безлюдными. На шестом километре от Динанта на юг уходила боковая дорога, куда Марк и свернул. Река Маас пропала из виду. Четыре с половиной километра они ехали по холмистой, поросшей лесом местности. Здесь в конце мая деревья уже были покрыты пышной листвой. Путь шел параллельно границе, в самое сердце охотничьих угодий. Неожиданно Вламинк свернул налево и через три-четыре сотни ярдов остановился. Он выбрался из машины и вернулся назад к французскому фургону.

— Поживей! — скомандовал он. — Не стоит задерживаться здесь. Слишком ясно, куда я направляюсь с остендскими номерами.

Он указал вдоль дороги.

— Граница там, ровно в полутора километрах. Даю вам двадцать минут, пока буду делать вид, что меняю колесо. Если вы не успеете, я возвращаюсь в Динант, и мы встречаемся в кафе.

Корсиканец кивнул и выжал сцепление. Замысел состоял в следующем. Если бельгийские или французские таможенники установили временный пост, первая машина будет остановлена и обыскана. Оказавшись «чистой», она минует пост и двинется на юг к пересечению с основной дорогой, ведущей в Живе, потом повернет опять на север и вернется через постоянный контрольный пункт в Динант. Если хотя бы один временный пост действует, успеть назад к тому месту, где остался Вламинк, за двадцать минут не удастся.

Через полтора километра Шеннон и Лангаротти увидели бельгийский пост. По каждой стороне дороги был установлен вертикальный стальной столб. Кроме того, справа располагалась небольшая будка из стекла и дерева, где мог находиться таможенник. Если пост действовал, дорогу перекрывала скользящая вдоль столбов штанга,

выкрашенная красными и белыми полосами. Сейчас шлагбаум был поднят.

Шеннон выскочил из притормозившего фургона и проверил будку. Никого. С полкилометра дорога петляла среди холмов. Бельгийский пост исчез из вида. Вот и французская граница. Ни поста, ни будки. Лишь слева — место для парковки фургона французской таможни. Здесь — тоже никого. Пока они затратили пять минут. Шеннон велел корсиканцу проехать вперед, обогнув еще пару холмов, но дорога была пустынна.

— Разворачивайся, — приказал Шеннон. — Alles[44].

Жан-Батист лихо развернул фургон и на полном газу помчался к бельгийской границе. Времени терять было нельзя. На востоке уже занималась заря. Они проскочили французскую стоянку, бельгийские посты и через полторы тысячи метров увидели ждущего их Марка. Лангаротти посигналил фарами, — два коротких, один длинный, — и Марк завел мотор. Секундой позже он миновал их, направляясь к французской границе.

Корсиканец снова развернулся, теперь не так торопливо, и поехал следом. На большой скоро-

---

[44] Примечания: 44
Всё (нем.).

сти Марк мог проскочить опасный участок за четыре минуты даже со своим весящим около тонны грузом. Ему бы крупно не повезло, если бы в эти решающие мгновения вдруг появились таможенники. Конечно, бельгиец попытался бы провести их, сказав, что заблудился, и, надеясь, что бочки с маслом успешно пройдут проверку. Но… Кто знает?

И второй раз им повезло — на границе никого не было. Подальше, уже на французской территории начинался прямой пятикилометровый участок. Иногда там патрулировала французская жандармерия, но в это утро ее не оказалось. Лангаротти нагнал бельгийский фургон и пристроился в двухстах метрах за ним. Через пять километров Марк свернул направо, и еще шесть километров они пробирались по узким боковым дорогам, пока наконец не выехали на главное шоссе.

На обочине стоял дорожный указатель. Шеннон увидел, как Марк Вламинк помахал из окна своей машины, привлекая их внимание. Над стрелкой, указывающей в обратном направлении, была надпись «Живе», а впереди, согласно указателю, — населенный пункт Реме. Все трое почувствовали облегчение.

Они перегрузили бочки на бетонированной стоянке рядом с придорожным кафе, недалеко от Суассона. Два фургона стояли почти вплотную задом друг к другу с открытыми бортами. Шеннон и Лангаротти оказались плохими помощниками. Они с трудом удерживали подаваемые Марком бочки. Дело осложнялось еще и тем, что груженый фургон просел на своих рессорах так, что его дно стало ниже, чем у пустого. В машине корсиканца нашлась небольшая лесенка. Марк приладил ее между фургонами и начал потихоньку перекантовывать бочки из одного автомобиля в другой.

Жан-Батист сходил в кафе и принес им завтрак: длинные хрустящие батоны, сыр, фрукты и кофе. Ножа у Шеннона не было, и поэтому все они поочередно брали нож Марка. Свой Лангаротти никогда бы не позволил использовать, чтобы очистить апельсин. По этому поводу он имел четкое мнение: это было бы бесчестием для его оружия.

В десять с небольшим они снова тронулись в путь. Вскоре старый и тихоходный бельгийский фургон съехал в безлюдном месте к реке. Они сняли с него номера и кинули в воду. Брошенный автомобиль был в свое время изготовлен во

Франции и проследить его теперь вряд ли представлялось возможным. Дальше они поехали вместе. За рулем сидел Лангаротти. Машину он приобрел на законных основаниях, все документы — в порядке. Если бы их остановили, он мог сказать, что везет пять бочек смазочного масла для тракторов своему другу-фермеру, живущему недалеко от Тулона. А эти двое — случайные попутчики, подсевшие по дороге.

Они съехали с автострады A1, по окружной дороге объехали Париж и устремились по шоссе A6 на юг к Тулону через Лион, Авиньон и Экс.

Вскоре они увидели знак, указывающий на поворот к аэропорту Орли. Фургон остановился на обочине. Шеннон выбрался из машины и пожал своим друзьям руки.

— Знаете, что делать? — спросил он.

Оба кивнули.

— «Тоскана» придет не позднее первого числа. Я присоединюсь к вам раньше. Удачи.

Он подхватил свой саквояж и пошел прочь от выруливавшего на шоссе фургона. Из ближайшей телефонной будки он заказал такси и часом позже был в аэропорту. Купив билет в Лондон, Шеннон уже к вечеру добрался до своей квартиры на Сент-Джонс Вуд. Из ста дней минуло сорок

шесть.

О своем приезде он уведомил Эндина телеграммой. Было воскресенье, и тот позвонил ему лишь через сутки. Они договорились встретиться во вторник утром.

Час ушел на то, чтобы объяснить Эндину, чем он занимался со времени их последней встречи. Шеннон также сообщил, что потратил все деньги — как те, что имелись у него в Лондоне, так и со своего бельгийского счета.

— Что дальше? — потребовал Эндин.

— Самое позднее через пять дней я должен вернуться во Францию и проследить за погрузкой первой партии на «Тоскану», — сказал Шеннон. — Весь груз законный, за исключением содержимого бочек. Четыре отдельных упаковки разнообразной одежды и прочего снаряжения попадут на борт без помех, даже если их будет проверять таможня. То же относится и к товару, купленному в Гамбурге, — осветительные ракеты, ночные бинокли и прочее. Надувные лодки и подвесные моторы предназначаются для экспорта в Марокко, по крайней мере так говорится в декларации. Все это тоже абсолютно законно. Пять бочек с маслом могут сойти за запас для судовых двигателей. Правда, маслица многовато,

но тем не менее, проблем возникнуть не должно.

— А если все же они возникнут? — полюбопытствовал Эндин. — Если тулонские таможенники захотят взглянуть поближе на эти бочки?

— Мы провалились, — коротко ответил Шеннон. — Корабль конфискуют, если только капитан не сможет доказать, что и понятия не имеет о происходящем. Груз арестуют. Операции — конец.

— Чертовски дорогое удовольствие, — протянул Эндин.

— А вы как хотели? Каким-то образом оружие надо доставить на борт. Бочки с маслом — все же самое лучше, что можно придумать. А риск… Он всегда остается.

— А что, разве нельзя было купить автоматы законным путем, например, в той же Испании? — допытывался Эндин.

— Можно, — согласился Шеннон. — Но скорее всего, нас вместе с нашим заказом послали бы подальше. Автоматы вместе с патронами — слишком подходящее сочетание. Выглядит так, будто кто-то организует небольшое дельце. Уже по этой причине Мадрид мог бы отказать, хуже того, начали бы проверять сертификат конечного пользователя. Конечно, можно было бы заказать в Испании автоматы, а патроны взять на черном

рынке. Но это более крупный груз, следовательно, и проблем больше. В любом случае, от контрабанды никуда не денешься, а это всегда сопряжено с риском. Но даже в худшем варианте пострадаю я и мои люди, а не вы. После вас колоду уже не раз сняли.

— Все равно мне это не нравится, — возразил Эндин.

— Да в чем же дело? — усмехнулся Шеннон. — Нервишки сдают?

— Нет.

— Ну, так успокойтесь. Все, что вы потеряете — это немного денег.

Эндина подмывало сказать Шеннону, сколько в действительности может потерять его шеф, но он сдержался. Ситуация требовала осторожности, ведь наемник запросто мог угодить за решетку.

Еще час они обсуждали финансовые вопросы. Шеннон пояснил, что полностью расплатился с Иоганном Шлинкером и наполовину — с Аланом Бейкером. Все это вместе с выплаченным второй раз жалованьем его помощникам и пятью тысячами фунтов, которые он перевел в Геную, чтобы снарядить в плавание «Тоскану», полностью истощило его счет в Брюгге.

— Кроме того, — добавил Шеннон, — я хотел бы

получить вторую половину своего заработка.

— Почему именно сейчас? — осведомился Эндин.

— Потому что со следующего понедельника мне серьезно грозит опасность ареста, а в Лондон, скорее всего, я уже не попаду. Если погрузка в Тулоне пройдет нормально, «Тоскана» пойдет в Бриндизи, пока я организую отправку югославского оружия. Затем в Валенсии предстоит забрать испанские патроны. И — вперед, к цели. Если мы будем опережать график, я предпочту болтаться в море, нежели ждать в каком-либо порту. Как только все снаряжение окажется на борту, я постараюсь, чтобы судно заходило в порты только в случае крайней необходимости.

Эндин, подумав, ответил не сразу:

— Это придется обсудить с моими партнерами, — наконец произнес он.

— Я хочу, чтобы все оставшееся жалованье перевели на мой швейцарский счет до конца недели, — настаивал Шеннон, — а остаток оговоренного бюджета — в Брюгге.

Они подсчитали, что после выплаты полного заработка Шеннону сумма составит двадцать тысяч фунтов. Карло объяснил, куда пойдут эти деньги.

— Теперь мне потребуется пачка туристских чеков в американских долларах. Если, не дай Бог, что-то пойдет не так, решить проблему сможет только взятка. Давать ее придется сразу же — и наличными. Кроме того, мне потребуются наличные, чтобы заплатить экипажу судна. Когда мы выйдем в море, и они, безусловно, поймут, в чем дело, — придется их как-то убедить продолжить плавание. Не уплачена также часть денег за югославское оружие.

Эндин согласился доложить обо всем «своим партнерам» и поставить Шеннона в известность.

На следующий день он позвонил и сообщил, что на оба перевода получено согласие. Соответствующие распоряжения уже отправлены.

Шеннон заказал билет до Брюсселя на пятницу и забронировал место на утренний субботний рейс Брюссель — Париж — Марсель.

Эту и две последующие ночи он провел с Джулией. Затем упаковал вещи, отослал ключи от квартиры в агентство и покинул Сент-Джонс Вуд. Джулия повезла его в аэропорт в своем красном МЖБ.

— Когда ты вернешься? — спросила она. Они стояли перед входом в таможенный зал, над которым висел транспарант «Только для отле-

тающих».

— Я не вернусь, — тихо произнес он, поцеловав ее.

— Тогда я поеду с тобой.

— Нет.

— Ты вернешься. Я не спрашиваю, куда ты отправляешься. Я знаю, что это опасно. Но ты должен вернуться!

— Я не вернусь, Джулия, — спокойно повторил он. — Лучше тебе найти кого-нибудь другого.

Она начала всхлипывать.

— Мне никто не нужен. Я люблю тебя, а ты — нет. Поэтому ты и говоришь, что мы больше не встретимся. У тебя есть другая женщина, все из-за этого. Ты едешь к ней…

— Нет никакой другой женщины, — произнес Шеннон, поглаживая ее волосы.

Стоящий неподалеку полицейский старался смотреть в сторону. Здесь, в зале ожидания, слезы были обычным делом.

Шеннон знал, что другой женщины в его жизни уже не предвидится. В руках ему доведется держать только автомат, прижимая к груди холодную вороненую сталь.

Джулия все еще безутешно плакала, когда он поцеловал ее в лоб и направился к паспортному

контролю.

Тридцатью минутами позже реактивный лайнер компании «Сабена» сделал разворот над южной окраиной Лондона и взял курс на Брюссель. Под крылом самолета проплывало залитое солнечным светом графство Кент. Что ни говори — прекрасен месяц май! Из иллюминаторов были видны огромные пространства яблоневых, грушевых и вишневых садов, окрасивших землю в розовые и белые цвета.

Вдоль тропинок, рассекающих самое сердце Уильда[45], вовсю цвел шиповник, зеленым и белым бросался в глаза конский каштан, а между могучих дубов порхали голуби. Шеннон хорошо знал эти места. Когда-то давно он останавливался в Четхэме. Купив старый мотоцикл, он исколесил всю округу между Ламберхарстом и Смарденом. Хорошие места, очень хорошие, чтобы осесть здесь и вести спокойную, размеренную жизнь… Хорошие для тех, кто это умеет.

Минут десять спустя один из сидящих сзади Шеннона пассажиров позвал стюардессу и пожаловался, что кто-то впереди мешает, насвистывая один и тот же незатейливый мотивчик.

---

[45] Примечания: 45

Район Англии, в который входят части графств Кент, Сассекс, Суррей, Гэмпшир.

* * *

В пятницу днем Карло Шеннон потратил два часа на то, чтобы забрать переведенные из Швейцарии деньги и закрыть счет в кредитном банке Брюгге. Он взял их в виде двух банковских чеков, каждый на пять тысяч фунтов, которые можно было перевести на счет в любом другом банке, а потом получить более мелкие туристские чеки. Оставшиеся десять тысяч он взял чеками по пятьсот долларов, для получения денег по которым требовалась лишь его подпись.

Ночь Шеннон провел в Брюсселе, а на следующее утро вылетел через Париж в Марсель.

Такси доставило его в небольшой отель на окраине города, где Лангаротти уже останавливался под именем Лаваллона, и где теперь, следуя полученным указаниями, проживал Джанни Дюпре. В отеле его не оказалось, и Шеннон прождал Дюпре до вечера. Они сели в автомобиль, взятый напрокат Шенноном, и направились в Тулон. Кончался день пятьдесят второй.

* * *

В воскресенье офис экспортного агентства был

закрыт, но это не имело значения. Встречу назначили на улице перед входом, где ровно в девять утра Шеннон вместе с Дюпре увидели Марка Вламинка и Лангаротти. В первый раз за много недель они снова собрались вместе, отсутствовал лишь Курт Землер. Он находился в нескольких сотнях миль, идя на «Тоскане» к Тулону.

Шеннон предложил Лангаротти позвонить из ближайшего кафе дежурному по порту. Тот сообщил, что его уведомили телеграммой из Генуи о приходе «Тосканы» в понедельник утром, и причал для нее будет зарезервирован.

Дел в этот день больше не намечалось, и они, усевшись в машину Шеннона, направились на один из пляжей побережья. Несмотря на жару и царившее повсюду праздничное настроение, Шеннон не мог расслабиться. Купался лишь Дюпре, купивший в ближайшем ларьке плавки и нырявший, как мальчишка, с мола яхт-клуба. Вернувшись, он заявил, что вода чертовски холодная. Да, теплее она станет позже, в июне и июле, когда толпы туристов из Парижа заполонят все побережье.

Но к этому времени они будут готовиться к атаке совсем на другом пляже, за много-много миль отсюда.

Большую часть дня они просидели на террасе бара, впитывая лучи солнца и обсуждая ближайшие планы. Югославская или испанская поставка могла запоздать или сорваться по какой-нибудь бюрократической причине, но опасности ареста там не предвиделось. Их могли задержать на несколько дней для осмотра судна — только и всего. Но вот следующее утро таило опасность. Если кому-нибудь придет в голову заглянуть поглубже в бочки со смазочным маслом, им обеспечены месяцы, а может быть, и годы в Ле-Буме — большой мрачной крепости, которую они проезжали в субботу на пути из Марселя в Тулон.

Нет ничего хуже ожидания, решили они. Шеннон оплатил счет, и все четверо направились к автомобилю.

Все прошло даже более гладко, чем они рассчитывали. Тулон известен как крупная база военно-морского флота. В его гавани вдоль всей линии горизонта громоздятся устрашающие силуэты французских военных кораблей, стоящих на якоре. В понедельник утром центром внимания туристов и зевак в Тулоне стал крейсер «Жанна д'Арк», вернувшийся из Карибского моря. Карманы сошедших на берег матросов были набиты деньгами. Они жаждали развлечений

и девочек.

Кафе, идущие бесконечным рядом вдоль набережной, забились праздной публикой, которая наблюдала за протекающей мимо них жизнью. Шумные красочные группы глазели из-под навесов на скользящие в полумиле по водной глади яхты и носящиеся по гавани моторки и скутеры — утехи, доступные лишь богачам.

В небольшом и почти незаметном за всем этим великолепием торговом порту незадолго до полудня к одному из причалов подошла «Тоскана».

Шеннон, сидя на одной из причальных тумб метрах в пятидесяти, видел, как швартовалось судно, и на мостике стояли Землер и Вальденберг. Сербский механик, скорее всего, возился внизу, в машинном отделении. Но зато на палубе мелькали две другие фигуры, подтягивающие канаты. Видимо, это были члены экипажа, нанятые капитаном.

Маленький автомобильчик Рено прошмыгнул по причалу и замер у сходен. Из него вылез толстячок-француз и поднялся на борт «Тосканы». Наверняка представитель агенства «Маритим Дюпо», он вскоре спустился в сопровождении Вальденберга, и они направились к зданию таможни, откуда вышли почти через час. Агент

снова сел в автомобиль и укатил в город, а немецкий капитан вернулся на судно.

Шеннон подождал еще полчаса, а затем стал взбираться по сходням. Землер повел его в кают-компанию.

— Ну, как идут дела? — спросил Шеннон, когда они уселись.

Землер усмехнулся.

— Все гладко, — сообщил он. — Мы оформили бумаги на нового капитана, сделали профилактику двигателей, купили одеяла и дюжину поролоновых матрасов. Никто ничего не спрашивает, а капитан по-прежнему считает, что мы собираемся перевозить иммигрантов в Англию. Я попросил агента из Генуи позаботиться о месте здесь для нас, а в декларации сказано, что мы берем на борт различные спортивные товары и снаряжение для организации летнего отдыха на побережье Марокко.

— Как насчет смазочного масла?

— Оно тоже было заказано, — хитро сощурился Землер, — но в последний момент я от него отказался. Когда масла не оказалось, Вальденберг хотел задержаться еще на день и все же загрузить его на борт. Но я запретил ему это, сказав, что достанем масло в Тулоне.

— Прекрасно, — одобрил Шеннон. — Только не давай Вальденбергу заказывать его. Скажи, что ты позаботишься об этом сам. Когда мы доставим бочки, он не удивится. Так, а этот, что подымался на борт…

— Коммерческий агент. Товар и все бумаги у него готовы. Он пришлет груз сегодня днем в паре фургонов. Ящики невелики, и мы сможем погрузить их сами, не пользуясь краном.

— Хорошо. Пусть агент и Вальденберг займутся бумагами. Через час после окончания погрузки прибудет машина со смазочным маслом. Водитель — Лангаротти. У тебя хватит денег, чтобы заплатить за этот товар?

— Да.

— Тогда дашь ему наличные и получишь расписку. Позаботься, чтобы при погрузке бочки не швыряли. Не дай Бог, если у одной из них выскочит дно. Думаю, «шмайссеры» на причале вовсе не к месту.

— Когда на борт поднимутся ребята?

— Вечером, после наступления темноты. Поодиночке. Но только Марк и Джанни. Жан-Батист пока останется. Ему надо избавиться от фургона, и кроме того, есть у него еще одно дельце. Когда вы рассчитываете отдать швартовы?

— В любой момент. Сегодня вечером я дам команду. Ты знаешь, а мне нравится быть управляющим.

— Не слишком входи в роль. Это ненадолго.

— Ладно. Куда пойдем дальше?

— В Бриндизи. Знаешь, где это?

— Спрашиваешь! Уж сколько сигарет я доставил из Югославии в Италию. Что предстоит забрать?

— Ничего. Будете ждать моей телеграммы. Из Германии я сообщу вам следующий пункт назначения и время прибытия. После этого тебе придется обратиться к местному агенту, чтобы он позаботился о причале в югославском порту. У тебя нет проблем с Югославией?

— Вроде нет. В любом случае, я могу оставаться на судне. Мы там возьмем оружие?

— Да. По крайней мере, так планируется. Надеюсь, что мои дилеры и югославские власти не подведут. У тебя есть нужные карты?

— Да. В Генуе я купил все, как ты и говорил. Знаешь, ведь Вальденберг узнает, что мы будем грузить в Югославии. Тогда он поймет, в чем дело. Это уже не перевозка иммигрантов. Лодки, моторы, радиопередатчики и одежду он воспринял нормально. Но вот оружие… Здесь уже пахнет

кое-чем другим…

— Знаю, — сказал Шеннон. — Придется снова платить. Думаю, он не станет упираться, тем более, на борту будем мы с тобой, Джанни и Марк. Мы даже можем сказать ему, что находится в бочках из-под масла. Назад отступать окажется слишком поздно. Что из себя представляют двое новеньких?

Землер кивнул и закурил пятую сигарету. От табачного дыма в маленьком салоне было не продохнуть.

— Оба итальянцы. Нормальные трудолюбивые ребята, выглядят немного пришибленными. Думаю, у них неприятности с карабинерами. Предложенную работу они восприняли как манну небесную. Ждут не дождутся, когда мы выйдем в море.

— Отлично. Думаю, они не захотят сойти на берег в чужой стране. В противном случае, без документов, их передадут прямо в руки итальянской полиции.

Действительно, Вальденберг не подкачал. Накоротке Шеннон переговорил с обоими новичками. Землер представил его как главу фирмы, а Вальденберг переводил. Ни Норбиатто — помощник капитана, ни Киприани — палубный матрос

лишних вопросов не задавали. Шеннон отдал еще несколько распоряжений Вальденбергу и покинул судно.

Позже два фургона, посланных агентством «Маритим Дюпо», подкатили к «Тоскане». Их сопровождал тот же самый толстяк, побывавший здесь утром. Подошедший чиновник французской таможни наблюдал, как появляющиеся из машин ящики грузили на борт.

Пока они исчезали в чреве «Тосканы», таможенник вместе с агентом что-то чиркали в своих бумагах. Представитель власти даже не потрудился заглянуть в ящики. Он вполне доверял агентству, взявшему на себя отправку груза.

Когда погрузка закончилась, чиновник небрежно шлепнул печать на декларацию. Заволновавшийся Вальденберг начал что-то говорить Землеру по-немецки. Тот перевел: капитану нужно смазочное масло для двигателей. В Генуе его уже заказывали, но не доставили вовремя.

Агент сделал пометку в блокноте.

— И сколько же вам надо?

— Пять бочек, — ответил Землер. Они говорили по-французски, и Вальденберг не понимал, о чем идет речь.

— Что-то многовато, — заметил агент.

Землер улыбнулся.

— Что поделаешь, у этого старого корыта дизель жрет черт-те сколько… Хотелось бы иметь запас.

— Когда вам нужно доставить масло?

— Часам к пяти, а? — предложил Землер.

— К шести, — подытожил агент, захлопнув блокнот. Он взглянул на таможенника, тот кивнул и, утратив интерес, пошел прочь. Вскоре и агент, усевшись в свой автомобильчик, махнул на прощание рукой. За ним последовали оба фургона.

В пять часов вечера Шеннон сошел с корабля, добрался до ближайшей телефонной будки и, позвонив в агентство, отменил заказ на доставку масла: оказывается, шкипер обнаружил в трюме полную бочку, на несколько недель им хватит. Что поделаешь, агентству пришлось смириться с потерей комиссионных.

Через час к «Тоскане» подрулил фургон. За рулем в ярко-зеленом комбинезоне с надписью на спине «Кастрол» сидел Жан-Батист Лангаротти.

Распахнув задние дверцы машины, он приладил пандус и аккуратно спустил на землю пять больших бочек. За ним, глазея из окна, спокойно наблюдал дежурный таможенник.

Вальденберг поймал его взгляд и взмахнул

рукой. Он показал на бочки, а затем на судно.

— О'кей? — вопросительно крикнул он, добавив на скверном французском: — Ca va?[46]

Таможенник важно кивнул и убрался из окна, чтобы сделать пометку в своем журнале. Вальденберг отдал команду, и два итальянских моряка аккуратно начали перетаскивать бочки на борт.

Стоя на другом конце причала, Шеннон с замершим сердцем наблюдал, как бочки исчезают в зияющем зеве трюма. Он видел, как Землер помогал итальянцам, и всей душой хотел быть там же — ему казалось, что с бочками обращаются слишком небрежно…

Суета на палубе закончилась и над причалом раздался гудок, извещающий об окончании погрузки. Землер спустился с корабля и направился к Шеннону.

— Я же говорил, все в порядке, — довольно усмехнулся Землер.

Шеннон ответил ему улыбкой, облегченно вздохнув. Он лучше немца отдавал себе отчет о последствиях, но в отличие от него был не так хорошо осведомлен о портовых делах.

— Когда возьмешь ребят?

---

[46] Примечания: 46
Нормально? (франц).

— Таможня закрывается в девять. Пусть приходят около часу ночи. Мы отойдем в пять.

— Хорошо, — произнес Шеннон. — Пойди, разыщи их. Можете немного выпить. Но не задерживайся. Я хочу, чтобы ты был на судне. Вдруг возникнут какие-либо вопросы.

— Вряд ли.

— Тем не менее. Мы играем наверняка. Сиди над бочками, как наседка. Чтобы никто не смел и дотронуться до них, пока я не распоряжусь. Скорее всего, взяв груз в Югославии, придется намекнуть капитану, что там, в бочках…

Они нашли остальных наемников в одном из припортовых кафе и выпили по паре жестянок пива. Солнце садилось, и акватория порта постепенно пустела. Яхты и лодки разбредались по своим причалам. Легкий бриз гнал небольшую волну, на которой, как танцовщицы, подпрыгивали спешащие на ночлег суденышки. Землер расстался с ними в восемь, поспешив на «Тоскану».

Джанни Дюпре и Марк Вламинк поднялись на борт без десяти час, а в пять корабль, провожаемый стоящими на причале Шенноном и Лангаротти, отчалил.

Утром корсиканец отвез командира в аэропорт.

За завтраком тот дал ему последние указания, а также требующуюся сумму денег.

— Я предпочел бы поехать с тобой или находиться с ребятами, — проговорил Жан-Батист.

— Понимаю, — согласился Шеннон, — но кому-то нужно это сделать. Без тебя не обойтись. Вдобавок здесь есть одно преимущество, ты — француз. Джанни со своим южноафриканским паспортом не подойдет, а Марк нужен мне на корабле, чтобы в случае чего убедить команду делать то, что нам нужно. Конечно, даже со своими кулачищами он ничто перед твоим ножиком, но думаю, что драться там не придется. Вламинк и так сумеет произвести впечатление. Что касается Курта, то он должен контролировать капитана, в крайнем случае, заменит его. Так что остаешься только ты.

Лангаротти неохотно согласился.

— Вы хорошие ребята, жаль, если мы больше не увидимся.

Когда они прощались в аэропорту, Шеннон напомнил еще раз:

— Если у нас не будет поддержки, все провалится. От тебя очень много зависит. Делай, как я тебе говорил, ну а с мелкими проблемами справишься сам. Увидимся через месяц.

Расставшись с корсиканцем, он прошел таможенный контроль и сел в самолет, выполняющий рейс до Гамбурга с посадкой в Париже.

Глава 18

— Согласно моим сведениям, вы можете забрать минометы и базуки в любое время после десятого июня. Вчера я получил подтверждение по телексу, — сообщил Алан Бейкер Шеннону.

Их встреча состоялась на следующий день после приезда Шеннона в Гамбург. Утром по телефону они договорились вместе пообедать.

— В каком порту? — спросил Шеннон.

— Плоче.

— Где?

— П-л-о-ч-е, — по буквам повторил Бейкер. — Это небольшой порт как раз посередине между Сплитом и Дубровником.

Шеннон задумался. В Генуе Землер должен был приобрести карты всего побережья Югославии, но все же они рассчитывали забрать груз в одном из более крупных портов. Будем надеяться, думал Шеннон, что у Землера найдутся соответствующие карты. В крайнем случае он достанет их в Бриндизи.

— Что, он совсем маленький?

— Да, совсем. Полдюжины причалов и пара пакгаузов. Югославы, как правило, пользуются

именно этим портом для экспорта своего оружия, где все идет быстрее и проще. Таможенная служба там тоже невелика. Обычно дежурит один чиновник. Если он получит небольшой сувенир, то, думаю, долго возиться с осмотром судна не станет.

— Договорились. Плоче, одиннадцатого июня, — решил Шеннон.

Бейкер сделал себе пометку.

— Как насчет «Тосканы»? Все в порядке? — спросил он. Ему все еще хотелось оказать услугу своим друзьям, распоряжавшимся судном «Сан Андреа», но и о «Тоскане» он решил не забывать. Шеннон был уверен, что по окончании операции этот корабль ему больше не понадобится. Что ж, пусть он будет на заметке у Бейкера.

— Хорошее судно, — сказал Шеннон. — Сейчас оно идет в один итальянский порт, где будет ждать моих указаний. А как с вашей стороны, никаких затруднений?

Бейкер вздохнул.

— Есть одно — цена.

— А в чем дело?

— Видите ли, мы договаривались о сумме в четырнадцать тысяч четыреста долларов. Но за последние полгода система оформления сделок

в Югославии несколько изменилась. Пришлось воспользоваться услугами местного партнера. Так его здесь называют, хотя это не более чем еще один посредник.

— И что же? — поинтересовался Шеннон.

— Ему надо заплатить. Никуда не денешься, иначе возникнет масса бюрократических препон, можно не уложиться в срок. Этот парень — шурин одного из чиновников Министерства торговли. Что вы хотите? Балканы — это Балканы. Каждый хочет урвать себе кусочек.

— И сколько стоят услуги этого партнера?

— Тысячу фунтов стерлингов.

— В динарах или долларах?

— В долларах.

Шеннон задумался. С одной стороны, это могло быть правдой, а с другой — Бейкер мог сам выжимать из него деньги. В первом случае, откажись Шеннон дать Алану тысячу, тому придется расплачиваться с югославом из собственного кармана. Не исключено, что при столь незначительных комиссионных Бейкер потеряет к сделке всякий интерес. До тех пор, пока «Тоскана» с югославским оружием не отчалит из Плоче, допустить этого нельзя.

— Ладно, — проговорил он. — Кто этот парт-

нер?

— Его зовут Циляк. Сейчас он как раз следит, чтобы груз доставили на склад в Плоче. Когда придет судно, он позаботится о погрузке и прохождении таможенного досмотра.

— Мне казалось, что это твоя работа.

— В общем-то да, но теперь пришлось прибегнуть к помощи югослава. Честно говоря, Кот, они не оставили мне выбора.

— Что ж, я заплачу ему лично, туристскими чеками.

— Возражаю, — заявил Бейкер.

— Что так?

— Предполагается, что оружие покупает правительство Того, верно? Черные. И вдруг появляется еще один белый, который за все это расплачивается. Начинает дурно попахивать. Конечно, если настаиваешь, можем отправиться в Плоче вместе, но тебе придется для вида сказаться моим помощником. Кроме того, туристские чеки обналичиваются в банке, а в Югославии это связано с предъявлением удостоверяющих личность документов. Могут возникнуть нежелательные вопросы. Все-таки лучше, если Циляк получит наличными.

— Хорошо. Я возьму по этим чекам деньги

здесь, в Гамбурге, и расплачусь с ним долларами, — согласился Шеннон. — Но ты свою долю получишь чеками. Меня не очень прельщает перспектива таскать с собой доллары, особенно в Югославии. Сам знаешь, как они там рассуждают: если у иностранца много долларов, значит, он — шпион. Поэтому мы поедем в качестве туристов, с чеками.

— Меня устраивает, — сказал Бейкер. — Когда трогаемся?

— Так, завтра у нас первое июня, — проговорил Шеннон, взглянув на часы, — значит, послезавтра. Полетим до Дубровника и недельку поваляемся на солнышке. Мне пора немного отдохнуть. Или можешь присоединиться там ко мне числа восьмого-девятого, но не позже. Я возьму напрокат машину, и к десятому мы доберемся до Плоче. «Тоскана» придет либо вечером, либо рано утром одиннадцатого.

— Поезжай один, — ответил Бейкер. — У меня дела в Гамбурге. Я подъеду к тебе восьмого.

— Только без шуток, — предупредил Шеннон. — Если ты не появишься, я сам вернусь за тобой. Это сулит тебе мало хорошего.

— Буду, буду, — успокоил его Бейкер. — Не забывай, я еще не все получил. Пока что я только в

убытке. Мне самому хочется поскорее закончить с этим делом.

Подобное настроение Бейкера Шеннона вполне устраивало.

— Надеюсь, что у тебя все же есть деньги? — поинтересовался Бейкер.

Шеннон достал из бумажника чеки на большие суммы и сунул их под нос Бейкеру. Торговец оружием заулыбался.

Они встали из-за стола и на выходе из ресторана воспользовались телефоном, чтобы позвонить в гамбургскую чартерную компанию, занимающуюся организацией туров для тысяч немцев, желающих отдохнуть на адриатическом побережье. Там они выяснили названия трех лучших отелей в Дубровнике. Бейкер должен разыскать Шеннона в одном из них под именем Кейта Брауна.

* * *

Иоганн Шлинкер, как и Бейкер, не сомневался, что выполнит свои обязательства. Наверняка они знали о существовании друг друга, даже, возможно, были знакомы, но конечно, не догадывались, что оба работают на Шеннона, и свои дела между собой не обсуждали.

— Груз, скорее всего, прибудет в Валенсию, — информировал Шлинкер Шеннона, — между шестнадцатым и двадцатым июня, как мне обещали в Мадриде.

— Я бы предпочел взять груз двадцатого, — сказал Шеннон. — «Тоскана» причалит в ночь с девятнадцатого на двадцатое, а утром начнем погрузку.

— Хорошо, — согласился Шлинкер. — Я договорюсь со своим мадридским партнером. Он позаботится о доставке товара в порт и уладит формальности с агентом в Валенсии. Тот — свой человек в таможне. Проблем не предвидится.

— Их просто не должно быть, — подчеркнул Шеннон. — Один раз у меня уже произошла задержка. Если я не возьму груз двадцатого, то выбьюсь из графика.

Шеннон солгал, но не видел причин, почему бы Шлинкеру не поверить.

— Кроме того, я хотел бы проследить за погрузкой, — сообщил он дилеру.

Шлинкер поджал губы.

— Конечно, вы можете наблюдать со стороны. Помешать я не могу. Но учтите, что клиентом считается арабское правительство. Вы не имеете права представиться получателем товара.

— Между прочим, в Валенсии я хочу сесть на судно, — добавил Шеннон.

— Это еще сложнее. Весь порт обнесен оградой. Вход только по специальному разрешению. Чтобы сесть на корабль, придется пройти паспортный контроль. Более того, поскольку на судно будут грузиться боеприпасы, оно причалит в специально охраняемой зоне.

— А если капитану понадобится еще один член экипажа? Он может нанять местного матроса?

Шлинкер задумался.

— Полагаю, что да. Вы связаны каким-либо образом с компанией, владеющей этим судном?

— Официально — нет, — ответил Шеннон.

— Если капитан сообщит агенту, что разрешил одному из членов команды покинуть корабль на последней стоянке, — скажем, тот летал на похороны матери, — и этот моряк снова вернулся на «Тоскану» в Валенсии, думаю, возражений не последует. Но вам потребуется удостоверение торгового моряка. И притом на имя Брауна.

Несколько минут Шеннон прикидывал что-то в уме.

— Хорошо, я раздобуду его, — решил он.

Шлинкер сверился со своим дневником.

— Раз так, я буду в Мадриде девятнадцатого-

двадцатого, — сообщил он. Остановлюсь в отеле «Миндано». Если захотите со мной связаться, зайдете туда. Раз погрузка намечается на двадцатое, то, скорее всего, товар в сопровождении армейского эскорта отправят ночью, чтобы к рассвету доставить в порт. Коли вы решили сесть на судно, то, думаю, что сделать это лучше до того, как груз прибудет в доки.

— О'кей. Я приеду в Мадрид, — сказал Шеннон, — найду вас и справлюсь насчет боеприпасов. Потом постараюсь быстро добраться до Валенсии и оказаться на борту «Тосканы» раньше.

— Это ваше дело, — проговорил Шлинкер. — Что касается меня, то я через своих агентов организую доставку и погрузку согласно всем официальным процедурам к утру двадцатого. Собственно говоря, это и есть мои обязанности. Всякий риск, связанный с посадкой на судно в Валенсии, остается целиком на вашей совести. Я за это никакой ответственности не несу. Могу лишь подчеркнуть, что корабли, вывозящие из Испании оружие, подвергаются самому тщательному досмотру со стороны военных и таможенных властей. Если из-за вас что-то пойдет не так, то уж меня увольте… И еще одно. После погрузки

судно обязано покинуть порт в течение шести часов и не будет снова допущено в испанские территориальные воды, пока не выгрузит товар. Ну и, сами понимаете, все судовые документы должны находиться в идеальном порядке.

— Да, да, — согласился Шеннон. — Я свяжусь с вами в Мадриде утром девятнадцатого июня.

* * *

Прежде чем отплыть из Тулона, Курт Землер передал своему командиру предназначенное для отправки письмо. Оно было подписано Землером и адресовалось агентам «Тосканы» в Генуе. В письме сообщалось о некотором изменении планов: «Тоскана» проследует из Тулона не сразу в Марокко, а зайдет сначала в Бриндизи за дополнительным грузом. От агентов требовалось связаться с Бриндизи, зарезервировать на седьмое и восьмое июня причал и попросить портовые власти получать до прибытия судна всю адресованную ему корреспонденцию.

К подобной корреспонденции относилось отправленное Шенноном из Гамбурга письмо. Адрес на конверте гласил: «Италия, Бриндизи, Управление порта. Для передачи на торговое судно „Тоскана“ синьору Курту Землеру».

В письмо Шеннон сообщал, что «Тоскане» предстоит идти в Плоче на адриатическое побережье Югославии. Если у него нет необходимых навигационных карт, позаботиться об этом следует в Бриндизи. Прибыть надо десятого июня, причал будет зарезервирован. Агентов в Генуе информировать об этом рейсе не обязательно.

Самым важным являлось последнее распоряжение. От некогда занимавшегося контрабандой Землера требовалось достать непросроченное удостоверение торгового моряка, выданное итальянскими властями на имя Кейта Брауна. Кроме того, нужна была накладная на груз, согласно которой «Тоскана» якобы следовала из Бриндизи в Валенсию без захода в другие порты, а затем, взяв груз в Валенсии, направлялась в Латакию. Землеру, чтобы раздобыть эти документы, предстояло воспользоваться своими старыми связями.

Еще одно письмо Шеннона, прежде чем он отправился из Гамбурга в Югославию, адресовалось Саймону Эндину в Лондон. Он назначал бизнесмену свидание в Риме шестнадцатого июня и просил его захватить с собой кое-какие морские карты.

* * *

В это же время торговое судно «Тоскана» неторопливо скользило по прозрачной голубой воде узкой бухты Бонифация между южной оконечностью Корсики и севером Сардинии. Нещадно палило солнце, и лишь легкий ветерок доставлял некоторое облегчение. Раздетый до трусов Марк Вламинк распростерся на крыше трюма, подстелив под себя влажное полотенце. Он напоминал большого розового бегемота, покрытого кремом от солнечных ожогов. Джанни Дюпре, становившийся на солнце кирпично-красным, сидел под навесом, прислонившись к кормовой надстройке. С утра он приканчивал уже десятую бутылку пива. Палубный матрос Киприани красил поручни, а первый помощник Норбиатто отдыхал внизу после ночной вахты. Еще ниже, в машинном отделении, возился судовой механик Грубич. Он ублажал двигатель маслом, лишь один зная, когда и сколько требуется этому прожорливому механизму, чтобы «Тоскана» могла делать свои восемь узлов. В рулевой рубке Курт Землер и Карл Вальденберг, потягивая пиво, вели ленивую беседу.

Жан-Батист Лангаротти тоже не отказался бы

выпить бутылочку пивка вместе со своими товарищами, наблюдая с борта корабля виднеющиеся в четырех милях берега своей родины. Но он был далеко, в Западной Африке, где уже начался сезон дождей…

* * *

Алан Бейкер застал Шеннона в отеле Дубровника, как раз когда тот вернулся с пляжа. Стоял тихий вечер восьмого июня. Торговец оружием выглядел усталым и хмурым.

Кот Шеннон, напротив, казался бодрым и полным оптимизма. Он провел неделю на этом югославском курорте, ничем не отличаясь от других туристов — загорал и проплывал по несколько миль в день.

Поселившись в отеле, он послал Землеру телеграмму в Бриндизи с требованием подтвердить прибытие судна и получение отправленного из Гамбурга письма. Этим утром от Землера пришел ответ. «Тоскана» благополучно пришла в Бриндизи, письмо получено и принято к сведению, девятого они отплывают, чтобы быть в месте назначения десятого в полночь.

На террасе их отеля, где Шеннон снял на ночь номер Бейкеру, он сообщил тому последние но-

вости. Бейкер удовлетворенно закивал.

— Прекрасно. Двое суток назад я получил телеграмму из Белграда от Циляка. Груз уже в Плоче и находится под охраной в пакгаузе.

Они переночевали в Дубровнике, а на следующее утро наняли такси, чтобы добраться до находящегося в ста километрах Плоче. Трясло в машине немилосердно — казалось, что у этого автомобиля квадратные колеса и чугунные рессоры, но все равно приятно было ехать милю за милей по живописному, не тронутому цивилизацией побережью. Лишь один небольшой городок Слано попался им на полпути. Там они ненадолго остановились, чтобы размять ноги и выпить по чашечке кофе.

К обеду они добрались до места, устроились в отеле и коротали время в тени на террасе, ожидая, когда управление порта снова откроется в четыре часа.

Порт был сооружен в бухте, образованной длинным полуостровом, начинающимся на южном конце Плоче, который изгибался к основному побережью и тянулся параллельно ему на север. Промежуток между северной оконечностью полуострова и берегом почти перекрывал скалистый островок Гвар. Лишь узкий проход вел в

морскую лагуну. Здесь на берегу и громоздился городок. Эта лагуна длиной почти тридцать миль, на девять десятых окруженная сушей, являлась райским уголком для купания, рыбалки и стоянки судов.

Когда они подошли к управлению портом, маленький, здорово потрепанный «Фольксваген» подрулил к зданию и начал досаждающе сигналить. Шеннон замер. Инстинктивно он почувствовал опасность — то, чего боялся уже давно: какой-нибудь недочет в документах или неожиданный запрет на всю сделку со стороны властей, а в результате — продолжительные выяснения в местном полицейском участке.

Человек, выбравшийся из автомобильчика и приветливо им замахавший, мог, конечно, оказаться полицейским; правда, в большинстве тоталитарных государств как Запада, так и Востока, полицейские вряд ли склонны улыбаться при исполнении служебных обязанностей. Шеннон взглянул на Бейкера и заметил, как тот облегченно вздохнул.

— Циляк, — проронил он, не разжимая губ, и направился навстречу югославу.

Им оказался крупный косматый человек, похожий на дружелюбного бурого мишку. Он

неуклюже облапил Бейкера обеими ручищами. Его звали Кемаль, и Шеннон подумал, что здесь не обошлось без турецкой крови. Кот был доволен. Ему нравился такой тип людей — обычно хороших бойцов и товарищей, ненавидевших бюрократию всеми фибрами души.

— Мой помощник, — представил Бейкер Шеннона.

Циляк протянул руку и поприветствовал его, как понял Шеннон, на сербско-хорватском. По-английски югослав не говорил, а с Бейкером они общались по-немецки. В Югославии на этом языке изъясняются многие.

С помощью Циляка они разыскали начальника таможни и отправились в пакгауз проверить груз. Таможенник бросил несколько слов охраннику, и тот молча отступил в сторону. В углу здания они обнаружили свои тринадцать ящиков. В одном из них находились обе базуки, а в двух других — по миномету вместе с опорными плитами и прицелами. В оставшихся ящиках лежали упакованные боеприпасы: в четырех — по десять ракет для базук; и в шести — в общей сложности триста мин. Ящики, сколоченные из новых досок, не несли на себе никакой маркировки, за исключением нескольких цифр и надписи

«Тоскана».

Циляк и начальник таможни болтали между собой. Похоже, они говорили на одном диалекте, что было весьма кстати. В Югославии, где семь основных языков и несколько дюжин наречий, проблема общения возникает не так уж редко.

Наконец Циляк повернулся к Бейкеру и выговорил несколько фраз на своем неуверенном немецком. Бейкер ответил, и Циляк перевел таможеннику фразу. Они засмеялись, обменялись рукопожатиями и разошлись. Снаружи по глазам больно ударило ослепительное солнце.

— Что это вы? — полюбопытствовал Шеннон.

— Таможенник спросил Кемаля, нет ли тут для него подарка, — объяснил Бейкер. — Кемаль непременно обещал, если, конечно, все будет в порядке с оформлением документов, и погрузка завершится к завтрашнему утру.

Шеннон уже отдал Бейкеру половину из причитающейся Циляку тысячи фунтов, и тот, отведя югослава в сторону, передал их по назначению. После этого и так дружелюбный партнер Бейкера стал просто источать благорасположение к ним обоим. По его мнению, дело необходимо было слегка спрыснуть сливовицей. Слегка — имено так Бейкер и перевел. Возможно, так выразился

и сам Циляк, но отнюдь не это он имел в виду. Какое уж тут «слегка», когда у югослава отличное настроение. С пятьюстами фунтами в кармане Циляк заказал бутылку огненного напитка, а на закуску блюдо оливок и миндальных орешков. Когда над Адриатикой садилось солнце, и по улицам Плоче крался тихий летний вечер, он пустился вспоминать, как партизанил с Тито в горах Боснии.

Бейкеру с трудом удавалось переводить цветистый рассказ Кемаля о былых рейдах между Дубровником и Монтенегро — вот в этих горах, у подножья которых они сидели, на побережье Герцеговины и дальше, на севере от Сплита, в более холодных лесистых горах. Циляк с большой гордостью сообщил, что однажды, выполняя задание, получил ранение в руку, вот в таком же городке, куда попал сейчас, представляя интересы своего шурина, правительственного чиновника. Наверное, раз он партизанил, Кемаль — идейный коммунист, полюбопытствовал Шеннон. Югослав выслушал перевод Бейкера, заменившего определение «идейный» на «хороший», и ударил себя кулаком в грудь:

— Guter Kommunist![47] — завопил он, выпучив глаза.

И тут же испортил весь эффект, подмигнув с широкой ухмылкой. Закинув голову, он громко захохотал и поднял очередной стаканчик со сливовицей. Его карман оттопыривался от полученных пятисот фунтов, и Шеннон рассмеялся вместе с ним. Он пожалел, что этот добродушный медведь не отправляется вместе с ним в Зангаро. Парень был что надо.

Просидев до полуночи, они не очень уверенно побрели назад к причалу встречать «Тоскану». Судно как раз заходило в гавань и через час пришвартовалось. С палубы вниз глядел Землер, неясно вырисовываясь в полумраке освещающих порт фонарей. Вальденберг стоял на мостике, обсуждая что-то со своим помощником. Ранее его уже уведомили, что все переговоры будет вести Землер.

После того как Бейкер увел Циляка в отель, Шеннон проскользнул на корабль. На причале никто не обратил на это внимания. Землер позвал Вальденберга, и они втроем заперлись в маленькой каютке капитана.

---

[47] Примечания: 47
Еще какой коммунист! (нем.).

Не торопясь, Шеннон выложил Вальденбергу, какой именно груз «Тоскана» должна взять на борт в Плоче. Сохраняя полную невозмутимость, немецкий капитан выслушал ирландца.

— Раньше мне не доводилось доставлять оружие, — промолвил он. — Говорите, что груз законный? И насколько же он законный?

— Абсолютно законный, — заявил Шеннон. — Оружие приобретено в Белграде, сюда его привезли на грузовиках, и власти, естественно, прекрасно знают, что находится в ящиках. Иначе мы не получили бы лицензию на экспорт. Подделать или достать за взятку такой документ практически невозможно. Все делается в самом строгом соответствии с югославскими законами.

— А как насчет той страны, куда мы направляемся? — спросил Вальденберг.

— «Тоскана» не попадет в территориальные воды той страны, для которой якобы предназначется это оружие, — сказал Шеннон. — После Плоче предстоит зайти еще в два порта. В каждом мы будем лишь брать груз. Сами знаете, судно никогда не досматривают, если оно приходит в порт только чтобы загрузиться. Разве что кто-то стукнет властям.

— Все равно, такое случается, — возразил капи-

тан. — Если груз не соответствует декларации, и при досмотре это выяснится, корабль конфискуют, а меня посадят. Нет, насчет оружия я с вами не договаривался. С этим «Черным Сентябрем» и ИРА все только и подозревают контрабанду оружия.

— Если только брать новый груз, все должно пройти нормально, — настаивал Шеннон.

— Насчет оружия мы не договаривались, — не унимался Вальденберг.

— Но вы же рассчитывали нелегально переправлять иммигрантов, — возразил Шеннон.

— Здесь нет ничего незаконного, пока они не ступят на британскую землю, — пояснил капитан. — «Тоскана» не стала бы заходить в территориальные воды. На берег людей можно было бы доставить на лодках. А с оружием дело другое. Если оно у тебя на борту, а в декларации это не указано — закон нарушен. Почему бы его не внести в декларацию? Пусть оно законным образом перевозится из Плоче в Того. Кому какое дело, если мы позже изменим курс.

— Потому что если у нас на борту будет оружие, испанские власти запретят нам заход в Валенсию, как и в любой другой их порт. И мы не сможем взять еще одну партию груза. Так что упоминать

в декларации об оружии нельзя.

— Ну и откуда же мы придем в Испанию? — спросил Капитан.

— Из Бриндизи, — ответил Шеннон. — Вы заходили туда за грузом, но его вовремя не подготовили. Тогда владельцы судна приказали вам идти в Валенсию за новым грузом для Латакии.

— А что если испанская полиция обыщет судно?

— Нет ни малейшего основания об этом беспокоиться, — убеждал его Шеннон. — Даже если так, мы можем спрятать ящики под палубу трюма.

— Ну уж если их там найдут — это полный конец, — проговорил Вальденберг. — Наверняка они подумают, что все это мы притащили для баскских террористов, а в таком случае вряд ли мы когда-нибудь выберемся из тюряги.

Они обсуждали эту проблему до трех утра. Достигнутое согласие обошлось Шеннону еще в пять тысяч фунтов. Половину он должен был заплатить до погрузки, а половину — после отхода из Валенсии. За высадку в африканском порту дополнительной платы не причиталось. Особых проблем здесь не возникало.

— А команда? — с сомнением спросил Шеннон.

— О своей команде я позабочусь сам, — подвел

итог каптан.

Шеннон знал, что может на него положиться. Вернувшись в отель, он заплатил Бейкеру еще три тысячи шестьсот долларов — третью четверть полагающейся за оружие суммы — и попытался хоть ненадолго заснуть. Это оказалось не так уж просто. Истекая потом в духоте ночи, он метался по постели, а стоило закрыть глаза, как ему представлялась покачивающаяся у пирса «Тоскана», таможенный склад, и отовсюду раздавались крики: «Нет проблем, нет проблем!..» Он был уже близок к тому моменту, когда ничто не могло его остановить.

Погрузка началась в семь, но солнце светило вовсю. Ящики в сопровождении вооруженного винтовкой таможенника доставили на причал, и при помощи судового крана подняли на борт. Все ящики оказались небольшими, и Вламинк вместе с Киприани легко управлялись с ними в трюме. К девяти утра все было закончено, и крышка трюмного люка закрылась.

Вальденберг приказал механику запускать двигатель, о чем второй раз напоминать ему не пришлось. Как узнал позже Шеннон, когда механик выяснил, что из Бриндизи они взяли курс на его родину, неожиданно стал очень суетливым.

Было ясно, что за какие-то делишки его там с нетерпением ждали. Пока «Тоскана» стояла в Плоче, он так ни разу и не показался из своего машинного отделения.

Наблюдая, как «Тоскана» покидает порт, Шеннон передал Бейкеру оставшиеся три тысячи шестьсот долларов и пятьсот фунтов для Циляка. Перед этим он тихо попросил Вламинка проверить содержимое пяти выбранных наугад ящиков. Выполнив распоряжение, бельгиец махнул Землеру, а тот, стоя на палубе, громко высморкался. Этого сигнала Шеннон и ждал. В мире торговли оружием частенько случалось, что в ящиках находили лишь металлический лом.

Бейкер, получив деньги, отдал как бы от себя пятьсот фунтов Циляку, и тот отправился делать презент начальнику таможни. А Алан Бейкер и его «помощник»-англичанин тихо и незаметно покинули городок.

В соответствии с календарем Шеннона шел день шестьдесят седьмой.

* * *

Как только «Тоскана» вышла в открытое море, капитан Вальденберг занялся своей командой. Один за другим три оставшиеся члена экипажа

заходили в его каюту для доверительной беседы. Конечно, они не догадывались, что откажись кто-нибудь из них остаться на судне, неминуемо произошел бы несчастный случай. Плывущий в море одинокий корабль — где еще найдешь более подходящее место, чтобы человек мог незаметно исчезнуть! Вламинк и Дюпре были готовы сыграть подобную шутку с любым членом команды. Повлияло присутствие наемников на моряков или нет, но ни один из них возражать не стал.

Из двух с половиной тысяч фунтов, полученных от Шеннона, капитан роздал тысячу. Югославский механик, весьма довольный тем, что наконец снова распрощался с родной страной, засунул в карман свои двести пятьдесят фунтов и вернулся к машине. На происходящее он никоим образом не отреагировал. Первый помощник, Норбиатто, при мысли об испанской тюрьме явно занервничал, но шестьсот фунтов немного успокоили его. У него была заветная мечта — купить собственное судно. Узнав, что плывет на груженном контрабандой корабле, матрос Киприани казался почти счастливым. Он с восторгом взял свои сто пятьдесят фунтов, выпалив сакраментальное: «Спасибо». Из каюты капитана он выходил, бормоча: «Вот это жизнь!»

У Киприани было небогатое воображение, и он плохо представлял себе испанские тюрьмы.

Уладив отношения с командой, наемники взялись за ящики с оружием. Их содержимое тщательно проверялось, оборачивалось полиэтиленом и пряталось под палубу трюма, на дно корпуса судна. По опустевшим ящикам рассредоточили имеющийся на корабле безобидный груз: одежду, надувные лодки, подвесные моторы.

Наконец, Землер посоветовал капитану бочки с маслом «Кастрол» задвинуть куда-нибудь подальше. Когда он объяснил капитану причину, самообладание покинуло Вальденберга. Потеряв над собой контроль, он отпустил несколько крепких выражений. Чтобы не приводить их здесь, лучше всего сказать, что капитан выразил в них глубочайшее сожаление по поводу того, куда его втянули.

Землер постарался успокоить его, и вскоре они уже мирно пили пиво, пока «Тоскана» шла своим курсом на юг к Ионическому морю. В конце концов Вальденберг расхохотался.

— «Шмайссеры», — выдавил он сквозь смех. — Проклятые «Шмайссеры». Mencsh[48] давно их

---

[48] Примечания: 48
Люди (нем.).

уже не слышали в этом мире.

— Что ж, вскоре они заговорят опять, — пообещал Землер.

— А знаешь, — тоскливо протянул капитан, — жаль, что я не могу сойти на берег вместе с вами.

Глава 19

Когда появился Шеннон, Саймон Эндин читал «Таймс», купленную утром в Лондоне перед отлетом в Рим. Гостиная отеля «Эксельсиор» почти пустовала, ибо большинство постояльцев предпочитали пить утренний кофе на внешней террасе, наблюдая хаос римского уличного движения и пытаясь перекричать доносящийся снизу шум.

Шеннон выбрал этот город лишь потому, что он находился на полпути между Дубровником и Мадридом. Раньше ему не доводилось бывать в «вечном городе», и сейчас Карло изумлялся, насколько он не соответствовал захлебывающимся от восторга путеводителям. Сейчас в Риме проходило не менее семи забастовок, а поскольку среди отстаивающих свои права оказались и мусорщики, изнывающий под палящим солнцем город задыхался от смрада скапливающегося на тротуарах и в переулках мусора.

Шеннон опустился в кресло рядом с лондонским бизнесменом, с наслаждением ощущая прохладу помещения после духоты тряского такси, в котором он был заточен почти целый час. Эндин холодно взглянул на него.

— От вас долго не поступало сведений. Мои партнеры начали беспокоиться, уж не случилось ли чего. Не очень-то разумно с вашей стороны.

— Какой смысл связываться с вами, если мне нечего сказать. Знаете ли, корабль не порхает над водой, как бабочка. Чтобы добраться от Тулона до Югославии, нужно некоторое время. Пока судно плыло, докладывать было нечего, — проговорил Шеннон. — Кстати, как насчет карт?

— Естественно, я их привез.

Эндин кивнул на стоящий рядом с ним дипломат. По получении письма от Шеннона из Гамбурга он потратил несколько дней, посещая находящиеся на Лиденхолл-Стрит магазины морских карт, пока не приобрел по отдельности карты всего африканского побережья — от Касабланки до Кейптауна.

— Какого черта вам их столько понадобилось? — спросил он раздраженно. — Хватило бы одной-двух.

— Безопасность, — коротко бросил Шеннон. — Если бы у вас или у меня при таможенном досмотре или при осмотре судна в порту нашли одну-единственную карту, это уже был бы след. А так никто, включая капитана и команду, не сможет определить, какая именно часть побережья

меня интересует. Я скажу это в самый последний момент, когда ничего нельзя будет изменить. Да, а слайды? Вы их захватили?

В задачу Эндина входило сделать слайды со всех фотографий, привезенных Шенноном из Зангаро, а также с карт и схем Кларенса и прилегающего побережья.

Шеннон уже погрузил на «Тоскану» в Тулоне проектор для слайдов, купленный им в Лондонском аэропорту.

Он представил Эндину полный отчет о ходе операции, начиная с того момента, как покинул Лондон, упомянув о пребывании в Брюсселе, погрузке «Шмайссеров» и другого снаряжения на «Тоскану» в Тулоне, переговорах с Шлинкером и Бейкером в Гамбурге и недавнем заходе судна в югославский порт Плоче.

Эндин молча слушал, делая пометки для дальнейшего доклада сэру Джеймсу Мэнсону.

— Где «Тоскана» сейчас? — спросил он наконец.

— Должно быть, где-то на юго-западе от Сардинии. Держит путь в Валенсию.

Далее Шеннон сообщил о своих ближайших планах: погрузка сорока тысяч девятимиллиметровых патронов для автоматов в Валенсии, а

затем — к цели. Не упомянул он лишь о том, что один из его людей уже находился в Африке.

— А теперь вот что я хочу знать, — произнес Шеннон. — Что будет после нашей атаки, когда рассветет? Мы не сможем ждать слишком долго, пока к власти придет новый режим, президент утвердится во дворце и передаст по радио сообщение о совершенном государственном перевороте.

— Об этом позаботятся, — успокоил Эндин. — Ведь новое правительство и есть конечная цель всей операции.

Он достал из дипломата три машинописных листа, покрытых плотным текстом.

— Это инструкции, которые вам следует выполнять после взятия дворца и подавления сопротивления войск. Изучите, запомните, а затем уничтожьте эти бумаги. Все должно остаться только у вас в голове.

Шеннон быстро пробежал глазами первую страницу. Его мало что удивило. Он уже догадывался, что в президенты сэр Джеймс Мэнсон прочил полковника Боби. И хотя в документах новый глава государства выступал как некий «Х», без сомнений имелся в виду именно Боби. Сам план, с точки зрения Шеннона, казался весьма

простым.

Он поднял глаза на Эндина и спросил:

— А где будете вы?

— В трехстах милях к северу от вас, — пояснил Эндин.

Это означало, что бизнесмен намерен ждать исхода операции в столице граничащей с Зангаро республики. Как раз той, куда из Кларенса вдоль побережья тянулась единственная дорога.

— Как вы собираетесь получить от меня сигнал? — осведомился Шеннон.

— С помощью портативной радиостанции, обладающей большим радиусом действия и мощностью. Фирма «Браун». Лучшее, что у них есть. Вы вполне сможете связаться со мной по корабельной рации. Ее мощности хватит на два таких расстояния.

Шеннон кивнул и продолжал чтение. Закончив, он положил листки на стол.

— Звучит неплохо. Но давайте проясним один момент. Я пошлю вам сигнал на условленной частоте и в указанное время с «Тосканы» — она будет болтаться у побережья милях в пяти-шести. Но если начнутся сильные атмосферные помехи, вы не услышите, и тут уж я ни при чем.

— Ваше дело — выйти на связь, — отрезал Эн-

дин. — Частота выбиралась специально, и на ней проводились испытания. Моя радиостанция сможет принять сигнал с «Тосканы» за сотни миль. Может быть, не с первого раза, но в течение получаса я вас наверняка услышу.

— Ладно, — согласился Шеннон. — Тогда еще одно. Известия о том, что произошло в Кларенсе, не должны дойти до зангарского пограничного поста. Он охраняется солдатами винду, и вам придется миновать его. Дальше, и особенно в окрестностях Кларенса, также не исключено столкновение с разбегающимися и прячущимися по лесам солдатами. Они могут оказаться опасными. Что, если вам не удастся пройти?

— Мы пройдем, — уверенно заявил Эндин. — У нас будет поддержка.

Шеннон решил, что эта поддержка — небольшая геологическая партия, которую, как он знал, Мэнсон направляет в республику. Чем они будут располагать? Джип или грузовик, возможно, пара автоматических винтовок. Впервые он почувствовал, что за всей мерзостью Эндина может скрываться определенное мужество.

Шеннон заучил наизусть кодовые сигналы и радиочастоту, а затем сжег листки в мужском туалете в присутствии Эндина. Вскоре они рас-

стались, говорить больше было не о чем.

* * *

В Мадриде начальник отдела экспорта вооружений военного министерства полковник Антонио Салазар сидел за своим столом и внимательно изучал лежащую перед ним папку с документами. Этот седовласый человек с простоватой внешностью, фанатически преданный режиму, безумно любил свою страну, неразрывно связывая ее процветание с восседавшим во дворце Прадо маленьким престарелым генералиссимусом. Антонио Салазар был до мозга костей франкистом.

Сейчас, в пятьдесят восемь лет, ему оставалось два года до выхода в отставку. Когда-то давно он находился среди тех, кто вместе с Франсиско Франко высадился на песчаный берег Фуенгиролы. Тогда нынешний каудильо Испании, носивший печать бунтаря и изгнанника, вновь вернулся, чтобы возглавить борьбу против республиканского правительства. Всех немногочисленных мятежников Мадрид приговорил к смерти, и за жизнь каждого из них никто бы не дал ломаного гроша.

Сержант Салазар считался отличным солдатом.

Он исправно выполнял приказы, а между сражениями и казнями возносил молитвы, глубоко веря в Бога, Святую Деву, Испанию и Франко.

Будь это в другой стране и в другое время, ему ни за что не удалось бы дослужиться больше чем до старшего сержанта. Он же закончил гражданскую войну в чине капитана, входя в избранный круг наиболее преданных диктатору людей. В прошлом чернорабочий и крестьянин, он практически не имел образования, не дослужился до полковника и был преисполнен благодарных чувств к своему покровителю. Ему доверили важную для государства работу, которая велась к тому же в глубочайшей тайне. Ни один простой испанец ни при каких обстоятельствах не должен был знать, что его страна экспортирует оружие — в больших количествах и практически всем желающим. Публично Испания осуждала торговлю оружием, считая ее аморальной и порождающей новые войны, от которых мир и так изнывал. В действительности она зарабатывала на этом огромные деньги. Через Антонио Салазара проходили все документы, касающиеся торговли оружием; именно он решал — дать или нет лицензию на экспорт, и всегда держал рот на замке.

Оформление лежащих перед ним документов тянулось уже четыре недели. Ряд бумаг, поступивших из Министерства обороны, не касаясь сути вопроса, удостоверял, что девятимиллиметровые патроны не входят в перечень секретного оружия. Из МИДа, также не зная подоплеки дела, сообщали, что предоставление республике Ирак боеприпасов калибра 9 мм не противоречит проводимой международной политике. Наконец, Министерство финансов просто подтверждало, что определенная сумма денег поступила на определенный счет Национального банка.

Первым в деле было подшито ходатайство по транспортировке заказанного количества ящиков с патронами из Мадрида в Валенсию и их погрузке на грузовое судно «Тоскана». Дальше следовала завизированная его собственной подписью лицензия на экспорт.

Он взглянул на стоящего перед ним гражданского чиновника.

— По какой причине изменения?

— Полковник, в Валенсии в течение ближайших двух недель не предвидится ни одного свободного причала. Порт заполнен под завязку.

Антонио Салазар хмыкнул. Причина вполне вероятная. В летние месяцы Валенсия всегда

переполнена. Из близлежащей провинции Гансия на экспорт шли тысячи тонн апельсинов. Но ему очень не нравилось менять принятые решения. Кроме того, ему не нравился сам заказ — очень мелкий, даже для нужд полиции. Чтобы как следует поупражняться в стрельбе, этого не хватит и тысяче полицейских. Но он доверял Шлинкеру, которого прекрасно знал. Тот подал заказ на патроны в пакете других, включая заявку на поставку Сирии более чем десяти тысяч артиллерийских снарядов.

Полковник проглядел бумаги еще раз. Снаружи колокол на ближайшей церкви пробил час дня — время обеда. Придраться в документах было не к чему. Все оформлено должным образом с надлежащими печатями. Приняв окончательное решение, он размашисто расписался на заявке.

— Хорошо, — пробурчал Салазар. — Пусть будет Кастельон.

* * *

— У нас изменения, — сообщил Иоганн Шлинкер английскому наемнику два дня спустя. — Вместо Валенсии портом погрузки назначен Кастельон. Если мы хотим взять товар двадцатого, то выбора не остается. Валенсия забита на

недели вперед.

Шеннон сидел в номере немца, снятом в отеле «Миндано».

— Где этот Кастельон? — спросил он.

— Милях в сорока по побережью. Он меньше и спокойней. Может быть, подойдет даже лучше Валенсии. Да и погрузка обернется побыстрее. Агент в Валенсии уведомлен и лично отправится в Кастельон, чтобы проследить за погрузкой. Как только «Тоскана» свяжется с властями порта Валенсии, ей сообщат об изменениях. Если она сразу сменит курс, то потеряет не более двух часов.

— А как же мне попасть на борт?

— Ну, это ваши трудности, — ответил Шлинкер. — Однако я сказал агенту, что один моряк с «Тосканы», сошедший на берег десять дней назад в Бриндизи, готов снова присоединиться к команде. Звать моряка Кейт Браун. Как с вашими документами?

— Порядок, — сказал Шеннон. — Паспорт и удостоверение торгового моряка.

— Агент будет ждать в конторе таможни, как только она откроется утром двадцатого, — сообщил ему Шлинкер. — Его имя — сеньор Москар.

— А в Мадриде все в порядке?

— Согласно заявке, товар под наблюдением

военных погрузят на машину между восемью вечера и полуночью девятнадцатого, то есть завтра. Груз отправят с эскортом в полночь. В Кастельон планируется прибыть к шести часам утра, как раз к открытию порта. Грузовик, который повезет патроны, — гражданский, из фирмы; я всегда пользуюсь ее услугами. Люди там надежные и очень опытные. Я дал указание управляющему проследить, когда транспорт покинет склад, и немедленно позвонить мне.

Шеннон кивнул. Казалось, никаких осложнений быть не должно.

— Встретимся здесь же, — проговорил он, уходя.

Днем он нанял «Мерседес» в одном из широко известных агентств по прокату автомобилей.

На следующий вечер в половине одиннадцатого Шеннон снова сидел в отеле «Миндано» у Шлинкера — они вместе ждали телефонного звонка. Оба нервничали, что естественно, когда успех или катастрофический провал тщательно разработанного плана уже никак от тебя не зависят. Шлинкер был озабочен не меньше Шеннона, но по совершенно иным причинам. Он знал: в случае серьезных осложнений назначат расследование, и, конечно, предоставленный им

сертификат конечного пользователя не выдержит серьезной проверки, которая непременно повлечет запрос министру внутренних дел в Багдад. Попадись он хоть раз, и все его приносящие немалый доход деловые связи с Мадридом навсегда прервутся. Далеко не первый раз он жалел, что ввязался в подобное дело, но, как и большинство торговцев оружием, был столь жаден, что не мог отказаться от самой ничтожной прибыли. Несостоявшиеся сделки вызывали у него буквально физическую боль.

Наступила полночь, а телефон все не звонил. Полпервого — тишина. Шеннон мерял шагами комнату, подавляя в себе гнев и раздражение толстым немцем, успокаивающим себя виски. Звонок раздался в двенадцать сорок. Шлинкер схватил трубку. Он произнес несколько слов по-испански и напряженно слушал ответ.

— Ну что? — не выдержал Шеннон.

— Минутку, — бросил Шлинкер, замахав на него рукой. Он снова заговорил по-испански. Шеннон не понимал ни слова. Наконец, немец усмехнулся и несколько раз повторил в трубку: «Gracias»[49].

---

[49] Примечания: 49
Спасибо (исп.).

— Все в порядке, — сказал он, попрощавшись с собеседником. — Пятнадцать минут назад они выехали в Кастельон.

Когда Шлинкер произносил последнюю фразу, Шеннона уже не было в номере.

Что стоило «Мерседесу» нагнать грузовик с сопровождающим его эскортом, хотя на длинном шоссе Мадрид — Валенсия колонна могла развить скорость до ста километров в час! Минут сорок Шеннону потребовалось, чтобы выбраться на простор автострады из протяженных пригородов Мадрида. Конечно, колонна знала дорогу лучше, и времени у нее ушло на это гораздо меньше. Но на шоссе он смог разогнать «Мерседес» до ста восьмидесяти километров в час. Шеннон обогнал сотни рычащих в ночи грузовиков, пока, наконец, миновав небольшой городок Реквина, не обнаружил то, что искал, в сорока милях от Валенсии.

Фары «Мерседеса» выхватили из темноты армейский джип, держащий дистанцию за крытым восьмитонным грузовиком. Обгоняя две эти машины, Шеннон заметил на борту грузовика название компании, о которой ему говорил Шлинкер. Колонну возглавлял четырехдверный легковой автомобиль — там, вероятно, находился

офицер, командир эскорта. Карло надавил на газ и, оставив позади себя транспорт с боеприпасами, устремился к побережью.

Достигнув Валенсии, он обогнул погруженный в сон город по кольцевой дороге и, следуя дорожному указателю, свернул на шоссе Б26, ведущее в Барселону. Навстречу начали попадаться грузовички и тракторные прицепы, полные апельсинов и других даров этого благодатного края. До Кастельона он добрался около четырех утра. Дорожный знак указывал: «Puerto»[50].

Порт Кастельон находился в пяти километрах от основного городка, куда вела узкая и прямая как стрела дорога. Выехав на нее, порт пропустить не удалось бы при всем желании, так как дальше дорога никуда не вела.

Подобно большинству средиземноморских портов, тут имелось три отдельных гавани: одна — для грузовых кораблей, вторая — для яхт и прогулочных лодок, а третья — для рыболовных судов. Если смотреть со стороны моря, то коммерческий порт был самым левым. Как принято в Испании, его обнесли оградой, а ворота денно и нощно охранялись вооруженными часовыми.

---

[50] Примечания: 50
Порт (исп.)

В центре располагалось управление порта, а в стороне от него — ряд пакгаузов.

Шеннон свернул с дороги и остановился на обочине. Выйдя из машины, он пошел вдоль ограды, пока не наткнулся на главные ворота. Они были заперты, в караульной будке клевал носом часовой. Сквозь решетку Шеннон с облегчением увидел «Тоскану», пришвартовавшуюся в дальнем конце причала. Он вернулся в машину, чтобы дождаться шести часов.

Без четверти шесть Шеннон снова был у главных ворот. Он с улыбкой закивал часовому, но тот равнодушно отвернулся от него. Ярдах в ста от главного входа стоял прибывший с его грузом транспорт: военные джип с легковушкой и гражданский грузовик. Семь или восемь солдат слонялись вокруг машин. В шесть десять прямо к воротам подкатил автомобиль и настойчиво засигналил. Из него выбрался проворный, небольшого роста испанец. Шеннон направился к нему.

— Сеньор Москар?

— Si[51].

— Меня зовут Браун. Я — тот моряк, который

---

[51] Примечания: 51
Да (исп.).

должен здесь вернуться на корабль.

Испанец нахмурил брови.

— Por favor? Que?[52]

— Я — Браун, — настаивал Шеннон. — «Тоскана».

Лицо испанца просветлело.

— Ah, si. El marinero[53]. Пожалуйста, пойдемте.

Ворота открылись, и Москар провел его внутрь. Несколько секунд он объяснялся с охранником и открывшим ворота таможенником, показывая на Шеннона. Карло уловил несколько раз произнесенное слово «marinero». У него потребовали паспорт и удостоверение торгового моряка. Затем он прошел за Москаром в помещение таможни. Через час Шеннон был на борту «Тосканы».

Досмотр судна начался в девять. Без предупреждения. Предъявленная декларация оказалась в полном порядке. Груз в сопровождении эскорта уже находился на причале. Таможенники посовещались с командиром эскорта, похожим на марокканца тонкогубым армейским капитаном, и поднялись на борт. За ними последовал Москар. Они проверили груз и убедились, что он в

---

[52] Примечания: 52
Простите? Что? (исп.).

[53] Примечания: 53
Ах, да. Моряк (исп.).

точности соответствует декларации. Сунув свой нос во все углы и щели, под трюмную палубу они все же не полезли. Зайдя в кладовку, окинули взглядом сваленные в кучу якорные цепи, бочки с маслом, банки с краской и захлопнули дверь. На весь досмотр ушел час. Больше всего их заинтересовало, зачем на таком небольшом судне необходима команда из семи человек. Капитан Вальденберг объяснил, что Дюпре и Вламинк — служащие компании, опоздавшие на свой корабль в Бриндизи, и теперь он должен подбросить их до Мальты. Вальденберг назвал корабль, который видел в порту Бриндизи, — на нем и остались их удостоверения вместе с вещами. Испанцы пожали плечами и сошли на берег. Через двадцать минут началась погрузка.

В половине первого «Тоскана» выскользнула из гавани Кастельона и взяла курс на юг к мысу Сан-Антонио. Теперь все было позади, и остановить их уже не могло ничто. Шеннон, чувствуя себя до предела измотанным, облокотился на поручни и смотрел, как исчезают из вида раскинувшиеся вдоль побережья обширные апельсиновые рощи. Сзади к нему подошел Вальденберг.

— Итак, это последняя остановка? — спросил он.

— Последняя, где нам пришлось открывать трюмы, — произнес Шеннон. — Позже придется захватить еще несколько человек на побережье Африки.

— Моих карт хватит только до Гибралтара, — предупредил капитан.

Шеннон расстегнул молнию на ветровке и достал из-за пазухи пачку карт — половину из тех, что передал ему Эндин в Риме.

— Вот, — протянул он их шкиперу, — этого хватит до Фритауна в Сьерра-Леоне. Там мы бросим якорь и возьмем на борт людей.

Капитан вернулся к себе в каюту и взялся за прокладку курса, а Шеннон в одиночестве остался на палубе. За кормой кружили чайки, выхватывая из воды куски, которые выбрасывал в море занимающийся готовкой обеда Киприани. С клекотом и писком они ныряли в морскую пену и взмывали вверх, держа в клювах корки хлеба или очистки овощей.

Прислушавшись, за криками птиц можно было разобрать еще один звук: кто-то насвистывал незатейливый мотивчик «Испанского Гарлема».

* * *

А тем временем далеко на севере еще один направляющийся в Африку корабль с помощью портового лоцмана выбирался на морской простор из тесной гавани Архангельска. Это было грузовое судно «Комаров» водоизмещением более пяти тысяч тонн, построенное десять лет назад.

На мостике стоящие бок о бок капитан и лоцман внимательно смотрели вперед. За бортом судна отдалялись бесконечные причалы и склады. Рулевой удерживал корабль на указываемом лоцманом курсе. Слева от него мерцал зеленоватый экран радара, по которому яркий луч описывал бесконечные круги. Рулевой время от времени поглядывал на экран, опасаясь, что корабль может наткнуться на обломок льдины. Даже в разгар лета в этих северных водах лед не таял до конца.

На корме двое мужчин, опершись на поручни под развевающимся на ветру флагом с серпом и молотом, следили, как от них удаляется этот арктический порт.

Доктор Иванов, зажав в зубах мундштук папиросы, ежился на свежем соленом ветру. Оба стояли в теплых куртках — даже в июне дующий

с Белого моря ветер не оставлял ни малейшего шанса для рубашки с короткими рукавами. Стоящий рядом с ним молодой инженер заговорил:

— Товарищ доктор наук.

Иванов вынул изо рта папиросу и щелчком отправил ее в пенящуюся за кормой воду.

— Друг мой, — начал он, — я полагаю, что здесь, на борту, вы можете называть меня Михаилом Михайловичем.

— Но в институте же…

— Мы не в институте. Мы на борту корабля. И будем в ближайшие месяцы очень тесно общаться здесь и там, в джунглях.

— Понимаю, — протянул молодой человек и задал свой вопрос. — А вы бывали в Зангаро раньше?

— Нет, — ответил его начальник.

— А в Африке?

— Доводилось, в Гане.

— Ну и как там?

— Джунгли, болота, москиты, змеи и народ, ни черта не понимающий из того, что им говоришь.

— Но они должны понимать по-английски, — воскликнул помощник. — Мы же с вами говорим по-английски.

— Нет, в Зангаро не знают этого языка.

— Неужели? — удивился молодой инженер.

Все свои скудные сведения об этой республике он почерпнул из энциклопедии, которую взял в обширной институтской библиотеке.

— Капитан говорил мне, что если все пойдет нормально, мы прибудем в Кларенс через двадцать два дня. У них как раз будет День Независимости.

— Да и хрен с ними, — бросил Иванов и пошел прочь.

* * *

Миновав мыс Спартель и выходя из Средиземного моря в Атлантику, торговое судно «Тоскана» послало радиограмму в Гибралтар для ее последующей пересылки в Лондон. В ней мистеру Уолтеру Харрису сообщалось, что его брат окончательно выздоровел. Эта условная фраза означала: «Тоскана» идет точно по графику. Различные изменения состояния здоровья болезненного брата мистера Харриса могли значить, что либо судно идет по курсу, но запаздывает, либо возникли более серьезные препятствия. Если бы телеграммы не последовало вообще, значит корабль задержан в территориальных водах Испании.

В этот день в кабинете сэра Джеймса Мэнсона

состоялось совещание.

— Отлично, — одобрил босс, когда Эндин доложил ему последние новости. — Сколько времени им идти до цели?

— Двадцать два дня, сэр Джеймс. Сегодня по нашему графику день семьдесят восьмой. Для отплытия из Европы Шеннон назначил день восьмидесятый, что оставляет ему двадцать дней на морской переход. Он рассчитывал, что плавание займет дней шестнадцать-восемнадцать, и еще останется резерв на задержки из-за погоды или других обстоятельств. Теперь его резерв увеличился на два дня.

— А не может он нанести удар раньше?

— Нет, сэр. Это будет день сотый. Если у него останется время, то придется ждать намеченного срока в море.

Сэр Джеймс Мэнсон встал и зашагал по кабинету.

— Виллу уже арендовали? — спросил он.

— Все устроено, сэр Джеймс.

— Тогда не вижу, зачем тебе околачиваться в Лондоне. Отправляйся снова в Париж и получи визу в Котону. Затем полетишь туда и захватишь нашего нового сотрудника — полковника Боби — в эту соседнюю с Зангаро страну. Если начнет

колебаться, дашь ему еще денег. Подготовь там все, — грузовик, ружья, — а когда получишь сигнал от Шеннона о начале атаки, поставь Боби перед фактом. Дай ему подписать горнодобывающую концессию, датированную месяцем позже, уже в качестве президента. Все три копии в отдельных конвертах пошлешь мне заказной почтой.

Боби держи буквально под замком, пока Шеннон не сообщит, что операция прошла успешно. Тогда отправляйтесь. Кстати, насчет твоего телохранителя… Он готов?

— Да, сэр Джеймс. Это то что нужно.

— Смотри, у тебя могут возникнуть проблемы. С Шенноном будут его люди, по крайней мере те, кто уцелеет после схватки. Он может причинить беспокойство.

Эндин усмехнулся.

— Я справлюсь с ним. Он — наемник и, как все они, имеет свою цену. Я лишь предложу ему то, чего он стоит, но в Швейцарии, а не в Зангаро.

Когда его помощник ушел, сэр Джеймс Мэнсон, стоя у окна, размышлял, существует ли человек, которого нельзя было бы купить. За деньги или за страх. Ему такие не попадались.

Один из его наставников как-то сказал:

— Всех можно купить… в крайнем случае — сломать.

Уже будучи финансовым магнатом, он много лет наблюдал поведение политиков и генералов, журналистов и редакторов, бизнесменов и министров, предпринимателей и аристократов, рабочих и профсоюзных деятелей, белых и черных — и оставался при этом мнении.

* * *

Много лет назад один испанский мореплаватель, вглядываясь в берег, увидел гору, освещенную встающим позади нее на востоке солнцем, и она показалась ему похожей на голову льва. Он назвал эту землю Львиной горой. Название прижилось, и страна теперь называлась Сьерра-Леоне. Позже еще один моряк, наблюдая эту гору в ином освещении, воскликнул: «Лучистая корона!» И это название в свое время было в ходу. Уже значительно позднее кто-то в приступе буйной фантазии назвал заложенный у подножия горы город Фритаун[54], и он сохранил это имя до наших дней. Двадцатого июля, чуть позже полудня, или на восемьдесят восьмой день по

[54] Примечания: 54
В переводе с английского Freetown — Вольный город.

календарю Шеннона, торговое судно «Тоскана» бросило якорь в трети мили от берега Сьерра-Леоне в гавани Фритауна.

Шеннон настоял, чтобы на всем пути из Испании груз оставался там, где и был, — нетронутым и нераспакованным. Он опасался досмотра судна во Фритауне, хотя при их обстоятельствах — ни погрузку, ни разгрузку они производить не собирались — это было маловероятным. С испанских ящиков, содержащих боеприпасы, соскребли маркировку и до белизны отшлифовали доски. Новая маркировка свидетельствовала, что внутри находятся головки буров для морских нефтяных вышек на побережье Камеруна.

По пути на юг Шеннон позволил заняться лишь одним делом. Они рассортировали кипы одежды и вскрыли один из ящиков с рюкзаками. Все дни Киприани, Вламинк и Дюпре проводили, распарывая рюкзаки и перешивая их в длинные узкие заплечные сумки, в каждую из которых можно было уложить одну ракету для базуки. Теперь эти сумки бесформенной кучей свалили в кладовке среди прочего тряпья.

Имевшиеся рюкзаки меньшего размера также переделали. Укрепив плечевые ремни и застежки на груди и поясе, их приспособили к тому, чтобы

переложить и носить целый ящик мин.

«Тоскана» дала знать о своем прибытии по рации за шесть миль, и ей разрешили войти в порт и бросить якорь. Поскольку ни погрузки, ни разгрузки не предполагалось, судно не претендовало на место у причала.

Во Фритауне наиболее часто нанимают дюжих молодцов, хорошо знакомых с такелажными работами, чтобы затем использовать их для погрузки леса в многочисленных мелких портах вдоль побережья Западной Африки. На обратном пути суда снова высаживали их в этом порту с заработанными грошами. Работа такелажников чрезвычайно тяжела и требует особой сноровки. Белым матросам платят за свое дело, и заниматься погрузкой их не заставишь, а на месте рабочих не всегда можно найти, да и немногие из них умеют обращаться с краном и лебедкой. Именно поэтому предпочитают нанимать жителей Фритауна. Они спят на открытой палубе, сами готовят себе пищу, а умываются и справляют естественные надобности прямо с кормы. «Тоскане» тоже требовалось взять на борт еще несколько человек команды, поэтому заход судна во Фритаун ничьего внимания не привлек.

Когда якорная цепь с грохотом побежала вниз

из клюза, Шеннон оглядел берег залива, почти весь усеянный жалкими лачугами, гнездящимися по обе стороны от столицы Сьерра-Леоне.

Дождь не шел, но небо сплошь затянуло облаками. Жара стояла как в парной бане, и тело мгновенно покрывалось потом. Взгляд Шеннона остановился на громадном отеле, возвышавшемся над заливом в центре городской набережной. Где-то там должен быть Лангаротти. Возможно, корсиканец еще не прибыл, но долго ждать они не могли. Если он не появится до захода солнца, им придется объяснять задержку какой-нибудь поломкой.

Но Жан-Батист уже ждал их на берегу и заметил «Тоскану» еще до того, как она бросила якорь. Он находился здесь почти неделю с теми людьми, которых просил разыскать Шеннон. Они не принадлежали к местному населению, но никто не возражал против того, чтобы в грузчики нанимались из других туземных племен.

В начале третьего небольшой баркас отвалил от причала у здания таможни. На корме стоял человек в форменной одежде. Таможенный чиновник, одетый в белые гольфы, шорты цвета хаки и заправленную в них такую же рубашку, поднялся на борт «Тосканы». На плечах у него сверкали

эполеты, а на голову была глубоко надвинута лихо заломленная фуражка с высокой тульей. Среди всего этого великолепия угадывалась пара коленок и сияющее доброжелательством лицо. Встретивший чиновника Шеннон сказался представителем судовладельческой компании, долго тряс ему руку, а затем пригласил в каюту капитана.

Там гостя уже ждали три бутылки виски и пара блоков сигарет. Наслаждаясь прохладой кондиционированного воздуха, чиновник потягивал предложенное пиво. Он невнимательно пробежал глазами предъявленную ему декларацию, в которой теперь говорилось, что «Тоскана», взяв в Бриндизи запасные части для буровых установок, осуществляет их доставку на побережье Камеруна. О Югославии и Испании не упоминалось. Остальной груз — надувные лодки, подвесные моторы и различная тропическая одежда — также предназначался для нефтяников. На обратном пути в Европу предполагалось взять груз какао и кофе в Сан-Педро. Таможенник подышал на свою печать и шлепнул ее по декларации. Вскоре он покинул судно, увозя в сумке презенты.

После шести, когда вечерняя прохлада принесла некоторое облегчение, Шеннон увидел

направляющуюся к ним лодку. Два туземца налегали на весла, гоня ее через залив. На корме сосредоточились семь африканцев с узлами на коленях. Впереди сидел единственный европеец. Когда лодка закачалась у борта «Тосканы», по спущенному трапу поднялся Жан-Батист Лангаротти.

За ним, передавая свои пожитки, последовали семеро чернокожих. Вламинк, Дюпре и Землер приветствовали их, похлопывая по плечам и пожимая руки. С улыбками до ушей африканцы, похоже, радовались встрече не меньше. Вальденберг и его помощник с удивлением взирали на эту сцену. Шеннон подал знак капитану, и «Тоскана» начала сниматься с якоря.

С наступлением темноты, когда судно легло на курс, устремившись к югу, Шеннон представил Вальденбергу новых пассажиров. Шестерых молодых африканцев звали Джонни, Патрик, Джинджа (по прозвищу Джинджер), Санди, Бартоломью и Тимоти.

Наемники уже и раньше сражались в одних рядах с этими надежными чернокожими парнями, обученными ими и не раз проверенными в схватках. Седьмой был старше по возрасту, меньше улыбался и вел себя со сдержанным до-

стоинством. Шеннон обращался к нему «доктор».

— Как дела дома? — спросил у него Кот.

Доктор Окои грустно покачал головой.

— Неважно, — ответил он.

— Завтра за работу, — сообщил ему Шеннон. — Начинаем подготовку.

Часть III
Большая бойня

Глава 20

В оставшиеся дни морского путешествия Кот Шеннон передохнуть своим людям уже не давал. Исключение составлял лишь средних лет африканец. Все остальные, разбившись на группы, делали свою работу.

Марк Вламинк и Курт Землер вскрыли днища пяти фальшивых бочек с маслом и достали оттуда упаковки со «Шмайссерами» и магазинами. Оставшееся смазочное масло слили, чтобы использовать его для двигателя. С помощью шести чернокожих солдат все сто автоматов насухо очистили от смазки, и в конце работы африканцы уже могли разбирать и собирать «Шмайссер» с закрытыми глазами.

Затем они раскрыли первые десять ящиков с патронами и занялись снаряжением магазинов. В каждый входило тридцать патронов, пятьсот магазинов вместили в себя пятнадцать тысяч. Тем временем Жан-Батист Лангаротти готовил комплекты обмундирования. Один комплект включал две майки, двое трусов, две пары носков, пару обуви, брюки, берет, куртку и спальный мешок. Когда все было готово, к каждому комплекту

добавили автомат и пять магазинов, завернутые в промасленную ткань и уложенные в полиэтиленовый пакет. Сложенные комплекты одежды вместе с оружием засовывали в спальные мешки. Таким образом, для каждого будущего солдата в увязанном наподобие вещмешка спальнике содержался полный комплект оружия и обмундирования.

Двадцать комплектов отложили в сторону. Они предназначались непосредственно для атакующих. Поскольку боевая группа насчитывала лишь одиннадцать человек, остальными могли воспользоваться члены экипажа. Лангаротти, который за время пребывания в армии, а потом в тюрьме научился неплохо обращаться с иголкой и ниткой, подгонял своим товарищам форму.

Дюпре и палубный матрос Киприани, весьма кстати оказавшийся неплохим плотником, разбили пустые ящики из-под боеприпасов и занялись подвесными моторами. Все три двигателя фирмы «Джонсон» имели шестьдесят лошадиных сил. Джанни и Киприани сколотили деревянные ящики, полностью закрывавшие моторы. Изнутри ящики обили поролоном, взятым из матрасов. Вдобавок к подводным глушителям эти надеваемые сверху короба снижали издаваемый

моторами шум до легкого тарахтенья.

Покончив с другими делами, Вламинк и Дюпре занялись тем оружием, которое в ночь атаки предназначалось именно для них. Дюпре распаковал минометы и начал изучать прицельный механизм. Раньше иметь дело с югославской моделью ему не доводилось, но он с облегчением обнаружил, что все оказалось достаточно просто. Он приготовил семьдесят мин, проверив и оснастив их взрывателями.

Вламинк сосредоточил свое внимание на базуках, из которых собирался воспользоваться лишь одной. В помощники он взял Патрика, который и раньше был у него вторым номером. Они составляли хорошую пару. Африканцу придется нести десять ракет для базуки и «шмайссер». Две ракеты Вламинк решил добавить к собственной амуниции. Киприани помог ему приладить сшитые для ракет чехлы к поясу так, чтобы они свисали по бокам.

Шеннон разбирал вспомогательное снаряжение. Он проверил осветительные и сигнальные ракеты и объяснил Дюпре, как ими пользоваться. Потом роздал наемникам компасы, ревуны и портативные радиопередатчики.

Располагая запасом времени, Шеннон велел

капитану лечь на двое суток в дрейф в открытом море так, чтобы в радиусе двадцати миль от них не было ни одного корабля. Пока почти неподвижное судно лишь слегка покачивалось на волнах, каждый занялся пристрелкой своего личного автомата. У белых особых проблем не возникло: через их руки прошло не менее полудюжины различных образцов автоматического оружия — в общем-то, они мало чем отличались. Чтобы приспособиться к «Шмайссерам», африканцам времени потребовалось больше. Их опыт в основном ограничивался «Маузером» с цилиндрическим затвором калибра 7,92 мм или стандартной самозарядной винтовкой калибра 7,62 мм, состоящей на вооружении армий НАТО. Один из немецких автоматов постоянно давал осечку, и Шеннон без сожаления выбросил его за борт. Каждый из африканцев выпустил по девятьсот пуль, пока их командир не убедился, что они чувствуют это оружие и избавились от присущей всем чернокожим раздражающей привычки закрывать глаза во время стрельбы.

Как мишенями они воспользовались пустыми бочками из-под масла, которые побросали за борт. С расстояния ста метров и белые, и черные палили по ныряющим в волнах бочкам, пока,

изрешеченные пулями, они не затонули. Одну из бочек оставили для Марка Вламинка. Он дал ей отплыть метров на двести, затем крепко уперся в корму расставленными ногами и положил базуку на правое плечо. Он выжидал, улавливая ритм вздымающейся и опускающейся палубы, а затем выпустил ракету. Она пронеслась, едва не задев бочку, и взорвалась в океане, вздыбив вверх струю воды. Вторая ракета поразила цель прямо в центр. Пронесшееся над водой эхо взрыва докатилось до стоящих на палубе людей, которые восхищенно переглядывались. Широко улыбаясь, Вламинк повернулся к Шеннону, снял защитные очки и стер с лица частички гари.

— Значит, хочешь высадить кое-кому дверцу, Кот?

— Ага, толстенную дверищу, крошка.

— Я разнесу ее для тебя на кусочки, даю слово, — пообещал бельгиец.

Наделав шума, «Тоскана» шла два дня своим курсом, а затем Шеннон снова дал приказ остановиться. Пока они плыли, наемники достали из трюма десантные лодки и накачали их. Теперь лодки лежали друг подле друга на главной палубе. Окрашенные в черный цвет, они блестели на солнце ярко-оранжевыми носами и такого

же цвета названиями фирмы на бортах. Всю эту красоту пришлось закрасить черной краской.

Судно легло в дрейф, и они занялись испытаниями лодок. Без шумопоглощающих коробок, надеваемых сверху, моторы фирмы «Джонсон» издавали шум, слышимый с «Тосканы» за четыреста ярдов. С надетыми коробами работающие на четверть своей мощности моторы были едва слышны на расстоянии в тридцать ярдов. При этом мотор, работающий вполсилы, перегревался и глох в течение двадцати минут. Снижая мощность, это время удалось увеличить до получаса. Шеннон, взяв одну из лодок, гонял ее пару часов, пытаясь подобрать наилучшее сочетание мощности мотора с издаваемым шумом. В результате он решил, что двигатели следует использовать на одной трети их полной мощности, а при подходе к берегу, на последних двухстах ярдах, снижать ее до одной четверти.

На расстоянии четырех миль они проверили работу «уоки-токи». Несмотря на сильные атмосферные помехи и раскаты грома в душном воздухе, слышимость была достаточно хорошей, если, конечно, говорить медленно и внятно.

Затем они провели наиболее важные с точки зрения Шеннона ночные учения. На одной из

тренировок он посадил в лодку четверых белых и шестерых африканцев, завязал им глаза и отплыл на три мили от «Тосканы», которая зажгла лишь один неяркий фонарь на своей главной мачте. Сняв повязки с глаз, Шеннон дал людям привыкнуть к темноте сливающегося с океаном неба, а затем повернул лодку назад. С приглушенно работающим мотором и гробовым молчанием на борту десантное судно тихо двигалось на обозначающий «Тоскану» огонек. Шеннон сидел на корме, сжимая рукоятку мотора. Он удерживал мощность двигателя на одной трети, а при подходе к кораблю снизил до четверти. Нервы у всех находящихся в лодке людей были напряжены. Они знали, что во время атаки все произойдет точно так же, вот только второй попытки им не дадут.

Когда они поднялись на борт и втащили вслед за собой лодку, Карл Вальденберг обратился к Шеннону.

— Я почти ничего не слышал, — сообщил он. — Уловил лишь небольшой шум, когда вы находились метрах в двухстах, хотя прислушивался очень внимательно. Если у них нет чересчур бдительных береговых постов, вам вряд ли кто-нибудь помешает. Кстати, куда мы все-таки

направляемся? Мне уже нужны дополнительные карты.

— Что ж, думаю, пора вам это узнать, — проговорил Шеннон. — Давайте проведем совещание.

Члены эпипажа (за исключением не отходившего от своей машины механика), семеро африканцев и пятеро белых собрались в кают-компании. До самого рассвета они слушали Шеннона, подробно излагавшего им план атаки. Он установил проектор и иллюстрировал свои пояснения показом слайдов.

Когда Карло закончил, в кают-компании повисло молчание, лишь сизоватые клубы табачного дыма медленно тянулись к открытым иллюминаторам.

Все вздрогнули, когда, наконец, Вальденберг воскликнул:

— Gott in Himmel![55]

Еще час Шеннон отвечал на вопросы. Вальденберг хотел быть уверен в том, что если атака захлебнется, «Тоскана» с уцелевшими людьми сумеет до рассвета уйти далеко за горизонт.

— Точно ли мы знаем, что у них нет вооруженных катеров? — настаивал капитан.

---

[55] Примечания: 55
Небеса Господние! (нем.).

— Положитесь на мое слово, — успокаивал его Шеннон. — У них вообще нет флота.

— Вы считаете так потому, что не видели его…

— Его просто нет, — отрезал Шеннон. — Я выяснил это наверняка.

У шестерых африканцев вопросов не возникало. Они полностью полагались на своего командира, доверяя ему во всем. Лишь доктор поинтересовался, где будет находиться, и согласился с тем, что его место на судне. Белым наемникам Шеннон дал подробный ответ на несколько технических вопросов.

Все вышли на палубу. Африканцы сразу же растянулись на своих спальных мешках и засну-

ли. Шеннона всегда поражала их способность засыпать в любое время, в любом месте и почти при любых обстоятельствах. Доктор и Норбиатто, которому предстояло нести следующую вахту, пошли спать в каюту. Вальденберг вернулся в рулевую рубку, и «Тоскана» легла на прежний курс. До цели оставалось три дня пути.

Наемники продолжали тихо беседовать, собравшись на корме. Они целиком одобрили план атаки, оценив должным образом результаты проведенной Шенноном разведки. Профессионалы отдавали себе отчет, что в случае непредвиденных обстоятельств или при усилении охраны дворца они все неминуемо погибнут. Их было слишком мало, опасно мало для подобной операции, и резерва на случай изменения ситуации не оставалось. Они решили, что либо в течение двадцати минут одержат победу, либо им придется вернуться к лодкам и поспешно отступить, конечно, не считая тех, кто останется там навсегда. Правила игры знали все: потерявшихся не ищут, отставших не ждут, а тяжело раненному, не способному двигаться товарищу оказывают последнюю услугу… Каждому из них доводилось бывать в подобных ситуациях. Они разошлись лишь незадолго до полудня.

* * *

На следующий день — девяносто девятый — все проснулись рано. Шеннон полночи простоял рядом с Вальденбергом, следя, как на экране радара неясно вырисовывалась береговая линия.

— Я хочу, чтобы мы проплыли дальше на юг, а затем повернули и пошли обратно на север в пределах видимости побережья, — сказал Шеннон капитану. — К полудню мы должны быть здесь.

Его палец уткнулся в точку на карте севернее столицы Зангаро. За двадцать дней плавания Шеннон сделал вывод, что может доверять немецкому моряку. Получив свои деньги в Плоче, Вальденберг самым добросовестным образом делал все что мог для успеха операции. Несомненно, он будет ждать исхода атаки в четырех милях от Кларенса и в случае неудачи возьмет на борт тех, кто сумеет добраться до «Тосканы» на моторных лодках. Шеннон не допускал мысли, что капитан бросит их на произвол судьбы. Впрочем, иного выхода и не оставалось — лишнего человека, который контролировал бы капитана на борту, у Карло не имелось.

Он уже нашел частоту, на которой должен был передать Эндину свое первое сообщение, и ждал

полудня.

Утро тянулось медленно. В подзорную трубу Шеннон видел, как они миновали эстуарий реки Зангаро, и вдоль побережья потянулись бесконечные болотистые заросли. Наконец в сплошной зеленой линии наметился разрыв. Начиналась бухта Кларенса. Командир передал подзорную трубу своим подчиненным, и каждый из них стал молча разглядывать предстоящее место событий. Они курили больше обычного и заметно нервничали, сожалея, что, находясь так близко от цели, не могут броситься в атаку немедленно.

В полдень Шеннон начал передавать условный сигнал. Он четко выговаривал в микрофон одно и то же слово: «Банан», повторяя его каждые десять секунд в течение пяти минут, делая после пятиминутный перерыв и начиная все снова. Полчаса он не отходил от радиостанции, надеясь, что находящийся где-то на берегу Эндин услышит его. Передаваемый сигнал означал, что они вышли на исходную позицию, и удар по дворцу президента Кимбы будет нанесен в намеченный срок.

Саймон Эндин сумел поймать передаваемое сообщение. Он задвинул длинную телескопическую антенну и унес радиопередатчик фирмы «Браун» с балкона в спальню. Затем медленно и осто-

рожно стал втолковывать бывшему полковнику зангарской армии, что через двадцать четыре часа он — Энтони Боби — станет президентом республики Зангаро. В четыре часа дня довольный и посмеивающийся при мысли о том, как он отомстит изгнавшим его недоброжелателям, полковник закончил сделку с Эндином. Он подписал документ, предоставляющий компании «Бормак Трейдинг Компани» исключительное право на горнодобывающую концессию в Хрустальных горах сроком на десять лет за символическую ежегодную плату — незначительное участие в прибылях зангарского правительства — и полумиллионный чек на имя полковника Энтони Боби, заверенный швейцарским банком. Показав будущему президенту чек, Эндин положил его в конверт, который покуда убрал в свой карман.

* * *

В Кларенсе вовсю готовились к предстоящему празднованию Дня Независимости. Шестеро крепко избитых заключенных лежали в подвальных камерах бывших полицейских казарм и слушали вопли марширующих над ними юнцов из молодежного патриотического движения. Заключенные догадывались о своей участи: их

изрубят на куски на главной площади — это часть готовящейся торжественной церемонии. На всех общественных зданиях развесили громадные портреты Кимбы. Жены дипломатов срочно сказывались больными, чтобы избежать присутствия на варварском празднестве.

* * *

Днем «Тоскана» снова развернулась и вместе со своим опасным грузом и пассажирами медленно пошла вдоль берега на юг. В рулевой рубке Шеннон, потягивая кофе, объяснял Вальденбергу, что требуется от судна.

— До захода солнца ляжете в дрейф на траверзе северной границы республики, — говорил он капитану. — После девяти вечера двинетесь по диагонали к побережью. В промежутке между заходом солнца и девятью мы спустим за кормой десантные лодки. Придется воспользоваться фонарями, но с берега за десять миль ничего не заметят. Пойдете очень медленно, так, чтобы к двум часам ночи оказаться вот здесь, — Шеннон показал точку на карте, — в четырех милях от берега и в миле севернее полуострова. В этом месте из города вас не увидят. Огни должны быть полностью погашены. Насколько я знаю, на

полуострове нет радара, если только в порту не окажется какой-нибудь корабль.

— Даже если так, радар на нем выключат, — проворчал Вальденберг. Он склонился над картой побережья, измеряя что-то при помощи циркуля и линейки.

— Когда вы отправляете первую лодку?

— В два. Пойдет Дюпре со своей минометной командой. Две остальные — часом позже.

— Ладно, — согласился Вальденберг, — я доставлю вас в эту точку.

— Нужна предельная точность, — подчеркнул Шеннон. — Кларенс в это время погружен в полнейший мрак, а если какие огни и будут светить, то мы все равно их не увидим, пока не обогнем мыс. Курс держим только по компасу. Берег станет заметен не более чем за сто метров, и то это зависит от погоды — затянет небо облаками или нет.

Вальденберг кивнул. Остальное он знал. После того, как начнется стрельба, «Тоскана» войдет в гавань и ляжет в дрейф в двух милях от берега южнее Кларенса. Ему нужно ждать сообщения, переданного по «уоки-токи». Если все будет в порядке, он останется на том же месте до рассвета, если же наемников постигнет неудача, он зажжет

огни на носу, мачте и корме, чтобы указать путь тем, кто сумеет вернуться на моторных лодках.

Стемнело в этот вечер рано, ибо небо сплошь затянуло облаками. Начался дождь, и уже третий раз за последние два дня наемникам пришлось вымокнуть до нитки под ливнем, хлынувшим из разверзшихся хлябей небесных. Согласно прогнозу погоды, с жадностью прослушанному ими по радио, ночью на побережье ожидался порывистый ветер, но ураганов не предполагалось. Они молили Бога, чтобы не хлестал дождь, когда они поплывут к берегу в открытых лодках и затем во время атаки на дворец.

Перед заходом солнца они расчехлили снаряжение, сложили его на главной палубе, а с наступлением темноты Шеннон и Норбиатто начали спуск лодок на воду. Использовать корабельный кран не стали: морская вода плескалась не более чем в восьми футах ниже борта. Полностью надутую лодку опустили на руках, и когда она закачалась на волнах у борта «Тосканы», Дюпре и Землер спрыгнули в нее.

Они подняли тяжелый подвесной мотор и закрепили его на корме. Прежде чем закрыть мотор шумопоглощающим кожухом, Землер запустил его и дал пару минут поработать вхолостую. Ра-

нее сербский механик тщательно проверил все три двигателя, и теперь они работали как часы. Когда на мотор сверху надели кожух, шум стал почти неслышным.

Землер вновь вскарабкался на борт и стал передавать в протянутые руки Дюпре части обоих минометов: опорные плиты, прицелы и стволы. Дюпре захватил сорок мин, предназначающихся для дворца, и двенадцать — для армейских казарм. Он также взял осветительные ракеты, морской ревун, радиостанцию «уоки-токи» и бинокль ночного видения. На его плече болтался «Шмайссер», а в пристегнутых к поясу подсумках находилось пять полных магазинов. Последними в лодку спустились составляющие его команду два африканца — Тимоти и Санди.

Шеннон склонился над лодкой:

— Удачи!

Вместо ответа Дюпре показал большой палец и кивнул. Удерживая фалинь надувной лодки, Землер повел ее вдоль берега к корме, а Дюпре помогал ему снизу, отталкиваясь руками от борта «Тосканы». Когда лодка оказалась в кильватере судна, Землер привязал фалинь на корме к поручням, оставив троих бойцов покачиваться на волнах в кромешной темноте.

Во вторую спущенную лодку сели Марк Вламинк с Землером и установили подвесной мотор. Вламинк был вооружен базукой и нес еще две ракеты. Десять ракет тащил его помощник — Патрик. Землер, при «Шмайссере» с пятью магазинами, повесил на шею бинокль ночного видения, а через плечо — «уоки-токи». Единственному, кто говорил на немецком, французском и в определенной мере английском языках, Землеру отводилась также роль радиста в атакующей

группе. Когда белые разместились в лодке, к ним присоединились Патрик и Джинджа — помощник Землера.

Теперь за кормой «Тосканы» следовало уже две лодки, при этом вторую привязали к корме корабля, а фалинь от лодки Дюпре Землер закрепил у себя.

Третья — и последняя — шлюпка оставалась Лангаротти и Шеннону. Их сопровождали Бартоломью и Джонни. Последний — могучего сложения и умелый в бою солдат — во время их последней кампании по представлению Шеннона был произведен в капитаны, однако отказался возглавить собственное подразделение, что полагалось ему по чину, предпочитая сражаться бок о бок с Карло.

Командир оставался последним на палубе и уже собрался спускаться в лодку, как из рулевой рубки вышел Вальденберг и, подойдя, потянул его за рукав.

— Могут быть проблемы, — тихо проговорил капитан.

Шеннон напряженно замер.

— В чем дело? — отрывисто спросил он.

— Корабль. Находится на некотором расстоянии от Кларенса, дальше нас.

— Как давно вы его заметили?

— Да уже некоторое время, — ответил Вальденберг. — Я думал, что он идет вдоль берега либо на юг, либо на север. Но оказалось, что судно лежит в дрейфе.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Оно практически не меняет своего положения.

— Что это за корабль, кому принадлежит?

— Пока не сойдемся ближе, узнать невозможно, — покачал головой немец. — По размеру похоже на грузовик.

Шеннон задумался.

— Если бы это оказался транспорт, доставляющий груз в Зангаро, мог бы он бросить якорь, дожидаясь утра, чтобы войти в гавань? — спросил Кот.

Вальденберг кивнул.

— Вполне возможно. Очень часто на этом побережье заход в порты ночью бывает запрещен. Тогда судно лежит в дрейфе до утра, пока не получит разрешение.

— Раз вы его видите, значит, и они нас видят? — предположил Шеннон.

— Конечно, мы тоже на их радаре.

— А лодки? Радар их улавливает?

— Вряд ли, — проговорил Вальденберг, — слишком мелкие объекты.

— Будем следовать плану, — решил Шеннон. — Отступать слишком поздно. Остается надеяться, что это грузовое судно, дожидающееся утра.

— Там услышат шум боя, — предупредил Вальденберг.

— И что они сделают?

Немец усмехнулся.

— В общем, ничего. Если атака захлебнется, и мы не уйдем до рассвета, они смогут в бинокль разглядеть название нашего корабля.

— Тогда мы не вправе проиграть. Действуйте согласно приказу.

Капитан вернулся на мостик. Молча наблюдавший за происходящим африканский доктор выступил вперед.

— Удачи вам, майор, — сказал он с прекрасной английской интонацией. — Да не оставит вас Бог.

Шеннона так и подмывало ответить, что он предпочел бы попросить у Господа, чтобы его автомат не отказал в бою, но придержал язык. Эти люди к религии относились очень серьезно. Он благодарно кивнул и начал спускаться в лодку.

Из темноты над ним нависала покачивающая-

ся на волнах корма «Тосканы». Не доносилось ни звука, и лишь вода шуршала под прорезиненными днищами лодок. Он взглянул на часы — без четверти девять. Оставалось только ждать.

Ровно в девять вечера корпус «Тосканы» слегка вздрогнул, и за ее кормой забурлила вода. Пролегла фосфоресцирующая дорожка, исчезнувшая под первой в связке лодкой Шеннона. Они начали двигаться, и, опустив руку за борт, Карло почувствовал сопротивление воды. За пять часов самого медленного хода им предстояло покрыть двадцать восемь морских миль.

Небо все еще затягивали облака, лишь из одного небольшого просвета струился тусклый свет луны. Парило, как в оранжерее. Сзади угадывались очертания шлюпки Вламинка и Землера, привязанной двадцатифутовым канатом, а где-то еще дальше должна была плыть на буксире лодка Дюпре.

Пять часов тянулись словно ночной кошмар. Темнота — и лишь вспыхивающие в море блестки; тишина — и лишь глухой шум старой машины «Тосканы», доносящийся из недр проржавевшего корпуса. Несмотря на убаюкивающее покачивание, в легких десантных лодках никто не спал. У всех участников операции нарастало внутреннее

напряжение.

Часы Шеннона показывали пять минут третьего, когда винт «Тосканы» прекратил свое вращение, и судно замерло без движения. С кормы донесся тихий свист: Вальденберг давал знать, что они заняли исходную позицию. Шеннон в свою очередь подал сигнал Землеру, но его, должно быть, услышал и Дюпре, ибо буквально через несколько секунд на лодке Джанни ожил мотор, и она направилась к берегу. Ее невозможно было разглядеть, доносилось лишь постепенно замирающее приглушенное гудение двигателя.

Сидящий на корме своей шлюпки Дюпре сжимал правой рукой рукоятку мотора, а левую, с компасом, поднес как можно ближе к глазам. Ему предстояло преодолеть четыре с половиной мили под углом к берегу и высадиться на внешней стороне северной косы, опоясывающей гавань Кларенса. Идя с постоянной скоростью и держась заданного курса, он должен был достичь берега через тридцать минут. Последние пять минут ему предстояло заглушить двигатель и пройти оставшиеся метры почти в полной тишине. У него имелся час на то, чтобы организовать позицию своей маленькой батареи и расположить пусковые установки для осветительных ракет. В

течение всего этого часа Джанни и два его африканца будут одни на побережье Зангаро. Именно поэтому от него требовалась особая скрытность при высадке.

Через двадцать две минуты после того, как отплыли от «Тосканы», Дюпре услышал донесшееся с носа лодки: «Тс-с-с…» Это подал сигнал Тимоти, посаженный им впередсмотрящим. Дюпре оторвался от компаса и, глянув поверх воды, мгновенно сбавил обороты двигателя. Они находились почти у берега, менее чем в трехстах ярдах. Более темная береговая линия хорошо виднелась в тусклом, идущим сквозь разрыв в облаках свете. По мере приближения к темнеющей полосе суши он различил болотистые заросли и услышал, как в них плещется вода. Далеко направо растительность сходила на нет, и море сливалось с ночным небом. Они вышли к берегу с северной стороны полуострова, в трех милях от его основания.

Дюпре развернул лодку с работающим почти бесшумно, на малых оборотах, двигателем и направил ее снова в море. Отойдя на полмили, он повернул руль и двинулся к оконечности полуострова, держа береговую линию в поле зрения. Наконец он заметил длинную, покрытую гравием

стрелку и снова повернул к берегу. На тридцать третьей минуте после отхода от «Тосканы» Дюпре заглушил мотор, и двигающаяся по инерции лодка коснулась суши, прошуршав днищем по мелким камушкам.

Дюпре встал, стараясь не наступать на сваленное в кучу снаряжение, перекинул ногу через борт лодки и спрыгнул на пляж. Он крепко схватил фалинь, чтобы лодку не сносило в воду. В течение пяти минут все трое оставались недвижимы, напряженно вслушиваясь в окружающую их тишину. Не доносилось ни звука — высадка прошла незаметно.

Окончательно убедившись в этом, Дюпре достал из-за пояса заостренный колышек, забил его глубоко в гальку и обмотал вокруг него фалинь. Затем он разогнулся и быстро взбежал на гребень стрелки, возвышавшийся футов на пятнадцать над уровнем моря и поросший невысоким, по колено, кустарником. Шуршание задевающих за ноги растений заглушалось шорохом волн, набегающих на покрытый галькой пляж. Дюпре огляделся. Налево уходила, теряясь в темноте, коса, а прямо перед ним простиралась спокойная, ровная, как зеркало, водная гладь хорошо защищенной гавани. Справа, в десяти ярдах от него,

коса заканчивалась.

Возвратившись к лодке, он шепотом отдал африканцам команду начать разгрузку снаряжения, соблюдая полнейшую тишину. Все металлические части были обернуты мешковиной и, по мере того, как тюки и свертки складывали на землю, он оттаскивал их на гребень стрелки.

Закончив сборку оружия, Дюпре стал устанавливать его на огневых позициях. Он работал быстро и бесшумно. На почти ровном дальнем конце отмели южноафриканец поставил основной миномет. Если измерения, сделанные Шенноном, точны, то расстояние от оконечности косы до президентского дворца составляло семьсот двадцать один метр. С помощью компаса и заданного Шенноном азимута, а также зная расстояние, он нацелил миномет так, чтобы постараться с первого же залпа попасть в центр окруженной стеной дворцовой территории.

Он знал, что когда в небо взлетят осветительные ракеты, весь дворец с этого места не будет видно — лишь его верхний этаж, так что он не сможет проследить, куда попадут мины. Но зато он разглядит отсветы взрывов, а этого достаточно для корректировки огня.

Закончив с первым минометом, Дюпре присту-

пил к установке второго, который предназначался для стрельбы по казармам. Вторую опорную плиту он расположил в десяти ярдах от первой, ближе к основанию полуострова. Здесь он также знал точное расстояние, что позволяло определить угол наклона ствола и направление, хотя в данном случае особой точности не требовалось. Цель бомбежки заключалась в том, чтобы посеять панику среди зангарских солдат. Вести огонь из второго миномета предстояло Тимоти. В прошлой кампании он был у Дюпре сержантом и прошел хорошую школу. Тимоти получил дюжину мин и произнесенные шепотом на ухо последние указания.

Между минометами Джанни разместил две пусковые установки для осветительных ракет. Одной ракеты должно было хватить на двадцать секунд. Чтобы обслуживать свой миномет и обе пусковые установки, требовалась быстрота и особая сноровка. Санди здесь помочь никак не мог, его дело — подавать мины.

Закончив, Большой Джанни Дюпре взглянул на часы — три часа двадцать две минуты. Шеннон с ребятами, вероятно, уже держали курс на гавань. Он взял «уоки-токи», вытянул на всю длину телескопическую антенну, включил радиостанцию

и подождал положенные полминуты, пока она прогревалась. С этого момента выключать ее уже не придется. Когда все было готово, Дюпре три раза с интервалами в одну секунду надавил на кнопку подачи сигнала вызова.

В миле от берега Шеннон, находясь на корме ведущей десантной лодки, пристально вглядывался в темноту. Слева от него держал положенную дистанцию Землер, и именно он услышал три гудка, донесшиеся из лежащего на коленях «уоки-токи». Он плавно повернул свою шлюпку и притерся боком к лодке Шеннона. Тот повернул к нему голову, и немец, издав тихий свист, снова отошел на установленные два метра. Командир облегченно вздохнул. Значит, Дюпре подал сигнал и ждет их в полной готовности. Двумя минутами позже, примерно на расстоянии километра от берега, Шеннон заметил короткую вспышку фонаря. Оказалось, что подавший им сигнал Дюпре находится справа, следовательно, они слишком сильно забрали на север. В унисон обе лодки положили руль направо. Вход в гавань был в сотне метров от той точки, откуда подали сигнал. Именно туда и требовалось держать курс. Еще одна вспышка последовала, когда Дюпре уловил приглушенный шум подвесных моторов

— лодки находились уже метрах в трехстах от него. Увидя сигнал, Шеннон изменил курс еще на несколько градусов.

Двумя минутами позже обе десантные шлюпки с работающими на четверть мощности двигателями, издающими шум не громче, чем жужжание рассерженной пчелы, миновали оконечность стрелки, где, припав к земле, за ними наблюдал Дюпре. Поднятые лодками небольшие волны докатились до берега, нарушив равномерное шуршание воды о гальку, но через мгновение все снова замерло.

С берега не доносилось ни звука. Взгляд Шеннона уловил громаду пакгауза, нависающего над рыбацким пляжем, по которому были разбросаны вытащенные на берег туземные каноэ и растянуты на шестах сети для просушки.

Обе лодки пристали к берегу почти одновременно в нескольких футах друг от друга, и их моторы замерли. Несколько минут все оставались без движения, выжидая, не поднимется ли тревога. Они старались определить, не прячется ли среди неясных силуэтов разбросанных по пляжу лодок засада. Все оставалось спокойным. Шеннон и Землер ступили на берег, вбили в гальку колышки и привязали к ним лодки. Шеннон

прошептал: «Вперед», — и, пригнувшись, повел свой отряд через пляж, к простирающейся между гаванью и погруженным в сон дворцом президента Кимбы плоской возвышенности.

Глава 21

Восемь человек, низко пригнувшись, устремились вверх по поросшему кустарником плато. Уже перевалило за половину третьего. В президентском дворце не светилось ни одно окно. Шеннон знал, что на полпути между вершиной подъема и дворцом они натолкнутся на идущую вдоль побережья дорогу, где на перекрестке дежурят не менее двух часовых. Он не рассчитывал, что удастся бесшумно снять их обоих, и, видимо, после начала стрельбы последние сто ярдов до ограды дворца придется преодолеть ползком. Кот оказался прав.

На своем посту Большой Джанни Дюпре ждал выстрелов, которые должны послужить сигналом к бою. Кто первым откроет огонь, не имело значения. Припав к земле около пусковой установки, он готовился запустить первую осветительную ракету. В свободной руке он сжимал мину.

Шеннон и Лангаротти шли во главе отряда. Когда они достигли перекрестка перед дворцом, пот с обоих лил в три ручья. По размалеванным сепией лицам струились грязные потеки. Просвет в облаках расширился, через него уже прогляды-

вали звезды, заливая тусклым светом открытое пространство перед резиденцией Кимбы. В ста ярдах на фоне неба выделялся контур крыши. Шеннон не увидел часовых, пока не натолкнулся на одного из них. Солдат сидел прямо на земле и клевал носом.

Держа в правой руке нож, Шеннон лишь на мгновение замешкался, и часовой, проявив неожиданную прыть, вскочил, издав изумленный вопль. Крик привлек внимание его напарника, укрывшегося в зарослях чуть в стороне. Тот приподнялся, но из его горла, насквозь проткнутого брошенным Лангаротти ножом, тут же вырвался булькающий звук, и он рухнул обратно в кусты, захлебнувшись собственной кровью. Противник Шеннона получил от него удар ножом в плечо, издал еще один пронзительный вопль и бросился наутек.

В ста ярдах впереди, у ворот дворца, раздался ответный крик и послышался лязг затвора винтовки. Неизвестно, кто выстрелил первым. Громкий хлопок со стороны дворца и короткая очередь автомата Шеннона, разрезавшая бегущего человека почти пополам, слились в один звук. Далеко позади них воздух прорезал пронзительный свист, и две секунды спустя вокруг разлился

слепящий белый свет. Шеннон отчетливо увидел дворец, две фигуры у его ворот и боковым зрением уловил остальных своих бойцов, разбегающихся веером слева и справа от него. Они бросились на землю и быстро поползли вперед.

Выпустив первую ракету, Джанни Дюпре мгновенно отскочил от пусковой установки и, пока ракета взмывала ввысь, успел опустить мину в ствол миномета. Звонкое чмоканье вылетевшей мины поглотил звук разрыва магниевой ракеты. Он тут же схватил вторую мину, следя за тем, куда попадет первая. Дюпре рассчитывал сделать четыре пристрелочных выстрела с интервалами в пятнадцать секунд, а после этого должен был

с помощью Санди посылать мины каждые две секунды.

Первая пристрелочная мина попала в передний скат крыши правого крыла дворца, достаточно высоко, чтобы он смог увидеть результат. Она не пробила крышу, но как раз над водосточной трубой брызнули в стороны осколки черепицы. Джанни подкрутил колесики прицельного механизма и опустил в ствол вторую мину, как раз когда осветительная ракета начала гаснуть. Он шагнул ко второй пусковой установке, и в небо взмыла еще одна ракета. Перезарядив обе установки, Дюпре снова стал наблюдать за результатом выстрела. Яркий свет залил пространство вокруг дворца, а четыре секунды спустя взорвалась мина. Теперь она попала точно в центр здания, разметав черепицу на скате крыши прямо над главным входом.

Дюпре тоже весь взмок, и головка прицельного винта проскальзывала у него между пальцев. Он чуть уменьшил угол наклона ствола, увеличив тем самым дальность стрельбы. Третья мина пошла по своей траектории еще до того, как погасла вторая ракета, и у Джанни оставалось в распоряжении пятнадцать секунд, чтобы запустить третью ракету, быстро спуститься к берегу и при-

вести в действие ревун, а затем, вернувшись к миномету, проследить за миной. Она прошла над крышей дворца, упав прямо во внутренний двор. На мгновение Джанни увидел красный отблеск взрыва. Он сумел пристреляться, и теперь его товарищам перед дворцом не грозил случайный недолет.

Пока Джанни вел пристрелку, пуская осветительные ракеты, Шеннон со своими людьми лежали, уткнувшись лицами в траву. Никто не решался поднять голову.

Между вторым и третьим взрывами командир все же рискнул оторваться от земли. Он знал, что в его распоряжении только пятнадцать секунд. Дворец ослепительно сверкал в свете третьей магниевой ракеты. На верхнем этаже в двух окнах зажегся свет.

После того как замер грохот взрыва второй мины, стали слышны вопли и крики, доносящиеся из-за стен дворца.

Через пять секунд до них докатился сумасшедший рев сирены, казалось, исторгнутый тысячью предвещавших смерть духов. Затем все звуки потонули в грохоте разрыва следующей мины. Когда Шеннон снова поднял голову, он не заметил, чтобы дворцу был причинен новый ущерб

— значит, Джанни попал точно во двор. Согласно уговору, после первого же точного попадания Дюпре должен был ускорить темп стрельбы. И действительно, мины посыпались на дворец с частотой биения пульса. Непрекращающийся грохот разрывов и вой сирены слились в один кошмарный, рвущий барабанные перепонки звук.

Джанни требовалось восемьдесят секунд, чтобы выпустить свои сорок мин. Когда началась

основная бомбардировка дворца, необходимость в осветительных ракетах отпала, и теперь в ночи каждые две секунды лишь вспыхивал отблеск взрывов. Наемникам оставалось только ждать, и лишь у Крошки Марка нашлось занятие.

В цепи атакующих он находился на левом фланге, как раз напротив главных ворот дворца. Встав на колено, Вламинк тщательно прицелился и послал свою первую ракету. Из тыльной части базуки вырвался двадцатифутовый язык пламени, и снаряд устремился к главным воротам. Он попал в правый верхний угол тяжелой двойной двери и, взорвавшись, разбил кирпичную кладку, проделав в самой двери здоровенную дыру.

Рядом с ним стоящий на коленях Патрик доставал из разложенных на земле чехлов ракеты и передавал их Вламинку. Вторая, просвистев в воздухе, попала в арку над дверью, а третья — в самый центр ворот. Вывороченные двери повисли на искореженных петлях.

Джанни Дюпре израсходовал уже половину своего боезапаса, и теперь над крышей дворца полыхало постоянное красное зарево. Во внутреннем дворе бушевал пожар. Скорее всего, решил Шеннон, это горели наружные помещения, в которых размещалась охрана.

В открывшийся проем арочного входа Марк послал еще четыре ракеты. Командир закричал, чтобы он прекратил стрельбу. Хотя в свое время Гомес уверял его в обратном, Шеннон все же опасался, что где-нибудь в городе может оказаться броневик. Но бельгиец уже разошелся. Он выпустил еще четыре ракеты по окнам дворца и вскочил, в возбуждении размахивая базукой в одной руке и ракетой — в другой. Над его головой свистели мины Дюпре.

В этот момент смолк звук сирены. Не обращая внимания на Вламинка, Шеннон отдал команду «Вперед!» и побежал, пригибаясь в траве. За ним, выставив перед собой «Шмайссеры», бежали остальные.

За двадцать метров от дворца Шеннон остановился, ожидая окончания минометного обстрела. Он потерял счет сделанным Дюпре залпам, и лишь неожиданно наступившая тишина сказала ему, что все кончено. После грохота разрывов и воя сирены они чувствовали себя оглохшими. Трудно поверить, что весь этот кошмар продолжался не более пяти минут.

На секунду Шеннон подумал, успел ли Тимоти выпустить свою дюжину мин по армейским казармам, и насколько потрясла жителей города

разверзшаяся в его центре преисподняя. Над его головой разорвались одна за другой две осветительные ракеты. Шеннон вышел из оцепенения, заорал во все горло: «За мной!» и бросился к дымящимся воротам.

Стреляя, он ворвался внутрь, не видя, а скорее ощущая слева от себя Жана-Батиста Лангаротти и справа — Курта Землера. Арочный проем вел прямо во внутренний двор, повсюду полыхало пламя.

Первые пристрелочные выстрелы застали спящих гвардейцев Кимбы врасплох и погнали из убогих деревянных хижин во двор. Все последующие выпущенные точно в цель мины нашли свои жертвы. В одном месте к стене была приставлена лестница, и четверо искромсанных осколками солдат так и остались висеть на ее перекладинах в бесплодной попытке выбраться из этого ада. Остальных, кому довелось испытать на себе мощь рвущихся мин, разбросало по всей площади вымощенного камнем двора.

Справа и слева имелись еще арки, внутри которых начинались лестницы, по-видимому, ведущие на верхние этажи. Не ожидая команды, Землер побежал направо, а Лангаротти налево. Вскоре с верхнего этажа донеслись автоматные

очереди наемников. Стараясь перекричать вопли изувеченных солдат винду и треск «Шмайссеров» наверху, Шеннон приказал четверым африкан-цам осмотреть нижний этаж. Им не нужно было напоминать, чтобы они стреляли во все, что шевелится.

Медленно и осторожно Шеннон прошел через арку к выходу во двор. Если из дворцовой охраны кто-то и сумел уцелеть, то они находились там. Едва он занес ногу через порог, как слева на него с резким криком бросилась фигура с винтовкой наперевес. Не размышляя, Шеннон повернул автомат и нажал на спусковой крючок. Солдат винду рухнул чуть ли не на него, испачкав Карло куртку хлынувшей из навеки замолкшего рта кровью. На внутреннем дворе стоял запах бойни: крови и страха, пота и смерти — запах, приводя-щий наемников в неистовое возбуждение.

Шеннон скорее почувствовал, чем услышал шаги в арке позади себя и мгновенно обернулся. В одной из боковых дверей, куда вбежал Джон-ни, чтобы очистить дворец от оставшихся в живых солдат винду, возник человек. Все, что произошло, когда тот достиг середины прохода, Шеннон вспоминал позже лишь как калейдоскоп отрывочных образов. Они увидели друг друга

одновременно, и незнакомец выстрелил из пистолета, который держал у бедра в правой руке.

Просвистевшая мимо пуля обожгла щеку Шеннона, и тут же заговорил его автомат. Но человек оказался проворнее. Он бросился на пол, перекатился и снова изготовился к стрельбе. Пять пуль из «Шмайссера» Шеннона ударили в вымощенный плиткой пол позади него. Не дожидаясь нового выстрела своего противника, Шеннон отступил за колонну и сменил магазин. Когда, готовый стрелять, он выглянул из-за угла, в проходе уже никого не было.

Только теперь до Шеннона дошло, что этот босой, раздетый до пояса и вооруженный пистолетом человек не был африканцем. Даже в сумрачном свете арочного прохода его обнаженный торс казался белым, а волосы — светлыми и прямыми.

Шеннон выругался и побежал назад, к болтающимся на искореженных петлях тлеющим деревяшкам — всему, что осталось от ворот. Он опоздал.

Когда этот невесть откуда взявшийся белый выбегал из разгромленного дворца, Крошка Марк Вламинк направлялся к арке. Обеими руками он сжимал висевшую у него на шее базуку, в

ствол которой была заряжена последняя ракета. Не останавливаясь, вооруженный пистолетом человек дважды выстрелил в Марка. Его оружие они нашли позже в густой траве. Это оказался «Макаров» калибра 9 мм.

Обе пули вошли в грудь бельгийца, одна попала в легкие. Стрелявший, стараясь скрыться, бросился в кусты, но был отчетливо виден в свете все еще пускаемых Дюпре ракет.

Вламинк, будто споткнувшись, сделал несколько неверных шагов, повернулся к убегающему человеку, положил на правое плечо базуку и, прицелившись, выстрелил.

Не часто Шеннону доводилось видеть, как пущенная из базуки ракета попадает в спину человеку. От него не осталось даже клочка одежды.

Командиру наемников пришлось броситься на землю, чтобы не попасть под вырвавшееся из хвоста ракеты пламя. Он все еще лежал ничком ярдах в восьми, когда Крошка Марк выронил свое оружие и, раскинув руки, рухнул прямо перед воротами дворца.

И тут же погасла последняя осветительная ракета.

Закончив свою работу, Большой Джанни Дюпре распрямился и позвал: «Санди». Ему пришлось

прокричать три раза, прежде чем стоящий в десяти ярдах африканец смог его услышать. Все трое почти оглохли от выстрелов минометов и воя сирены. Дюпре отдал Санди приказ оставаться на месте, охраняя минометы и лодку, а сам, позвав за собой Тимоти, начал пробираться по косе сквозь заросли в глубь полуострова. Хотя именно мощь нанесенного им огневого удара в основном решила успех операции наемников, Джанни не видел причин, чтобы в дальнейшем остаться не у дел.

Кроме того, в его задачу входило подавить армейские казармы, местонахождение которых он примерно представлял себе, помня оставшиеся на борту «Тосканы» схемы. Через десять минут они достигли разрезающей на две части полуостров дороги и повернули налево, в противоположную от дворца сторону. Джанни и Тимоти медленно продвигались вперед с автоматами наперевес, готовые мгновенно открыть огонь.

Неприятности ждали их за первым же поворотом. Две сотни солдат армии Кимбу, накрытые минометным огнем в своих казармах, мгновенно рассеялись в ночи. Но около дюжины сбились в кучу и теперь стояли на краю дороги, шепотом решая, что делать. Если бы не поразившая Дюпре и Тимоти глухота, они наверняка обнаружили

бы присутствие солдат раньше. Но, увы, они осознали в чем дело, лишь когда почти наткнулись на винду. Среди застигнутых бомбардировкой прямо в постелях африканцев лишь двое были облачены в форму и вооружены. Один из них имел при себе ручную гранату.

Когда солдаты разглядели проступающую под потеками пота белизну лица Дюпре, они пришли в движение. Только тогда их заметил южноафриканец. Он встревоженно крикнул «Огонь!» и первым открыл стрельбу. Четверо винду сразу же рухнули, разрезанные автоматными очередями. Остальные бросились бежать, но уже между деревьями Дюпре достал еще двоих. Один из африканцев обернулся и швырнул свою гранату. Обращаться с гранатами его никто не учил, и проделал он это впервые в жизни.

Он попал в грудь находившегося сзади Тимоти. Инстинктивно африканский ветеран поймал ударивший его предмет и, присев на корточки, постарался рассмотреть, что это было. В его руках оказалась ручная граната, причем бросивший ее идиот даже не подумал выдернуть чеку.

Однажды Тимоти довелось наблюдать, как один из наемников сумел поймать брошенную лимонку и тут же запустил ее обратно. Вспом-

нив этот случай, он вскочил на ноги, выдернул предохранительное кольцо и запустил гранату вдогонку убегающим солдатам.

Она взмыла вверх и, ударившись с глухим стуком в дерево, упала на землю. В этот момент Джанни Дюпре приостановился, чтобы вставить в «Шмайссер» новый магазин. Тимоти закричал ему, предупреждая об опасности, но Дюпре, должно быть, подумал, что тот вопит в возбуждении, и побежал вперед к деревьям, стреляя от бедра. Когда граната взорвалась, он был от нее в двух ярдах.

Дальше он мало что осознавал. Яркая вспышка, грохот разрыва и ощущение, что его перегнули попалам, как тряпичную куклу, затем — провал. Джанни снова пришел в себя на обочине дороги. Кто-то стоял рядом с ним на коленях, поддерживая голову. Ему было тепло и хорошо, как ребенку в мягкой колыбели. Склонившийся над ним человек повторял: «Прости, Джанни, ради Бога прости…»

Дюпре не разбирал слов, произносимых на каком-то чужом ему языке, улавливая лишь свое имя. С трудом раскрыв глаза, он посмотрел в лицо держащего его голову человека. Улыбнувшись, Джанни чуть слышно проговорил: «Hallo,

Pieter»[56].

Его взгляд устремился вверх, где между вершин пальм проглядывал кусочек чистого от облаков неба. Казавшиеся неестественно близкими звезды светили ярким белым светом. В окружающих дорогу кустах чувствовался запах влаги, а взошедшая луна была похожа на огромную жемчужину, совсем как гора Паарль после дождя. До чего же хорошо быть снова дома, думал он. Удовлетворенный, Дюпре сомкнул веки, погрузившись в сон навсегда…

Лишь в полшестого стало светать, и естественный свет начал проявлять, словно на пленке, последствия ночного кошмара. Как бы там ни было, дело сделано.

Они внесли тело Вламинка внутрь дворца и положили его на пол в одной из боковых комнат нижнего этажа. Рядом с ним лежал Джанни Дюпре. Его принесли от дороги трое африканцев. Еще одним погибшим был Джонни — очевидно, его застал врасплох тот самый белый, разнесенный в клочья последней ракетой Крошки Марка. Теперь все трое лежали рядом.

Землер повел Шеннона в одну из комнат на

---

[56] Примечания: 56
Привет, Питер (африкаанс).

втором этаже, служившую спальней, и осветил фонарем лежащее поперек окна тело.

— Это он, — сказал Шеннон.

Среди ближайшего окружения президента в живых осталось шестеро. Спасаясь от сыпавшегося с неба огненного града, они спрятались в подвале. Их тут же заставили наводить порядок в помещениях. После осмотра всех закоулков дворца трупы сподвижников и слуг Кимбы вынесли и сложили во внутреннем дворе. Арочный проем с выбитыми дверьми завесили нашедшимся во дворце огромным ковром.

В пять утра Землер вернулся на «Тоскану» в моторной лодке, ведя за собой на буксире остальные. Перед этим он связался с судном по рации, сообщив условным кодом об успехе атаки.

В шесть тридцать он уже вернулся с теми же тремя лодками, груженными остававшимся на судне снаряжением и боеприпасами. Его сопровождал африканский доктор.

В шесть, согласно инструкциям Шеннона, он дал указание капитану Вальденбергу начать передавать с «Тосканы» три условных слова на частоте, которую жадно слушал Эндин. Эти три слова: «Папайя», «Маниока» и «Манго» соответственно означали: «Операция прошла по плану»,

«Завершена успешно», «Кимба мертв».

Когда прибывший с Землером африканец увидел во дворце картину кровавой бойни, он со скорбным вздохом произнес: «Наверное, это было неизбежно».

— Да, да, именно неизбежно, — успокоил его Шеннон и попросил приступить к выполнению задания, ради которого тот здесь и оказался.

К девяти утра в городе не наблюдалось никаких волнений, а дворец почти полностью привели в порядок. Захоронение мертвых солдат винду оставили на потом. Две из надувных лодок были уже снова на борту «Тосканы», а третью спрятали в укромной бухточке недалеко от гавани. Все следы огневой позиции минометной батареи уничтожили. Само оружие унесли во дворец, а прочий хлам, включая пусковые установки для осветительных ракет, утопили в море. Теперь снаружи о ночном сражении свидетельствовали лишь три выбитых окна, разбитая в нескольких местах на крыше черепица и развороченные ворота, вместо которых висел богатый персидский ковер.

В десять утра Землер и Лангаротти присоединились к Шеннону. Тот подкреплялся в столовой найденным им на кухне хлебом с клубничным

джемом. Они доложили ему о результатах осмотра дворца. Землер сообщил, что помещение, где находится радиостанция, практически не повреждено, если не считать нескольких дырок от пуль в стене. Передатчик работает. В подвальных помещениях в целости и сохранности находились государственная казна и арсенал. Его запасов было достаточно, чтобы снабдить оружием и боеприпасами две-три сотни солдат для ведения боевых действий в течение нескольких месяцев.

— Что же теперь? — спросил Землер, закончив доклад.

— Теперь — ждать, — ответил Шеннон.

— Ждать чего?

Стиснув зубы, Шеннон подумал о Джанни Дюпре и Крошке Марке, лежащих на полу нижнего этажа, а также о Джонни — любителе добыть на ужин козочку на ближайшей ферме. Лангаротти с безучастным видом правил на обмотанной кожей левой руке свой ножичек.

— Ждать нового правительства, — произнес Шеннон.

* * *

Однотонный грузовичок американского производства, в котором находился Эндин, сжимающий

в руках охотничье ружье большого калибра, прибыл сразу после часа дня. За рулем сидел тоже европеец. Шеннон услышал тарахтенье двигателя, когда грузовик свернул с идущей вдоль побережья дороги налево и медленно подъехал прямо к завешенному ковром входу во дворец.

Из окна верхнего этажа он наблюдал, как Эндин осторожно вылез из кабины, подозрительно воззрился на ковер и внимательно посмотрел на восьмерых охраняющих вход чернокожих.

Поездка Эндина не обошлась без происшествий. Когда он получил этим утром сообщение с «Тосканы», пришлось потратить не менее двух часов, убеждая полковника Боби в том, что ему не опасно возвращаться в собственную страну — несколько часов назад там произошел государственный переворот. Как оказалось, полковник личной храбростью не отличался. У Эндина же для геройства были весьма веские причины — его ожидало целое состояние, когда через два-три месяца в Хрустальной горе «обнаружат» месторождение платины.

Из столицы соседнего государства они выехали в девять тридцать. Расстояние до Кларенса составляло сто миль. В Европе дорога заняла бы не более двух часов, но только не в Африке. До гра-

ницы они добрались в середине утра. Полковник Боби, одетый в длинный просторный балахон, похожий на европейскую ночную рубашку, и скрывающий лицо за большими темными очками, играл роль туземного слуги. Интерес для пограничников он не представлял. Документы Эндина, как и сопровождающего его человека, оказались в порядке. Поторговавшись с солдатами винду, до которых вести о ночном путче в столице еще не дошли, они наконец пересекли границу.

Не доехав десяти миль до Кларенса, у них спустила шина, и грузовичок пришлось остановить. Пока Эндин с ружьем наперевес нес охрану, Лок — его телохранитель, слывущий в лондонском Ист-Энде отчаянным парнем — заменил колесо. Боби тем временем прятался под брезентом в кузове. Но не успели они тронуться, как их обстреляла попавшаяся навстречу группа солдат винду, спешащих убраться подальше от Кларенса. Все пули просвистели мимо, но одна нашла свою цель, попав в только что замененное Локом колесо. Путешествие пришлось заканчивать, плетясь на первой передаче со спущенной шиной.

Шеннон выглянул из окна и окликнул Эндина. Тот поднял голову.

— Все в порядке? — спросил он.

— Естественно, — небрежно бросил Шеннон. — Но лучше вам здесь не маячить. Пока все тихо, но наверняка скоро начнется шевеление.

Все трое прошли за ковер и поднялись на второй этаж, где их ждал Шеннон. Когда гости расселись в президентской столовой, Эндин потребовал полного отчета о ночных событиях. Шеннон сделал подробный доклад.

— А что с охраной Кимбы? — поинтересовался Эндин.

Вместо ответа Шеннон подвел его к выходящему во двор окну, раздвинул занавески и пригласил взглянуть вниз. Эндин тут же отпрянул назад.

— Все там? — спросил он.

— Все, — произнес Шеннон, — до одного.

— А армия?

— Двадцать убито, остальные разбежались. Оружие они побросали. Самое большее, что у них осталось — это пара дюжин «маузеров». Сущая ерунда. Брошенные винтовки мы собрали и занесли во дворец.

— Арсенал?

— В подвале, под охраной.

— Что с радиостанцией?

— Она внизу на первом этаже. Не повреждена. Мы еще не проверяли, есть ли во дворце свет, но радиостанция имеет собственный дизель-генератор.

Эндин удовлетворенно кивнул.

— Что же, тогда ничто не мешает объявить о происшедшем ночью государственном перевороте и образовании нового правительства, взявшего власть в свои руки.

— А как насчет безопасности нового правительства? — задал вопрос Шеннон. — Армии нет, да и неизвестно, захотят ли винду служить новому президенту.

Бизнесмен усмехнулся.

— Куда им деваться? Узнают, что у власти новый человек, и будут служить ему так же, как и раньше. Пока достаточно тех людей, которыми вы располагаете. Они же чернокожие, значит для европейских дипломатов все — на одно лицо.

— А для вас? — спросил Шеннон.

— Какая разница, — пожал плечами Эндин. — Кстати, разрешите мне представить вам нового президента республики Зангаро.

Он указал на полковника, с широкой ухмылкой оглядывающего хорошо знакомую ему комнату.

— Бывший командующий зангарской армией, успешно организовавший coup d'etat, как вскоре станет известно миру, и новый президент полковник Энтони Боби.

Шеннон поднялся, повернулся к полковнику и поклонился. Ухмылка Боби стала еще шире. Шеннон указал жестом на дверь в конце комнаты.

— Возможно, президент пожелает осмотреть свой кабинет, — предложил он.

Эндин перевел. Боби важно кивнул и последовал в распахнутую перед ним дверь. Пройдя вслед, наемник закрыл ее за собой. Через несколько секунд раздался одиночный выстрел.

Когда Шеннон вновь появился в столовой, Эн-

дин удивленно уставился на него.

— Что это было? — спросил он с беспокойством.

— Выстрел, — коротко ответил Шеннон.

Эндин вскочил на ноги, пересек комнату и застыл в дверях кабинета. Он повернулся с побелевшим лицом, едва способный выговорить хоть слово.

— Ты убил его, — прошипел он срывающимся голосом. — Сколько сделано, черт возьми, и ты убил его. Безумец, опасный маньяк.

Он закашлялся и перешел на крик:

— Да ты не знаешь, что натворил. Идиот, мерзкий убийца, кретин…

Шеннон опустился в стоящее у обеденного стола кресло, поглядывая на Эндина со скучающим видом. Краем глаза он следил за рукой его телохранителя, которая скользнула под надетую навыпуск рубашку.

Второй выстрел прозвучал для Эндина громче, поскольку раздался уже в самой комнате. Эрни Лок сполз со стула и распростерся на красиво выложенном в старинном колониальном стиле паркете. Из-под тела потекла тоненькая струйка крови. Он был мертв, ибо поразившая его в живот пуля прошла через брюшину и раздробила позво-

ночник, задев спинной мозг. Шеннон спокойно положил на стол еще дымящийся «Макаров».

Эндин обмяк. На смену горькому сожалению о потере обещанного ему сэром Джеймсом Мэнсоном состояния пришла мысль о том, что Шеннон — самый опасный человек, с которым ему когда-либо приходилось сталкиваться. Да, осознал он это слишком поздно…

В дверях кабинета за спиной Эндина появился Землер, а Лангаротти бесшумно возник из двери, ведущей в коридор. «Шмайссеры», которые оба сжимали в руках, весьма красноречиво были нацелены на Эндина. Шеннон поднялся.

— Пойдемте, — пригласил он. — Я отвезу вас назад к границе. Оттуда сможете добраться сами.

У стоявших во внутреннем дворе зангарских грузовиков нашлось единственное неповрежденное колесо. Его переставили на автомобиль Эндина. В кузов забрались три африканских солдата.

Еще двадцать в полной форме и при оружии выстроились перед дворцом.

Они приветствовали появившегося из развороченной двери африканца средних лет в гражданской одежде. Тот перекинулся несколькими словами с Шенноном.

— Все в порядке, доктор?

— Пока да. Скоро пришлют сотню добровольцев, чтобы привести дворец в полный порядок. Еще пятьдесят прибудут днем для получения обмундирования и снаряжения. Установлена связь с семью наиболее уважаемыми гражданами Зангаро. Они согласились сотрудничать. Сегодня вечером мы проведем совещание.

— Хорошо. Наверное, теперь вам лучше заняться подготовкой обращения нового правительства. Чем раньше его передадут по радио, тем лучше. Попросите мистера Землера проверить радиостанцию. Если она не работает, воспользуемся рацией «Тосканы». Что-нибудь еще?

— Да, есть одно обстоятельство, — произнес доктор. — Мистер Землер сообщает, что стоящий у берега корабль — это русское судно «Комаров». Они постоянно посылают запрос на разрешение войти в гавань.

Шеннон некоторое время размышлял.

— Попросите мистера Землера просигналить с берега на «Комаров» следующее: «ПРОСЬБА ОТКЛОНЕНА ТОЧКА НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК ТОЧКА».

Сев вместе с Эндином в кабину, Шеннон вывел грузовик на основную дорогу и погнал его

к границе.

— Кто это был? — спросил Эндин с кислой физиономией, когда набравший скорость автомобиль миновал лачуги рабочих-иммигрантов в основании полуострова, где наблюдалось некоторое оживление. С изумлением Эндин отметил, что на каждом перекрестке дежурил вооруженный автоматом солдат.

— У входа во дворец? — уточнил Шеннон.

— Да.

— Доктор Окои.

— Чего же это он доктор, хотел бы я знать.

— В общем-то доктор философии. Степень получил в Оксфорде.

— Ваш дружок?

— М-да.

Они замолчали, мчась по шоссе на север.

— Ну, ладно, — наконец не выдержал Эндин. — Знаете, что вы наделали? Погубили самое крупное дело, которое когда-либо затевалось. Вы, конечно, этого не осознаете. Где уж вам понять? Но ради чего? Господи, скажите мне, ради чего вы все это устроили?

Шеннон помолчал, аккуратно ведя грузовик по тряской ухабистой дороге.

— Вы допустили две ошибки, Эндин, — сказал

он, тщательно подбирая слова.

Английский бизнесмен вздрогнул, услышав свое настоящее имя.

— Вы полагали, что раз я наемник, значит — дурак. Вам никогда не приходило в голову, что мы оба наемники, равно как и сэр Джеймс Мэнсон, да и большинство власть имущих в этом мире. Вторая ваша ошибка заключается в том, что вы не видите разницы между чернокожими лишь потому, что все они для вас на одно лицо.

— Не понимаю.

— Вы тщательно изучили положение в Зангаро, выяснили даже, что фактически эта страна держится на нескольких десятках тысяч рабочих-иммигрантов. Но не удосужились подумать, что эти рабочие могут быть объединены в собственную общину. По сути, они составляют здесь третье племя, причем наиболее интеллектуально развитое и трудолюбивое. Если дать им малейший шанс, они скажут свое слово в политической жизни этой страны. Более того, вы не смогли понять, что из представителей этой третьей общины может быть сформирована армия, а следовательно, за ними будет и власть. Солдаты, которые вам попались на глаза, не винду и не кейджу. Сейчас во дворце пятьдесят одетых в

форму и вооруженных солдат. К вечеру их будет сто. В течение ближайших пяти дней в Кларенсе сформируется небольшая новая армия, насчитывающая более четырехсот человек. Конечно, у них нет военной подготовки, но достаточно здравого смысла и жизненного опыта, чтобы поддерживать законность и порядок. Именно они в этой стране будут реальной властью. Да, прошлой ночью здесь произошел государственный переворот, но не ради полковника Боби.

— Тогда ради кого?

— Генерала.

— Что за генерал?

Шеннон назвал имя. Эндин повернулся к нему с расширившимися от ужаса глазами.

— Только не он! Это же потерпевший поражение изгнанник.

— На данный момент. Но не обязательно навсегда. Все эти иностранные рабочие — его люди. Их называют «вечными жидами» Африки. Не менее полутора миллиона подобных скитальцев разбросано по континенту. Они — работяги и умницы. Здесь в Зангаро эти люди живут в лачугах на окраине Кларенса.

— И этот глупый идеалист, этот ублюдок…

— Поаккуратней, — предупредил Шеннон.

— А что?

Кот кивнул головой через плечо.

— Это тоже солдаты генерала.

Эндин обернулся и увидел из открытой кабины хранящие безразличное выражение лица африканцев.

— Они же все равно не говорят по-английски.

— Тот, что в центре, — понизил голос Шеннон, — некогда был химиком, учился в Англии. Он стал солдатом с тех пор, как его жену и четверых детей расстреляли из броневика, сделанного в Ковентри[57]. Он не очень-то жалует людей вроде вас.

Эндин снова затих, и несколько миль они ехали молча.

— Что же теперь? — спросил он.

— Страну возглавит Комитет национального возрождения, — начал Шеннон. — Четверо винду, четверо кейджу и двое из эмигрантской общины. Но армия будет состоять из подобных тем, кто сидит в кузове позади вас. В этой стране разместится основная база и штаб. И именно отсюда в один прекрасный день отправятся обученные воины, чтобы отомстить за все причиненное

---

[57] Примечания: 57

Крупный промышленный центр в Центральной Англии, известный, в частности, своими военными заводами.

этому народу зло. Возможно, чтобы руководить более эффективно, генерал для своей резиденции выберет Кларенс.

— Вы надеетесь, что это сойдет вам с рук?

— Вы намеревались посадить в президентское кресло эту слюнявую гориллу — полковника Боби — и тоже рассчитывали, что вам все сойдет с рук. По крайней мере, новое правительство намеревается быть честном и справедливым. Насколько мне известно, где-то в Хрустальной горе есть залежи платины. Вне всякого сомнения, новое правительство рано или поздно их найдет и начнет разрабатывать. Если вы захотите получить концессию, придется заплатить, и заплатить справедливо, по рыночной цене. Так и скажите своему сэру Джеймсу, когда вернетесь домой.

Дорога сделала поворот, и они увидели пограничный пост. Новости сюда уже докатились, и солдат винду как ветром сдуло. Шеннон остановил грузовик и махнул рукой вперед.

— Дальше добирайтесь сами.

Эндин выбрался из кабины. Он посмотрел на Шеннона с нескрываемой ненавистью.

— И все-таки вы не объяснили, ради чего? — проговорил он. — Что и как понятно, но ради чего?

Шеннон устремил взгляд вперед на дорогу.

— Почти два года назад, — задумчиво произнес он, — мне довелось видеть, как больше полумиллиона детей умирали от голода по вине таких же, как вы и Мэнсон. В основном потому, что эти люди были заинтересованы в сохранении порочного, полностью коррумпированного диктатора, власть которого обеспечивала им возможность получения гигантских прибылей. Причем делалось все во имя закона и порядка, на основании конституции. Я солдат, и мне приходилось убивать, но я никогда не был садистом. Вот тогда я понял, как это все делается, зачем это все делается, и кто за этим стоит. На первом плане фигурируют политики и чиновники из МИДа, но это всего лишь марионетки, которых дергают за веревочку те, кто получает настоящие прибыли, дельцы наподобие вашего драгоценного сэра Джеймса Мэнсона. Вот почему я это сделал. Можете передать это Мэнсону, когда вернетесь. А теперь — проваливайте.

Пройдя десять ярдов, Эндин обернулся.

— Не вздумайте возвратиться в Лондон, Шеннон, — пригрозил он. — Там мы найдем на вас управу.

— Не волнуйтесь, и не собираюсь, — заверил его

Шеннон. А для себя неслышно пробормотал. — Я уже никуда не собираюсь.

Он развернул грузовик и поехал назад в Кларенс.

Эпилог

В Зангаро сформировалось новое правительство, провозгласившее курс на гуманизацию и соблюдение интересов народа. Европейские газеты едва упомянули о государственном перевороте в этой западноафриканской стране.

Лишь «Ле Монд» сообщила, что в канун Дня Независимости заговорщики из среды военных свергли президента и передали власть временному совету, готовящему проведение всеобщих выборов. Ничего не сообщалось в газетах и о том, что советской геологической партии не разрешили высадиться на территории республики, и что правительство само намерено заняться проведением изысканий.

Большого Джанни Дюпре и Крошку Марка Вламинка похоронили на высоком холме под пальмами, верхушки которых шевелил дующий с залива ветерок. По требованию Шеннона их могилы остались безымянными. Тело Джонни забрали соплеменники, захоронившие его по своим обрядам.

Саймон Эндин и сэр Джеймс Мэнсон о своей причастности к этим событиям предпочитали не

распространяться.

Шеннон отдал Жану-Батисту Лангаротти пять тысяч фунтов, оставшиеся от выделенной на проведение операции суммы, и корсиканец отбыл в Европу.

Последний раз о нем слышали, когда он в качестве военного советника направлялся в Бурунди к партизанам племени гуту, пытавшимся свергнуть диктатора-марионетку Микомберо. Когда они прощались с Шенноном на берегу бухты Кларенса, Лангаротти сказал: «Я участвовал во всем этом не только за деньги. Они никогда не были для меня главным».

Шеннон отправил письмо синьору Понти в Геную, в котором распорядился разделить акции, дающие право на владение «Тосканой», поровну между капитаном Вальденбергом и Куртом Землсром. Год спустя Землер продал свою долю Вальденбергу, взявшему для этого ссуду в банке под залог судна, а сам отправился на новую войну. Он погиб в Южном Судане, где вместе с Роном Грегори и Рипом Керби минировал дорогу. Мина случайно взорвалась в их руках. Керби был убит мгновенно, а Землер и Грегори получили тяжелые ранения. Грегори выжил, и британское посольство в Эфиопии оказало ему содействие в

возвращении домой. Землер навсегда остался в африканских джунглях.

Последнее, что сделал Шеннон — это передал с Лангаротти письмо в свой швейцарский банк. Согласно содержащемуся в нем распоряжению банк должен был перевести пять тысяч фунтов родителям Джанни Дюпре в Паарль и такую же сумму женщине по имени Анна — владелице небольшого бара на Кляйнштраат в Остенде.

Он умер месяц спустя после переворота. Именно так, как говорил Джулии: с пистолетом в руке, хлещущей из горла кровью и пулей в груди. Вот только пуля была его собственная. Еще в Париже, на приеме у доктора Дуно, он узнал, что неизлечимо болен: ему остается год, если он бросит курить и постарается беречь себя, и не больше шести месяцев в противном случае — последний месяц будет ужасен. Когда кашель стал невыносимым, Шеннон направился в джунгли с пистолетом и толстым конвертом, полным машинописных листочков. Несколькими неделями спустя этот конверт отослали в Лондон его другу-писателю.

Два местных жителя, видевшие, как он уходил, и нашедшие позже в лесу его тело, говорили, что Шеннон насвистывал какой-то мотивчик.

Простые крестьяне, выращивающие картофель

и маниоку, — они, конечно, не знали, что мелодия называлась «Испанский Гарлем».